Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1926. НОЯБРЬ

11

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 11

НОЯБРЬ

1926 г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ принимают участие:

Ай-Квак (Голланд. Индия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Бер (Англия), Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов Д. П., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Брон С. Г., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е., Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З, Золотарев В. И., Каменев Л. Б., Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Килевиц С. С., Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Красин Л. Б., Крицман Л. Н., Кржижановский Г. М., Кричевский С. И., Круг К. А., Кукель С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лауэстон (Америка), Лежава А. М., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. А., Людвиг (Германия), Мак-Манус А. (Англия), Мамченко Н. С., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Мотылов В. Е., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Раевский Я. Г., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рольф (Германия), Рой (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Фальк-нер С. А., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Чиликин М. М, Членов С. Б, Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шейн С. Д. Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Юр. Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А. и др.

Главлит № 74.635. Типография „Искра Революции“ Мосполиграф, Арбат, Филипповский, 11.
Тираж 6.050.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

15/VII-1870 — 24/XI-1926

Снимок 1921 г.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ КРАСИН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Памяти Леонида Борисовича Красина 5

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

П. С. Осадчий. Генеральный план реконструкции народного хозяйства и крупное строительство 11

П. Шитт. Высокоинтенсивные культуры и их роль в связи с проблемой перенаселения 25

Н. Виноградский. Перспективы товарного снабжения 42

А. Э. Гиттерман. Источник средств для нового жилищного строительства . . 52

В. Г. Громан. Баланс народного хозяйства 62

С. Шахновская. Движение дисконта и проблема регулирования его 81

С. М. Киселев. Конъюнктура народного хозяйства СССР в 1925/26 г. 105

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

С. А. Бессонов. К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме 121

Е. Варга. Хозяйственные проблемы Германии 139

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. А. Федотов и **С. В. Антропов.** К проблеме строительства новых текстильных фабрик 157

Н. Вашков. Анализ себестоимости электрической энергии на станциях общественного пользования в С.-А. С. Ш. 171

ОТДЕЛ IV

По районам

В. И. Лавров и **Н. П. Никитин.** Народное хозяйство Центрально-Промышленной области с 1913 по 1925/26 гг. 183

М. М. Андреев. Против „друзей“ районирования 209

А. Ярмош. Проблема изжития хлебного дефицита в Дально-Восточном крае . 215

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Стр.

М. Спектатор. Новый труд по теории империализма 229

А. Неусыпин. Проф. С. Котляревский — Бюджет и местные финансы. П. В. Микеладзе — Очерки финансовой организации союзных и федеральных государств 235

Г. Болдырев. Налоги в иностранных государствах. Сборник статей под ред. В. Н. Твердохлебова 238

И. Лерман. Нижнее Поволжье—орган Нижне-Волжск. обл. и Сар. губ. План. Комиссий 241

П. Горшечников. Северное Хозяйство—журнал Сев. Обл. плана Арх. полкома 244

ОТДЕЛ VI

Статистика

С. Г. Струмилин. Железнодорожное строительство 249

Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 23 267

Памяти Леонида Борисовича Красина

„Все больше и больше смерть отнимает у нас сподвижников и соратников Ленина. Но уже идет гигантская молодая поросль, идет смена, которая не только полностью возьмет на свои плечи, но и во многом разовьет и усилит нашу работу.

Будем же бодры и радостны в юбилейный день великого Октября.

Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!

(Из посмертной статьи Л. Б. Красина „9-я годовщина Октябрьской революции".)

Умер тов. Красин... Умер на своем посту, как испытанный солдат революции, непоколебимый в своей преданности ее делу. В мощной фигуре этого человека, по общему признанию, были сосредоточены исключительные духовные силы. В нем не было дисгармоний, не было зигзагов — он был прямым, непоколебимо верующим в правоту и торжество того дела, которому он отдал свою жизнь. Нет нужды перечислять его заслуги — они известны всему миру. С горечью в сердце будут вспоминать об этой утрате не только трудящиеся СССР, но и пролетарии зарубежного нам мира. Наше горе — их горе.

Нельзя не вспомнить того, что написал покойный Леонид Борисович к 9-й годовщине советской власти. В этом последнем произведении человека, борющегося одновременно со смертью и с врагами пролетариата,— мы получили историческое завещание испытанного борца за рабочее дело: „Все больше и больше смерть отнимает у нас сподвижников и соратников Ленина. Но уже идет гигантская молодая поросль, идет смена"...

Тов. Красин понимал, как понимали и все, что систематические переливания крови, в лучшем случае, могли лишь замедлить темп его сгорания, но отнюдь не окончательно излечить человека его возраста, последние 9 лет чуть не круглые сутки находившегося в центре изнуряющей революционной борьбы. Это явно учел тов. Красин и как стойкий борец, великолепно понимавший всю ответственность за возложенное на него дело, на предложение из Москвы отправиться в Гамбург к известному профессору-специалисту еще

13 ноября, т.-е. за считанные дни до смерти, ответил: „Поездка в данный момент абсолютно неосуществима, так как интересы работы требуют пребывания в Лондоне". В этом ответе мы узнаем мощную, героическую фигуру тов. Красина, в этом ответе основная черта его характера, оставшаяся постоянной на протяжении десятилетий его революционного пути.

Всякое дело, которое делал тов. Красин, было им осознано и продумано до мельчайших деталей. В процессе работы тов. Красин всегда был во всеоружии — личные дарования, блестящие знания в самых разнообразных плоскостях и выдающийся такт в человеческих отношениях дополняли фигуру Красина-революционера, сообщая ей ту обаятельность, которая заставила англичан после первых же переговоров с ним воскликнуть: „благородная и импозантная фигура!".

Характерно, что такая оценка личных качеств тов. Красина не случайна, а смело может быть названа „стандартной" на протяжении десятилетий его настойчивой работы. Во всей многогранной своей деятельности тов. Красин был выдающейся фигурой, на каком бы поприще он ни работал. Аналитический ум, грандиозная трудоспособность и основная непоколебимая вера в окончательную победу пролетарской революции,— еще в годы жесточайшей реакции оформили в сознании тов. Красина программу будущей пролетарской диктатуры. Тов. Красин понял, что пора „хождения в народ" как благородного интеллигентского порыва, в лучшем случае обещающего долгий эволюционный путь — должна быть изжита. „Нужны революционизированные массы, нужна программа, исполнителем которой будет вся пролетарская масса". Это убеждение, твердое как скала, и руководило тов. Красиным, сделав его ближайшим сподвижником тов. Ленина.

С юных студенческих лет тов. Красин — революционер. Он не просто передовой студент — он марксист, он лидер студенческой молодежи, уже завязавший связи с передовой частью рабочего класса.

Когда тов. Красина исключили из числа студентов Петербургского Технологического Института, якобы по делу о демонстрации на похоронах Шелгунова, то уже тогда было известно, что тов. Красин высылается из Петербурга по „совокупности обстоятельств". Вот, именно, эта „совокупность обстоятельств", с которыми всегда органически была связана деятельность тов. Красина, и дает на протяжении десятилетий характеристику старого, опытного и спокойно-бесстрашного борца-профессионала-революционера, имя которого никогда не будет забыто теми, ради блага которых тов. Красин боролся всю свою жизнь.

Путь революционера известен—ссылка, бегство, подполье, тюрьма, угроза петли... Но в данном случае мы имеем дело с исключительной историей,—она красочна до фантастичности. Блестящий инженер,

имеющий европейскую репутацию,— „бунтарь", организатор тайных типографий, стоящий в центре революционной борьбы, для которой он использует материальные средства, высокое положение, знание, опыт... Долгие годы жандармерия никак не могла согласиться с тем, что „такая персона" („чего бы ему нужно было?") участвует в „таких делах". Но в результате бешеной слежки — распознали тов. Красина, и печальна была бы его участь, если бы со свойственной ему ловкостью он не перебрался за границу.

Высокая квалификация инженера и блестящего организатора дала возможность тов. Красину занимать весьма крупные места за границей, но и здесь он не порывает с революционной деятельностью и продолжает свою прошлую работу.

Октябрьская революция застала тов. Красина за границей. По первому зову он, повинуясь велениям Октября, возвращается в новую Россию. С этого момента наступает новая эра в деятельности тов. Красина — непосредственно у центрального аппарата советской власти.

Немало ответственных постов занимал тов. Красин в этот период, вливая в дело свой опыт и организаторские способности, но особенно надлежит отметить его работу в Совете Труда и Обороны в период существования фронтов, организацию внешней торговли и дипломатическую работу. Первый „чусоснабарм", прекрасно понявший роль и методы эпохи военного коммунизма еще на заре борьбы за укрепление советской власти,— проделал блестящий опыт мобилизации наших рессурсов для снабжения Красной гвардии, под грохот орудий и треск пулеметов превращавшейся в регулярную Красную армию. Пролетариат не забудет работы старого борца подполья, агитатора, эксперта-бомбометателя, отдавшего революции свою жизнь, опыт, знание и материальные средства.

Победа советского оружия на внутренних фронтах дала возможность и выдвинула необходимость установления торговых сношений с другими государствами. Предстояла новая борьба за возобновление торговых сношений. Борьба эта протекала в атмосфере блокады, и монополия внешней торговли в конечном итоге восторжествовала над блокадой. Тов. Красин был всегда в авангарде наших бойцов за сохранение монополии внешней торговли. На нем лежала главная тяжесть защиты ее и извне и внутри и, кроме того, налаживание гигантского и сложного аппарата по ее осуществлению. По этому поводу нельзя не напомнить, что тов. Красину довольно долго приходилось сдерживать напор со многих сторон, и теперь, когда оценена роль монополии внешней торговли в восстановлении нашего хозяйства и в упрочении нашего экономического положения,— мы никогда не забудем мнения тов. Ленина, говорившего, что охрана и осуществление монополии внешней торговли переданы в надежные руки. Да, „руки" оказались крепкими и разжать кулак никому не удалось. Трудящиеся СССР об этом никогда не пожалеют.

Практика вопроса доказала, что в условиях капиталистического окружения монополия внешней торговли является не только могучим средством самообороны, но и средством наступательного порядка, практически осуществимым даже при больших недостатках государственного аппарата. Эта работа совершена под непосредственным руководством тов. Красина.

Наши враги поневоле „примирились“ с наличием монополии внешней торговли, а еще не так давно они верили в свою победу...

Если вспомнить период „соглашений и признаний“, то нельзя не поражаться той уверенности в успехе дела, той подвижности и тому искусству, с какими всюду выступал тов. Красин, защищая позицию Советского правительства на языке той страны, в которой происходили заседания, конференции и т. д.

Последний этап работы тов. Красина — дипломатическое представительство. И на этом пути он проявил недюжинные свои способности. Всем известна роль красного борца-дипломата, сыгранная тов. Красиным, умершим на своем посту вдали от горячо им любимого СССР.

Тяжелый недуг сломил блестящего, привлекательного человека, верного до гроба борца за рабочее дело. До последней минуты он служил трудящимся СССР и, будучи в авангарде борцов за международное освобождение трудящихся, делал великое дело со свойственной ему методичностью, настойчивостью и верой в успех. Будем же верить, что „идет поросль“, что на смену старой тающей гвардии — пролетариат выдвинет новые силы — целый коллектив, который будет достойным преемником в продолжении великого дела.

Красина нет... Кремлевская стена — свидетель многовековых страданий народов старой России — хранит его прах, прах бесстрашного борца за освобождение человечества.

Но имя его вписано на страницах истории величайшей революции. Дело, которому он отдал свою жизнь, живет и служит светочем в борьбе за освобождение трудящихся всего мира.

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

П. С. Осадчий

Генеральный план реконструкции народного хозяйства и крупное строительство

Все свыклись с понятием „перспективный план", мыслят его, чаще всего, как ориентировочную пятилетку той или иной отрасли хозяйства с цифровым выражением развития его по годам, непременно с календарными сроками пудов продукции и миллионов рублей вложений. Многие считают, что такая „пятилетка" представляет собою максимум планового предвидения, что итти дальше в предвидении будущего роста хозяйства и невозможно и не следует.

Генеральный план реконструкции народного хозяйства, охватывающий основные проблемы развития его на более продолжительный период времени, порядка 10—15 лет, намечающий, хотя бы в грубых чертах, темп и пропорции развития главнейших отраслей хозяйства за ближайшей перспективой „пятилетки" в зависимости от роста накопления народного богатства, не всеми еще вполне осознан и иногда отвергается, как задача неразрешимая и даже вредная. Возможность такого отношения некоторых кругов плановых работников к генеральному плану оправдывается отчасти тем обстоятельством, что это понятие появилось сравнительно недавно, со времени С'езда Президиумов Госпланов в марте 1926 г., включив в себя и понятие „плана электрификации"; оно недостаточно еще усвоено и иногда отождествляется с перспективным календарным планом, продолженным на 10—15 лет вперед — до 1940 г. Конечно, составление такого „генерального плана" с календарными сроками вложений и продукции по годам на 15 лет вперед, например, в области сельского хозяйства с его многочисленными неизвестными: урожай хлебов, восстановление скотоводства, распространение технических культур, индустриализация хозяйства, коллективизация его, собственное потребление, проблема переселения и колонизации, кон'юнктура внешних рынков и проч., и проч.,— задача неразрешимая. Но даже в этой, наименее поддающейся плановому предвидению на длительный период области народного хозяйства ясно видны на много лет вперед те основные линии, по которым должен пойти генеральный план воздействия общегосударственных социалистических начал на ход развития нашего сельского хозяйства.

Едва ли оспоримо, что в числе таких линий первое место занимает индустриализация сельского хозяйства, и по этой линии впереди длинная цепь государственных мероприятий не на один десяток лет; мероприятий, темп которых можно и должно предвидеть не только в „пятилетке“ по сельскому хозяйству, но необходимо найти им и соответствующее, пропорциональное с другими мероприятиями место в генеральном плане реконструкции народного хозяйства в целом на период далеко за пределы пятилетки. То же относится к длительным мероприятиям по поднятию урожайности на нашем Юго-Востоке, то же относится к развитию наших технических культур — хлопок, лен, табак, чай и др., где заметные результаты систематических мероприятий в течение пятилетки сказываются после ее окончания. А эти результаты будут выражаться итогами избытков выручки в 150—200 милл. руб. в нашем балансе по внешней торговле.

С точки зрения максимального форсирования наших экспортных возможностей интересную проблему генерального плана реконструкции сельского хозяйства представляет проблема форсированных мероприятий по линии расширения запашек, рационального севооборота, индустриализации сельского хозяйства в одном из наиболее благоприятных для этого районов Украины или Северного Кавказа, ближайших к портам Черного моря, с широкой механизацией портовых сооружений, сводящих до минимума накладные портовые расходы, с основной целью усиленного экспорта сельскохозяйственной продукции, не исключая экспорта зерновых хлебов в чистом виде.

Но наиболее рельефно выдвигают необходимость иметь генеральный план реконструкции народного хозяйства все начинания по крупному строительству в любой области народного хозяйства. Какое бы крупное строительство ни взять — оно не укладывается в тесные рамки пятилетнего перспективного плана. Если не окончание строительных работ, то во всяком случае народнохозяйственный эффект всякого крупного строительства получается после истечения пятилетки. Приступ к крупному строительству с затратами в сотни миллионов рублей обязывает к учету его результатов в реконструированном хозяйстве — к заглядыванию вперед дальше пятилетки — на ряд последующих годов, когда скажется народнохозяйственный эффект предприятия. В этом основная задача генерального плана и острая необходимость иметь его уже сейчас, в текущем операционном году, ибо уже в этом году закладываются первые камни фундамента реконструкции нашего народного хозяйства по нескольким крупным строительствам.

Не говоря уже о таком исключительно крупном разностороннем строительстве, как осуществление Урало-Кузнецкого проекта, обнимающего постройку ряда заводов и Сибирской сверхмагистрали (на протяжении около 2.000 верст, общей стоимостью всех сооружений проекта, включая и новые заводы, порядка 1 миллиарда рублей),

которое совершенно не укладывается в перспективную пятилетку, будет осуществляться по частям и захватит период времени порядка 15 лет для полного его осуществления, а его народнохозяйственный эффект скажется в полной мере еще позже. Все другие, выявившиеся уже крупные строительства по масштабу работ выходят из рамок пятилетия, захватывают все ближайшее десятилетие: одно строительство — своим хвостом оканчивающихся работ, другое — всем существом текущего строительства, третье — головной частью работ, — а все вместе самой главной частью — своей ролью в реконструкции народного хозяйства — длительным экономическим эффектом в развитии новых форм нашего хозяйства.

Поэтому наиболее выпуклыми линиями генерального плана в первой стадии его проработки выступили линии крупного строительства.

Наше выяснившееся уже в главных своих чертах крупное строительство ближайшего десяти-пятнадцатилетия, если рассматривать его в районном разрезе, глубоко захватывает интересы трех крупнейших районов: Юго-Востока, с захватом части Сибири, Юго-Запада и Северо-Запада.

Мы не будем останавливаться здесь на грандиозном Урало-Кузнецком проекте. Состоявшееся уже в 1924 г. установление исключительного тарифа в 1/150 к.-с. пудо-километров на железнодорожные маршрутные перевозки кузнецкого угля на Урал уже фактически положило начало реализации части этого проекта. [1] Постройка Тельбесской железнодорожной ветки включена в план строительства 1926/27 года. Проектируемая по ВСНХ постройка новых металлургических заводов на Урале и в Кузнецком бассейне из общего фонда на восстановление основного капитала промышленности, с организацией специального „Тельбесского бюро“ для разрешения всех вопросов по строительству заводов, даст дальнейшее движение этому важному проекту.

Если попытаться найти некоторую общую характеристику всем выявившимся уже проектам крупного строительства, то мы найдем в них одну общую черту. Все наши великие проблемы реконструкции народного хозяйства тесно переплетаются с развитием и усовершенствованием внутренней сети путей сообщения. Урало-Кузнецкий комбинат, лес и уголь с Печоры, фосфориты и калийные соли с Прикамья, переброска южно-сибирской пшеницы и леса в Туркестанский край, нефть с Эмбы и ежегодные экспортные массы приволжского зерна, — можно выгодно реализировать, только разрешивши задачу дешевого транспорта массовых сырьевых грузов с севера на юг и с востока на запад. Переброска новых сотен мил-

[1] Перевезено кузнецкого угля на Урал в 1923/24 г. — 8 милл. пуд., в 1924/25 г. — 16,5 милл. пуд. и в 1925/26—32 милл. пуд.

лионов топлива с юга и юго-востока в центр и на север — тоже проблема экономики транспорта.

На нашей территории, в $^1/_6$ часть поверхности суши земного шара, экономика подвозки сырья и товарооборота в целом конкурирует с экономикой производства. Экономика транспорта — основа экономики товарного народного хозяйства в целом. Но мы не разрешим в полном об'еме экономических проблем товарооборота, если будем иметь в поле государственного зрения только железнодорожные пути. Единая целостная транспортная сеть, охватывающая все виды путей сообщения с железнодорожными и водными сверхмагистралями, в направлениях главных потоков массовых грузов, и с механическим перегрузочным оборудованием в узлах пересечения водных и железных путей — есть необходимая основная база для разрешения всех составных частей вопроса экономики транспорта по отдельным его видам. Такая сеть с целесообразно построенной системой тарифов на комбинированные водно-железнодорожные перевозки, как и монополия внешней торговли, служат в руках государства главными рычагами экономического регулирования всего внутреннего и внешнего товарооборота и участия в нем частного капитала в направлении разрешения основных проблем социализма. Необходимо не только развивать железнодорожную сеть, но и усовершенствовать наши водные пути и организованно связать их с железнодорожными. В этом отношении особенное внимание должно быть обращено на смычку Сибирской магистрали с дорогами Средней Азии (б. Туркестан) и на Юго-Восточный и Юго-Западный районы, а также на усиление железнодорожной связи Центрального района с Донбассом.

Наш Юго-Восток вдвойне обездолен природой. Первый раз в доисторическую эпоху, когда Каспийский водный бассейн со впадающей в него Волгой отделился от Черного моря, а второй раз, когда Юго-Восточная равнина превратилась в засушливый район с его периодическими неурожаями. Обездолен он и в истории развития нашего транспорта, когда игнорировались его нужды в дешевых путях сообщения для переброски к портам Черного моря стомиллионных хлебных излишков в годы урожаев. Переплачивая вследствие этого на подвозе хлеба к экспортным портам лишний гривенник на пуде, сельское хозяйство Юго-Востока теряло его в своей экономике даже в хорошие урожайные годы.

Проблема экономического под'ема Юго-Востока в целом включает не только систему мероприятий по борьбе с засухой, трактоpизацию района, увеличение ежегодной урожайности зерновых хлебов и создание в этом обширном районе цветущего индустриализованного сельского хозяйства, но и задачу приближения его товарных хлебных излишков и переработанных продуктов сельского хозяйства к экспортным портам Черного моря. Кратчайший путь для этого,—

использование реки Дона, приближающегося к низовьям Волги на 100—60 верст, и морского порта в устье Дона, у гор. Ростова. Шлюзованный канал между Волгой и Доном для судов, с осадкой до 16 четвертей аршина — техническое решение задачи создания дешевого непрерывного водного пути к экспортному порту Черного моря для отрезанного от него Юго-Востока и под'ема сельскохозяйственной экономики этого района. Устройством такого канала удешевляется стоимость подвоза грузов с Волги к Ростовскому порту, хлебных грузов на 10 коп., а лесных на 5 коп. с пуда, расширяется район естественного тяготения к этому порту грузов на север до устья Камы и далеко на восток, захватывая хлебородную часть Сибири.

С устройством Волго-Донского канала связывается шлюзование Дона от Калача до Ростова, переустройство Ростовского порта и углубление до 30 футов Азовско-Донского морского канала на протяжении около 45 вер. Стоимость всех сооружений названной водной магистрали в червонных рублях выражается кругло в цифрах:

1. Волго-Донской канал со всем техническим оборудованием	70 милл. руб.
2. Шлюзование Дона от Калача до Ростова	30 „ „
3. Ростовский порт и морской Азовско-Донской канал . .	40 „ „
Итого . .	140 милл. руб.[1]

Возможный срок выполнения всех работ — 5 лет. Практическая пропускная способность Волго-Донского канала 500 милл. пудов в навигацию.

Пропускная способность переустроенного Ростовского порта — 400 милл. пудов.

Количество сырьевых грузов, которые могут пойти по магистрали, определяется минимально в круглых цифрах:

Хлебных грузов	120 милл. пуд.
Лесных „	100 „ „
Нефтяных „	30 „ „
Уголь	20 „ „
Прочих грузов	30 „ „
Итого . .	300 милл. пуд.

Из них экспортных грузов через Ростовский порт около 250 миллионов пудов.

Для связи Волго-Донской водной магистрали с железнодорожной сетью необходимо оборудовать узлы пересечения водного и железнодорожных путей механическими перегрузочными устройствами. Необходимо также оборудовать водный путь по Нижней Волге, от устья Камы, добавочными землесосами, обеспечивающими достижение на

[1] По перспективному плану развития портов уже предусмотрено на Ростовский порт 22,5 милл. руб.

Волге минимальной глубины в 16 четвертей аршина при средних горизонтах воды.

На все эти работы потребуется еще около 10 милл. руб. Всего на устройство Волго-Донско-Азовской магистрали, механически связанной с подходящими к ней ветвями железнодорожной сети, потребуется затратить кругло 150 милл. руб.

При практическом осуществлении Волго-Донской магистрали возможна замена шлюзованного канала электрифицированной железнодорожной связью между перегрузочными узлами Волги и Дона. Детальные экономические подсчеты должны установить, какой из этих вариантов выгоднее.

Эта магистраль имеет свои естественные под'ездные пути: Северный Донец до Лисичанска и выше (прорезывает угольный, преимущественно, антрацитовый район), верхний Дон до Лисок (хлебный район) и низовье Волги с Каспийским морем (нефтяной район). Усовершенствование этих путей составляет задачу второй очереди,— мероприятий второго пятилетия по поднятию экономики народного хозяйства на Юго-Востоке.

На южном участке Сталинград — Каспийское море потребуется разрешить задачу организованной технической связи речного пути с морским, которая в свое время разрешилась устройством в Каспийском море, в 30 верстах от Астрахани, так называемого 12-футового рейда, имевшего свою полуморскую перегрузочную флотилию для передачи грузов с прибывавших на рейд морских судов на речные суда в Астрахань и обратно. В настоящее время рациональным разрешением этой задачи является, повидимому, прорытие от Астрахани до 12-футовой глубины Каспийского моря морского канала и устройство на возморье оборудованного аванпорта Астрахани. На осуществление этого потребуется сумма порядка 20 милл. рублей. Такой усовершенствованный водный путь из Каспийского моря к Волго-Донско-Азовской магистрали не только обеспечит и удешевит транспорт наших нефтяных грузов, включая и эмбинские, но и привлечет транзитные северо-персидские грузы.

На все мероприятия второй очереди по поднятию экономики народного хозяйства Юго-Востока, посредством усовершенствования естественных под'ездных путей главной магистрали, потребуется кругло 50 милл. рублей. Всего на разрешение в полном об'еме проблемы реконструкции транспорта на Юго-Востоке с магистральной связью Волги и Каспийского моря — через Дон с Азовским морем — потребуется кругло 200 милл. рублей.

Важнейшую проблему Юго-Западного и Южного районов составляет постройка Днепровской гидроэлектрической станции у б. Запорожья и усиление железнодорожной связи Донецкого угольного района с Центральным районом.

Проблема Днепра в отличие от чисто транспортной проблемы Волги и Дона имеет две стороны: транспортную и энергетическую.

Об'ективная оценка экономического значения каждой из них в перспективе развития нашего народного хозяйства на юге и наших сношений с лимитрофами на западе — первое необходимое условие для правильного разрешения Днепровской проблемы в целом.

На участке между Александровском и Екатеринославом, протяжением в 95 верст, на Днепре имеется девять порогов. Общее падение Днепра на этом участке свыше 15 саж.

Ровно сто лет тому назад был разработан первый проект шлюзования Днепровских порогов. В течение столетия таких проектов составлено 20. До 1905 г. проблема Днепра трактовалась только, как транспортная проблема. По одному из наиболее разработанных проектов (инж. Липина, 1897 г.) стоимость работ по улучшению судоходства на порожистой части Днепра исчислялась в 20 милл. рублей. Практическое разрешение такой крупной государственной задачи, как шлюзование Днепровских порогов, было мыслимо только при плановой системе ведения государственного хозяйства, построенного на базе экономики всего народного хозяйства в целом. Такой системы не было, и решение великой проблемы создания через Днепр судоходного водного Балтийско-Черноморского пути осталось в наследие нашей эпохе, об'единившей хозяйство государственное и хозяйство народное в одну экономическую систему. Изменение нашей границы на западе превратило этот внутренний путь в путь международного значения, захватывающий своими верховьями—через Западную Двину, Неман и Вислу—территории трех новых государственных образований.

Использование при шлюзовании порожистой части Днепра падения воды для получения электрической энергии предусматривалось уже в нескольких проектах, появившихся в последнее перед революцией десятилетие. В этих проектах, имевших главною целью усовершенствование судоходства, намечалось устройство *нескольких плотин*, и стоимость работ для целей усовершенствования транспорта определялась в суммах от 30 до 40 милл. руб. при общей сметной сумме на транспортные и энергетические сооружения от 65 до 85 милл. рублей (довоенных). Колебания в исчислениях в довоенное время суммы расходов на обеспечение судоходства по Днепру в порожистой его части от 20 до 40 милл. рублей свидетельствуют, насколько была неустойчива техническая база для практического разрешения этого вопроса. Экономического обоснования целесообразности затрат такой, а не иной суммы на судоходство в старых проектных материалах не имеется.

В проекте Днепростроя 1925 г., разработанном проф. И. Г. Александровым, имеющем в своей основе новое начало — устройство *одной плотины* — приведено экономическое оправдание затрат в сумме около 30—50 милл. черв. рублей [1] на устройство для потреб-

[1] В зависимости от принятия на счет транспортных устройств части стоимости плотины.

ностей судоходства. По сметным исчислениям проекта ежегодные сбережения государства после шлюзования Днепровских порогов будут простираться до 10 милл. рублей. Важный экономический вопрос о том, какую часть расходов, исчисленных на осуществление всего проекта в целом, следует отнести на счет потребностей транспорта и какая часть затрат упадет на энергетическую часть проблемы Днепра, разрешается американской экспертизой в том смысле, что 40% всей стоимости сооружения должны быть отнесены на счет транспорта и 60% — на счет энергетических устройств.

Стоимость осуществления проекта Днепростроя со станцией первоначальной мощности в 300.000 лош. сил исчисляется составителями его в сумме около 110 милл. руб. (черв.). Эксперты Центрального Электротехнического Совета не согласились со сметными исчислениями Днепростроя и признали, что стоимость всех сооружений должна быть повышена, по крайней мере, до 155 милл. руб., а по мнению большинства экспертов даже до 196 милл. рублей (червонных).

По исчислениям американской экспертизы, предложившей на первое время упрощенный вариант гидроэлектрической станции всего на 150.000 лош. сил, с установкой трех аггрегатов по 50 тыс. лош. сил, стоимость всего сооружения определена в 60 милл. амер. долларов, а стоимость электрической энергии на шинах станции исчислена в 0,005 амер. долл. (пять мильсов).[1] При развитии мощности станции до 300.000 лош. сил и доведении ее работы до полной нагрузки (1.200—1.300 милл. квт-часов в год) стоимость энергии по американской экспертизе должна понизиться до 0,0023 амер. долл. (2,3 мильса) на шинах станции.

В дальнейшем, по мере развития нашего народного хозяйства на западе Союза, роста экономического значения Днепра, как водной магистрали Балтийско-Черноморского сообщения, и увеличения грузооборота,—намечаются задачи усовершенствования судоходства по Днепру вверх от Екатеринослава и по его притокам: Березине, Десне и Припяти с отдаленными перспективами выходов: к Москве — через Болву, Жиздру, Оку и Москву-реку и к Ленинграду — через Зап. Двину, р. Ловать,— во внутренних сообщениях; к Риге через Западную Двину, к Ковно через Неман, и к Варшаве, Кенигсбергу и Данцигу через Вислу,— в международных сообщениях. Как известно, Рейн и Дунай уже соединяются строящимся каналом, который должен открыть прямой речной путь между Северным и Черным морями. Вышеуказанными мероприятиями осуществится образование через Днепр Балтийско-Черноморского пути. Эти задачи полумиллиардного масштаба. Они выходят из рамок реальных возможностей ближайшего десятилетия и не поддаются экономической обработке в настоящее время. Транспортно-энергетическая проблема Днепра

[1] Мильс — одна тысячная доллара.

в ее реальной части первоочередных работ глубоко затрагивает вопросы экономики транспорта на Юго-Западе и экономику производства в Южном промышленном районе. Правильное разрешение ее будет иметь огромное значение для экономики края. Это одна из интереснейших форм транспортно-промышленного комбината в реконструированном на энергетической базе народном хозяйстве СССР. Как комбинат, захватывающий Донбасс, он упирается в энергетику и экономику угольного района и нуждается в согласовании с перспективами его развития, с рессурсами недр и экономикой тепловых электрических станций района, работающих на отбросах угля.

Волго-Донская и Днепровская проблемы, несмотря на кажущуюся независимость их друг от друга, имеют связь между собою в конечных своих транспортных достижениях. Обе они имеют в виду перевозки сырья к экспортным портам Черного моря, снабжение Донбасса строевым лесом, транспорт угля, а по Волге — и нефти, во внутренние районы запада и востока.

Волго-Донской проект намечает грузооборот Ростовского порта по зерновым хлебам в 200 милл. пудов, по лесным грузам—60 милл. пудов и угля—20 милл. пудов (экспорт и каботаж). Днепровский проект шлюзования порогов предполагает перевозки вниз от Александровска 80 милл. пудов хлебных грузов, 85 милл. пуд. лесных грузов, 85 милл. пудов угля. Снабжение внутреннего Южного района лесом Днепровский проект намечает в размере 50 милл. пудов. Волго-Донской проект намечает перевозки леса с Волги на Дон в 40 милл. пуд. для внутреннего потребления в Южном и Южно-Восточном районе и предполагает, что в Южном районе лес с Волги вытеснит лес с Днепра.

В лесных грузах сталкиваются между собою экономики двух проектируемых транспортных водных магистралей, открывающих выход для этих грузов к портам Черного моря суммарно в количестве 145 милл. пудов; сталкивается экономика наших южных портов с экономикой северных портов, через которые экспортируется лес в настоящее время. Здесь и Волго-Донской и Днепровский проекты в своих расчетах на значительные количества лесных грузов упираются в экономику нашего лесного экспорта в целом. Чтобы правильно оценить выгоды массового экспорта лесных грузов через южные порты, необходимо учесть влияние его на работу северных портов и перспективы внешних рынков, на которых будут размещаться наши лесные грузы, вывозимые через Черное море. Необходимо иметь генеральный план на ближайшие 10—15 лет вывоза нашего сырья и главных потоков наших экспортных грузов, согласованных с планом развития портов. Волго-Донская и Днепровская магистрали намечают перевозки к своим портам на Черное море свыше 100 милл. пуд. угля для экспорта и каботажных линий. Экспорт значительных количеств нашего угля через низовье Днепра — проблема, требующая дополнительного освещения и с производ-

ственной и с экономической сторон, и со стороны внешних рынков. Экспорт зерновых хлебов производится десятью южными портами (не считая портов Кавказского побережья). Из них даже такой третьестепенный порт, как Геническ, в довоенное время имел свой район тяготения, доставлявший 17—20 милл. пуд. экспортных хлебных грузов. Сосредоточение в двух портах Волго-Донской и Днепровской магистралей 280 милл. пуд. экспортного хлеба не может не отразиться на работе других портов и затрагивает экономику и перспективы развития всех портов Черного моря и примыкающих к ним железнодорожных линий.

Волго-Донская и Днепровская проблемы, имеющие каждая свое районное значение, глубоко внедряются в генеральный план реконструкции всего народного хозяйства в целом и должны быть увязаны с его главнейшими линиями: транспортом, с портами, сельским хозяйством, промышленностью, экспортом. Пока не имеется такого плана, хотя бы на ближайшие 10—15 лет, экономика каждой из этих проблем, в особенности более сложной Днепровской, не может быть уяснена в полной мере, народнохозяйственный баланс проектируемых предприятий не может быть сведен.

В то же время обе проблемы — составные части единого генерального плана реконструкции народного хозяйства. Они достаточно уже определились. Днепровская проблема вполне проработана в техническом и финансовом отношениях. По Волго-Донскому предприятию требуется составление полного технического проекта, к постройке Днепровской станции по состоянию технического проекта и сметных подсчетов можно приступить хоть сейчас.

* * *

Огромное значение в экономике нашего Востока и всего Союза имеет, как выше отмечено, скорейшее устройство железнодорожной смычки между Сибирской магистралью и дорогами Средней Азии. В старых наших проектах такую смычку предположено было осуществить постройкой Семиречинской жел. дороги. Протяжение ее от Семипалатинска через Алмаату до Фрунзе (Пишпек), который уже имеет железнодорожную связь с Средне-Азиатскими дорогами, составит кругло 1.400 километров с ветвью к Китайской границе. Строительная стоимость этой дороги, по предварительным исчислениям НКПС, должна составить 120 милл. рублей. После окончательных изысканий и подсчетов она может повыситься и довольно значительно. С этим направлением конкурируют более западные варианты такой смычки: Акмолинск—Фрунзе (от Акмолинска на север к Кокчетаву, связанному с Петропавловском, дорога уже строится), или Акмолинск — Кзыл-Орда (Перовск) — станция Оренбургско-Ташкентской жел. дор. Из этих двух последних вариантов первый должен захватить районы месторождений цветных металлов (медь, свинец, цинк), особенно для нас важные, и поэтому представляет сугубый интерес. Только подробные экономические изыскания могут решить вопрос о выборе того или иного варианта для смычки Сибирской жел.-дорожной магистрали с Средне-Азиатскими дорогами. Самая необходимость такой смычки и срочность этого задания бесспорны и очевидны.

Экономические подсчеты по осуществлению означенной смычки по одному из вышеуказанных вариантов требуют согласования с проблемой выхода от Сибирской жел. дороги к южным портам, одним из звеньев которого является Троицк-Орская жел. дорога. Здесь должна быть учтена возможность связи Сибирской жел. дороги с Средне-Азиатскими дорогами постройкой сравнительно короткой, не более 300 километров, линии Орск — станция Эмба-Оренбург Ташкентской дороги на 790-й версте от Оренбурга.

Крупное место среди строительств на Юго-Востоке масштаба генерального плана занимает строительство по реконструкции нашего нефтяного хозяйства и, в частности, вопрос об Эмбанефти. Эта проблема недостаточно еще проработана и не увязана по основным линиям плана ближайшего 10—15-летия.

В нефтепромышленном строительстве в Эмбенском районе на первом плане стоят разведки месторождений нефти, приблизительно в 30—40 местах, на что, в первую очередь, потребуется кредит порядка не менее 20 милл. руб. Можно надеяться, что правильная постановка работ по нефтестроительству в Эмбенском районе может дать нам, в результате, развертывание годовой добычи нефти в этом районе до 100 милл. пудов, но стоимость оборудования промыслов для такой добычи и транспорта предвидится настолько значительная, что экономика этого крупного строительства в настоящее время, до производства подробных обследований, не дает оптимистических выводов.

Крупное строительство — железнодорожная сверхмагистраль Москва—Донбасс—требует, прежде всего, технического и экономического обоснования выбора направления и средств осуществления этой сверхмагистрали: 1) будет ли это электрификация существующей линии Москва — Курск — Харьков — Лиман в 970 километров (полная стоимость около 180 милл. руб.) или 2) это будет постройка новой дороги Москва—Воронеж—ст. Рачково—1.070 километров (или другая соответствующая станция). Строительная стоимость—160 милл. руб., а включая подвижной состав и Московский узел — 250 милл. рублей. Пока нет подробного технического и экономического анализов этих двух вариантов обеспечения мощной жел.-дорожной связи Донбасса с центральными районами, до тех пор невозможно говорить о выборе того или иного из них. Но по совокупности всех данных о положении транспорта в этих районах и о наших топливных и вообще энергетических перспективах не только возможно, но и должно утверждать, что разрешение проблемы, поставленной этими двумя вариантами,—

неотложно. Вероятно, уже в 1927 году мы должны будем принять то или другое решение по этому вопросу и срочно приступить к работам.

Два вышеуказанные чисто железнодорожные строительства: сверхмагистраль Москва—Донбасс и Сибирско—Средне-Азиатская (Семиреченская ж. д.) почти одного и того же масштаба, с затратами пяти лет работ на каждое и сумм порядка 200 милл. руб., имеют, как мы видели, различное значение в генеральном плане реконструкции народного хозяйства. Сверхмагистраль Москва—Донбасс, будет ли то новая линия через Воронеж или существующая электрифицированная линия Москва — Курск — Харьков, чисто транспортная проблема глубокого внутреннего значения — проблема обеспечения топливом центральных и даже отчасти северного районов и начала реконструкции железнодорожного транспорта. Новая железная дорога, связывающая Сибирь с Средней Азией — проблема не только транспортная, внутреннего значения для Сибири и Средней Азии, ставящая современное хозяйство этих обширных районов на новые рельсы, но это, вместе с тем, и проблема реконструкции нашего торгового баланса путем сокращения импорта сырья на добрую сотню миллионов в год, т.-е. проблема реконструкции текстильной промышленности, проблема снижения цен на текстильные товары. Через транспорт она захватывает торговый баланс, снижая импорт сырья, захватывает промышленность и вопросы смычки города с деревней.

Особняком стоит электростроительство Свирьстрой или Невастрой по Северо-Западной области в Ленинградском районе, или в длительный период генерального плана может быть то и другое вместе. По масштабу своему (каждая гидростанция на мощность около 75 тыс. квт., стоимостью около 70 милл. руб.) и по экономическому значению электростроительство в Северо-Западной области, выражающееся, в первую очередь, в постройке одного из двух проектов, не может равняться с вышеуказанными крупными строительствами Юго-Востока и Юго-Запада. Мы останавливаемся здесь на этом вопросе не потому, что Свирьстрой и Невастрой проблема того же масштаба, как перечисленные раньше Днепрострой или Волго-Донской канал; эти более узкие проблемы вмещаются в рамки обычных перспективных планов развития народного хозяйства и усиления снабжения электрической энергии Ленинграда в плановом порядке ближайших лет. Мы говорим о них потому, что при правильной постановке вопросов о нанесении основных линий генерального плана в Северо-Западном районе Невастрой и Свирьстрой служат началом разработки общих вопросов по Ленинградскому узлу и по Северо-Западной области, в частности, вопроса об общей реконструкции народного хозяйства в этой области. В этом вопросе есть несколько важных сторон. Особенно важен вопрос о географическом распределении нашей промышленности на территории Союза, который нужно предварительно решить для того, чтобы говорить о том, на что надо итти при развитии энергетических рессурсов Ленинградского узла. Затем, частный вопрос не менее важный: надо точно установить, в каком направлении экономически целесообразно должно вестись строительство электростанций в Северо-Западной области, должны ли быть использованы гидравлические источники энергии, или, может быть, рациональнее строить паровые станции, использовав тепловую энергию, которая находится в большом количестве залежей торфа в этом районе. Электроснабжение Ленинграда находится сейчас в таком катастрофическом положении, что разрешение вопроса об электростроительстве в Северо-Западном районе диктуется срочной необходимостью и должно последовать независимо от того или иного разрешения проблем крупного строительства по Юго-Востоку и Юго-Западу.

Попытаемся подвести некоторые предварительные итоги по затронутым вопросам крупного строительства и их относительном значении в форсировании реконструкции и последующего развития нашего народного хозяйства.

Ясно, что мы не можем вести крупное строительство в строго последовательном порядке, т.-е. сначала закончить одно, а потом начинать другое. Ясно, что главные линии генерального плана в рамках 10—15 лет по отделу крупного строительства надо вести одновременно; весь вопрос в темпе, пропорции ассигнований, в отодвижках на год — два начала того, что еще не вполне проработано, или что терпит с точки зрения его экономического значения в деле максимального форсирования развития нашего народного хозяйства, преследуя в первоочередных строительствах главную цель момента: нагнать, а впоследствии и опередить конкурирующие с нами страны.

В такой постановке вопроса задача выбора первоочередных крупных строительств значительно упрощается. Какие бы линии не намечались нашим крупным строительством, одно несомненно — оно должно быть направлено по руслу генерального плана и должно учесть те основные задачи, которые развернуты в плане электрификации.

Основное устремление наше, которое проистекает уже из специфической кон'юнктуры последних лет, когда мы заканчивали восстановительный период народного хозяйства, злоба дня этого периода,— заключается прежде всего и более всего в задачах индустриализации. Практический успех осуществления этих задач находит себе великолепный термометр в уровне цен на наши основные товары, предрешающем как бюджет рабочего, так и бюджет крестьянина.

Каковы же эти основные координаты, которые мы должны, прежде всего, учесть в наших строительных проектах с вышеуказанной точки зрения?

Здесь с полной очевидностью выявляются 3 основных направления нашей экономической деятельности: сырьевая проблема, проблема энергетическая и проблема транспортная. Конечно, это не исключает возможности включения в один и тот же строительный об'ект всех этих 3 моментов. Мы можем сказать наоборот, что тем самым такой об'ект становится особенно важным.

Вдумываясь в это положение, мы легко приходим к выдвижению на первый план трех основных проблем: Днепрострой—Семиреченская ж. д.; транспортно-сырьевая проблема; Волго-Донской канал — транспорт и энергетическая проблема подачи угля на Волгу и далее.

Именно в этих строительствах надо взять быстрый темп работы, дать им опережение на год — два перед другими тоже очередными важными проблемами крупного строительства, ясно обрисовавшимся уже в первом наброске генерального плана реконструкции народного хозяйства в целом.[1]

[1] В ближайших номерах журнала будут освещены все конкурирующие в настоящее время проекты государственных сооруженнй, входящие в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Статья о проекте магистрали Волга—Дон—Азовское море автора проекта инженера Аксамитного уже была напечатана нами в № 3 „Планового Хозяйства" за 1925 г. Ред.

П. Шитт

Высокоинтенсивные культуры и их роль в связи с проблемой перенаселения

В нашей обширной стране, богатой ценными и разнообразными по своим естественно-историческим условиям районами, пригодными для широкого развития специальных культур, таковые не получили еще достаточного распространения.

Помимо благоприятных климатических и почвенных условий в качестве стимула интенсификации сельского хозяйства некоторых районов следует указать на малоземелье. Этот стимул обычно создает экономически маломощные хозяйства и всегда находится в связи с перенасыщенностью деревни населением; подобные же условия вызывают отток населения в город. С другой стороны, город несмотря на рост промышленности все-таки не в силах впитать в себя все избытки рабочего населения деревни. Таким образом, сами собою назревают условия для затяжной безработицы, с чем приходится всемерно бороться. Подобная перенасыщенность населения сильно выражена в ряде губерний Центрально-Черноземной и Центрально-Промышленной областей, как, например, Курской, Воронежской, Орловской, Тульской, Калужской, Московской и др., в лесостепной части Украины и особенно в губерниях Полтавской, Харьковской, Киевской, Подольской, а также в известной мере в Волынской и Черниговской.[1]

Уместно отметить, что малоземельные крестьянские хозяйства, они же и малолошадные или безлошадные, обычно не могут использовать результатов многих ценных мероприятий, проводимых наркомземами и их земельными органами. Так, например, снабжение населения машинами и орудиями, организация случных пунктов и т. д. проходит для такого населения с очень малым эффектом. То же можно сказать и о многих других мероприятиях.

К указанным выше группам малоземельного населения, относительно слабо обеспеченного рабочим скотом, следует отнести и большую часть населения Крыма и Закавказских республик.

---

[1] В силу этих обстоятельств в означенных губерниях плодоводство получило весьма сильное развитие. На долю только четырех губерний Украины (Киевской, Харьковской, Подольской, Полтавской) приходится 107.123 дес. сада, т.-е. около 19% всего плодового сада Союза (по данным 1924 г.).

В этих районах главной причиной малоземелья является подвижной горный рельеф и совокупность своеобразных естественно-исторических условий, крайне ограничивающих возможность широкого развития земледелия в формах более экстенсивных и выдвигающих на первый план высокоинтенсивные отрасли и культуры, как-то: плодоводство, виноградарство, табаководство, культура чая, хлопок и тому подобные.

Таким образом, из всего сказанного видно, что количество населения, для которого большая часть общеагрономических мероприятий мало используется, состоит из двух групп: первая группа— пролетаризирующееся крестьянство промышленных и других перенасыщенных населением районов и вторая — крестьяне окраин Союза, ведущие свое хозяйство в особых естественно-исторических условиях. Однако, обе эти группы в конечном счете нуждаются в мероприятиях, которые возможно выше подняли бы производительность малоземельного крестьянского хозяйства и возможно широко привлекли бы к производительной работе резервные силы деревни. На наш взгляд такие мероприятия следует искать в серьезном и планомерном развитии интенсивных культур и отраслей, в особенности в тех областях, где природные и экономические условия этому благоприятствуют. Такими отраслями и культурами следует назвать: плодоводство, огородничество, виноградарство, бахчеводство, табаководство, хмелеводство и другие так называемые приусадебные культуры, тем более, что перечисленные отрасли и культуры в соответствующих между собою комбинациях превалируют во многих районах, так, например, виноградарство в Крыму, Туркестане и Закавказских республиках, плодоводство в Крыму, Поволжье, ряде центральных губерний РСФСР и Украины, а также Туркестане и некоторых районах Закавказья. Еще большее распространение по всему Союзу имеет огородничество. Однако, эти отрасли, к сожалению, до сих пор должного выявления в произведенных за это время переписях не получили. Вообще говоря, нужно отметить, что наши агрономические круги, а также экономисты, работавшие в области сельского хозяйства, до недавнего времени не придавали особого значения перечисленным отраслям и культурам, считая таковые малозначащими в экономике всего сельского хозяйства страны. Любопытно здесь же отметить, что на ряду с таким отношением мы до сих пор не знаем ни одного более или менее серьезного труда, об'ективно освещающего экономику этих отраслей в целом. Однако, подобное отношение к вопросу является вряд ли допустимым. В хозяйство района или области, а тем более такой обширной страны, как СССР, все отрасли входят в строго определенных соотношениях между собою и в этом смысле одинаково ценны и незаменимы. Понятие о маловажных культурах не должно отождествляться с понятием о культурах ограниченного масштаба, хотя бы и очень рентабельных для населения того или другого района.

Мы отчетливо представляем себе огромное количественное различие в величинах и валовой ценности годовой продукции зерновых культур по сравнению с производством и продукцией перечисленных выше отдельных интенсивных культур и отраслей. Равным образом эта разница сохраняется и в отношении количества населения, экономически заинтересованного успехом развития зерновых культур, с одной стороны, и тех или других интенсивных культур и отраслей — с другой. Но мы также хорошо знаем, что урожай фруктов в крымских садах предгорья и речных долин или урожай табаку и винограда на южном берегу Крыма и во многих районах Закавказья не менее существенно и жизненно важен для крымского татарина или кавказского горца, чем урожай ржи для хлебопашца центральных губерний или пшеницы для жителя Юго-Востока или Украины. Эти примеры сохраняют свое значение и в отношении других выделившихся плодовых или огородных районов.

Для большей наглядности помещаем здесь таблицу, выражающую в процентах отношение площадей, занятых некоторыми высокоинтенсивными культурами в общей посевной площади 1924 г. по ряду губерний и отдельных республик:

Республики и губернии	Огород	Плод. сад	Виноград	Всего
Ленинградская	0,95	1,41	—	2,36
Новгородская	2,09	1,24	—	3,33
Псковская	0,11	1,01	—	1,12
Тульская	0,69	0,71	—	1,40
Московская	1,50	0,80	—	2,30
Рязанская	0,81	0,95	—	1,76
Калужская	0,67	0,75	—	1,42
Астраханская	1,61	4,40	—	6,01
Орловская	1,21	0,77	—	1,98
Воронежская	0,62	1,99	—	3,08
Азербейджан	—	3,90	2,66	6,56
Дагестан	0,46	2,74	2,83	6,03
Грузия	—	0,97	8,70	9,67
Армения	—	0,47	4,35	4,82
Харьковская	1,02	1,10	—	2,12
Полтавская	1,11	1,08	—	2,19
Киевская	1,37	1,09	—	2,46
Подольская	1,58	1,92	0,05	3,55
Черниговская	1,38	0,96	—	2,34
Волынская	1,30	0,81	—	2,11

Как видно из приведенных данных, площадь, занятая под садами и огородами, не считая бахчевых культур и хмеля, а также и др., по большинству районов Союза достигает в среднем 2,9%, в Азербейджане, Дагестане и Астрахани поднимается выше 6%, а в Грузии даже выше 9%.

Однако, чтобы дать более точную оценку этим числам, помещаем ниже вторую таблицу, исчисленную нами, о сравнительной

трудоемкости разных культур в отношении ржи, принятой за единицу:

Зерновые культуры		Интенсивные культуры		Высокоинтенсивные культуры	
Овес . .	0,59	Подсолнух . . .	1,01	Капуста	7,30
Просо . .	0,88	Картофель полевой	2,26	Плодов. сад .	8,33
Рожь . .	1,00	Лен	3,20	Корень	10,09
		Сахарн. свекла .	3,44	Лук	10,24
		Конопля	3,88	Огурцы	11,60
		Картофель приусадебный . .	3,94	Плод. сад карлик.	13,50
				Виноград	14,50
				Табак	16,10

Сопоставляя данные обеих таблиц, мы неизбежно приходим к совершенно неожиданным обобщениям. Как это видно, означенная категория культур для многих районов Союза выражается в среднем около 2% от всей посевной площади. Однако, по своей трудоемкости, по отношению к главнейшему зерновому растению — ржи, эта категория выражается средним числом — 10. Иначе говоря, для указанных губерний интенсивные культуры по своей трудоемкости эквивалентны 20% посевной площади, занятой озимыми хлебами.

Еще более эффектные в этом отношении выводы мы получим при таком же перечислении площади, занятой высокоинтенсивными культурами, на трудоемкость для отдельных республик Закавказья. Так, трудоемкость выражается:

Для Армении . . . . . 48% Для Азербейджана 66%
„ Дагестана . . . . . 60% „ Грузии 97%

Имея в виду затронутый вопрос о возрастающем количестве безработных, выделяемых деревней в пресыщенных населением малоземельных районах, нужно сказать, что развитие плодоводства, виноградарства и огородничества или других возможных в соответствии с условиями трудоемких культур в означенных районах являло бы собою в высокой степени эффектное мероприятие, надолго и прочно удерживающее избытки сельского населения на местах путем обеспечения ему относительно удовлетворительного заработка.

Отправляясь от вышеприведенных расчетов и имея в виду, что общая площадь, занятая под огородами, садами, виноградниками, а также хмельниками, табачными плантациями и прочими высокоинтенсивными культурами, в круглых цифрах определяется в три

миллиона десятин, можно сказать, что при надлежащей культуре такая площадь в отношении трудоемкости может быть эквивалентна 25—30 милл. десятин пахотной земли. Иначе говоря, указанная площадь при соответствующей постановке может прикрепить к себе до 8 миллионов семей, т.-е. не менее $^1/_5$ сельского населения всего Союза. Помимо столь важной задачи, как предупреждение возможной безработицы путем уменьшения отхода сельского населения в город и серьезного подсобного значения садовых и огородных культур, в экономике крестьянского хозяйства многих районов РСФСР и СССР и превалирующего в экономике трудового населения Крыма, Закавказских республик и Туркестана не мало интереса представляет и другая задача, это — использование продуктов огорода и сада населением Союза, а в частности — сельским. Нужно отметить, что у нас население использует продукты огорода весьма неполно и неразнообразно. Так, напр., по данным обследования 1916 г. крестьяне Тульской губ., в среднем, имели на человека в сутки 273 грамма овощей и 1280 грамм картофеля, что вместе составляло 40% пищевого суточного пайка. Среди городского населения потребление овощей рабочими в 1,5 раза выше, чем служащими. Данные бюджетных обследований по СССР в 1923 г., обработанные С. Г. Струмилиным, показывают нижеследующие нормы потребления различных овощей в месяц (в фунтах:)

Наименование продуктов	Рабочими		Служащими	
	В столицах	По СССР	В столицах	По СССР
Картофель	55,77	39,48	36,02	28,54
Сушен. овощи	—	—	0,05	0,04
Капуста	10,87	6,88	0,09	5,08
Лук, чеснок	2,22	3,50	1,79	1,24
Свекла, морковь	1,65	1,28	3,89	4,05
Огурцы	0,60	0,38	0,39	0,18
Прочие	0,05	1,29	0,09	0,50
Итого овощей и картоф. .	71,16	52,81	42,32	39,65
Овощей без картофеля .	15,39	13,73	6,30	11,09

При перечете приведенного количества овощей на год мы имеем на рабочего от 4 до 4,6 пудов овощей и от 11,8 до 16,7 пуд. картофеля и на служащего — от 1,9 до 3,3 пуда овощей и 8,6—10,8 пудов картофеля. Принимая в среднем годовое потребление овощей на одного городского жителя равным 3,5 пудам при 12 пу-

дах картофеля и перечисляя эти данные на все количество городского населения, найдем, что годовое потребление огородных продуктов городским населением измеряется в круглых числах—70 милл. пудов для разных овощей и 240 милл. для картофеля.

Нужно отметить, что в число потребления разных овощей не вошли бахчевые культуры, как арбузы и дыни, которые в потреблении овощей в летне-осеннем сезоне достигают внушительных размеров, в особенности в районах их массового разведения, как-то: на Украине, Поволжье, Донской области, Кубани, Закавказье и Туркестане.

В дополнение характеристики овощного питания населения Союза нужно сказать, что несмотря на большое место, какое занимают овощи в общем питании населения, они далеко не отличаются большим разнообразием. Первое место принадлежит картофелю, затем капусте, луку, огурцам, корнеплодам и незначительный процент остальным овощам. Это однообразие находит себе наглядное подтверждение в нижепомещенных таблицах процентного состава огородных культур в С.-А. С. Ш. по данным 1919 г. и в СССР по данным ЦСУ за 1923 г.

Так, например, для Соединенных Штатов имеем (без картофеля и батата) нижеследующее распределение:

томаты	30%	огурцы	5%
арбузы	15%	спаржа	3%
капуста	12%	салат	2%
горох	9%	сельдерей	около 2%
дыни	7,5%	шпинат	1%
фасоль	7%	свекла	менее 0,5%
лук	около 7%	морковь	0,5%

Для СССР процентное распределение площади усадебных огородов под культурами (без картофеля):

капуста	36%	морковь	4%
огурцы	23%	томаты	1,2%
свекла	20%	репа	0,8%

Из всего здесь сказанного видно, что роль овощей в питании масс населения Союза весьма обширна и переход к потреблению большого разнообразия овощей не только желателен, но и необходим.

Что же касается потребления населением плодов, то здесь дело обстоит значительно хуже. Так, напр., по материалам ЦСУ за 1924 г., систематизированным нами, оказалось, что ежегодное потребление фруктов выражается в следующих цифрах (см. стр. 31).

Мы видим, что свыше 27 милл. сельского населения потребляет менее 4,1 *кг* (10 ф.) плодов в год на душу и годовое потребление свыше половины всего населения Союза едва колеблется между 0,4—12,29 (1—30 ф.). Если же мы напомним, что годовое потребление фруктов в Германии на одного человека определяется свыше

В год потребляют фруктов	Сельское население в тыс.	Городское население в тыс.
До 4,1 *кг* (До 10 ф.)	27.487	171
От 4,5 „ до 8,19 *кг* (11— 20 „)	20.113	812
„ 8,6 „ „ 12,29 „ (21— 30 „)	25.173	3.635
„ 12,69 „ „ 16,38 „ (31— 40 „)	16.300	1.375
„ 16,79 „ „ 20,48 „ (41— 50 „)	2.452	1.268
„ 20,89 „ „ 24,57 „ (51— 60 „)	2.156	3.690
„ 24,98 „ „ 28,67 „ (61— 70 „)	5.549	712
„ 29,08 „ „ 32,76 „ (71— 80 „)	7.779	1.233
„ 30,17 „ „ 36,86 „ (81— 90 „)	—	4.865
„ 37,27 „ „ 40,95 „ (91—100 „)	2.490	1.314
Выше 40,95 *кг* (Выше 100 „)	556	2.096

65,52 *кг* (160 ф.), а в Соединенных Штатах достигает почти 82 *кг* (200 ф.), то потребление фруктов населением Союза можно назвать хроническим фруктовым голодом.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также наличие в высокой степени благоприятных естественно-исторических условий во многих районах Союза для широкого развития промышленного плодоводства, виноградарства и огородничества и усиленную тягу крестьянского населения к этим отраслям, выражающуюся в чрезвычайном спросе на посадочный материал,—становится очевидной большая экономическая ценность означенных отраслей в общем плане производства и хроническая и незаслуженная недооценка серьезного значения этих отраслей в экономике нашего хозяйства.

Остановимся на каждой из перечисленных отраслей отдельно и попытаемся охарактеризовать их, поскольку это будет возможно, в отношении размера площади, занятой под культурами, количества продукции, а также в отношении их потребительского и рыночного значения. Равным образом попытаемся уловить тенденции в развитии этих отраслей и наметить перспективы. Само собою понятно что мы сможем сделать это лишь в самых кратких чертах.

Огородничество. Эта отрасль хозяйства, которой так мало уделялось внимания раньше, весьма наглядно и с большим эффектом доказала свое огромное значение в вопросе питания населения в годы войны и в послевоенное время, в годы стихийной хозяйственной разрухи, недорода и связанных с ними острых продовольственных затруднений. В эти памятные годы (1918—1921) огородничество по площади, занятой огородными культурами, небывало расширилось и вместе с картофелем достигло свыше трех миллионов десятин. Нужно напомнить, что только благодаря этому, почти стихийному развитию потребительского огородничества нам удалось благополучно разрешить постигший нас исключительно острый продоволь-

ственный кризис. Правда, после упомянутого времени, по мере восстановления народного хозяйства страны, наблюдается сокращение площади огородных культур, главным образом, в городах, которое нужно об'яснить постепенным восстановлением нормальных промышленных огородных хозяйств, их большей интенсивностью и лучшей организацией. Таким образом, это уменьшение площади можно рассмотреть как перегруппировку и переустройство распыленного, слабо интенсивного и однообразного потребительского огорода в более компактные, организованные, высокоинтенсивные огородные хозяйства промышленного значения. Иначе говоря, мы склонны усматривать не столько уменьшение, сколько уплотнение огородных культур за счет интенсификации. Тем не менее, и указанное уменьшение площади огородных культур наблюдается только до 1923 г., после чего снова обнаруживается новый и сильный рост огородных площадей по всему СССР.

	В 1923 г.	В 1924 г.	В 1925 г.
Огороды на усадьбах . .	526,5 тыс. дес.	710,8 тыс. дес.	816 тыс. дес.
Бахчи и огороды в полях.	816,9 „ „	1.058,9 „ „	1.153,3 „ „
	1.343,4 тыс. дес.	1.769,7 тыс. дес.	1.969,3 тыс. дес.

Если первая волна роста огородных культур об'яснялась постигшими нас бедствиями, то отмеченный выше рост огородных площадей за последние три года, в условиях нормальной жизни, являет собою все признаки здорового роста и представляется лучшим показателем реального значения огородничества в Союзе.

Основная причина столь быстрого роста огорода кроется, главным образом, в увеличении потребления огородных продуктов населением в послевоенное время, на ряду с неизбежной и все возрастающей потребностью населения интенсифицировать свое хозяйство, в особенности в малоземельных или засушливых районах.

Отмеченная тенденция роста огородных культур, значение которых в виду их высокой трудоинтенсивности крайне велико как в вопросе ослабления оттока сельского населения в город, так равно и в вопросе колонизации,— настойчиво диктует нам отнестись с наибольшим вниманием к этому явлению, изучить его, установить размеры огородных площадей и всемерно поддержать темп развития этой отрасли хозяйства. Однако, как это будет указано ниже, большая часть площади под огородами имеет потребительское значение, т.-е. ограничивается нуждами собственного хозяйства и как будто не имеет стимула к дальнейшему развитию. Отсюда следует, что расширение тех или иных огородных культур должно опираться на рынок и на товарность продукции этих культур. В этом смысле для нас представляют особый интерес те формы огородного хозяйства, которые могут увеличиваться с меньшими ограничениями, чем потребительские. По примерным подсчетам проф. В. И. Эдельштейна из всей огородно-бахчевой площади СССР — половина

принадлежит бахчевым посевам, $^1/_3$ — крестьянским усадебным огородам, $^1/_5$ — промышленным огородам в поле и, наконец, всего лишь 1% — промышленным городским огородам. В этих учетах площадь, занятая картофелем, не принималась во внимание, что в известной мере нарушило соотношение, так как в крестьянском хозяйстве обычно половина площади усадебного огорода занята картофелем. Тем не менее, даже приближенные расчеты показывают, что около 20% огородов и приблизительно столько же процентов бахчевых культур от всей огородной площади представляют промышленное огородничество, остальные же 60% имеют потребительское значение. Однако, из этого не следует, что площадь потребительского огорода достигла своего максимума. Дальнейший рост ее не только возможен, но и неизбежен. Расширение площади потребительских крестьянских огородов находится в зависимости от прироста населения, от введения в культуру большего числа видов овощей, что наблюдается уже и теперь (томаты, морковь, редис и некоторые другие) и, наконец, от увеличения душевого потребления овощей, что также будет находиться в зависимости от большего разнообразия овощей и большей культурности самого населения. Роль ведомств и учреждений, заинтересованных в развитии высокоинтенсивных культур и направляющих сельское хозяйство, должна всемерно облегчить и помочь течению этого процесса.

В связи с изложенным вырисовывается конкретная задача, решение которой должно опираться на детальное обследование условий развития потребительских огородов, на пропаганду культуры большего количества видов и сортов огородных растений, а равно и на распространение среди сельского населения способов потребления этих овощей в пищу.

Перейдем теперь к оценке огородничества в его промышленной части. По классификации проф. В. И. Эдельштейна, построенной на основе хозяйственно-географических признаков, промышленные огороды делятся на:

1) хозяйства, поставляющие на городской рынок продукты в свежем виде;

2) хозяйства, поставляющие продукты для технической переработки, кустарной или фабрично-заводской;

3) хозяйства, работающие на местный крестьянский рынок;

4) хозяйства, работающе или могущие работать на заграничный экспорт.

Огороды, представляющие на рынок зелень и ранние овощи, а также продукты для зимнего хранения и заготовки впрок, опираются, главным образом, на городские рынки, а также и на густонаселенные фабричные и заводские центры. Однако, в отношении таких транспортабельных и прочных овощей (как, напр., лук, бахчевые, корнеплоды) можно было бы не ограничиваться внутренним

рынком, но и вывозить их за границу, если бы низкая расценка большинства из этих овощей не препятствовала их вывозу. [1]

Мы могли бы сделать предметом экспорта за границу также и семена многих видов огородных растений, организовав для этой цели сеть семенных огородных хозяйств.

Успешное выполнение этой задачи в значительной мере обеспечивается широко развивавшейся у нас за последние годы работой в области селекции огородных растений, а также выявлением нового кадра высококвалифицированных специалистов по интенсивным культурам, которые смогли бы дать правильную постановку делу развития огородно-семенных хозяйств и повести работу в широком масштабе.

Заканчивая на этом оценку огородничества, как отрасли народного хозяйства, мы можем резюмировать все вышесказанное в таком виде: согласно данным статистики, эта отрасль исключительно быстро стала развиваться за последние годы, при чем это развитие протекает по линии потребительских массовых крестьянских огородов и по линии промышленного огородничества. Оба эти направления необходимо поддерживать путем соответствующего воздействия на каждый тип хозяйства. В потребительском огородничестве эта поддержка должна выразиться, главным образом, в мерах планомерной и систематической пропаганды и введения в культуру на крестьянских огородах новых видов и сортов огородных растений, которые по своей питательности, вкусовым особенностям и способам приготовления или хранения были бы возможно более ценными и внесли бы в скудный стол крестьянина большее разнообразие. Такой комплекс мероприятий оказался бы крайне эффектным, он прошел бы с большим положительным результатом и, в конечном счете, серьезно отразился бы на дальнейшем развитии и расширении площади огородных культур. Что же касается воздействия на промышленный тип огородных хозяйств, то кроме расширения наших внутренних рынков на основе изучения их и более целесообразной организации их структуры в связи с производством, — необходимо также увеличить емкость рынков путем планомерного и целесообразного развития технической переработки огородных продуктов, что само собою устранит вопрос сезонности товара, сделает его комплектным и высоко транспортабельным. Развитие на этой основе технической переработки сыграло бы огромную роль в экономике отдельных районов и значительно расширило бы районы производства Союза. Так, например, для нашего Юго-Востока разрешение вопроса массовой переработки продуктов бахчи, а также огородных растений, как томаты, баклажаны, перцы и другие,— имело бы исключительно большое значение.

Равным образом расширение промышленного огородничества мы видим в реальной возможности экспорта некоторых наших овощей или продуктов технической переработки за границу. Мы сейчас не можем определить размер нашего экспорта, так как он всецело будет зависить от качества продуктов и характера организации производства и сбыта,—но можем допустить, что при благоприятных условиях такой экспорт мог бы измеряться десятком миллионов рублей.

Плодоводство. Переходя теперь к характеристике плодоводства, укажем, что оно имеет много данных для более скорого и широкого распространения в крестьянском хозяйстве, чем виноградарство и даже огородничество. В самом деле виноградарство, как промышленная отрасль, ограничено территориально сравнительно узкими пределами южных районов; огородничество же хотя и является, так сказать, интрозональной отраслью хозяйства, охватывая кольцами густо населенные центры, но в этих условиях эта отрасль требует значительных затрат на оборудование (парников, теплиц и проч.), а также довольно тонкого знания культуры. Иначе говоря, пригородное огородничество по указанным причинам не является непосредственным промыслом массового крестьянства. В этом случае для деревни остается занятие только массовым разведением специальных огородных растений по районам (как, напр., огурцы, лук, картофель, цикорий и др.).

Что же касается плодоводства, то его главнейшие преимущества в отношении доступности сельскому населению следующие:

1) Большая амплитуда в отношении интенсивности ухода за плодовыми насаждениями, позволяющая крестьянину, не ломая хозяйства, постепенно трудоинтенсифицировать его.

2) Относительно меньшая требовательность плодового дерева к специальным естественно-историческим условиям и удобрению.

3) Большая транспортабельность продуктов плодоводства, что позволяет заниматься этой отраслью населению, значительно удаленному от рынков сбыта.

Очевидно этим только и можно об'яснить ту стихийную тягу населения к плодоводству, которая выражается в последнее время в большом спросе на посадочный материал.

Чтобы составить себе представление о положении плодоводства в Союзе по сравнению с другими странами, приводим ниже две таблички. Одна из них характеризует наше плодоводство в отношении

[1] Уместно будет указать, что качество многочисленных сортов русского лука выгодно отличает его от западно-европейских сортов, благодаря чему он всегда имеет спрос на заграничном рынке. Это представляет для нас особый интерес, потому что в целом ряде районов Союза имеется массовая промышленная культура лука не только на крестьянских усадьбах, но и на полевых землях.

Кроме лука, мы можем выступить на заграничном рынке и с продуктами технической переработки, как-то: зеленый горошек, сушеные грибы, цикорий, соленые огурцы и др. Мы уже имеем опыт вывоза этих продуктов за границу в довоенное время. Этот опыт показал, что наши продукты принимались заграничным рынком очень охотно. Об'яснение такому отношению кроется в более благоприятных природных условиях многих районов Союза для культуры целого ряда видов овощных растений по сравнению с Западом.

размера площади, занятой плодовыми садами, вообще и по расчету на одну душу населения, а другая — оценивает плодоводство Союза в отношении продукции по сравнению с другими странами.

Площадь плодового сада в разных странах

Название страны	Год, к которому относятся сведения	Общая площадь сада в десят.	Площадь плод. сада на 1 душу населения
С.-А. С. Ш.	1921	2.017.334	0,019
Австралия	1920/21	79.375	0,015
Канада	1921	109.909,6	0,013
Германия	1913	735.317	0,011
СССР	1924	566.197	0,004
Англия (Соедин. Корол.)	1923	94.272	0,002

Валовая продукция плодов в различных странах

Государства	К какому году относятся сведения	Валовая продукция плодов в тоннах	Продукция плодов на 1 душу населения (в пуд.)
Франция	1913	5.775.466	9,01 | 6,90
	1914	3.069.306	4,79 /
С.-А. С. Ш.	1923—24	8.370.000	5,50
Германия	1913—14	3.675.600	4,74
Австралия	1920—21	319.800	3,54
Канада	1910	250.341	1,73
	1920	407.558	2,82
СССР	1924	2.541.000	1,11
Англия (Соедин. Корол.)	1923	463.436	0,60

Как это видно из сопоставления данных, представленных в таблицах, наше плодоводство по сравнению с другими странами занимает предпоследнее место. Однако, если к данным, представленным в рубрике Англии, внести поправку на ввоз плодов, который по своему количеству превосходит все другие европейские страны, то тогда должна последовать и другая существенная поправка, а именно: в переводе СССР по количеству производимых и особенно по количеству потребляемых плодов с предпоследнего на последнее место между всеми другими приведенными странами. В самом деле, в то время как годовая продукция плодов по расчету на одну душу населения определяется для Австралии, Германии, С.-А. Соединенных-Штатов и Франции в 3,5—4,7—5,5—6,9 пудов, для СССР она равняется только 1,1 пуд. В действительности дело обстоит гораздо хуже, если вспомним о приведенных выше данных потребления плодов сельским населением за 1924 год.

Таким образом, представленные сведения указывают на крайне слабое развитие у нас плодоводства, которое далеко не может удовлетворить потребления фруктов в Союзе. Между тем, СССР — страна по преимуществу земледельческая с весьма разнообразными сочетаниями природных условий, которые позволяют выделить районы, исключительно благоприятные для культуры разнообразных видов и сортов плодовых деревьев и кустарников. Произведенные нами исследования о составе плодовых насаждений в садах Союза, на основании большого материала, показали, что российский плодовый сад отличается обширнейшим сортиментом, от которого только не более 25% названий известны на рынке, остальные сорта не рыночные и потому насаждения в этих сортах обрекались на бездоходность. Нижепомещенная таблица подтверждает высказанные здесь соображения:

Название пород	Число сортов, разводимых в саду	Число сорт., разводимых в питомниках	Число сорт., рекомендуемых для разведения	Число сорт., встреч. на стол. и провинц. рынк.
Яблоня	590	514	325	131
Груша	292	231	196	61
Вишня	84	96	90	11
Слива	95	161	136	14

Как это видно из данных таблицы, плодовые питомники, снабжавшие посадочным материалом сады, мало способствовали сокращению сортимента в садах, а иногда даже, наоборот, увеличивали его.

Изложенная выше характеристика плодового сада в большей своей части сделана преимущественно на анализе материалов, относящихся к частновладельческим садам. Между тем, площадь крестьянских садов уже до войны являлась преобладающей. Теперь же, считаясь с изменившимися формами землепользования, развитие плодоводства в главной своей части будет протекать в условиях крестьянского хозяйства. Между тем, состояние крестьянского плодоводства как до войны, так и теперь, за исключением нескольких районов (как-то: Крым, Туркестан, отчасти Закавказье, Поволжье, Подольская губ. и некоторые др.), где оно относительно лучше поставлено,— является крайне экстенсивным и в отношении сортиментов и в отношении техники, так что плодовые насаждения этих садов нередко граничат с зарослями. Преобладающим типом сада в районах произрастания косточковых пород является зарослевый вишневый или сливовый сад, затем следуют (большей частью в летних сортах) яблони и груши. Само собой понятно, что при таких

условиях крестьянское плодоводство носило и сейчас носит по преимуществу потребительский характер за исключением резко выраженных плодоводственных районов.

Из приведенной характеристики плодоводства в Союзе в целом вытекает необходимость сделать соответствующую поправку на увеличение площади плодовых насаждений. По произведенным нами подсчетам площадь насаждений, увеличенная до 1.400 тысяч десятин, может обеспечить население Союза продукцией, доведя ее до 120 фун. или 3 пудов на душу, т.-е. до 65% того, что приходится на одну душу в Германии. Конечно, возможность фактического выполнения такой задачи определяется сроком не менее 10 и даже 15 лет, считая от времени организации плодовых питомников, которые, как это известно, совершенно исчезли за время войны, и только в последние три года наблюдается постепенное внеплановое возникновение их. Конечно, для осуществления этой задачи необходимо быстрое и притом планомерное развитие сети плодовых питомников, могущей заготовить в ближайшие годы 230 миллионов саженцев. [1] Увеличив площадь плодовых насаждений Союза на миллион десятин, мы этим самым улучшили бы питание населения и дали бы заработок для нескольких миллионов сельских работников. Само собою понятно, что на ряду с развитием производства необходимо заняться развитием и расширением рынка для продуктов плодоводства, дабы своевременно обеспечить сбыт товара и, таким образом, стимулировать население тех или других районов к занятию плодоводством.

На первый взгляд казалось бы, что крайне недостаточное потребление плодов населением Союза вполне гарантирует огромную емкость внутреннего рынка. Однако, это не совсем так. Плоды в свежем виде представляют собою весьма громоздкий скоропортящийся и сезонный товар, хорошее состояние которого зависит: 1) от скорости доставки продукта из мест производства; 2) от длительности времени хранения и прочности плодов тех или иных сортов; 3) от количества и плотности населения пунктов, куда доставлен товар и, наконец, 4) от вкусов потребителя и его платежеспособности.

Таким образом, основываясь на перечисленных выше ограничениях, можно сказать, что рынками для свежих продуктов плодового сада будут густонаселенные пункты, связанные с районами производства хорошими путями сообщения, быстро перебрасывающими партии товара. Иначе говоря, такими рынками будут города и густонаселенные фабричные районы, связанные с районами производства железнодорожными или водными путями сообщения. Максимальное количество таких потребителей не превышает в круглых числах 25 миллионов, т.-е. всего количества городского и фабричного населения.

[1] Эти цифры я беру из своей неизданной еще работы.

Само собою понятно, что такое направление плодоводства не оправдывает в полной мере нашей цели, так как при таких условиях значительная часть населения, особенно потребляющих районов, удаленных от мест производства на большие расстояния и не связанных с ними хорошими путями сообщения, остается без питания плодами. Здесь нужно прибегнуть к помощи технической переработки плодов, как это уже давно сделали американцы, которые свыше 60% своих урожаев пропускают через фабрику. Только с помощью переработки нам удастся углубить и расширить рынок, сделать товар доступным всему населению Союза и освободить товар от сезонности. Конечно, такое направление в развитии новых насаждений не исключает сбыта плодов в свежем виде, а только дополняет его.

Основанием для развития плодоводства в Союзе до указанных выше размеров послужило слабое потребление фруктов населением Союза. Это же обстоятельство послужило нам отправным моментом для определения емкости внутреннего рынка. Однако, опыт показывает, что этот рынок сейчас менее емок, чем был в довоенное время и что продукция современного изреженного сада не всегда находит себе обеспеченный сбыт. Конечно, причины здесь налицо: и продукция невысоких товарных качеств, и неналаженность торгового аппарата хозяйствующих учреждений, и изменившиеся требования рынка и т. д. Кроме этих причин, сравнительно легко устранимых, есть еще и ряд других причин более длительных, как, например, недостаточно развитая сеть путей сообщения, связывающая потребителя с производителем, или отсутствие холодильников и проч. и, наконец, слабая покупательная способность, бытовые особенности и недостаточная культурность сельского населения многих районов Союза и проч.

При таких условиях наш внутренний фруктовый рынок следует рассматривать как рынок потенциальный, который нужно настойчиво, умело и планомерно завоевывать в ряде лет.

В целях устранения возможного кризиса в развивающейся плодовой промышленности мы должны теперь же обеспечить себе выход из такого положения. Подобную страховку можно видеть только в постепенном и планомерном завоевании внешнего плодового рынка. Эта задача должна явиться одной из наиболее важных и первых в нашей садовой политике. Изучить иностранные рынки в отношении их емкости, спроса и расценки на те или другие сорта, в отношении качества товара и тары является срочным и неотложным делом. Равным образом, необходимо всесторонне изучить положение плодоводства и постановку производства в странах, экспортирующих фрукты на мировые рынки, с которыми нам пришлось бы конкурировать.

Приблизительные подсчеты, сделанные нами на основании анализа многочисленных статистических и других материалов, характе-

ризующих мировой плодовый рынок, позволяют оценивать наш экспорт на сумму около 50 миллионов рублей.[1]

Виноградарство. В обзоре этой отрасли остановимся только на самых главных моментах, обрисовывающих размер и продукцию виноградников Союза, а также характер распределения виноградников среди населения. По данным Винсиндиката, обработанным В. Е. Перовским, площадь виноградников к 1925 году распределялась по отдельным республикам и областям Союза нижеследующим образом:

Грузия	35.000 дес.
Азербейджан	26.000 „
Ср.-Азиатский район (Туркестан)	23.000 „
Юго-Восточ. РСФСР	18.000 „
Украина	8.000 „
Армения	7.000 „
Крым	6.000 „
Дагестан	6.000 „
Всего	129.000 дес.

В приведенных округленных данных некоторые цифры оспариваются местами и требуют соответствующих поправок. Однако, эти поправки существенно не влияют на конечный итог. По характеру владений эта площадь распределяется между трудовым крестьянином около 96—97% от всего количества и совхозами, которым принадлежат остальные 3—4%. Если к указанному добавим, что по данным Наркомфина (докладная записка Центроналога в Госплане от 29 апреля 1923 г.) средний размер владения немногим превышает полдесятины, то становится очевидным, что в настоящее время виноградарство Союза находится в главной своей части в руках мелкоземельного трудового крестьянства. Это обстоятельство является крайне важным, оно предопределяет и дальнейшее направление виноградарства и методы стимулирования развития этой отрасли хозяйства.

В довоенное время наше виноградарство давало в среднем 40—45 миллионов ежегодного урожая, который не насыщал тогда всего спроса довоенной России, и несмотря на высокие пошлины в Россию ежегодно ввозилось вино из-за границы. Так, например, в трехлетие 1908—1911, в среднем, ввозилось ежегодно:

Вина в боченках	287 тыс. пуд.	на 5.631.000	руб.
Вина нешипуч. в бут.	53 „ „	„ 923.000	„
„ шипучего „	196 „ „	„ 6.255.000	„

Много ввозилось к нам из-за границы свежего винограда и изюма.

Если принять во внимание, что ввоз виноградных продуктов из-за границы почти совсем прекратился, что площадь виноградников Союза значительно сократилась с отделением Бессарабии, что виноградники изредились за время войны, вследствие отсутствия надлежащего ухода и поражения филлоксерою, что назревает проблема борьбы с излишним потреблением спиртных напитков населением Союза путем постепенной замены водочных изделий вином, — то становится совершенно очевидным большое значение виноградарства в народном хозяйстве Союза. Равным образом по тем же причинам является бесспорной необходимость дальнейшего расширения площади виноградных насаждений, тем более, что во многих районах СССР имеются еще большие земельные площади, как резервный фонд для весьма успешного развития виноградарства. Мы не ставим своей задачей указать мероприятия, которые способствовали бы развитию виноградарства, но тем не менее полагаем, что нам всемерно нужно стремиться к увеличению товарности виноградо-винодельческих хозяйств и устранить причины, этому препятствующие, так как распределение продукции урожая у нас нередко протекает крайне ненормально. Пример такой ненормальности мы видим по 1924 году, когда из 37 милл. пудов урожая было вывезено на общегосударственный рынок только — 2.000.000 пудов в 1923/24 г. и 3.450.000 пуд. в 1924/25 году, остальная же продукция осталась в районе.

[1] По нашим исследованиям.

Н. Виноградский

Перспективы товарного снабжения

I

Истекший 1925/26 год характеризуется острым товарным голодом. Различные исследования пытались дать цифровое выражение дефициту промышленных товоров путем сопоставления размера спроса и предложения этих товаров; но все без исключения исследования сопровождались оговорками о том, что они носят сугубо-условный характер, что они допускают большие отклонения, что они в значительной мере построены на данных, имеющих гипотетический характер. Параллельно с этими работами нами производились опыты построения балансов по отдельным важнейшим товарным рынкам. В этой области также приходилось иметь дело с известными допущениями, но такие балансы являлись значительно менее условными, чем сводный баланс товарного обращения. Кон'юнктурные показатели, главным образом, движение цен, в общем и целом подтверждали прогнозы отдельных рынков; величина торговых накидок находилась в известном соотношении с степенью насыщенности рынка теми или иными товарами.

Возвращаясь к конечным выводам о размерах и степени остроты товарного голода минувшего года, при совершенной невозможности по условиям современного статистического материала прийти к более или менее твердым балансовым выводам, попытаемся выявить отрицательные последствия его.

Дефицит промышленных товаров на рынке в конечном счете получает выражение в сокращении рыночной части сельскохозяйственной продукции, в росте розничных цен и в нарушении нормального соотношения между этими ценами и промышленными ценами. Все указанные отрицательные факторы остро проявлялись в истекшем году.

Розничный индекс промышленных цен, давший за 1924/25 год снижение на 1,6% (2,39 на 1 октября 1925 года против 2,43 на 1 октября 1924 года), вырос за 1925/26 год на 10,5% (до 2,64 на 1 октября 1926 г.), а средний годовой индекс поднялся с 2,30 до 2,57 (+ 11,7%). Этот рост промышленных розничных цен является реальным отражением товарного голода. Соответственно этому, поскольку заготовительные с.-х. цены находились под сильнейшим воздействием регулирующих мероприятий государства, раздвинулись „ножницы". Сопоставление промышленных и сельскохозяйственных розничных цен на 1 октября 1925 и 1926 гг. показывает раздвижение на 7% (1,33 против 1,25), тогда как за 1924/25 год мы имели сближение на 12%. Но, как известно, соотношение цен по розничному индексу не определяет действительных эквивалентов сельскохозяйственных и промышленных товаров, оно отражает только тенденцию, а разность между уровнем заготовительных с.-х. цен и промышленных розничных цен в деревне возрастает в несколько раз. В самом деле, при средне-годовом розничном индексе в 2,57 (в деревне эта цифра возрастает) индекс заготовительных цен на основные продукты стоял неизмеримо ниже.[1] Далее, если, сопоставить индексы с.-х. заготовительных цен 1925/26 года с предшествовавшим годом, то при росте розничных промышленных цен с.-х. цены основных с.-х. продуктов дают понижение.

В области политики регулирования заготовительных цен с.-х. сырья и продуктов животноводства был допущен ряд крупнейших ошибок в сторону недостаточно продуманного и несоответственного снижения цен. Но общее ухудшение в соотношении с.-х. заготовительных и промышленных розничных цен об'ективно является следствием товарного голода.

Соотношение товарной части продукции сельского хозяйства (не статистически исчисленной, а действительно отчужденной крестьянским хозяйством) находится в связи с размером урожая и, как указано было, с эквивалентом промышленных товаров, ей противопоставляемым, а также с уровнем и соотношением цен. При росте урожая товарная его часть должна возрастать не только абсолютно, но и относительно, если ей противопоставлен достаточный эквивалент промышленных товаров (за вычетом обязательных платежей крестьянства). Между тем, сопоставление отчужденной части сельскохозяйственной продукции с валовым сбором, исчисленное в довоенных рублях (без крестьянских закупок) за последние годы представляется в следующем виде (в %%):[2]

	1923/24	1924/25	1925/26		1923/24	1924/25	1925/26
Зерновые хлеба .	16,3	12,3	11,9	Табак желтый . .	78,7	93,8	68,8
Хлопок	94,7	97,8	96,3	Махорка	56,6	58,9	86,4
Лен — волокно . .	32,9	40,7	47,0	Мясо и сало . . .	32,4	34,6	30,9
Конопля — волокно	8,2	17,9	17,5	Молоко	14,5	17,2	18,4
Маслосемена . . .	29,5	51,9	42,0	Яйца	34 5	37,6	29,4
Сахарная свекла .	100,0	100,0	100,0	Кожсырье	40,5	45,0	46,1

Если исключить льняное волокно и махорку, то по всем прочим видам сельскохозяйственных продуктов мы наблюдаем снижение товарности при общем росте валовой продукции. В хлебном хозяйстве оно привело к чрезмерному накоплению запасов у крестьянства; в скотоводстве и птицеводстве — к сильному росту потребления продуктов этих отраслей крестьянским населением; рост товарности льна об'ясняется хорошим урожаем в связи с большим увеличением посевной площади,

[1] Зерновые хлеба 131,1, маслосемена 98,3, сахарная свекла 122,4, молоко 125 птица и мясо 121,7, лен 146,8; исключением является, например, махорка 255,4 (цитируем по Контрольным цифрам народного хозяйства на 1926/27 г.).

[2] Данные Контрольных цифр Госплана на 1926/27 г.

а махорки — прекрасным урожаем и хорошими ценами. Но в отношении ряда культур, на ряду с сокращением товарной их доли, в нынешнем 1926/27 году наблюдается уже снижение или сильно замедленный рост посевных площадей (сахарная свекла, лен, маслосемена, табак). Сокращение товарности сельского хозяйства непосредственно проистекает от товарного голода; указанный процесс в некоторых отраслях сельского хозяйства обострился благодаря причинам субъективным и ошибкам в политике цен.

Итак, мы видим, что недостаток промышленных товаров на протяжении почти всего прошлого года остро сказывался на всем народном хозяйстве. Сокращение рыночной части продукции сельского хозяйства уменьшило наши экспортные контингенты, а рост розничных цен промышленных товаров внес серьезные затруднения в процессы товарообмена как внутреннего, так и внешнего. Острота товарного голода начала сглаживаться лишь в последние три месяца старого хозяйственного года, совпадающие с началом нового сельскохозяйственного года. Это произошло под влиянием постепенного роста промышленного производства, мероприятий правительства по регулированию спроса, снижения хлебных цен и приурочивания взносов сельхозналога к более ранним срокам. Поскольку все указанные факторы оказали решительное действие и на торговую конъюнктуру первого квартала нынешнего года, мы еще вернемся к ним в последующем изложении.

II

Переходя к перспективам товароснабжения в настоящем году и не отказываясь от оценки их по данным предположительного сводного товарного баланса, мы вновь указываем на чрезвычайную его условность. Если приходная часть баланса (товарная масса) поддается более или менее достоверному учету (хотя и здесь возможны ошибки в учете продукции мелкой, кооперативной, кустарной и частной промышленности), то расходная его часть (спрос на товары), определяющая покупательный фонд населения на промтовары, столь неустойчива, что здесь возможны ошибки порядка сотен миллионов рублей. Особые затруднения представляет определение фонда деревни (например, неземледельческие доходы, выручка от кустарных промыслов, выделение внутридеревенского оборота); далее, достаточно ошибки в ценовой гипотезе, чтобы сальдо баланса изменилось. Исчисление платежного фонда городского населения является более достоверным, но и здесь достаточно, например, изменения городских розничных цен на сельскохозяйственные продукты против предположений, чтобы размер городского платежеспособного спроса на промтовары изменился в ту или другую сторону. И если мы, тем не менее, не отказываемся от составления балансов товарообращения, то расцениваем их, главным образом, в качестве динамических показателей. Но нельзя злоупотреблять этими балансовыми итогами, расценивать их вне совокупности со всеми факторами товарооборота и неправильным их использованием затемнять сущность вопроса.

Контрольные цифры Госплана со всеми указанными оговорками условно определяли размер товарного дефицита в 1926/27 году в 500 милл. руб. против 380 милл. рублей в 1925/26 году в предположении, что в соотношении цен между с.-х. и промышленными товарами не произойдет изменений по сравнению с прошлыми годами.

Но вопрос заключается не столько в арифметических сравнениях, сколько в анализе всех рыночных факторов, в измерении того отрицательного влияния, которое недостаток товаров может оказать на всю сферу обмена.

Мы склонны признать, что эта сторона вопроса, получившая в контрольных цифрах табличное отражение, не была достаточно синтезирована.

Поскольку контрольные цифры не предполагали роста промышленных розничных цен и ухудшения соотношения между сельскохозяйственными и промышленными ценами, нет никаких оснований говорить об обострении товарного голода в смысле влияния его на уровень цен.

Далее, если сопоставить рыночное отчуждение продукции сельского хозяйства в минувшем и настоящем годах,[1] то видим несомненный рост товарной части этой продукции (% отчужденного фонда к валовой продукции на основе исчислений в довоенных рублях):

	1926/27	1925/26		1926/27	1925/26
Зерновые хлеба .	16,0	11,9	Махорка	73,8	86,4
Хлопок — сырец .	93,7	96,3	Мясо и сало . . .	30,5	30,9
Лен — волокно . .	51,2	47,0	Молоко	19,7	18,4
Конопля — волокно	18,3	17,5	Птица	21,8	20,3
Маслосемена . . .	41,7	42,1	Яйца	33,4	29,4
Табак желтый . .	73,1	68,8	Кожсырье	45,2	46,1

По главнейшим отраслям сельского хозяйства предполагается рост рыночной продукции[2] при равном или даже несколько пониженном (за исключением хлеба) валовом сборе. Это само по себе говорит за то, что проявление товарного голода в этой области, весьма острое в 1925/26 году, будет в настоящем году гораздо слабее.

Да иначе и не может быть, поскольку мы предполагали выпустить промышленных товаров широкого потребления на 900 милл. руб. больше, чем в прошлом году (7.947 милл. против 7.039 милл. руб. по розничным ценам). Этот дополнительный выпуск, увеличивая эквивалент промтоваров, противопоставляемых продукции деревни, и этим содействуя росту рыночной ее части, сам по себе является фактором значительно смягчающим неудовлетворенность спроса, хотя бы и возрос-

[1] Табл. №№ 8 и 9 на стр. 348—351 Контрольных цифр.

[2] Предположенное сокращение товарности хлопка и маслосемян находятся в исключительной связи с пониженным урожаем этих культур (хлопка—по данным о состоянии посевов в августе).

шего в абсолютных числах; более того, указанный рост продукции вносит некоторые изменения и в характер спроса. Это поясняется и подтверждается данными о размерах продукции, выпускаемой на душу населения.

Согласно вычислениям ВСНХ,[1] промышленное производство на душу населения представляется в следующем виде:

	До войны	1924/25	1925/26	1926/27	В %% к довоен. норме	
					1925/26	1926/27
Чугун (фунт.)	66	22,4	32,0	50,0	48,0	75,8
Кожа (пар)	0,33	0,22	0,29	0,34	85,0	103,0
Сахар (фунт.)	19,3	11,6	16,6	16,0	86,0	83,0
Соль (фунт.)	28,5	23,0	24,1	31,1	84,5	109,0
Спички (коробок) . . .	25,0	21,3	26,6	26,2	108,0	104,0
Стекло (фунт.)	8,0	2,7	4,5	5,2	56,3	65,0
Керосин (фунт. за вычетом экспорта) . . .	14,9	10,0	12,5	14,6	83,8	98,0
Хлопчатобумажн. ткани (метр.)	20,6	12,4	13,8	15,5	67,0	72,0

По некоторым товарам мы подходим к довоенным нормам и даже их превышаем; это не всегда значит, что мы полностью покрываем спрос: характер и размер его видоизменяется в соответствии с социальными и экономическими сдвигами, происшедшими в стране в итоге Октября; достаточно, например, указать, что тракторизация сельского хозяйства пред'явила требование на керосин, совсем не известное до войны. По другим товарным группам мы еще отстаем от довоенных норм производства и эта отсталость усугубляется ухудшением качества ныне производимых товаров (например, текстиль), но самый рост производства на душу населения является фактором громадного рыночного значения, фактором, ослабляющим остроту товарного голода. Подтверждение этого положения мы находим в кон'юнктурных сообщениях, свидетельствующих о разборчивости потребителя, обращающего внимание на ассортимент, качество и цену товара, а не покупающего всякий предлагаемый товар. Другими словами, „физический" спрос в некоторых группах населения и по отношению к некоторым товарам переходит в спрос „экономический", когда безусловная нужда в данном товаре сменяется потребностью относительной, зависимой как от наличия платежных средств у покупателя, так и от целесообразности приобретения данного товара.

[1] Контрольные цифры, стр. 80.

Наши условные августовские исчисления, таким образом, говорят об ослаблении отрицательных проявлений товарного голода.

III

Контрольные цифры по товарообороту разрабатывались в то время, когда еще не были ясны размеры урожая хлеба, когда хлебозаготовительная кампания только еще начиналась, наконец, когда не мог быть точно выявлен сбор технических культур, имеющий громадное значение для темпа развертывания промышленности (поскольку недостаток собственного сырья, например, хлопка, восполняется ввозом из-за границы, ограниченным известным лимитом). Истекшие три с лишним месяца, поэтому, могли и должны были внести известные коррективы в наши августовские предположения о перспективах товароснабжения. Эти месяцы приобретают тем большее значение, что по условиям промышленного производства и сезонности сельскохозяйственных заготовок они представляются очень напряженными, что на практике этих месяцев можно сделать некоторые выводы об эффективности мероприятий регулирующих товарооборот. Что нового произошло за это время?

Мы, прежде всего, имеем некоторое, хотя и незначительное, сокращение валового сбора хлебов против августовских предположений; оно не может существенно отразиться на размерах покупательного фонда деревни, но неизбежно ведет к некоторому его сокращению.

Но, с другой стороны, резко изменились в лучшую сторону перспективы сырьевого снабжения хлопчатобумажной промышленности, т.-е. отрасли, работающей на наиболее важный для нас и наиболее дефицитный рынок. Сбор хлопкового волокна в Союзе вместо предположенных 9,3 милл. пуд. безусловно превысит 10 милл. пуд. В Америке же благодаря небывалому урожаю хлопчатника цена его настолько снизилась, что дает нам неожиданную экономию валюты, за счет которой мы можем усилить снабжение сырьем шерстяной и кожевенной промышленности, т.-е. тех именно отраслей, которые также дефицитны. В итоге, согласно принятым в последнее время решениям, мы развертываем хлопчатобумажную промышленность гораздо выше первоначальных предположений и выпускаем и настоящем году не менее 2.350 милл. метров против 2.000 милл. метров в прошлом году и на 200 милл. метров больше, чем было намечено контрольными цифрами. Поскольку дефицит хлопчатобумажных тканей исчислялся на год в 300 милл. метров, он, таким образом, на $^2/_3$ покрывается. Реальный же прирост всей промышленной продукции в связи с указанными обстоятельствами несколько превысит 100 милл. руб., притом, главным образом, по наиболее дефицитным группам товаров. Это не может не оказать существенного влияния на товароснабжение этого года, и если намеченное развертывание промышленности не скажется на рынке немедленно, то оно будет чрезвычайно эффективным для второй половины года и, в частности, в период приступа к будущей заготовительной кампании.

Мы неоднократно указывали на то, что соотношение между ценами промышленными и сельскохозяйственными оказывает громадное влияние на соотношение спроса и предложения промтоваров. Первые четыре месяца (август — ноябрь) новой хлебной кампании (мы исключаем июль в виду незначительности заготовки) прошли при хлебных ценах, значительно сниженных против прошлого года, но при возросшем розничном промышленном индексе; такое раздвижение „ножниц", обусловленное высокими промышленными ценами, по силе вещей должно было повести к сокращению покупательной способности деревни; перед нами впереди стоит громадная задача выравнивания цен путем снижения промышленных цен (об этом будет сказано ниже), но пока-что пройденные месяцы, без сомнения, содействовали некоторому снижению покупательного фонда деревни.

Следует, наконец, признать, что влияние режима экономии в части сокращения управленческих расходов не было в августе в достаточной мере учтено при исчислении платежного фонда городского населения.

Указанные четыре фактора (понижение урожая, рост промышленного производства, соотношение цен и меры по ограничению городского спроса) по совокупности приводят к сближению приходной и расходной частей товарного баланса, к выравниванию спроса и предложения; они (в особенности второй и четвертый) являются факторами, распространяющими свое действие на годовой баланс, ослабляющими остроту товарного голода на протяжении всего года.

IV

Неоднократно мы говорили, что для правильной оценки товарообращения недостаточны одни только условные сводные балансовые выводы, но необходимы и балансы по отдельным рынкам. Громадное значение имеет календарное поступление промышленной продукции на рынок, соответствие потоков промышленных и сельскохозяйственных товаров. Мы подходим к вопросу о государственном регулировании спроса и предложения во времени. Этот вопрос получил особую остроту в I квартале прошлого года. Тогда промышленность только начала усиленно развертываться, добавочные товарные фонды могли дойти к потребителю лишь во II квартале; между тем, в конце IV квартала 1924/25 г. и в I квартале 1925/26 г. произошло резкое увеличение зарплаты; при высоких хлебных ценах конца IV квартала деревня до нового календарного года была почти свободна от обязательных платежей и все денежные излишки пред'явила к товарному рынку. С точки зрения соответствия спроса и предложения во времени это была самая неудачная комбинация, которую только можно себе представить. Она привела к невероятному ажиотажу, еще усиленному в верхах торгового аппарата избытком денег.

Нынешней осенью имеем обстановку прямо противоположную: предложение товаров усилилось по сравнению с прошлым годом, так как IV квартал предшествующего года не дал „провала", имевшего место год тому назад; сбор урожая запоздал на месяц; взимание единого сельхозналога установлено в ранние сроки массовой реализации хлеба; заготовительные хлебные цены удержаны на пониженном уровне; городской потребительский спрос до известной степени ограничен проводимым режимом экономии. Совокупность всего этого вместе взятого привела к относительному равновесию на рынке в самый ответственный период года — в начале хлебозаготовительной кампании. Мы имеем классический пример и неоспоримое доказательство (к сведению скептиков) того, каких результатов можно достичь в области планирования и регулирования товарооборота этой сферы, наиболее трудно поддающейся государственному воздействию. И в этом мы усматриваем большое достижение в данной области.

Можно ли отсюда делать выводы о грядущем на протяжении всего года спокойствии и равновесии рынка? Для этого нет оснований.

Наибольшее затишье низового спроса в осенние месяцы наблюдалось в деревне; но факторы (указанные выше), обусловившие это затишье в истекшие месяцы, являются преходящими. После взноса обязательных платежей крестьянством (к новому календарному году) у него освободятся средства на покупку товаров. Далее, заготовки технических культур и продуктов животноводства еще не развернулись — они впереди, и мы условились проводить их на базе относительно несколько повышенных цен (по сравнению с хлебными ценами). Наконец, надо добиться снижения розничных промышленных цен и приведения их в равновесие с сельхозценами. Все это говорит за то, что мы стоим перед нарастанием крестьянского спроса на промышленные товары. Некоторое увеличение городского спроса также должно иметь место в связи с предстоящим повышением зарплаты в отсталых отраслях промышленности. Можно предполагать, что первая вспышка низового спроса будет иметь место в середине декабря, в предпраздничный период.

Развернутой здесь перспективе противоречат высказываемые иногда в последнее время в печати предположения о возможных затруднениях в сбыте промышленных товаров. Осеннее рыночное равновесие дало толчок этим мыслям; возникли разговоры о частичном затоваривании — в качестве обоснования приводятся ссылки на затруднения по сбыту кустарных металлических изделий Павловского и Тульского районов, — о заминках в торговле, даже о предвестниках кризиса сбыта. Подобные рассуждения ничем не обоснованы.

Главный показатель соответствия спроса и предложения — розничные промышленные цены — не говорит о превышении предложения над спросом; если бы по главной массе товаров (даже исключая остро-дефицитные группы) наблюдались затруднения в сбыте, то цены по силе вещей должны бы снизиться, а этого мы не наблюдаем. Цены, наоборот, указывают на некоторое напряжение спроса, однако, менее острое, чем в прошлом году. Как сказано было, мы вошли в новый хозяйственный год с повышенным уровнем промышленных цен, полученным в наследие от прошлогоднего товарного голода, но динамика цен с начала новой сельскохозяйственной кампании представляется гораздо более благоприятной.

Движение розничного промышленного субиндекса

	1926 г.	1925 г.
1 июля	2,66	2,19
1 августа	2,64	2,21
1 сентября	2,63	2,27
1 октября	2,64	2,39
1 ноября	2,66	2,45

При стабильности индекса в этом году он показал за тот же период прошлого года повышение на 11,9%.

Спорадические явления, давшие повод к обобщениям и к выводам о предстоящих затруднениях в сбыте, имеют иные причины. Мы уже говорили о том, что характер спроса претерпел изменение — потребитель считается с ассортиментом, качеством и ценой товара. Отказ от покупки неподходящего или чрезмерно дорогого товара еще не означает отсутствия спроса, как такового; но это значит, что не всякий товар, повсеместно и по любой цене, найдет сбыт, как это имело место в прошлом году. При товарном голоде минувшего года торговля была в значительной мере подменена распределением. С этой точки зрения товароснабжение в этом году будет проходить в обстановке более сложной, но и более здоровой; на смену распределению компродовского характера должен притти гибкий коммерческий маневр, предусматривающий распыление товаров по отдельным районам и организациям, соответственно требованиям, пред'являемым потребителем. В отношении ряда товаров (хотя бы тех же дорогих металлических кустарных изделий посредственного качества) встанет вопрос о необходимости снижения цены для обеспечения их сбыта. Далее, поскольку доля кооперации в сбыте промышленной продукции еще увеличилась, необходимо, чтобы она обратила внимание на проведение к потребителю в достаточном количестве всех вообще товаров широкого обихода, а не сосредоточивала свое внимание на некоторых излюбленных группах (такие уклоны, несомненно, имеют место), ибо в противном случае действительно может создаться затоваривание некоторых отраслей промышленности при одновременном голоде на их продукцию на местах; такие случаи с сахаром и солью наблюдались уже в прошлом году.

Наконец, последний вопрос, приобретающий уже в настоящем году исключительное значение,— это ассортимент и качество промышленной продукции, в особенности на текстильном рынке. В силу необходимости мы в прошлом году были вынуждены пойти на изготовление тканей облегченного типа, дабы дать максимальный количественный эффект. При росте продукции, при известном насыщении рынка в этом году и в связи с изменением характера спроса необходимо решительно перейти к улучшению качества и ассортимента тканей, ибо в противном случае к концу года, действительно, мы можем оказаться перед затруднениями в сбыте текстильной продукции ненадлежащего ассортимента и качества.

* * *

Выводы из всего сказанного ясны и очень кратки: Первое—всемерное расширение производства в пределах всех имеющихся возможностей. Второе—улучшение ассортимента и качества промышленных товаров. Третье—неослабная борьба за снижение розничных промышленных цен путем сокращения издержек товаропроводящего аппарата и его рационализации. Снижение оптовых цен, когда это возможно по условиям производства и когда состояние рынка обеспечивает соответственное дальнейшее снижение розничных цен. Выравнивание соотношения между промышленными и сельскохозяйственными ценами. Отсюда — гибкая и дифференцированная политика цен на отдельных рынках. Четвертое—продолжение политики регулирования спроса всеми имеющимися в распоряжении государства средствами. Пятое—применение таких методов регулирования рынка, которые обеспечили бы максимальную коммерческую гибкость в работе торгующих организаций. Наконец, шестое—кредитный режим, соответствующий современной обстановке товарооборота (превышение спроса над предложением, высокие цены) и недопускающий внедрения излишних средств в торговлю.

А. Э. Гиттерман

Источник средств для нового жилищного строительства [1]

По свидетельству органов и лиц, производивших специальные исследования состояния фонда жилой площади в городах и промышленных пунктах Союза, переживаемый нами жилищный кризис оценивается, как весьма тяжелый с перспективами дальнейшего ухудшения. Восстановление зданий и новое жилищное строительство далеко не достигают размера, соответствующего приросту населения и разрушению старых зданий, вследствие их ветхости.

Душевой надел жилой площади непрерывно снижается, и установлено, что стабилизировать его не удастся еще на протяжении нескольких ближайших лет, даже при условии ежегодно возрастающего вложения средств в восстановление и строительство жилищ. По ориентировочным расчетам Госплана мы достигнем стабилизации душевого надела жилплощади лишь при вложении в это дело в течение пяти лет—2 миллиардов рублей. Между тем, по рассчетам Госплана, строительство 1925 года выразилось ориентировочно лишь в сумме 248 милл. руб. и по предварительным расчетам строительство 1926 г.—в сумме 297 милл. руб. Как видно из этих цифр, мы не так скоро достигнем суммы в 2 миллиарда рублей, а каждый год усугубляет тяжесть положения, так как продолжается выбытие из эксплоатации зданий и продолжается прирост населения.

Откуда поступили суммы, вложенные в жилищное строительство и где предполагает Госплан изыскать средства в дальнейшем? Основной источник этих средств — госбюджет, затем отчисления от прибылей промышленных и торговых предприятий в фонд улучшения быта рабочих и служащих и, наконец, значительная часть средств, по расчетам Госплана, вкладывается и ожидается от частных лиц.

Однако, частное строительство приняло форму массовых построек хаток полугородского, полудеревенского типа, домов-карликов в одну—две комнаты с соответствующим качеством строительных материалов и внешним и внутренним устройством домов. Такое строительство не может разрешить городского жилищного кризиса. Оно лишь паллиатив, временно ослабляющий остроту кризиса, но вместе с тем, это шаг назад в благоустройстве городов и в технике строительства.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

Ассигнования государственных средств в 1925 и 1926 гг. были необходимы, с одной стороны, чтобы положить начало организации жилищного строительства (на эти деньги создан Центральный банк Ком. Хоз. Жил. Стр.), и, с другой стороны, для разрешения особо острой жилищной нужды в промышленности, где вопросы производства уперлись в тупик жилищного кризиса. Затраты со стороны государства на жилищное строительство, конечно, будут необходимы еще ряд лет, но они обязательны и посильны для государства лишь там, где жилищный вопрос будет сопряжен с новым промышленным строительством и в некоторой части в виде пополнения фондов улучшения быта рабочих и служащих, направленных на жилищное строительство действующих промышленных предприятий.

Потребность в жилищах общегражданского населения, куда входят все классы и группы населения, в том числе и рабочие мелких и частных предприятий, служащие и проч. остается неудовлетворенной, так как строительство для этих групп лишится в дальнейшем государственной помощи. Государство и по состоянию бюджета и в силу необходимости осуществлять свои задачи в области индустриализации и удовлетворения других потребностей страны не сможет вкладывать новые средства в городское жилищное строительство, умерщвляя их на долгие сроки.

В виду этого, вопросу об источниках средств для нового домостроительства городов должно уделить особое и исключительное внимание.

Затраты на капитальные сооружения могут производиться лишь в соответствии с процессом капиталонакопления в народном хозяйстве. Размер капиталонакопления для 1925/26 г. определен специальными исследованиями ориентировочно в сумме около 1.400 милл. черв. рублей, при чем в эту сумму включено накопление деревни в виде натуральных фондов, исчисляемое, примерно, в 400 милл. черв. рублей. В довоенное время капиталонакопление исчислялось в размерах 1.500—1.600 милл. золотых рублей. Снижение размеров накопления явилось результатом, главным образом, понижения уровня национального дохода.

Капиталонакопление может происходить в добровольном и принудительном порядке. По ряду причин в настоящее время добровольное капиталонакопление представляет величину сравнительно небольшую и при том выражается преимущественно в натуральных фондах.

Оно развивается настолько слабо, что нельзя делать на него ставку, нельзя, следовательно, ожидать значительного притока средств из этого источника на дело нового жилищного строительства. Из этого положения необходимо сделать соответствующий вывод, именно, что облигационные займы Цекомбанка являются в настоящих условиях лишь теоретической возможностью и что до оздоровления денежного рынка, т.-е. до возникновения процесса частного капиталонакопления, выпуск внутренних облигационных займов Цекомбанка не может иметь места. О внешнем займе банка пока говорить преждевременно. Максимум, чего можно ждать из источника частного накопления — это упомянутое выше карликовое строительство для удовлетворения личных потребностей. Но это не решение

вопроса. Этот источник средств надо временно снять со счетов. Остается путь принудительного накопления в виде налогов и различных налогообразных сборов.

Возможные формы налогового обложения использованы. Частично предусмотрены также и интересы жилищного строительства, на нужды которого направляется доход от квартирного налога. Что же касается специальных сборов, то здесь имеются совершенно определенные возможности, которые и надлежит использовать для нового жилищного строительства. Этот источник заключается в рациональном использовании капиталов, заключенных в национализированных и муниципализированных домовладениях, которые мы привыкли рассматривать как капиталы, направленные в потребление, как бы умерщвленные. Мы были настолько бедны, что не только не могли оплатить услуги этих капиталов, но нам непосильно было сохранить их в целостном состоянии. 10—12 лет непрерывно разрушались ветшавшие здания, и до сего времени не отложено ни одного рубля на их восстановление. Потребление капиталов продолжается, но теперь уже без оправдания. Оно продолжается потому, что не организовано рациональное управление муниципализированным имуществом. Несомненно, еще не настало время требовать от населения оплаты услуг капитала в жилищах путем ренты, но должно и своевременно поставить вопрос об его амортизации. А для этого, прежде всего, нужно организовать хозяйственное управление муниципализированным имуществом.

Местые советы получили в свое распоряжение одну из весьма значительных статей накопленного народного богатства — городское домохозяйство. Не справившись в силу различных причин с управлением этим имуществом, местные советы передали весьма значительную его часть на началах аренды коллективам из жильцов и частным арендаторам. Арендаторы же, ограниченные случайными размерами дохода домовладения, определяемыми не ценностью здания и не его состоянием, а размерами доходов жильцов, оказались в различных положениях. Одни получили новые благоустроенные здания и свои доходы тратили либо на ненужное перекрашивание домов в различные коллеры, по вкусу председателей своих правлений, либо расходовали все доходы на „администрирование“. Некоторые отапливали здания за счет квартирной платы, и благоденствующие жильцы имели за свои ничтожные взносы не только квартиру, но и отопление, и т. д. Другие получили ветхие, полуразвалившиеся здания и им нехватало доходов дома не только на ремонты, но и на заплаты и подпорки, и приходилось взывать к жильцам с просьбами о „добровольных“ взносах в кассу домоуправлений. Все это наблюдается и по сие время, правда, в несколько смягченном виде благодаря банковскому кредиту.

Результаты сказались достаточно быстро — мы переживаем острый жилищный кризис с перспективой его дальнейшего обострения.

Путь для разрешения создавшегося кризиса намечен в постановлении СНК СССР о квартирной плате от 4/VI 1926 г. („Известия“, № 143 25/VI 1926 г.). Этот путь — создание фондов амортизаций городского домохозяйства.

Однако, это лишь первый шаг по этому пути, так как для того, чтобы практически подойти к разрешению вопроса о создании этих фондов, надо предварительно проделать огромную работу. Надо почти наново организовать аппарат по управлению городскими муниципализированными зданиями, такой аппарат, который бы действительно реально управлял каждым муниципализированным зданием, а не только заключал и регистрировал договоры аренды. Надо учесть и оценить все муниципализированные домовладения, надо устроить контроль касс домоуправлений и проч.

Когда будет проделана эта работа, можно будет подойти к построению квартирной платы на новых основаниях, более целесообразных и более справедливых.

Останавливаться на критике применяемого принципа исчисления квартирной платы излишне. В настоящее время почти не имеется сторонников этого принципа, которые стали бы защищать его целесообразность. Основные его дефекты заключаются в том, что уравниваются платежи за помещения, не сравнимые по благоустройству, удобствам, близости к центру и пр., и не гарантируется нормальная доходность каждого отдельного домовладения, соответственно его ценности. Те или иные изменения ставок квартирной платы являются паллиативами, которые не разрешают вопроса.

Квартирная плата должна быть построена в соответствии с требованиями экономики, т.-е. она должна быть индивидуализирована по каждому домовладению. Квартирная плата должна дать средства: на покрытие эксплоатационных расходов данного домовладения, (включая сюда расходы по управлению, оплату налогов, ренты, страховых премий, поддержание чистоты и порядка и текущий мелкий ремонт дома), на составление амортизационного капитала по данному дому и нормальную прибыль на капитал, заключенный в нем.

Все эти статьи могут быть разделены на три группы: 1) эксплоатационные расходы, включая мелкий текущий ремонт, 2) амортизационные суммы и 3) процент на капитал, заключенный в зданиях.

Первая статья легко может быть определена по каждому домовладению на основании опыта и отчетности за истекшие годы. Стандартизировать эти расходы в какой-либо общей формуле, которая могла бы быть преподана сверху, в виде ли процента от валового дохода или по иному методу, едва ли возможно, так как мы рисковали бы оставить одни домовладения с недостаточными средствами, а другим дать излишние средства, что было бы и нехозяйственно и неэкономно.

Вторую и третью статьи можно, очевидно, определить лишь путем тщательной оценки каждого муниципализированного здания отдельно. Оценка зданий должна быть произведена органами местных советов с привлечением к этой работе страховых организаций и других заинтересованных учреждений. Работа по оценкам зданий, конечно, весьма

громоздкая и дорогостоющая, но лишь на основе этой работы может быть организовано, наконец, надлежащее управление муниципализированными домовладениями.

Это имущество — одна из крупнейших статей народного богатства, и небрежность или экономия в построении организованного управления этим имуществом были бы непростительной расточительностью.

Переходя к вопросу о порядке производства оценки зданий, надлежит решить, следует ли производить оценку в восстановительной цене зданий или же в их действительной стоимости, т.-е. с соответствующей скидкой на ветхость. Отыскивая принцип построения квартирной платы на основаниях действительного соответствия ценности и удобств дома и квартир размеру квартирной платы, очевидно, нужно остановиться на втором способе, т.-е. на оценке домов в их действительной цене со скидкой на ветхость. Нельзя возлагать на случайных людей, населяющих данный дом, тяготы по восстановлению и оплате услуг не ими использованных капиталов, когда-то вложенных в занимаемые ими здания. Нельзя не считаться с тем фактом, что часть этих капиталов уже прожита, нельзя исходить из нереальных воображаемых сумм стоимости дома. Наконец, нам важно знать ту реальную сумму капитала, которую мы имеем в настоящее время в виде домового хозяйства, чтобы правильно строить все управление и плановое регулирование этой отраслью народного хозяйства.

По этим соображениям надлежит произвести оценку каждого домовладения по реальной цене, соответствующей его состоянию в настоящее время в червонных рублях. Одновременно с оценкой должен быть определен срок, который может существовать данное здание. Отсюда определится ежегодная сумма амортизации каждого дома. Из этих же данных может быть установлена сумма процентов, подлежащая начислению на капитал, заключенный в здании. Отыскав, таким образом, второе и третье слагаемые, мы получим сумму необходимого валового дохода каждого дома.

Эта валовая сумма распределяется между квартирами, при чем определение нормальной цены каждой квартиры должно производиться, конечно, вне зависимости от случайного состава жильцов, населяющих квартиру.

Отыскав цену каждой квартиры, мы должны построить квартирную плату на таких основаниях, которые позволяли бы, по мере возможности, приближаться к этой цене. Очевидно, что сделать это единовременно нельзя, так как это окажется непосильным большей части населения городов. Однако, необходимо построить такую систему исчисления квартирной платы, которая отличалась бы эластичностью и позволила бы, регулируя таксы, приближаться к нормальному положению, предусматривающему получение 100% действительной цены квартир. Это идеальное построение квартирной платы невозможно еще в течение более или менее продолжительного периода. На этот срок необходимо применить эластичную систему платежей за квартиры, взимаемых пропорционально доходам квартирантов.

Предлагаемая система заключается в следующем: законодатель должен отказаться от денежного определения цены единицы жилой площади для различных групп населения. Его задача должна ограничиваться указанием принципа раскладки цены всей квартиры между занимающими ее лицами. Денежное же выражение суммы платежа за единицу площади определится в зависимости от цены квартиры и от состава квартирантов. Законодатель, таким образом, должен установить лишь коэффициентные отношения квартирной платы за единицу площади для различных групп населения. Однако, этот принцип, примененный без всяких ограничений, может привести в наиболее дорогих и благоустроенных домах к непосильным размерам платежей для тех или иных групп населения. В виду этого, очевидно, на ближайшее время надлежит ввести смешанную систему исчисления квартирной платы, именно: во-первых, по указанному принципу коэффициентных соотношений и, во-вторых, по действующему принципу, т.-е. в виде фиксированного денежного выражения цены единицы площади. Эта смешанная система будет заключаться в том, что первый принцип будет служить основанием для исчисления квартирной платы, второй же принцип будет служить пределом, максимумом, выше которого не должна устанавливаться цена за единицу площади при данном доходе групп населения.

Например, устанавливаются такие соотношения: [1]

Пенсионеры, учащиеся, безработные и т. д.	коэфф.	1	макс. 1 р. —	за кв. саж
При доходе от 25 до 50 р.	„	1,5	1 р. 50 к.	„ „
„ „ 100 р.	„	2	2 р. —	„ „
„ „ 200 р.	„	3	3 р. 50 к.	„ „
„ „ 350 р.	„	4	4 р. 50 к.	„ „
„ „ 500 р.	„	5	6 р. —	„ „
„ свыше 500 р.	„	6	—	„ „

Умножая площадь, занимаемую каждым жильцом, на коэффициент, соответствующий его доходу, получим коэффициентное число. Деля цену квартиры на сумму всех коэффициентных чисел жильцов данной квартиры, получим денежное выражение единицы коэффициентного числа. Умножая эту цену единицы на коэффициентное число каждого квартиранта, получим сумму причитающегося с него платежа. Со всех жильцов данной кватиры мы, очевидно, получим 100% цены квартиры. Далее, если окажется, что сумма платежа, причитающегося с данного жильца, превышает сумму, которая может быть с него взыскана по нормам максимума, с него взимается эта последняя сумма, т.-е. данному жильцу делается соответствующая скидка. Эта скидка не должна, очевидно, перелагаться на других квартирантов, а является недобором по квартире, который отражается непосредственно на фонде, составляемом из процентов на капитал по данному домовладению. В случае же значительных скидок, превышающих в совокупности сумму процентов на капитал, принятую при определении валового дохода дома,— эти скидки мо-

[1] Приведенная таблица—не более как пример, а не конкретное предложение о соотношениях коэффициентов и размеров максимумов.

гут в некоторой части затронуть фонд амортизации по данному домовладению. Если в результате применения системы максимумов мы потеряем проценты на капитал, заключенный в зданиях, с этой потерей временно мириться можно. Но, конечно, недопустимо было бы ввести такие нормы максимума, которые отразились бы на амортизационном фонде. Мы еще не настолько богаты, чтобы оплатить нормальной рентой услуги капитала, находящегося в нашем пользовании. Но мы достаточно богаты для того, чтобы сохранить тот капитал, который мы имеем в настоящее время в наших муниципализированных домовладениях. В виду этого, к размерам максимумов надлежит отнестись весьма осторожно, чтобы не перейти ту грань, которая гарантирует составление амортизационного фонда в размере 100%, исчисляемых по оценке поступлений.

Предлагаемая система исчисления квартирной платы имеет ряд преимуществ. Ее основанием является принцип соответствия валового и чистого дохода каждого дома его эксплоатационным расходам и его реальной ценности. Вместе с тем, при этой системе будет известно в каждый данный момент, насколько нормы коэффициентных соотношений и максимумов соответствуют тем сборам, которые должны были бы поступить от эксплоатации домового хозяйства. Эта система весьма эластична: она дает возможность регулировать размеры платежей за квартиры и легко приходить к тем результатам, которые в данный момент окажутся необходимыми. Наконец, эта система справедлива, так как каждый квартирант будет платить соответственно и пропорционально тем благам и удобствам, которыми он пользуется.

Ставки квартирной платы, введенные с октября с. г., предусматривают необходимость составления амортизационных фондов. Однако, эта идея оказалась брошенной в стихию разнообразных условий эксплоатации домов, случайных возможностей составления таких фондов, совершенно не соразмеряемых ни с ценностью амортизируемого здания, ни с обязательностью каждого пользующегося зданием посильно участвовать в его амортизации. Идею о заключении текущих расходов домоуправлений в определенные границы предполагается разрешить в порядке предписания общих кабинетных шаблонов, что поведет для одних домовладений к вредному сужению смет за счет благоустройства зданий, а для других к излишней расточительности, которая, несомненно, отразится на амортизационном фонде. Бюджет каждого домовладения должен выясниться на месте на основании книг и с учетом состояния и нужд домовладения. Бюджет каждого домохозяйства должен быть утвержден органами местного совета.

Отчисления на амортизацию домовладений принадлежат собственнику здания — местному совету. Вследствие этого вся сумма отчислений должна быть полностью из'ята из касс домоуправлений, равно как и сумма процентов на капитал, заключенный в зданиях. [1]

[1] Автор не думает, чтобы квартплата ближайших лет могла строиться без применения системы максимумов; при этом же условии вопрос о процентах на капитал, заключенный в зданиях, является только теоретическим, так как едва ли на практике будут встречаться случаи поступления этих сумм. Вследствие этого ниже рассматривается вопрос только об амортизационном фонде.

Порядок из'ятия этих сумм и техника контроля над отчетностью домоуправлений подлежат специальной проработке.

Весь фонд лучше всего концентрировать в одном финансовом аппарате, очевидно, в системе коммунальных банков. Возникновение этого источника средств, несомненно, послужит основанием для организации коммунальных банков в тех крупно-административных центрах, где эти банки не учреждены.

Таким образом, домоуправления будут лишены права пользоваться этими средствами. Потребность домохозяйств в капитальных ремонтах должна удовлетворяться из фонда на основании смет, утверждаемых техническим органом местного совета, удостоверяющим необходимость и целесообразность ремонта и размер сумм, подлежащих отпуску данному домохозяйству. При такой системе прекратятся нерациональные ремонты зданий, подлежащих сносу, частичные, ежегодные и, следовательно, дорогие ремонты, производимые в настоящее время за недостатком средств одного домоуправления, и пр.

Ремонтные суммы будут выдаваться безвозвратно, но при крупных ремонтах должна производиться переоценка здания, что повлечет за собой увеличение отчислений в амортизационный фонд.

Обезличение средств амортизационного фонда отдельных домовладений в виде создания единого жилищного амортизационного фонда местного совета (при условии учреждения специального живого эластичного аппарата по фактическому финансовому и техническому надзору за состоянием и благоустройством зданий и состоянием дел домоуправлений), несомненно, будет способствовать наиболее рациональной постановке жилищного строительного и ремонтного дела данного местного совета.

Но здесь есть и опасность погубить не мало зданий, если этот технический аппарат окажется организованным недостаточно стройно и хозяйственно.

Далее, необходимо выяснить, должно ли обезличение средств амортизационного фонда ограничиваться пределами местного хозяйства, или надлежит провести эту меру в отношении известного процента амортизационного фонда в республиканских и союзном масштабах.

Учитывая неравномерность экономического роста отдельных районов, выявившиеся уже передвижки экономических центров в новые узловые пункты, потребность государства в развитии промышленности и прочие явления,—следует признать целесообразным создание республиканских и общесоюзного фондов, образуемых из отчислений от местных амортизационных средств.

При установлении методов и системы из'ятия части жилищно-амортизационных фондов местных советов в фонды республиканские и союзный, необходимо учесть весьма неудачный опыт составления существующего

фонда рабочего жилищного строительства. Неуспех в образовании этого фонда произошел по следующим причинам: 1) при составлении фонда не было учтено сопротивление органов, обязанных известными отчислениями, 2) высоким процентом отчислений (напр. 75% отчислений от прибылей торговых предприятий и банков на улучшение быта рабочих) и 3) поручением собирать этот фонд (общесоюзный) не административному органу, а Цекомбанку.

При наличии этого опыта надо очень осторожно разрешать задачу обезличения части жилищных амортизационных фондов местных советов для создания республиканских и общесоюзного фондов.

В целях рационального использования фондов местными советами и в целях ослабления их сопротивления из'ятию части этих фондов центром должны быть установлены довольно жесткие ограничения прав местных советов в распоряжении фондами. Именно, должно быть предусмотрено, что жилищный амортизационный фонд не может смешиваться с другими фондами местного совета, что за его счет могут производиться только расходы по капитальным ремонтам и постройке новых жилых зданий. Не может быть допущено расходование фонда не только на общие нужды местного совета, но даже на коммунальное строительство и благоустройство поселений, каковые нужды должны удовлетворяться из иных специальных источников и из местного бюджета (в частности, из амортизационного фонда коммунальных предприятий). Быть может, было бы целесообразно ограничить право местного совета расходовать этот фонд даже на сооружение зданий общественного значения и пользования, как-то: зданий для учреждений, воинских частей, театров, школ, больниц и пр., для чего местные советы могут заключать специальные займы в центральных кредитных учреждениях (Цекомбанк).

При наличии подобных норм будет ослаблен стимул борьбы мест с центром за отчисляемую часть амортизационного фонда. Это сопротивление еще более ослабится, если будет установлен сравнительно невысокий процент отчисления (напр., 10%), и значительно увеличится и облегчится отпуск кредитов местным советам (очевидно, уже на нужды коммунального хозяйства) из общесоюзных кредитных учреждений (Цекомбанк).

Технически из'ятие отчислений из фондов местных советов должно осуществляться административным органом (наркомфинами республик и Союза), а не банком.

На основе изложенного может быть правильно построено образование жилищно-амортизационных фондов союзного, республиканских и местных. Эти фонды, стягиваемые в кассы коммунальных банков, окажутся новым источником средств для городского жилищного строительства, осуществляемого исполкомами и жил.-стр. кооперацией. Этот источник при рациональном построении квартирной платы и управления домовым хозяйством окажется на ближайший период лет достаточно мощным. Составление амортизационных фондов даст гарантию надлежащего использования и максимального сохранения существующего жилищного фонда и, вместе с тем, даст возможность производить строительство новых

зданий на смену выбывающих и разрушающихся. Однако, это строительство, производимое за счет амортизационных фондов, является не более как сохранением капитала, заключенного в настоящее время в существующих зданиях, ибо амортизационный фонд не является новым капиталонакоплением. Вследствие этого, очевидно, через несколько лет средств, поступающих в амортизационный фонд, окажется недостаточно. Тогда потребуется привлечь в дело жилищного строительства городов новое капиталонакопление. Его источник—процент роста на капитал, заключенный в зданиях. Чтобы пробудить этот источник к жизни, надо будет лишь изменить или отменить нормы максимумов квартирной платы, что даст поступление ста процентов установленных доходов домовладений, в которые, как выше указано, должны быть включены проценты роста на капитал в зданиях.

Таким образом, единственным и совершенно достаточным источником средств для нового домостроительства городов должна быть квартирная плата, собираемая в муниципализированных домовладениях.

При этом, при построении квартирной платы по изложенному методу, плановые органы государства получат возможность легко и четко планировать сложную область городского домового хозяйства как в смысле условий эксплоатации городского жилищного фонда Союза, так и в смысле нового строительства.

Квартирная плата в частных домовладениях, в интересах справедливости по отношению к плательщикам - квартирантам, должна быть построена на тех же принципах и по тому же методу, как и в муниципализированных зданиях. Вместе с определением квартирной платы в частных домовладениях, очевидно, будет точно установлена их доходность. В соответствии с этим упростится и уточнится налоговое обложение домовладельцев. Регулированием налогового обложения может быть или допущено или из'ято органами фиска капиталонакопление домовладельцев.

В. Г. Громан

Баланс народного хозяйства

I. История и теория вопроса

Теория баланса народного хозяйства не существует, но идея баланса насчитывает уже свыше 150 лет.

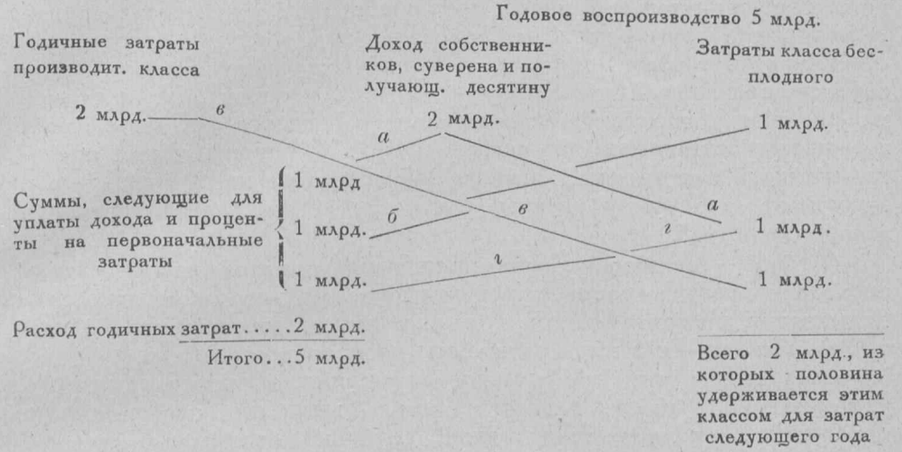
В начале второй половины XVIII века физиократ Франсуа Кенэ в форме „экономической таблицы“ сделал попытку балансового построения, хотя и гипотетическую, но тем не менее отображающую конкретное хозяйство тогдашней Франции. Эту попытку Маркс назвал плодом гениальной мысли. „Это,—говорит Маркс,—была попытка представить весь процесс капиталистического производства, как процесс воспроизводства, а обращение только как форму этого процесса воспроизводства, обращение денег только как момент обращения капитала. Равным образом,—продолжает Маркс,—это была попытка рассмотреть с точки зрения процесса воспроизводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом и отношение между производительным и окончательным потреблением, а с точки зрения процесса обращения здесь рассматривалось обращение между потребителем и производителем (в действительности—между капиталом и доходом). Наконец, это была попытка представить в виде моментов процесса воспроизводства обращение между двумя крупными отраслями производительного труда: добывающей и обрабатывающей промышленностью“ (К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I, стр. 72, изд. Университета им. Зиновьева).

Эти слова Маркса, излагающие основную идею народнохозяйственного баланса, обязывают остановиться на экономической таблице Франсуа Кенэ, несмотря на все ее несовершенства.

Сам Кенэ излагает свою задачу в следующих словах („Записки Научного Общества Марксистов“, № 5, 1923 г., стр. 34 и след.): „Нация сводится к трем классам: к классу производительному, к классу собственников и к классу бесплодному, к которому относятся все лица, занятые другими обязанностями и работами, чем земледелие“. Не забудем, что Кенэ был физиократом и поэтому производительным трудом считал лишь земледелие. „Чтобы ясно проследить и разобраться во взаимных отношениях этих различных классов,—говорит Кенэ,—необходимо сосредоточиться на каком-нибудь примере, ибо нельзя делать точного расчета на основе чистой абстракции. Поэтому предположим, что мы имеем дело с большим государством, земля которого каждый год воспроизводит сумму в 5 миллиардов“.

Экономическая таблица обнимает три класса и их годичные богатства и изображает их в следующей форме:

Формула экономической таблицы

Описывает эту таблицу Кенэ в следующих словах: „Слева наверху находится сумма затрат производительного класса, израсходованная в предшествующий год, чтобы получить жатву текущего года. Под этой суммой проведена линия, которая отделяет ее от колонны сумм, получаемых этим классом (линии этой на самом деле нет в графическом изображении).

Справа находятся суммы, которые получает бесплодный класс.

Посредине наверху находится сумма дохода (очевидно собственников), делящаяся направо и налево между двумя классами, на покупки у которых она расходуется.

Разделение этого расхода обозначено двумя линиями, исходящими из суммы дохода и идущими в тот и другой классы. В концах этих линий с каждой стороны находятся суммы, которые собственники дохода тратят на покупки у каждого из этих классов (эти линии действительно имеются на чертеже, мы их назовем поэтому „а“). „Взаимный обмен между двумя классами также обозначен двумя линиями, нисходящими в косом направлении из одного класса в другой, где делаются эти покупки, и в конце каждой линии находится сумма, которую один класс получает от другого путем взаимного обмена, производящегося для удовлетворения их нужд. (Эти линии мы назовем на чертеже „б“ и „в“, при чем обращаем внимание, что линия „в“ не эквивалентна, так как с левой стороны стоит 2 млрд., а с правой 1 млрд. С другой стороны, последняя линия „г“ соединяет миллиард бесплодного класса, уже соединенный ранее линией „а“ с доходом собственников.)

Наконец, внизу таблицы с каждой стороны находится вся сумма получки каждого из двух классов“.

Резюмируя мысль своей схемы, Кенэ пишет: „При условии, что вся сумма в 5 млрд., разделенная сначала между классом производительным и классом собственников, ежегодно расходуется по правильному порядку, который обеспечивает одно и то же постоянное годичное вопроизводство, собственники расходуют 1 млрд. на покупки

у класса производительного и 1 млрд. на покупки у класса бесплодного. Производительный класс, продающий на 3 млрд. своих произведений двум другим классам, отдает 2 млрд. в уплату дохода собственников и тратит 1 млрд. на покупки у класса бесплодного. Таким образом, бесплодный класс получает 2 млрд., которые он употребляет на покупки у класса производительного средств существования и сырьевых материалов для своих изделий. И, наконец, класс производительный сам тратит ежегодно произведений на 2 млрд., что и завершает всю сумму расхода или потребления 5 млрд. годичного воспроизводства".

„Таков,—заключает Кенэ,—правильный порядок распределения расхода в 5 млрд., которые производительный класс ежегодно воспроизводит, расходуя 2 млрд. годичных затрат, включенные во всю сумму расхода — в 5 млрд. годичного воспроизводства".

Мы видим, что графическое изображение скорее затемнило, чем раз'яснило мысль Кенэ. Но самая мысль его, особенно ясно, изложенная в резюме, представляет глубокий балансовый интерес, хотя упрощение здесь доведено до максимума. По мысли Кенэ, земледелие, единственно дающее новую ценность и производящее при помощи годичных затрат в 2 млрд. продукции на 5 млрд., покрывает из этой суммы 1 млрд. процентов на первоначальные затраты (основной капитал), 2 млрд. отдает собственникам и на 2 млрд. потребляет само. Но Кенэ нужно ввести еще и бесплодный класс, производящий предметы промышленности, и он хочет показать, что бесплодный класс с затратой в 1 млрд. обслуживает нужду класса собственников в 1 млрд. в предметах промышленности и нужду в 2 млрд. производительного класса, который, очевидно, 1 млрд. промышленных товаров потребляет, а 1 млрд. расходует в виде средств производства.

В виду явной ложности физиократической идеи, свести баланс таким образом, конечно, невозможно,

Уже Маркс отметил, что Кенэ для „бесплодного" класса забывает об основном капитале. Затем он говорит: „Неверно, что воспроизводится только 5 млрд., по таблице это воспроизводство равняется 7 млрд.: 5 млрд. на стороне производительного класса и 2 млрд. на стороне бесплодного" (Карл Маркс, „Теория прибавочной ценности," т. I, стр. 71). Но Маркс не замечает, что продукция бесплодного класса должна равняться 3 млрд., даже не учитывая потребности самого бесплодного класса в промышленных товарах, на игнорирование которых со стороны Кенэ Маркс сам указывает. Но, тем не менее, даже эта примитивная попытка Кенэ вызвала восторженный отзыв Маркса, назвавшего ее гениальной. Так велика потребность в балансовом подходе к изучению народного хозяйства.

Сам Маркс вплотную подошел к этой проблеме в своем „Введении к критике политической экономии". Маркс начинает свой анализ словами: „Первое и поверхностное представление заключается в следующем: в процессе производства члены общества приспособляют продукты природы к человеческим потребностям, производят, придают форму; распределение указывает пропорцию, в которой каждый принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся

ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся об'ектами пользования, индивидуального присвоения" („Основные проблемы политической экономии". Сборник статей под редакцией и с предисловием Дволайцкого и Рубина. К. Маркс, „Введение к критике полит. экон.", стр. 10—11).

Подвергнувши анализу эти предварительные представления Маркс заканчивает анализ следующими словами: „Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различение внутри единства. Производство в противоположности своих определений охватывает как самого себя, так и остальные моменты. С него каждый раз снова начинается процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения—ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению, как к распределению продуктов, но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная (форма) производства обусловливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенное отношение этих различных моментов друг к другу".

„Конечно, — раз'ясняет Маркс, — и производство в его односторонней форме со своей стороны определяется другими моментами, например, когда расширяется рынок, т.-е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами,— заключает Маркс,—происходит взаимодействие. Это бывает,— раз'ясняет он,—во всяком органическом целом (там же, стр. 22, курсив наш).

Таким образом, мы в праве указать, что Маркс конечную познавательную задачу изучения хозяйства видел в изучении производства, распределения, обмена и потребления, как частей целого, как различий внутри органического единства, взаимно обусловленных.

Как примирить это воззрение с диалектическим методом Маркса, с его основной идеей, что общество развивается путем противоречий—составляет предмет споров в марксистской литературе. Так Н. Осинский цитирует II том, 2 часть „Теории прибавочной стоимости" где Маркс задает „гармонизирующему" Рикардо вопрос: „Может ли на основе капиталистического производства необходимое приравнение и взаимосочетание различных сфер производства, установление размера и пропорций между ними совершаться иначе, чем путем постоянного устранения постоянной дисгармонии" (Н. Осинский цитирует II том, 2 часть, стр. 195, изд. Университета Зиновьева. Статья Осинского помещена в сборнике: „Проблемы рынка и кризисов", часть II, стр. 179).

Нам кажется, что именно указание Маркса на то, что он рассматривает производство, распределение, обмен и потребление, как

части органического целого, исчерпывающе отвечает на этот вопрос. Если организм развивается и развивается путем противоречий, то это не только не исключает, а предполагает, что для сохранения его жизнеспособности и тем паче для его развития он нуждается в определенном сочетании и взаимодействии составляющих его элементов.

Баланс предполагает, прежде всего, рассмотрение об'екта, будь то индивидуальное или народное хозяйство, как органическое целое, т.-е. такое единство, которое, допуская или даже требуя внутренних противоречий системы, борьбы сил (развитие путем противоречий), в то же самое время предполагает определенное отношение частей и взаимодействие отдельных элементов, как условия поддержания жизнеспособности и развития целого.

Самому Марксу построить баланс народного хозяйства не пришлось. Для этого у него не было статистических материалов. Но, поставив перед собою задачу исследования воспроизводства и обращения всего общественного капитала, Маркс близко подошел к балансовым построениям. Его схема простого и расширенного воспроизводства является центральным элементом баланса. [1]

[1] Напомним здесь самые основные контуры его построений, рассматривая их с балансовой точки зрения.

„Годовой продукт общественного производства заключает в себе как те части общественного продукта, которые возмещают капитал, так и те части, которые входят в фонд потребления, потребляются рабочими и капиталистами".

„Воспроизводство охватывает и воспроизводство, т.-е. сохранение класса капиталистов и рабочего класса, а поэтому и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства (К. Маркс, „Капитал", т. II, стр. 366—367, Перев. под редакцией Базарова и Степанова. ГИЗ).

Маркс обращает внимание далее на то, что необходимо рассмотреть процесс воспроизводства с точки зрения возмещения как стоимостей, так и вещества отдельных составных частей товара (стр. 367). Он формулирует вопрос, подлежащий исследованию, в таких словах: „Каким образом капитал, потребленный в производстве, возмещается по своей стоимости из годового продукта и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и зарплаты рабочими" (стр. 367). Поставив таким образом задачу, Маркс подразделяет все продукты, а следовательно, и все производство на две группы: средства производства и средства потребления. Капиталы в каждом подразделении распадаются на две основные части—на переменный капитал и постоянный капитал. Переменный капитал с точки зрения стоимости равен стоимости общественной рабочей силы, а рассматриваемый с материальной стороны он состоит из самой рабочей силы, проявляющейся в деятельности, т.-е. из живого труда, приводимого в движение этой капитальной стоимостью. Постоянный капитал равен стоимости всех средств производства, применяемых для производства данной отраслью. В свою очередь постоянный капитал распадается на основной капитал: машины, орудия труда, постройки, рабочий скот и на оборотный постоянный капитал: материалы производства, полуфабрикаты и т. д. (стр. 370).

Стоимость всего годового производства, произведенного в каждом из двух подразделений, распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал, потребленный в производстве и по своей стоимости лишь перенесенный на продукты, и часть стоимости, присоединенную трудом. Последняя опять-таки распадается на возмещение авансированного переменного капитала и на излишек над ним, образующий прибавочную ценность. Обозначая потребленную часть постоянного капитала через c, затраченный переменный капитал через v и прибавочную стоимость через m, Маркс говорит, что как стоимость каждого отдельного товара, так и стоимость всего годового продукта „распадается" на $c + v + m$. Принимая норму прибавочной стоимости в 100%, Маркс строит такую схему простого воспроизводства:

В анализе реализации между двумя подразделениями—средствами производства и средствами потребления—Маркс отвлекается от денег, так как они играют роль посредствующего звена, отвлекается от кредита и от обязанности по отношению к фиску, перераспределяющему доходы между отдельными отраслями хозяйства. Но в своих пояснениях к схеме он подчеркивает необходимую посредническую роль денег и кредита в этой реализации. Эпигоны Маркса усложнили анализ Маркса и включили сельское хозяйство и транспорт (Каутский и Бауер), деньги (Поздняков). Но, тем не менее, и они не дошли до полного конкретного баланса народного хозяйства. Надо сказать, что все теории рынка и кризисов вплотную подходят к проблеме баланса народного хозяйства, и нам кажется, что теория рынка и кризисов должна составить лишь часть теории баланса народного хозяйства и баланса хозяйства мирового.

1) Производство средств производства: $4.000c + 1.000v + 1.000m = 6.000$.
2) „ „ потребления: $2.000c + 500v + 500m = 3.000$.

Нетрудно видеть, что при простом воспроизводстве, когда вся прибавочная стоимость потребляется капиталистами, происходит процесс реализации $-1.000v + 1.000m = 2.000$ средств производства первого подразделения, которые обмениваются на соответствующую сумму средств потребления второго подразделения. Так возмещаются 2.000 c постоянного капитала второго подразделения, а $500v + 500m$ второго подразделения удовлетворяются из остатков 1000 единиц средств потребления, произведенных в самом втором подразделении.

„Переход от простого воспроизводства к расширенному изменяет качественное назначение данных элементов простого воспроизводства и такое изменение является материальной предпосылкой следующего затем воспроизводства в расширенном масштабе". Очевидно, здесь Маркс разумеет изменение органического состава капитала, т.-е. все растущую роль постоянного капитала (стр. 483). И поэтому, исходная схема накопления в расширенном масштабе получает уже такой вид (стр. 487):

1) Производство средств производства: $4.000c + 1.000v + 1.000m = 6.000$.
2) „ „ потребления: $1.500c + 750v + 750m = 3.000$.

„Предположим, — говорит Маркс, — что накапливается половина прибавочной стоимости в первом подразделении (производство средств производства), т.-е. 500 единиц, и тогда мы прежде всего получим, что $1.000v + 500m$ первого подразделения должны быть возмещены посредством 1.500 c второго подразделения (производство предметов потребления), а в первом подразделении остается $4.000c + 500m$, из которых последние подлежат накоплению" (стр. 487). Тогда строение первого подразделения должно претерпеть следующую метаморфозу:

вместо $4.000c + 1.000v + 1.000m = 6.000$ мы будем иметь
$4.400c + 1.100r + 500m$ фонд потребления капиталистов $= 6.000$.

Тогда и второе подразделение также должно будет претерпеть следующее видоизменение:

вместо $1.500c + 750v + 750m = 3.000$ получим
$1.600c + 800v + 600m$ фонд потребления капиталистов $= 3.000$.

И если, действительно, накопление будет происходить на этой основе, то в конце следующего года мы получим:

1) $4.400c + 1.100v + 1.100m = 6.600$.
2) $1.600c + 800v + 800m = 3.200$.

Таким образом, вся сумма производства вместо 9.000 даст 9.800. Рассматривая эту схему мы видим, что здесь уже нет эквивалентности между $v+m$ первого подразделения и c второго, что предполагает и дальнейшее накопление сначала в первом подразделении, а затем и во втором.

Конкретный баланс народного хозяйства должен, конечно, учесть все эти элементы. Конкретный баланс народного хозяйства не допускает абстрагирования от всего основного капитала, не переходящего в ценность производства данного года. Баланс должен показать роль денег, кредита, госбюджета в процессе воспроизводства и накопления, должен органически связать учет производства и национального дохода и его распределения и вообще рассмотреть, как указывает Маркс в „Введении к критике политической экономии“ (см. выше), процессы производства, распределения, обращения и потребления, как органическое единство. При чем в основу баланса должно быть положено, как это еще сделано Кенэ, классовое строение общества.

Пример построения баланса должно было показать государство, произведшее социальную революцию, государство диктатуры пролетариата—Союз Социалистических Советских Республик. Поэтому перейдем теперь к изложению опыта баланса народного хозяйства СССР, составленного ЦСУ.

II. Баланс народного хозяйства СССР, составленный ЦСУ

Баланс народного хозяйства в соответствии с идеей Маркса должен представлять собою отображение производства, распределения, обмена и потребления в их взаимной обусловленности, как органическое единство. Плановое хозяйство предполагает построение баланса народного хозяйства. Поэтому Госплан с самого начала своей работы приступил к выработке балансовой схемы и стал сам заполнять ее. Но здесь он натолкнулся на неопреодолимое препятствие в виде отсутствия статистических материалов, и летом 1924 года Госплан предложил Совету Труда и Обороны поручить ЦСУ выработать баланс за 1923/24 г. Работа эта опубликована лишь в июне 1926 г.

Редактор книги, бывший управляющий ЦСУ, тов. П. И. Попов, исходил из той основной мысли, „что баланс народного хозяйства означает такую статистическую операцию, которая имеет целью показать, как воспроизводится общественное хозяйство в данных конкретных условиях“ (введение, стр. 1). По его мнению, „народнохозяйственный баланс, как статистическая операция, есть система изучения общества данного исторического момента“. При этом, П. И. Попов, в отличие от Маркса, говорит, что „все отношения рынка сбрасываются со счетов, и производственные отношения и отношения распределения выступают в своем чистом виде“. В главе „Теоретические основания баланса“ он излагает, как это сделали и мы, схему Кенэ, схему простого и расширенного воспроизводства Маркса. Он упоминает и о попытках тов. Бухарина дать схеме Маркса алгебраическое выражение. Излагает также и опыт Баллода построения баланса будущего общества в его работе „Государство будущего“ и, наконец, попытку тов. Сотникова создать теорию универсального хозяйства. Относясь отрицательно к попыткам Баллода и Сотникова, он сам останавливается на следующей схеме. Он делит народное хозяйство на отрасли, при чем берет такие отрасли: сельское хозяйство, промышленность, строительство и транспорт. По отношению к каждой из этих отраслей он изучает приход, состоящий из запасов плюс производство и плюс привоз, и расход с его подразделением на производственные цели и цели непроизводственные, затем вывоз и запасы к концу года. Непроизводственное потребление он разбивает на непроизводственное потребление земледельческого и неземледельческого населения, также и общественных учреждений. Промышленность разбивается им на крупную и мелкую. Продукция промышленности, равно как и сельского хозяйства, подразделяется на продукты личного потребления, сырье и материалы, топливо и орудия производства. Продукция строительства лишь на две группы: продукты личного потребления и орудия производства. Продукция транспорта им, строго говоря, не определяется.

Эта схема имеет, конечно, очень мало общего и с Кенэ и с Марксом. Это скорее оборотная ведомость народного хозяйства. В этой схеме баланса нет классовых делений, нет капиталов, нет затраты живой силы и механической энергии и нет народного дохода. Поэтому издание ЦСУ включает в себе отдельно от баланса народного хозяйства учет капиталов, учет затраты живой силы и механической энергии и исследование народного дохода. Таким образом, самая основная идея баланса—органическое единство всех основных элементов: производства, распределения, обмена и потребления—осталась неосуществленной.

Но в виду того, что опыт ЦСУ является несомненно первым в мировой литературе опытом построения на основе статистических данных конкретного баланса народного хозяйства в определенной стране и в определенный момент времени, он представляет громадный интерес. Остановимся на важнейших достижениях.

Из огромной таблицы, озаглавленной „Баланс народного хозяйства“ и обнимающей восемь страниц большого формата (176—184), мы извлечем лишь основные цифры в ряде таблиц:

Таблица № 1

Баланс народного хозяйства за 1923/24 год (отд. V) в милл. черв. рублей

Общий баланс

Поступило в народное хозяйство		Распределено в народном хозяйстве	
Запасов к началу года	1.260,6	Запасов к концу года	1.486,9
Валовая продукция по ценам производства	17.472,2	Производственное потребление	9.903,1
Привоз	431,1	Вывоз	529,9
Итого поступило по производственным ценам	19.163,9	Итого	11.919,9
		Личное потребление	10.321,9
Разница оценок по производственным и потребительским ценам	3.553,7	Коллективное потребление	475,8
Итого поступило по потребительским ценам	22.717,6	Итого непроизводительного потребления	10.797,7
		Итого распределено	22.717,6

Перед нами общий свод оборотной ведомости народного хозяйства СССР за 1923/24 год.

Имея запасов на 1.260,6 милл. руб. и производя на 17.472,2 милл. рублей товаров по ценам производства, импортируя товаров на 431,1 милл. руб., наложив для оплаты государству акцизов, для производства транспортных и торговых операций 3.553,7 милл. рублей, народное хозяйство могло пустить в распределение товаров на сумму 22.717,6 милл. руб. Из этой суммы осталось к концу года в запасе товаров на сумму 1.486,9 милл. руб., было вывезено за границу на 529,9 милл. руб., израсходовано на воспроизводство 9.903,1 милл. руб. и поступило в потребление товаров на сумму 10.797,7 милл. руб.

Таким образом, за год произошло накопление запасов на сумму 226,3 милл. руб., получено активного торгового баланса в размере 98,8 милл. руб.

Чтобы понять, откуда могли получиться рессурсы потребления, необходимо вычислить чистую продукцию, но так как валовая продукция выражена в ценах производства, а потребление оценено в потребительских ценах, нужно выразить и производство в этих последних ценах. Для этого прибавим к продукции, выраженной в ценах производства, разницу между производственными и потребительскими ценами, тогда получим величину продукции в 21.025,9 милл. рублей. Производственное потребление выражается в цифре 9.903,1 милл. руб. Таким образом, чистая продукция равняется 11.122,8 милл. руб., которые пошли в потребление, определяемое суммой в 10.797,7 милл. руб., на накопление запасов и на превышение экспорта над импортом в сумме 325,1 милл. руб.

Огромный недостаток баланса ЦСУ в том, что он не устанавливает, обеспечивает ли производственное потребление расширенное воспроизводство, или лишь простое производство, или даже отрицательно расширенное, т.-е. суживающееся воспроизводство.

Большой интерес представляет табл. № 2, в которой мы извлекаем из баланса распределение продукции отдельных отраслей для производственного потребления, при чем здесь уже отдельные отрасли хозяйства связаны корреспонденцией, т.-е. указывается, в каких именно отраслях хозяйства продукция каждой данной отрасли производительно затрачена.

Таблица № 2

Производственное потребление (корреспонденция по отраслям)

По происхождению \ По назначению	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт	Торговля	Итого производств. потребления
Сельское хозяйство	3.173,5	2.548,4	145,4	50,1	1,0	5.918,4
Промышленность.....	467,5	2.344,8	316,6	397,5	146,2	3.672,6
Издательское дело.....	—	—	—	—	—	—
Строительство	201,6	95,5	—	—	15,0	312,1
Итого по всем отраслям	3.842,6	4.988,7	462,0	447,6	162,2	9.903,1

Таблица говорит нам, что из всей продукции народного хозяйства 9.903,1 милл. руб. производительно потребляется, при чем на 5.918,4 милл. руб. потребляется продуктов сельского хозяйства, на 3.672,6 милл. руб. продукции промышленности и на 312,1 милл. руб. продукции строительства. С другой стороны, мы видим, что сельское хозяйство потребляет производительно 3.842,6 милл. руб., из которых 3.173,5 милл. руб. продуктов сельского же хозяйства, 467,5 милл. руб. продукции промышленности и 201,6 милл. руб. продукции строительства. Промышленность производительно потребляет всего 4.988,7 милл. руб., из которых 2.548,4 милл. руб. продукции сельского хозяйства, 2.344,8 милл. руб. продукции промышленности, 95,5 милл. руб. продукции строительства. Строительная промышленность производительно потребляет 462 милл. руб., из которых 145,4 продукции сельского хозяйства и 316,6 продукции промышленности; транспорт производительно потребляет 447,6 милл. руб., из которых продуктов сельского хозяйства 50,1 милл. руб. и продуктов промышленности 397,5 милл. руб.; торговлей производительно потребляется 162,2 милл. руб., из которых 1 милл. руб. продуктов сельского хозяйства, 146,2 милл. руб. продуктов промышленности, 15,0 продуктов строительства.

В таблице № 3 приводим уже баланс производственного потребления и личного потребления, при чем присоединяем к производственному потреблению экспорт и запасы к концу года:

Таблица № 3

	Распределение					
	Поступило в нар. хоз. по цен. потребителей [1]	Производственное потребление, экспорт и запасы к концу года	Личное потребление населения			
			Земледельческого	Неземледельческого	Коллективное	Итого непроизводствен. потребления
Сельское хозяйство...	10.738,1	6.342,4	3.035,2	1.298,2	62,4	4.395,8
Промышленность.....	11.025,1	5.201,6	2.983,6	2.515,7	324,2	5.823,5
Издательское дело ...	101,2	64,0	4,3	13,4	19,5	37,2
Строительство	853,3	312,1	285,1	186,4	69,7	541,2
Итого все отрасли нар. хозяйства	22.717,6	11.919,9	6.308,2	4.013,7	475,8	10.797,7

Сельское хозяйство внесло в народное хозяйство 10.738,1 милл. руб. и дает продуктов производственного потребления для самого себя и для всех других отраслей хозяйства, для экспорта и для запасов к концу года на сумму 6.342,4 милл. руб., дает продуктов личного потребления для земледельческого населения на 3.035,2 милл. руб., для неземледельческого населения на 1.298,2 милл. рублей, для коллективного потребления на 62,4 милл. рублей, итого на непроизводственное потребление 4.395,8 милл. руб.

[1] Производство + импорт + запасы к началу года.

Всего поступило в народное хозяйство продуктов промышленных на сумму 11.025,1 милл. руб., из которых на производственное потребление всех отраслей, на экспорт и на запасы к концу года ушло 5.201,6 милл. руб., на личное потребление земледельческого населения 2.983,6 милл. руб., на потребление неземледельческого населения 2.515,7 милл. руб., на коллективное потребление 324,2 милл. руб., итого на непроизводственное потребление—5.823,5 милл. руб.

Издательское дело дает продуктов на 101,2 милл. руб., из которых 64,0 идет на производственное потребление, экспорт и запасы; 4,3 милл. руб. на личное потребление земледельческого населения, 13,4 милл. руб. на личное потребление неземледельческого населения, 19,5 милл. руб. на коллективное потребление и всего на непроизводственное потребление—37,2 милл. руб.

Строительство дает валовую продукцию в 853,3 милл. руб., расходуемую на производительное потребление в сумме 312,1 милл. руб., на личное потребление земледельческого населения 285,1 милл. руб., на потребление неземледельческого населения—186,4 милл. руб., на коллективное потребление 69,7 милл. руб., итого на непроизводственное потребление—541,2 милл. руб.

По всем отраслям народного хозяйства мы имеем поступлений на сумму 22.717,6 милл. руб., из которых на производственное потребление, на экспорт и на запасы идет 11.919,9 милл. руб., на личное потребление земледельческого населения 6.308,2 милл. руб., на потребление неземледельческого населения 4.013,7 милл. руб., на коллективное—475,8 милл. руб. и всего на непроизводственное потребление—10.797,7 милл. руб.

Попробуем теперь сопоставить производство и потребление „по городу“ и „по деревне“, употребляя эти термины в экономическом смысле этих слов, т.-е. относя к деревне сельское хозяйство, а к городу все остальные отрасли.

Воспользуемся для этого имеющимся в „Балансе“ ЦСУ расчленением потребления земледельческого и неземледельческого населения и расчленим коллективное потребление также на потребление этих двух групп населения, пользуясь балансовым методом.

Таблица № 4

Баланс деревни (земледельческое население)

Деревня вносит в нар. хозяйство:		Деревня берет у нар. хозяйства:	
Запасы к началу года	118,7	Имеет запасов к концу года	86,6
Продукция по ценам потребителей	10.532,7	Производительно затрачивает	3.842,6
Импорт	86,7	Экспортирует	337,3
		Лично потребляет	6.308,2
		Итого непосредственно учтено	10.574,7
Итого вносит в народное хозяйство	10.738,1	Из коллективного потребления на долю деревни приходится	163,4
		Всего деревня берет из народного хозяйства	10.738,1

В этой таблице условно импорт и экспорт сельскохозяйственных продуктов рассматривается как приход и расход деревни, что при построении баланса ЦСУ является необходимой условностью.

Мы видим, что деревня за год уменьшила свои запасы на 32,1 милл. руб., имеет положительный внешнеторговый баланс в 250,6 милл. руб., лично и коллективно потребляет 6.471,6 милл. руб. и производительно затрачивает 3.842,6 милл. руб.

Мы опять не знаем, являются ли затраты обеспечивающими расширенное производство. Но представляет самостоятельный интерес соотношение непроизводительного и производительного потребления, которое для деревни выражается отношением 63:37.

Глубокого внимания заслуживает вопрос определения чистой продукции деревни и города. Данные таблицы № 4 позволяют сделать такой расчет.

Всего производится по ценам потребления на 10.532,7 милл. руб. Так как затраты производства определяются в 3.842,6 милл. руб., то чистая продукция должна равняться 6.690,1 милл. руб. Эта чистая продукция идет в сумме 6.471,6 милл. руб. на непроизводительное потребление, личное и коллективное, и в 218,5 милл. руб. на экспорт. (Приходится предположить, что уменьшение запасов произошло за счет экспорта.)

Если построить такую таблицу для города в указанном выше смысле, то получим следующую таблицу:

Таблица № 5

Баланс города (неземледельческое население)

Город вносит в нар. хозяйство:		Город берет у нар. хозяйства:	
Запасы к началу года	1.141,9	Запасы к концу года	1.400,
Продукция по ценам потребителей	10.493,2	Производительно затрачено	6.060,5
Импорт промышленных товаров	344,4	Экспорт промышленных товаров	192,6
		Лично потребляет	4.013,7
		Итого непосредственно учтено	11.667,1
Итого город вносит в народное хозяйство	11.979,5	Из коллективного потребления на долю города приходится	312,4
		Всего город берет у нар. хозяйства	11.979,5

Здесь перед нами иная картина, чем в балансе деревни. Город накопляет запасы в сумме 258,4 милл. руб., но зато имеет отрицательный внешнеторговый баланс в размере 151,8 милл. руб.; лично и коллективно потребляет 4.326,1 милл. руб. и производительно расходует 6.060,5 милл. руб. В городе наблюдается обратное отношение между непроизводительным и производительным потреблением, чем в деревне, а именно, отношение 40:60.

Чистая продукция города составит 10.493,2—6.060,5=4.432,7 милл. руб., которая идет в сумме 4.326,1 милл. руб. на непроизводительное личное и коллективное потребление и в размере 106,6 милл. руб. на образование запасов (предполагая, что остальные 151,8 милл. руб. прироста запасов получаются от импорта). Меньшая чем в деревне чистая продукция при почти одинаковой продукции валовой об'ясняется прежде всего тем, что в городе сырье играет гораздо большую роль, чем в сельскохозяйственном производстве.

Если мы сделаем опыт построения баланса между „городом“ и „деревней“, по данным сводной таблицы „Баланса“ ЦСУ, то получим следующие результаты.

Расчет баланса между городом и деревней:

а) Всего производительно затрачивается продуктов сельского хозяйства во всех отраслях хозяйства на сумму 5.918,4 милл. рублей, вычитая производительные затраты сельскохозяйственных продуктов в сельском же хозяйстве на сумму 3.173,5 милл. руб., мы получим, что деревня отдает городу средств производства на сумму 2.744,9 милл. рублей.

Для личного потребления деревня дает городу следующие величины: она дает ему продукты сельского хозяйства для личного потребления неземледельческого населения в сумме 1.298,2 милл. руб. и сверх того 41 милл. руб. сельскохозяйственных продуктов для доли города в коллективном потреблении. Итого для личного потребления отдает городу продуктов на сумму 1.339,2 милл. руб.

Таким образом, в общем деревня отдает городу средств производства на сумму 2.744,9 милл. руб. и на 1.339,2 милл. руб. предметов потребления, а всего на 4.084,1 милл. руб.

б) Деревня получает от города для своего производительного потребления 467,5 милл. руб. из промышленности и 201,6 милл. руб. из строительства, а всего на сумму 669,1 милл. руб.

Для личного потребления производим такой расчет: всего потребляет земледельческое население лично и коллективно на сумму 6.471,6 милл. руб., из них на 3.056,6 милл. руб. продуктов сельского же хозяйства, следовательно, продуктов города она потребляет на сумму 3.415,0 милл. руб. Таким образом, деревня получает из города средств производства на сумму 669,1 милл. руб., предметов потребления на сумму 3.415,0 милл. руб. Итого деревня получает от города на сумму 4.084,1 милл. руб., т.-е. на ту же сумму, на которую отдает городу.

Нулевое сальдо баланса между городом и деревней получилось потому, что сами приемы построения баланса ЦСУ предполагают его, а вовсе не потому, что оно существует в действительности. Наоборот, мы знаем, что деревня платит прямые налоги, делает денежные сбережения, по балансу же ЦСУ ни одна из этих операций невозможна.

Закончив на этом анализ сводной таблицы „Баланса“, мы должны сказать, что по самому подходу к вопросу, по методам построения эта таблица, озаглавленная „Баланс народного хозяйства в 1923/24 г.“ есть условное построение лишь части баланса, а именно, оборотной ведомости, где, очевидно, введена балансовая цифра для полной увязки, состоящей именно в установлении разницы оценки по производственным и потребительским ценам (6 графа таблицы на стр. 182) и определяемой в сумме 3.553,7 милл. руб. Эта разница истолковывается в следующих графах 7, 8 и 9 таким образом: „создано транспортом железнодорожным и водным“—652,8 милл. рублей; „извлечено в порядке акцизов“—215,9 милл. руб. и, наконец, „извлечено в процессе товарооборота и других операций“ 2.685,0 милл. руб. Вот эта-то последняя величина, способ получения которой неясен и самый смысл которой недостаточно определенен и позволила сбалансировать таблицу, которая представляет из себя, как мы уже указывали, оборотную ведомость хозяйства.

Мы не упоминаем о попытке сводной таблицы построить баланс продуктов личного потребления, сырья и материалов, топлива и орудий производства, так как уже самый результат обесценивает эту попытку, потому что оказывается, что орудия производства входят в непроизводительное потребление, а продукты личного потребления входят в производственное потребление. Очевидно, деление по назначению было условно.

В сводной таблице мы не имеем никакого намека на социальные группировки. Как мы уже не раз указывали, мы не знаем, достаточно ли производительное потребление для расширенного производства и даже гарантирует ли оно простое воспроизводство. Несмотря на все эти дефекты, нельзя обойти составленной ЦСУ сводной балансовой таблицы народного хозяйства, так как это первый опыт в мировой литературе.

Мы изложили существенное содержание этой таблицы и извлекли из нее данные, могущие иметь материальный интерес при всех ограничениях, на которые мы должны были указать.

Остановимся вкратце на других элементах исследования ЦСУ. Изучению социального строения хозяйства посвящена статья руководителя исследования П. И. Попова, озаглавленная „Структура Советского Народного Хозяйства“ (стр. 38). Приведя воззрения В. И. Ленина о сложности социальной структуры Советского Союза, установившего пять различных систем или укладов, а именно—патриархального хозяйства, мелко-товарного, частно-хозяйственного капитализма, государственного капитализма и социализма, П. И. Попов приводит следующие данные. Капиталы распределяются между капиталистическими и социалистическими элементами таким образом: 62,1% на социалистические и 37,9% на несоциалистические (стр. 45). Распределение валовой продукции таково: на социалистическое производство 35,4%, на несоциалистическое 64,6%, при чем по отдельным отраслям доля социалистического хозяйства такова: в валовой продукции сельского хозяйства — 4,1%, в промышленности мелкой—21,2%, в крупной промышленности—93,6%, а в транспорте—100% (стр. 46).

Из товарной массы на долю социалистического хозяйства приходится в общем 56,7%, при чем в сельском хозяйстве—12,8%, в мелкой промышленности—21,2%, крупной—93,6%, в транспорте—100% (стр. 46). Методы реализации П. И. Попов делит на 3 группы: реализацию через рынок, с подразделением на регулируемую и нерегулируемую и на реализацию в плановом порядке, и приходит к таким выводам, что сельское хозяйство реализует свои продукты на 67,6% нерегулируемым образом, 29,8%—регулируемым и 2,6% в плановом порядке. Промышленность частная—100% в нерегулируемом порядке, кооперативная—17% в регулируемом, 83%—в нерегулируемом порядке. Госпромышленность: 13,6% в нерегулируемом порядке, 67,9% в регулируемом и 18,5% в плановом порядке. В транспорте он опять считает, что все 100% реализуются в плановом порядке (стр. 47).

Исследовавши далее условия приобретения разными отраслями необходимых им продуктов и природу источников, из которых население черпает свои средства для личного потребления и для организации производства, П. И. Попов строит такую обобщенную таблицу, характеризующую степень социалистичности народного хозяйства (стр. 49):

Степень социалистичности народного хозяйства (в %%)

Отрасли народного хозяйства	По отношению собственности			По отношению форм и методов реализации, распределения и потребления		
	Средств производст. (капиталов)	Продукции		Реализация продукции	По формам приобретения (снабжения)	По источн. получ. сред. для удовл. потребност.
		Валовой	Отчужд.			
Сельское хозяйство	0,4	4,1	12,8	2,6	0,5	13,0
Промышленность						
Мелкая	18,4	21,2	21,2		—	—
Крупная	99,3	93,6	93,6	12,4	27,0	100
Транспорт	100	100	100	100	48,7	100
Город	—	—	—	—	4,7	60,0
Связь с мировым рынком	—	—	—	82,4	10,8	—
Итого без земли	62,1	35,4	57,6	20,9	9,7	—

Капиталы в народном хозяйстве исчислены по данным на 1 октября 1924 года и дают такие цифры (стр. 175, II часть):

Капиталов сел. хозяйства	6.599,7	милл.	руб.	или 16,6%
Всех капиталов промышленности крупной:				
Госпромышленности	5.383,7	милл.	руб.	или 13,5%
Кооперативной	105,3	„	„	„ 0,3%
Частной	39,5	„	„	„ 0,1%
Мелкой промышленности:				
Госпромышленности	54,5	„	„	„ 0,1%
Кооперативной	64,1	„	„	„ 0,2%
Частной	526,6	„	„	„ 1,3%
Итого промышленность	6.173,7	„	„	„ 15,5%
В строительстве:				
Городском государст.	5.603,7	милл.	руб.	или 14,1%
„ частном	3.669,7	„	„	„ 9,2%
„ нераспредел.	278,1	„	„	„ 0,7%
В сельском государст.	400	„	„	„ 1,0%
„ частном	10.653,4	„	„	„ 26,8%
Итого в строительстве	20.604,9	„	„	„ 51,8%
Сооружения по городскому благоустройству	338,0	милл.	руб.	или 0,9%
В транспорте	6.050,3	„	„	„ 15,2%

Строение капиталов показывает, что главная доля лежит у нас в постройках, затем в сельском хозяйстве; в промышленности и транспорте капиталы почти одинаковы. Сложивши вместе все государственные капиталы, мы получим, что госкапиталы составляют около 44% всех капиталов страны.

Так называемый энергетический баланс сведен в следующей таблице (стр. 318):

Затрата живой силы и механической энергии в производстве 1923/24 г.

(в милл. HP часов)

Отрасли народного хозяйства	Всего проработано			
	Рабочая сила	Рабочий скот	Механич. двигат.	Итого
I. Сельское хозяйство	4.314	9.330	38	13.682
II. Промышленность	529	—	8.532	9.061
а) фабрично-заводская	246	—	7.284	7.530
б) мелкая и кустарно-ремесл.	283	—	1.248	1.531
III. Транспорт	166	1.548	7.067	8.781
Итого	5.009	10.878	15.637	31.524

Таблица говорит нам, что при 31,5 млрд. HP часов половина приходится на механические двигатели, а $^1/_3$ на рабочий скот и лишь $^1/_6$ на человеческую рабочую силу. По отдельным отраслям хозяйства мы видим, что главной двигательной силой в сельском хозяйстве является рабочий скот, доля которого составляет 68,2% затраты всей механической энергии. Второе место занимает рабочая сила, составляющая 31,5%. В транспорте механические двигатели составляют 80,5%, рабочий скот 17,6%, а человеческая рабочая сила всего 1,9%. В мелкой промышленности механические двигатели составляют 80,5%, работа рабочего скота ничтожна, а человеческая рабочая сила—18,5%. В крупной промышленности механические двигатели составляют 96,7%, а рабочая сила людей 3,3%. При этом расчете человек, как рабочая машина, совершенно не учитывается, учитывается лишь его двигательная сила. На самом деле, конечно, роль человека, как производительной силы, гораздо больше, чем то указано в настоящей таблице.

Интересно составлен расчет продукции валовой и чистой на 100 HP часов человеческой энергии в различных отраслях хозяйства (стр. 319):

Отрасли народного хозяйства	На 100 HP часов человеческой энергии приходится продукции (в руб.)	
	Валовой	Чистой
I. Сельское хозяйство	190	119
II. Промышленность	1.195	535
а) фабрично-заводская	1.826	837
б) мелкая кустарно-ремесл.	645	273
III. Транспорт	550	334
В среднем	308	170

В общем на 100 часов человеческого труда валовая продукция достигает 308 руб., а чистая за вычетом потребленного сырья и топлива 170 руб., при чем максимальная величина приходится на крупную фабрично-заводскую промышленность, соответствующей величиной которой для валовой продукции будет 1.826, а для чистой 837 руб. Для транспорта мы имеем на 100 час. труда 550 руб. валовой продукции и 334 руб. чистой. Для мелкой промышленности 645 р. валовой и 273 руб. чистой, а для сельского хозяйства имеем всего 190 руб. валовой и 119 руб. чистой, что говорит нам о примитивном строении нашего сельского хозяйства.

Наконец, последний элемент баланса, на котором мы считаем долгом остановить внимание читателя, это учет народного дохода. В статье тов. Дубовикова мы находим следующую сводную таблицу (стр. 279):

Национальный доход на 1923/24 год

Отрасли народного хозяйства	В милл. черв. руб. (без скидки на изнашиваемость основн. капитала в жил. постр.)	В %%
Сельское хозяйство	5.652,1	47,2
Промышленность	2.612,3	21,8
Строительство	391,3	3,3
Транспорт	909,5	7,6
Торговля	1.816,4	15,2
Косвенн. налоги, пошлины и торгов. надбавки, остающиеся у производит.	584,3	4,9
Итого	11.965,9	100,0

Не касаясь закономерности последней статьи: косвенных налогов, пошлин и торговых надбавок, остающихся у производителя, мы видим, что в общем национальном доходе сельское хозяйство дает 47,2%, промышленность 21,8%, торговля 15,2%, транспорт 7,6%, а строительство—3,3%. Вообще народный доход на душу дает 89,2 руб.

Мы не можем не обратить внимания на то, что хотя при исчислении народного дохода и делается ссылка на основную балансовую таблицу, но действительного совпадения нет. Так, на стр. 196 отдела V-го выведена графа „потребление в производстве сырья, материалов и топлива". Сопоставляя ее со сводной балансовой таблицей, мы получим следующие различия:

	По балансовой таблице	По таблице народного дохода
Сельское хозяйство	3.842,6	3.056,7
Фаб.-зав. промышл.	2.621,0	2.433,7
Мелкая промышл.	2.367,7	2.360,5
Транспорт	447,6	359,6
Торговля	162,2	145,2
Строительство	462,0	462,0
Итого	9.903,1	8.817,7

Можно предположить, что в сводной таблице производственное потребление исчислено по ценам потребительским, а в таблице по народному доходу по каким-то другим ценам. Но это предположение разрушается тем, что в некоторых областях (в мелкой промышленности и строительстве) цифры обеих таблиц почти совпадают.

Общий вывод о балансе народного хозяйства за 1923/24 г., составленном ЦСУ, приходится резюмировать таким образом: представляя огромный интерес и по замыслу и по результатам, первый опыт построения сводного баланса не лишен существенных недостатков, не только материальных, об'ясняемых качеством статистических материалов, но и принципиально методологических. Л. Н. Литошенко, которому было поручено составление ответственной главы о методике народнохозяйственного баланса, принципиально

отказывается от исчисления „доходности" или „прибыльности" народного хозяйства. Между тем, руководитель работ П. И. Попов, как мы видели, ссылается, как на основную директиву, на схему расширенного воспроизводства Маркса, которая показывает, происходит или не происходит развитие производительных сил, показателем которого и является цифра накопления и изменения органического состава капитала. Ничего этого в балансе ЦСУ мы не найдем.

III. Положительные построения

Изучение истории и теории вопроса и критическое исследование баланса народного хозяйства, составленного ЦСУ, обязывает нас к выдвижению положительного построения. Наиболее старой формой этого положительного построения будет выработка схемы балансовой таблицы.

В применении к советскому хозяйству мы должны в подлежащем выделить социальные формы хозяйства, а именно, следующие: государственно-социалистическую, кооперативную, государственно-капиталистическую, частно-капиталистическую, мелко-товарную и полунатуральную. Затем отрасли народного хозяйства, к которым мы относим сельское хозяйство, промышленность, жилищное дело, транспорт, торговлю, кредитные учреждения и государственный и местные бюджеты.

Подлежащее явится комбинацией этих двух подразделений и, таким образом, примет следующий вид:

Социальные формы	Подразделение каждой из этих форм на отрасли
I. Государственная } социалистическая	1. Сельское хозяйство
II. Кооперативная } социалистическая	2. Промышленность
III. Государственно-капиталистическая	3. Жилищное дело
IV. Частно-капиталистическая	4. Транспорт
V. Мелко-товарная	5. Торговля
VI. Полунатуральная	6. Кредитные учреждения
	7. Бюджет

По каждой из первых пяти отраслей, имеющих дело непосредственно с созданием, продвижением или распределением материальных ценностей, должны быть выявлены: капитал к началу года с подразделением на основной, в двух его видах—сооружения и оборудование и оборотный—с выделением материальных предметов, денежных ценностей и превышения кредиторов над дебиторами. Далее должно быть выявлено изнашивание основного капитала, производство новых вложений в основной капитал, изменение всех элементов оборотного капитала (в том числе получения от фиска), должны быть выявлены прирост и убыль капиталов и, таким образом, состояние их к концу года. Далее, схема должна содержать в себе сумму производства. Для транспорта это будет сумма выручки, для торговли—валовая прибыль за вычетом расходов на транспорт (предыдущая статья), для жилищного дела—сумма квартирных плат, полученных за год, для промышленности—вся сумма произведенных продуктов всеми предприятиями, за вычетом лишь сырья и полуфабрикатов, потребленных в том же предприятии (метод заводской оценки). Затем должны быть установлены

производительные затраты, а именно, амортизационные отчисления, расходы на сырье, на топливо (капитальные вложения уже выяснены в разделе капиталов). За вычетом из валовой продукции производственных затрат мы получим чистую продукцию, которую должны распределить на заработную плату рабочих и служащих, начисления на заработную плату, накладные расходы, уплату процентов, налоги и выявить накопление (прибыль) или убыток. Для торговли, например, в отделе производственных расходов должна быть поставлена покупная цена товаров.

Всем пяти первым отраслям может быть подведен итог.

Кредитные учреждения могут войти в эту таблицу по аналогии. Так, в графу производство надо внести сумму активных операций, в производственные затраты внести пассивные операции. Бюджет можно ввести в таблицу с обратным знаком; расходы должны быть сбалансированы с соответствующими графами получений от фиска (левая часть), а доходы—с уплатами фиску.

Этими разделами таблицы исчерпывается анализ капиталов, производства и накопления. Далее таблица должна содержать в себе учет живой и механической силы, эксплоатируемой данной отраслью и социальной формой хозяйства, а затем число иждивенцев, живущих на средства лиц, занятых в данной отрасли, выявить всю сумму потребления, а также и сбережений, как занятыми лицами, так и иждивенцами, как материальных продуктов, так и для удовлетворения других потребностей.

Такая схема позволит выразить взаимную связь отраслей и социальных форм народного хозяйства друг с другом.

Такая схема будет отвечать той руководящей идее Маркса, которую он выразил в „Введении к критике политической экономии“ в словах: производство, распределение, обмен и потребление представляют собой части целого, различия внутри единства.

С. Шахновская

Движение дисконта и проблема регулирования его [1]

За последнее время мировая и наша экономическая мысль проявляет усиленный интерес к проблеме стоимости денежного капитала, понимая под этим термином размер ссудного процента. Вопросы о факторах, определяющих процентную ставку, и о роли ее в хозяйственной жизни страны ставились уже с конца XVII века, начиная с Сея и Сениора (представители моральных теорий процента) и кончая Менгером, Бем-Баверком, Фишером (представители психологических теорий процента). Что же представляют собою современные теории процента?

На С'езде союза германских банков, состоявшемся в сентябре 1925 г., по вопросу о высоте банкового процента и о влиянии этой высоты на товарные цены доминировала теория проф. Касселя. Реферат проф. Гана „О денежном обращении“ и реферат Оскара Вассермана „О процентной политике“ („Frankfurter Zeitung“, 21 сентября 1925 г.), в общем и целом, построены на исходных принципах теории процента проф. Касселя. Основываясь на том, что стоимость кредита, понижающаяся с 1924 г. при возрастании оптового индекса цен, не действовала понижающе на цены, они считают необходимым повышение уровня процента. Лишь высокий процент, как следствие действительного недостатка капитала, а не низкий, в состоянии произвести удешевление цен товаров. Проф. Ган и Оскар Вассерман мотивируют заявление о значении высокого процента следующим образом.

Высокий процент будет способствовать более быстрой реализации товаров по любой цене, реализации производства, росту предложения капитала и сокращению спроса на капитал, направлению производства в сторону рентабельных отраслей, сокращая нерентабельные предприятия.

Тем не менее, С'езд постановил: „не брать за кредит более того, что необходимо“, стремиться к снижению процентов, платимых по пассиву, и уменьшению банковской маржи, исходя из того, что чрезвычайно высокий процент (от 14 % до 18%), который был предложен, может повлечь отрицательные последствия во всем народном хозяйстве.

То внимание, которое сосредоточивается буржуазной экономической мыслью на сущности и роли процента в хозяйственной жизни страны — не случайно, и те выводы, которые делаются — характерны и знаменательны.

После окончания войны расстройство мировых связей и самой системы капиталистического хозяйства с особой остротой поставило перед теорией вопросы о роли регулирования.

---

[1] Настоящая статья воспроизводит в основном доклад автора на ту же тему, прочитанный в Экономико-Статистической секции Госплана СССР.

Теория процента проф. Касселя

Буржуазный теоретик, проф. Кассель, трактующий проблему процента, как яркий и верный представитель мировоззрения своего класса, усматривает в высоте процентной ставки мощный регулятор, ограничивающий стихийные тенденции капиталистического хозяйства проедать капитал и пред'являть возрастающий спрос на капитал длительного вложения при низком проценте.

Не пытаясь проникнуть в сущность противоречий капиталистического хозяйства, он не в состоянии дать последовательно законченную теорию процента, основанную на всестороннем об'ективном анализе. В основных тезисах эта теория сводится к следующему: „Социалистическое учение стоимости Маркса совершенно произвольное, не соответствующее действительности, исключает не только самый процент, но также всякую разумную теорию процента. Не оставляя места для об'ективного рассмотрения проблемы образования цены, оно делает невозможным исследование процента, как происходящей цены из этого процесса".[1]

Существование категории процента вызывается об'ективной хозяйственной необходимостью. Недостаток капитала порождает явление процента. Если бы такого недостатка не существовало, то ничего не платилось бы за распоряжение капиталом. В свою очередь недостаток капитала доказывается тем, что цена за распоряжение капиталом регулярно платится.

Социально-экономическая функция процента проявляется в том, чтобы одновременно с ограничением спроса стимулировать и предложение капитала, чтобы спрос мог покрыться предложением.

Теория процента должна быть двусторонней, брать факторы на стороне спроса и на стороне предложения капитала—симметрических факторов ценообразования.

Спрос на капитал длительного вложения растет скачкообразно, с одной стороны, под влиянием развития процесса производства и „в последнем счете под влиянием потребностей людей, отчасти на непосредственные услуги длительных благ, отчасти на материальные продукты, которые производятся с помощью этих услуг",[2] и, с другой стороны, под влиянием ряда внешних факторов: возрастания населения, улучшения удовлетворения потребностей людей, самой техники производства, возрастания спроса на постройки, железные дороги и, наконец, под влиянием изобретений и открытий. Границей для спроса на капитал длительного вложения является высота процента. Вместе с тем, падение процента снова вызывает спрос на капитал и т. д.

Предложение капитала растет планомерно под влиянием факторов растущей бережливости, сбережения капитала, необходимого для построек, железных дорог и прочих предложений капитала на длительный период. Возрастание роскоши, потребления, подоходного и поимущественного налога ограничивает капиталообразование на основе „сбережения", вызывает соответственное падение предложения капитала, которое, таким образом, не перегоняет действительное возрастание спроса на капитал.

[1] „Theoretische Socialökonomie" von Gustaw Cassel, sechstes Kapitel, S. 169, Dritte, verbesserte Auflage, 1923, Leipzig.

[2] Там же, стр. 199.

Колебания процентной ставки с тенденцией к повышению определяются превосходящим предложение капитала ростом спроса на капитал.

Высокий процент, отражающий действительную скудость капитала, не удорожает производства, наоборот, он дает правильное направление развитию производительных сил — от отдаленных к настоящим нуждам — и является общим средством поддержания валюты.

Вся сумма соображений проф. Касселя сводится к следующим положениям:

1) Теория процента есть часть общей теории образования цены, и потому должна брать факторы, лежащие исключительно на стороне предложения и спроса на капитал.

2) Процесс капиталообразования есть результат „сбережения," которое ограничено в своем нарастании. Недостаток капитала есть явление, постоянного порядка, вытекающее из природы самих вещей, а не из исторического хода развития капитализма. Спрос на капитал возрастает, опережая предложение капитала.

3) Спрос на капитал и предложение капитала в конечном счете суть функции процента, так как низкий процент вызывает спрос на капитал, а высокий процент — его падение и т. д. Процент является организующим началом, регулятором капиталистической системы хозяйства.

4) Процентная ставка не имеет тенденции к падению, как устанавливает Карл Маркс, а имеет тенденцию к повышению, что предотвращает от возрастания цен и способствует падению их.

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы, исходя из марксовой теории процента, подвергнуть эту концепцию проф. Касселя критической оценке.

Теория процента К. Маркса

Условимся, прежде всего, в марксистском понимании категории процента. „В самом деле, только разделение денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента..." „Качественно, процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал..."[1]

Если бы заемщик, примерно, промышленный капиталист, не выделил часть своей прибыли ссужающему капитал, то он лишился бы возможности производительного применения капитала...

„Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и увеличиться, увеличить величину своей стоимости, т.-е. возвратиться с прибавочной стоимостью".[2]

Количественно размер процента определяется стихийно, случайно. Решающую роль играет, с одной стороны, конкуренция, соотношение спроса и предложения капитала на денежном рынке, с другой стороны — норма прибыли. Тот или иной размер процента определяется эмпирическим путем в зависимости от того, „как оба капиталиста (денежный и промышленный) разделят между собою среднюю прибыль".

[1] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть I, стр. 353, „Московское Книгоиздательство", 1907 г., (под редакцией В. Базарова, и И. Степанова).

[2] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть I, стр. 327.

В отношении определения размера процента представляется возможным наметить лишь предельные границы его. Максимальный предел уровня процента находится на высоте средней нормы прибыли, превышая ее лишь в редких случаях (тогда мы имеем растрату части основного капитала). Минимальный предел уровня процента не может опуститься до нуля или оставаться на таком уровне. Такое положение повлекло бы за собою усиленный перелив средств в область промышленного капитала, создало бы уменьшение и даже падение предложения денежного капитала, что соответственно способствовало бы снова повышению уровня процента и обратному переливу капитала.

Таким образом, уровень процента колеблется в пределах нормы прибыли, в зависимости от соотношения спроса и предложения капитала на денежном рынке.

Остановимся в кратких тезисах на анализе факторов, управляющих спросом и предложением ссудного капитала. Спрос на ссудный капитал зависит, в первую очередь, от спроса производительного капитала, который Маркс не отождествляет со спросом товарного капитала.

„В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товар может и не поглощать денежного капитала в количестве большем, чем раньше. Приходится уплачивать ту же самую или быть может меньшую сумму, но за эту сумму можно получить теперь меньшее количество потребительных стоимостей".

„В этом случае спрос на ссудный денежный капитал остается неизменным и, следовательно, размер процента не повышается, хотя и повышается спрос на товар по сравнению с его предложением, а потому и повышается цена товара".

„Размер процента может быть затронутым лишь в том случае, если возрастет общий спрос на ссудный капитал, при вышеуказанных предположениях это не имеет места".

„С другой стороны, спрос на известный товар может возрасти в следствие того, что возросло его предложение и цена товара упала ниже ее среднего уровня. В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как большее количество товаров может быть приобретено на ту же сумму денег". [1]

Спрос на денежный ссудный капитал изменяется в ту или другую сторону, в соответствии с фазой капиталистического развития. Наибольший расцвет спроса на денежный капитал падает на период кризиса и вызывается чрезмерными размерами операций по сравнению с имеющимися средствами, перепроизводством, спекуляцией и т. п. В период же депрессии этот спрос на капитал изменяется в сторону падения.

„В период нового оживления после кризиса,— говорит Маркс,— ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать, чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. [2]

Спрос на ссудный капитал определяется и количеством и составом выпущенных на рынок ценных бумаг, т.-е. размерами эмиссионной деятельности (облигаций, акций, паев и прочих кредитных документов). Там, где ценная бумага существует, но не существует того капитала (как денежного), который она первоначально представляла, она всегда повышает новый спрос.

[1] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть 2, стр. 52.
[2] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть 2, стр. 50—51.

Прогрессивно развивающийся спрос на капитал в условиях капиталистического хозяйства встречает на своем пути противодействующие факторы. „Но разве это колоссальное увеличение производства... не представляло собой самого увеличения капитала и разве, создавая спрос на капитал, оно вместе с тем не создавало предложения и даже увеличенного предложения денежного капитала". [1]

Источники образования и накопления денежного капитала находятся в условиях развития самого процесса расширенного воспроизводства капиталистического хозяйства. Они (источники) суть следующие:

1) Накопление прибавочной стоимости, предназначенной для расширенного воспроизводства, но еще недостаточной для него по размерам, или чрезмерной для непосредственного употребления в предприятиях.

2) Избыточный капитал, высвобождающийся из кругооборота, не могущий быть использованным для непосредственного расширения процесса воспроизводства или накопления вследствие перерыва в ходе дела или в сезонных производствах.

3) Часть неиспользованного авансированного капитала.

4) Часть амортизационного фонда, накопляющегося по частям.

5) Кассовая наличность капиталистических предприятий.

6) Та часть прибыли, которая тратится капиталистами, как доход.

„Эта часть, — говорит Маркс, — мало-по-малу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал у банкира". [2] Следовательно, расширение части дохода, предназначенной для потребления, прежде всего проявляется, как накопление денежного капитала. Это распространяется на все виды дохода: и на земельную ренту, и на заработную плату, в ее высших формах, и на доход непроизводительных классов, и т. д.

„В накопление денежного капитала входит этим самым новый момент... хотя эти деньги сами по себе не выражают накопления..." и „с этой точки зрения накопление денежного капитала всегда отражает в себе более значительное накопление, чем то, которое совершается в действительности". [3]

„Денежный капитал увеличивается вследствие того, что с развитием банковской системы все то, что было раньше сокровищем частного лица, превращается в ссудный капитал".

„Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, предназначенный для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у лиц, выдающих денежные ссуды". [4]

В условиях капитализма усиливается необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы, возникает избыточная торговля, избыточное производство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

[1] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть 1, стр. 399.
[2] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть, 2, стр. 41.
[3] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть 2, стр. 43.
[4] Карл Маркс, „Капитал", том III, часть 2, стр. 37.

Рост денежных капиталистов, рост класса рантье в большей мере способствует росту накопления денежного, а с ним и ссудного капитала. „Накопление ссужаемого денежного капитала,— говорит Маркс,— служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (его относительных размеров), с другой стороны—только степени превращения промышленных капиталистов в простых денежных капиталистов....“ [1]

Вместе с тем,—замечает Маркс,—такое накопление определяет развитие кредитной системы и одновременный рост числа банкиров, ростовщиков, финансистов и т. п. Таким образом, Маркс в противовес профессору Касселю отмечает ряд моментов, обеспечивающих тенденцию опережающего роста предложения капитала в отношении спроса на капитал, а следовательно, и тенденцию процента к понижению, органически связывая ее с действующей тенденцией нормы прибыли к понижению. Норма прибыли проявляет свое регулирование в качестве максимальной величины, в пределах которой устанавливается размер процента.

Для продолжительных периодов при прочих равных условиях (средних условиях конкуренции) норма процента должна изменяться с изменением нормы прибыли: с увеличением ее — возрастать и с уменьшением ее — падать. „И относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере среднего размера процента“. [2]

Так как норма прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического хозяйства, то, следовательно, высокий или низкий процент находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, „если только различие процента выражает различие нормы прибыли“. Если в отдельные периоды развития капитализма норма процента может измениться и под влиянием ряда других факторов: количества средств обращения, изменения цен, вексельного курса, состояния торгового и платежного баланса, торгово-промышленной кон'юнктуры, коммерческого и банкового кредита и прочих явлений, о которых говорит Маркс на ряду с установлением основных факторов, определяющих уровень процента (нормы прибыли и соотношения спроса и предложения капитала), резко расходясь с уровнем прибыли, то в течение длительного периода времени решающее влияние на уровень процента оказывает средняя норма прибыли.

По вопросу влияния средств обращения, цен товаров, вексельного курса, коммерческого и банкового кредита и т. д. на размер процента приводим следующие места из „Капитала“ Маркса.

„Абсолютная величина обращения,— говорит Маркс,—оказывает определяющее влияние на размер процента только в периоды угнетения... В других случаях абсолютная величина обращения не влияет на размер процента, так как она — предполагая экономию и быстроту обращения постоянными — во-первых, сама определяется ценою товаров, количеством сделок (при чем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и состоянием кредита, а отнюдь не определяет эти последние факторы; так как, во-вторых, цены товаров и размер процента не находятся ни в какой необходимой зависимости...“. „Размер процента

[1] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 2, стр. 44.
[2] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 1, стр. 342.

не зависит, таким образом, от количества находящихся в обращении денег“. [1]

„Но этой повысившейся стоимости денежного капитала как раз соответствовала на другой стороне понизившаяся денежная стоимость реального капитала (товарного капитала и производительного капитала). Стоимость капитала в одной форме повысилась, потому что стоимость капитала в другой форме понизилась. Оверстон же пытается отождествить обе эти стоимости различного рода капиталов в единой стоимости капитала вообще и притом таким образом, что противополагает обе их одному недостатку в средствах обращения, в наличных деньгах“. [2]

„Низкие денежные цены товаров и низкий размер процента не обязательно совпадают“. [3]

„Таблица Hubbard'а показывает, что движение размера процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого, в то время как движения процента точно соответствуют движениям металлического запаса и вексельного курса“. [4]

„В обеих фазах, при сравнительном обилии ссудного капитала, на уровень процента, а следовательно, и на темп общего хода дела должен оказать влияние избыточный приток капитала в форме золота и серебра, т.-е. в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только, как ссудный капитал“. [5]

„Если деньги можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в положении, заставляющем его менее опираться на банковый кредит, чем в обычное время“.

„Обстоятельства складываются таким образом, что купец и промышленник имеют более легкую возможность оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковом кредите; поэтому размер процента может быть низким“. [6]

В обычное время коммерческий кредит (оказываемый капиталистами друг другу в процессе воспроизводства) может не влиять на изменение соотношения спроса и предложения капитала по той причине, что, опираясь на действительный рост самого производства, в равной мере увеличивает и предложение и спрос на капитал. В отдельные фазы развития кон'юнктуры, когда капиталисты менее нуждаются в банковом кредите (оказываемом им денежными капиталистами) вследствие легкости развития и обилия коммерческого кредита, последний, удовлетворяя часть спроса на капитал, может влиять на изменение соотношения спроса и предложения капитала, а следовательно, и на изменение процента в сторону его понижения.

Базируясь на приведенном анализе Маркса, мы можем констатировать ошибочность положений теории процента проф. Касселя. Расходясь с основами марксизма—с теорией стоимости, игнорируя роль нормы прибыли в теории процента, Кассель, во-первых, принимает условия, опре-

[1] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 2, стр. 68—69.
[2] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 1, стр. 397.
[3] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 2, стр. 125.
[4] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 2, стр. 126.
[5] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 2, стр. 108.
[6] Карл Маркс, „Капитал“, том III, часть 2, стр. 124.

деляющие размер процента, за условия, создающие категорию процента, и, во-вторых, характеризует явление денежного капитала, „сбережение", как фактор экономико-психологического порядка, в свою очередь весьма ограниченный, т.-е. повторяет, примерно, все те вульгарные соображения о накоплении денежного капитала, которые высказывались задолго до Маркса. Ясно, что непонимание явления денежного капитала влечет за собой затушевывание сущности: капиталистического хозяйства, развития кредита, прогрессирующей концентрации распыленных свободных средств в банках, возрастания класса рантье, ссужающего капитал, процесса опережения роста предложения капитала в отношении спроса на капитал, а следовательно, и тенденции процента к понижению.

Выводы проф. Касселя о тенденции процента к повышению, основанные на неправильных исходных положениях, не могут быть доказаны и ссылкой его на соответствие тенденции реальной действительности. Тенденция процента к повышению или понижению устанавливается из движения среднего уровня процента страны и его изменений во время крупных промышленных циклов (при наблюдении за изменениями уровня процента в течение длительного периода времени), при чем при таких приложениях капитала, когда последний ссужается на сравнительно продолжительное время, а не путем грубого сопоставления уровней процента предельных периодов наблюдения, что делает проф. Кассель.

То значение, которое придает проф. Кассель роли процента в хозяйственной жизни страны, лучше всего опровергается анализом исходных положений его.

Почему спрос и предложение капитала нельзя считать за функции процента, как это делает проф. Кассель? Если колебание уровня процента в состоянии оказывать некоторое влияние на соотношение спроса и предложения капитала (изменяя его в ту или другую сторону), то это ни в коем случае не означает, что оно регулирует данные явления. Рост предложения денежного капитала и рост спроса на капитал имеют самостоятельное значение и обязаны факторам иного порядка, уже изложенным нами выше.

Изменение размера процента есть симптом сменяющихся периодов промышленного цикла, но не есть причина происходящего процесса, и если оно в состоянии сигнализировать явления денежного рынка, то не может быть фактором, организующим капиталистическое хозяйство, и не в состоянии уничтожить внутренние противоречия, присущие капитализму.

Движение дисконта в довоенной России

Какая процентная ставка является предметом нашего исследования в условиях довоенной России?

Значение дисконтной операции усугубляется рядом преимуществ ее в смысле обеспечения (учитываемые векселя являются твердым обеспечением для выпуска банкнот) и легкости передвижения капиталов. От изменения учетного процента зависят изменения различных ставок. Это обстоятельство разрешает нам рассматривать движение официального и частного дисконта, как движение процента вообще.

Анализ довоенных данных в области кредитных отношений имеет для нас подсобное, а не самостоятельное значение. Основная наша задача заключается в том, чтобы, анализируя движение дисконта в СССР, охарактеризовать нашу учетную политику и пути ее ближайшего развития. В связи с этим мы отнюдь не претендуем на всестороннее разрешение ряда проблем, имеющих самостоятельное значение в условиях довоенной России, и признаем всю условность сопоставления современных данных с довоенными.

Анализируя движение дисконта в условиях довоенной России, считаем возможным ограничиться исследованием вопроса о степени чистой рентабельности ссудного капитала и принципах учетной политики. К разрешению поставленного вопроса мы подходим путем: 1) определения реального процента, который приносил капитал оборота по отдельным видам учетно-ссудных операций; 2) определения стоимости привлеченного и заемного капитала, 3) установления связи стоимости капитала оборота по учетно-ссудным операциям и коэффициента продуктивного использования оборотных средств; 4) определения процента банкового напряжения между доходами и расходами, в отношении оборотных средств; 5) выявления отношения чистой прибыли к капиталам и продуктивному активу годового оборота банка и 6) учета скорости оборота капитала.

Метод разработки материала, прежде всего, свелся к тому, чтобы определить какой реальный процент приносил капитал оборота по отдельным видам учетно-ссудных операций и какова стоимость привлеченного и заемного капитала.

Для этого, сложив соответствующие балансовые остатки на 1-е число каждого месяца (в пределах Государственного банка за ряд лет) и полученную сумму разделив на 13, мы получаем частное, которое выражает среднюю величину капитала, бывшего в обращении данной операции. Следовательно, рентабельность капитала, помещенного в ту или иную операцию, определится путем деления полученных по ней за операционный год процентов (выраженных по счету прибылей и убытков или результатным счетам) на среднюю величину капитала. При таком подсчете окажется, что капитал, помещенный в вексельные операции, дал в течение отчетного периода столько-то процентов, помещенный в товаро-ссудные операции—столько-то и т. д. Если сложить балансовые остатки на 1-е число каждого месяца по вкладной операции (текущему счету и вкладам) и по счету задолженности в кредитных учреждениях и полученную сумму разделить на 13, то частное выразит среднюю величину привлеченного и заемного капитала, бывшего в обращении.

Стоимость привлеченного капитала и заемного капитала определится путем деления уплаченных за операционный год по вкладной операции и счету задолженности процентов (выраженных по счету прибылей и убытков) на среднюю величину капиталов. При таком подсчете окажется, что привлеченный капитал и заемный капитал в течение операционного года стоили столько-то процентов.

Такой метод разработки материала дает нам возможность установить природу и размер чистой рентабельности капитала оборота в пределах учетно-ссудной и вкладной операции и сопоставить реальную величину процента с нормативной его величиной (см. табл. №№ 1 и 2).[1]

---

[1] Таблица №№ 1 и 3, а также приводимые дальше таблицы №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 составлены по данным отчетов Государственного и коммерческих акционерных банков.

Таблица № 1

Действительный средне-годовой учетно-ссудный % Государственного банка с 1870 по 1913 гг.

Годы	По учету векселей и % бумаг средне-годовой		Годы	По учету векселей и % бумаг средне-годовой		По учетно-ссудным операциям средне-годовой	
	Балансовый остаток в милл. руб.	Учетный процент		Балансовый остаток в милл. руб.	Учетный процент	Балансовый остаток в милл. руб.	Учетно-ссудный процент
1	2	3	1	2	3	4	5
1870	56,9	5,6	1896	183,4	5,7	345,6	5,6
1871	58,1	5,9	1897	—	—	284,5	5,7
1872	66,3	5,4	1898	—	—	236,1	5,6
1873	56,6	7,1	1899	—	—	289,8	6,6
1874	69,3	6,5	1900	212,1	6,5	369,8	6,5
1875	81,0	5,8	1901	233,7	6,7	435,8	6,4
1876	94,7	6,4	1902	219,6	5,8	419,7	5,5
1877	85,2	4,8	1903	219,3	5,5	412,1	4,9
1878	64,7	6,8	1904	210,3	6,0	400,1	5,6
1879	81,1	6,2	1905	168,9	6,6	398,8	5,7
1880	93,7	6,0	1906	189,8	7,7	488,4	6,8
1881	96,3	5,9	1907	185,8	7,5	455,2	6,7
1882	100,2	5,9	1908	193,8	6,7	433,1	6,4
1883	109,9	5,9	1909	188,1	5,6	414,1	5,4
1884	116,1	5,9	1910	201,3	6,1	449,8	5,5
1885	108,9	5,8	1911	271,3	5,0	654,2	5,0
1886	97,8	5,1	1912	333,6	5,2	751,2	5,1
1887	103,6	4,9	1913	367,6	6,2	927,6	6,0
1888	125,2	5,3					
1889	118,6	5,7					
1890	106,2	5,7					
1891	89,1	5,2					
1892	76,2	5,4					
1893	107,1	5,3					
1894	165,7	4,7					
1895	185,6	5,0					

Таблица № 1, составленная на основании вышеизложенного метода, дает движение действительного средне-годового учетного процента с 1870 по 1913 гг. При сопоставлении его с публикуемыми нормами мы наблюдаем некоторое превышение им последних. Причину такого превышения надо искать в том, что в средне-годовом учетном проценте отражен вес учетной операции разной срочности. Например, для 1913 г. по учету векселей действительный средне-годовой процент составлял 6,2%, а норма процента по учету векселей до 3 месяцев равнялась 6%, до 9 месяцев—6,5% и до 12 месяцев—7,5%. Из этого мы можем заключить, что в этом году имели место, главным образом, учетные операции срочности до 3—6 месяцев.

Рассматривая таблицу № 2—движение дисконта (официального и частного) в 5-ти главнейших странах с 1870 г., мы констатируем высокий учетный процент в периоды кризисов и низкий учетный процент в периоды застоя. С повышением торгово-промышленной кон'юнктуры учетный процент дорожает и снова достигает своего высшего уровня в период кризиса, так как сюда входит и страховой момент, зависимый от риска операций.

Таблица № 2

Движение дисконта (официального и частного) с 1870 по 1925 гг.

ГОДЫ	Англия [1]		Франция [1]		Германия [1]		Россия		Соединенные Штаты	
	Официальный	Частный	Официальный	Частный	Официальный	Частный	Официальный [2]	Частный [3]	Официальный [4]	Частный [5]
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1870	3,12	3,10	3,99	3,44	4,89	4,50	6,54	—	—	—
1871	2,87	2,94	5,71	5,12	4,16	3,63	7,94	—	—	—
1872	4,12	4,94	5,15	4,81	4,29	3,94	6,79	—	—	—
1873	4,75	4,69	5,15	5,00	4,95	4,50	6,13	—	—	—
1874	3,75	3,56	4,30	3,75	5,38	3,25	5,71	—	—	—
1875	3,25	3,19	4,00	3,25	4,70	3,75	4,62	—	—	—
1876	2,62	2,35	3,40	2,32	4,16	3,06	6,61	—	—	—
1877	2,87	2,63	2,28	1,69	4,42	3,31	6,11	—	—	—
1878	3,75	3,69	2,18	2,00	4,34	3,31	6,00	—	—	—
1879	2,37	2,25	2,58	2,19	3,70	2,75	6,00	—	—	—
1880	2,75	2,25	2,75	2,50	4,24	3,04	6,00	—	—	—
1881	3,38	2,75	3,83	3,67	4,42	3,50	6,00	—	—	—
1882	4,08	3,42	3,71	3,59	4,54	3,89	6,00	—	—	—
1883	3,57	2,94	3,07	2,80	4,05	3,08	6,00	—	—	—
1884	2,96	2,50	3,00	2,60	4,00	2,90	6,00	—	—	—
1885	3,00	2,12	3,00	2,50	4,12	2,85	5,00	—	—	—
1886	3,02	2,12	3,00	2,38	3,28	2,16	5,00	—	—	—
1887	3,30	2,88	3,00	2,53	3,41	2,30	5,00	—	—	—
1888	3,31	2,78	3,30	2,75	3,32	2,11	5,90	—	—	—
1889	3,61	3,25	3,13	2,60	3,68	2,63	5,68	—	—	—
1890	4,51	3,71	3,00	2,68	4,52	2,78	5,40	—	—	—
1891	3,30	1,50	3,00	2,62	3,78	3,02	4,87	—	—	—
1892	2,45	1,33	2,70	1,75	3,20	1,80	4,87	—	—	—
1893	3,05	1,67	2,50	2,25	4,07	3,17	4,25	—	—	—
1894	2,00	1,70	2,50	1,12	3,12	1,74	4,00	—	—	—
1895	2,00	0,81	2,09	1,63	3,14	2,01	4,57	5,62	—	3,87
1896	2,48	1,52	2,00	1,83	3,66	3,04	4,50	6,07	—	5,88
1897	2,63	1,87	2,00	1,96	3,81	3,08	4,65	5,24	—	3,87
1898	3,25	2,65	2,20	2,12	4,27	3,55	4,83	4,96	—	4,23
1899	3,75	3,29	3,06	2,96	5,04	4,45	5,35	6,85	—	4,28
1900	3,96	3,70	3,25	3,17	5,33	4,41	5,52	6,68	—	4,73
1901	3,72	3,20	3,00	2,48	4,10	3,06	5,14	6,39	—	4,48
1902	3,33	2,99	3,00	2,43	3,32	2,19	4,54	5,60	—	5,04
1903	3,75	3,40	3,00	2,78	3,84	3,01	4,50	5,75	—	5,54
1904	3,30	2,70	3,00	2,19	4,22	3,14	5,40	6,61	—	4,29
1905	3,01	2,66	3,00	2,10	3,82	2,85	5,70	6,29	—	4,33
1906	4,27	4,05	3,00	3,72	5,15	4,04	7,30	8,04	—	5,63
1907	4,93	4,53	3,46	3,40	6,03	5,12	7,10	7,71	—	6,28
1908	3,01	2,31	3,04	3,25	4,76	3,52	5,80	6,54	—	4,62
1909	3,10	2,31	3,00	1,79	3,93	2,87	4,90	—	—	3,90

[1] С 1870 по 1913 гг. по данным „Русских биржевых ценностей" и с 1914 по 1925 гг. по данным Сектора Мирового Хозяйства Госплана СССР.

[2] По данным „Банковой Энциклопедии" (по трехмесячным векселям).

[3] С 1895 по 1914 гг. по данным S. Conrad, „Volkswirtschaftliche Chronik" и с 1923 г. по данным Валютного Управления Отдела Надзора НКФ СССР по гор. Москве.

[4] Официальный учетный процент Нью-Йорка по данным Bulletin mensuer de Statistique, 1925 г.

[5] Частный дисконт с 1895 по 1910 гг. по данным S. Conrad, „Volkswirtschaftliche Chronik" и с 1914 по 1925 гг. (коммерч. векселя от 3 до 6 месяц.) по данным Сектора Мирового Хозяйства Госплана СССР.

Годы	Англия [1]		Франция [1]		Германия [1]		Россия		Соединенные Штаты	
	Официальный	Частный	Официальный	Частный	Официальный	Частный	Официальный [2]	Частный [3]	Официальный [4]	Частный [5]
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1910	3,72	3,18	3,00	2,44	4,85	3,54	4,50	6,87	—	5,00
1911	3,47	2,94	3,14	2,61	4,10	3,54	4,50	6,12	—	—
1912	3·77	3,64	3,38	3,16	4,95	4,22	5,00	6,25	—	—
1913	4,77	4,37	4,00	3,87	5,87	4,75	6,00	6,50	—	5,52
1914	4,04	2,50	4,13	2,89	4,89	2,84	5,81	6,21	3,50	4,80
1915	5,00	3,69	5,00	—	5,00	3,89	6,00	—	3,50	3.46
1916	5,47	5,23	5,00	—	5,00	5,46	6,00	—	3,50	3,45
1917	5,16	4,80	5,00	—	5,00	4,63	—	—	3,51	4,73
1918	5,00	3,60	5,00	—	5,00	4,63	—	—	4,57	5,88
1919	5,15	3,95	5,00	—	5,00	4,63	—	—	4,50	5,43
1920	6,71	6,36	5,78	—	5,00	3,59	—	—	6,49	7,38
1921	6,10	5,20	5,75	—	5,00	3,49	—	—	5,96	6,54
1922	3,70	2,62	5,08	—	6,58	5,91	—	—	4,21	4,43
1923	3,49	2,78	5,00	—	38,48	—	10,00	136,80	4,43	4,99
1924	4,00	3,46	6,02	—	10,00	25,82	8,00	81,60	3,63	3,91
1925	4,51	4,13	6,50	5,05	9,10	9,90	8,00	78,00	3,40	4,02

В России после кризиса 1873 г. наступил всеобщий застой, вместе с ним наступило понижение спроса на капитал и учетного и заемного процента (на ряду с повышением ценных бумаг с постоянной доходностью). К 1880 г. начинается заметное оживление и соответственное вздорожание норм. Но с 1883—1884 гг. они снова понизились, при чем это понижение длилось до 1888 г. Под'ем 1890 — 1891 гг. сменился резким застоем. В течение 1892 — 1897 гг. процентные нормы упали до низкого уровня. С 1898 по 1913 гг. наблюдается повышательная тенденция процентной нормы.

На изменение учетного процента влияние оказывала также и сезонность. Учетный процент обыкновенно повышался в первых числах сентября и на повышенном уровне находился до второй половины января — начала февраля, после чего понижался, достигая низшей точки понижения в летние месяцы („Русские Биржевые Ценности").

Движение частного дисконта в России наблюдается нами с 1895 г. (частный дисконт не регистрировался, хотя банковские учреждения ежедневно сообщали размеры процентных ставок). Частный дисконт был выше официального, примерно, от $^1/_2{}^0/_0$ до $1^1/_2{}^0/_0$. Та же таблица № 2 свидетельствует о том, что в западно-европейских странах частный дисконт стоит на уровне более низком, чем официальный. В Германии за последние годы, начиная с 1923/24 года, частный дисконт стоит выше официального или наравне с ним. Связь между частным и официальным дисконтом во Франции значительно большая, чем в Германии. В первой — расхождение между ними составляет около $^1/_2{}^0/_0$, во второй — $1—1^1/_2$. В Англии расхождение большее.

Как мы видим из таблицы, банковская система Северо-Американских Соединенных Штатов до 1914 г. не показывает официального ди-

1 2 3 4 5 см. на стр. 91.

сконта. Лишь с 1895 г. нам удается наблюдать и частный дисконт (коммерческих векселей). Последний стоит выше официального учетного процента.

Вопросам взаимоотношения официального и частного процента посвящено много литературы. По Кемени [1] официальная процентная ставка есть та ставка, по которой ссужают капитал заграницу. Внутреннему положению денежного рынка соответствует процентная ставка в свободном обращении, которая представляет чистую процентную ставку без премии на риск. (Частный процент находит употребление, главным образом, первоклассных векселей, как абсолютно обеспеченных.) Несмотря на всю конкуренцию частного дисконта, официальная ставка во всех странах есть наимогущественный симптом кон'юнктуры. Изменение ее в нормальные времена есть большое событие на денежном рынке и имеет значение предупредительного сигнала. Изменение ее действует на соответствующие тенденции открытого рынка. По банковой ставке управляется процентная ставка для контокоррента и ломбардного кредита, а также и процентная ставка, платимая банками за депозиты. Банковая процентная ставка возможна для интернационального сравнения несмотря на различие банковых ставок в различных странах. Для обеспечения золотого резерва в Германии и Англии главным средством является взвинчивание процентной ставки. Во Франции также употребляется политика премии на золото.

Beckerath [2] считает, что для тех стран, где наиболее сильны условия для краткосрочного кредита, частный дисконт занимает направляющее место на денежном рынке. В Соединенных Штатах, где вексельное обращение не играет никакой роли, место частного дисконта занимают ежедневные деньги.

Reuschle [3] об'ясняет норму официального дисконта, как следствие колебания запаса золота страны, повышающуюся при вывозе золота и уменьшающуюся при обратном положении вещей. Частный же дисконт Reuschle определяет, как выражение отношения между спросом и предложением капитала.

В ученых кругах мировой экономики довольно распространено мнение о том, что золотой резерв влияет, главным образом, на банковую норму и лишь косвенно на частный рынок. Plenge и другие сторонники, этой теории предлагают усиление золотого запаса центрального банка.

Сувчинский [4] считает, что правильнее, в особенности за последнее время, когда наблюдается сильная концентрация банкового дела, решать вопрос в том смысле, что официальный процент определяется учетным неофициальным процентом. Он об'ясняет это следующим образом: 1) кредитные учреждения держат свои запасы в центральном банке и должны их извлекать, хотя бы частично, при усилении учетной операции, и тем самым заставляют поднять дисконт; 2) частные банки, желая получить

1 „Konjunktursymptome am Geldmarkt".
2 „Kapitalmarkt und Geldmarkt".
3 „Die Ursachen des Schwankungen des Geldzinses im allgemeinen und des Diskonts im besonderem".
4 „Учетная политика Французского банка".

свободные средства, переучитывают часть своего портфеля в центральном банке, что влечет за собою те же последствия.

„Если наблюдается большая разница между учетным процентом Государственного банка и рыночным, то это следует скорее об'яснять стремлением Государственного банка приходить на помощь торговле и промышленности, жертвуя ради этого частью тех прибылей, которые мог бы извлекать банк, если бы он считался исключительно с условиями рынка". [1]

Целый ряд теорий нами приведен исключительно для того, чтобы показать всю разноречивость и неприемлемость их для характеристики взаимоотношений официального и частного дисконта в специфических условиях довоенной России. Последнее утверждение Сувчинского нам представляется особо неприемлемым, так как в странах молодого капитала, к которым может быть отнесена и Россия, где свободных капиталов мало (чем и об'ясняется относительная высота учетного процента) и где они концентрируются большей частью в эмиссионных банках, официальный дисконт определяет частный и почти всегда меньше последнего. В странах старого капитала, где свободных капиталов достаточно, происходят явления обратного порядка.

Не претендуя на полное разрешение поставленного вопроса, мы отмечаем зависимость частных банков от Государственного банка в той мере, в какой они вынуждены были черпать средства от последнего и уплачивать ему тот или иной процент (не всегда дешевый). На ряду с этим частные банки должны были начислять проценты по вкладной операции (чего с 1890 г. не делал Государственный банк), ибо орудием борьбы за их господство были проценты по вкладной операции. С другой стороны, в той мере, в какой развитие частных кредитных учреждений происходило за счет иностранного капитала и более дешевой стоимости капитала, оно давало возможность частному дисконту держаться от официального дисконта на небольшом расстоянии.

Так, например, об'ем заемных средств у Государственного банка всех частных кредитных учреждений, за исключением учреждений мелкого кредита, вырастает за десятилетие (с 1904 по 1913 гг.) на величину порядка 350 миллионов.

Действительная средне-годовая процентная ставка по переучету векселей и специальным текущим счетам под векселя и ценные бумаги в Госбанке (основные формы займа) колебалась с 3% до 6% с 1904—1913 гг. Следовательно, Госбанк взимал по переучету векселей и специальным счетам частных кредитных учреждений ниже, чем по учету векселей прочей клиентуры —от 3,4% до 2,5%. [2]

Учет процента использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям преследует двоякий смысл: во-первых, установить коэффициент использования оборотных средств по основным продуктивным активам и, во-вторых, установить некоторую зависимость стоимости капитала оборота по учетно-ссудным операциям и коэффициента продуктивного использования оборотных средств.

---

[1] Сувчинский, „Учетная политика Французского банка", стр. 18.
[2] По данным отчетов Государственного банка.

Таблица № 3

% использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям по Государственному и акционерным банкам

Вариант 1

Годы	Размер оборотных средств в среднем за год [1]	Средне-годовой балансовый остаток по учетно-ссудным операциям	Гр. 3 в %% к гр. 2
	В милл. руб.		
1	2	3	4
I. Государств. банк.			
1910	2.126,9	449,8	21,1
1911	2.401,4	654,2	27,2
1912	2.588,5	751,2	29,0
1913	2,831,1	927,6	32,8
II. Акционер. банки			
1894—1903	742,63	635,5	85,6
1904—1913	1.697,6	1.501,7	88,6

% использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям по Государственному банку

Вариант 2

Годы	Размер оборотных средств в среднем за год за исключением		Средне-годовой балансовый остаток по учетно-ссудным операциям	Гр. 4 в %% к	
	кредитн. билетов в кассах банка и казнач.	валютно-металлического обеспечения		гр. 2	гр. 3
	В милл. рублей				
1	2	3	4	5	6
1910	2.037,4	911,3	449,8	22,1	49,4
1911	2.314,7	1.142,2	654,2	28,3	57,3
1912	2.509,5	1.291,6	751,2	29,9	58,2
1913	2.762,3	1.410,1	927,6	33,6	65,8

Таблица № 3 отмечает некоторое возрастание коэффициента использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям за последнее четырехлетие — с 1910 г. по 1913 г.—по первому варианту — с 21,1% до 32,8%, по второму варианту — с 22,1% до 33,6% и с 49,4% до 65,8%. Прилагаемые варианты учитывают разную величину эмиссии в оборотных средствах.

---

[1] В оборотные средства Госбанка включены: основной и запасный капиталы, вклады и текущие счета, эмиссия, невыплаченные переводы, кредитивы, тратты и прибыль оборота, а в оборотные средства акционерных банков — основной, запасный и прочие капиталы, вклады и текущие счета, переучет и перезалог.

Первый вариант учитывает всю эмиссию, а второй вариант—эмиссию за исключением кредитных билетов в кассах Госбанка и казначейств и эмиссию за исключением золотой наличности Госбанка.

Последний метод учета оборотных средств (включая эмиссию за исключением золотой наличности Госбанка) надо считать наиболее правильным. Вместе с тем, несмотря на абсолютное возрастание процента использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям Государственного банка при сопоставлении его с процентом использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям акционерных коммерческих банков, выявляется низкий процент использования, падающий на Госбанк. Между процентом использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям и стоимостью капитала устанавливается обратная зависимость: на ряду с ростом процента использования стоимость капитала падает или остается стабильной.

По акционерным коммерческим банкам процент использования оборотных средств по учетно-ссудным операциям отмечается значительной величиной, равной 85—88% и к тому же стабильной за длительный период времени. Следовательно, продуктивные активы Госбанка относительно невелики. Это обстоятельство подтверждает распространенное в экономической литературе мнение о социальной природе Госбанка и о назначении его в хозяйственной жизни страны быть „банком банков" и относительно мало заниматься непосредственным кредитованием народного хозяйства.

Переходим к анализу движения средне-годового действительного процента по текущим счетам и вкладам:

Таблица № 4

Действительный средне-годовой % по текущим счетам Госбанка с 1870 по 1913 гг.

Годы	Средне-годовой балансовый остаток по процентным текущим счетам в милл руб.	Действительный средне-годовой % по текущим счетам	Годы	Средне-годовой балансовый остаток по процентным текущим счетам в милл. руб.	Действительной средне-годовой % по текущим счетам
1	2	3	1	2	3
1870	66,8	3,44	1892	139,1	—
1871	53,4	3,00	1893	114,1	—
1872	68,2	2,35	1894	118,2	—
1873	92,4	3,90	1895	128 2	—
1874	117,0	2,99	1896	151,3	—
1875	132,6	2,34	1897	—	—
1876	144,0	2,15	1898	—	—
1877	127,7	2,19	1899	—	—
1878	151,6	2,31	1900	113,5	—
1879	118,0	2 37	1901	152,7	—
1880	101,4	2,96	1902	215,6	—
1881	110,8	2,44	1903	230,0	—
1882	100,6	2.29	1904	183,5	—
1883	107,6	2,32	1905	176,5	—
1884	108,8	2,39	1906	176,5	—
1885	132,3	2,27	1907	181,0	—
1886	144,7	1,41	1908	205,4	—
1887	104,0	0,96	1909	202,7	—
1888	86,0	0.93	1910	173,7	—
1889	76,5	0,52	1911	156,3	—
1890	65,6	—	1912	184,1	—
1891	38,2	—	1913	177,3	—

Таблица № 4, составленная тем же методом, что и таблица № 1, дает картину движения средне-годового действительного процента по текущим счетам. Начиная с 1870 года, Госбанк платит по текущим счетам до 3% и даже свыше 3%, и, как нам известно, по вкладам бессрочным — от 1% до 3%, а по вкладам срочным — от 2% до 4%. Вместе с тем, уже начиная с 1885 года, обнаруживается ярко выраженная тенденция к снижению действительного средне-годового процента, начисляемого по текущим счетам. К 1890 году эта тенденция сходит на нет и вплоть до 1913 года не обнаруживается начисления процентов. Еще до прекращения в 1889 году оплаты процентов по текущим счетам банк в 1885 году вводит особый вид этих счетов „условные текущие счета". Сначала банк понижает начисление процентов с 2% до 1%, а затем совсем отказывается от начисления процентов.

Целью новой операции, как справедливо указывают многие, было предоставить возможность населению пользоваться услугами банка при производстве денежных расчетов. Условными текущими счетами достигалось упрощение расчетов и сокращение в стране расчетов за наличные деньги путем списания со счета на счет, орудием чего являлся чек.

Средне-годовой процент по вкладам достигал за этот период времени максимум 1%—1,5%. Лишь с февраля 1906 по май 1908 гг. процент по срочным вкладам поднимается до 2%—3% по годовым, до 4% по пятилетним и до 4,5% по десятилетним вкладам; по текущим счетам частных лиц и учреждений в этот период уплачивался процент, доходящий также до 2%. Чем же об'ясняется возможность отмены начисления процента по текущим счетам и резкого снижения процента по вкладам. Государственный банк имел перед собой практику западно-европейских стран. Например, Германский имперский банк не начислял процентов по текущим счетам и развивал беспроцентные текущие счета в форме так называемых счетов — жиро, предназначенных для производства через посредство банка взаимных расчетов, путем списания суммы с одних счетов на другие. Введя операцию жиро, усовершенствовав весь механизм расчетов по платежам, предоставив ряд льгот для клиентов в виде бесплатного инкассирования векселей, переводных билетов, чеков и других документов, банк тем не менее получал значительные средства в виде беспроцентных текущих счетов. С другой стороны, прогрессирующий рост казенных текущих счетов давал Госбанку некоторую гарантию в обеспеченности текущими счетами, а следовательно, и основания поступать по примеру Германского имперского банка. Поступление средств по текущим счетам казны и обязательным депозитам казначейства было вполне обеспечено. Таким образом, отказ от начисления процентов по текущим счетам не был рискованным шагом.

Надо полагать, что наказ о прекращении начисления процентов по текущим счетам основывался и на восстановлении денежного обращения в стране и на том, что Государственный банк выдавал, по преимуществу, краткосрочные ссуды. К этим обстоятельствам надо присоединить еще то, что выпуск кредитных билетов (за счет которых Государственный банк почти исключительно работал) производился для надобностей и коммерческого кредита.

Лишь в декабре 1916 года утверждается с целью привлечения вкладов новый наказ по операции текущих счетов. Новый наказ не знает

разделения текущих счетов на условные и простые, не знает неподвижного остатка на текущих счетах, который стеснял вкладчиков в праве распоряжения своим счетом. Руководствуясь новым наказом, Государственный банк стал начислять проценты и платить по вкладам и текущим счетам. По текущим счетам частных лиц, фирм и учреждений (кроме банков и банкиров) земств, городов и учреждений мелкого кредита—3% годовых. По срочным вкладам на 1 год—4%; на 5 лет—5,5%. Об'ем льгот увеличен за счет расширения старых и создания совершенно новых. Владельцам процентных текущих счетов банк предоставляет следующие льготы: 1) бесплатный перевод денег с текущего счета на текущий счет, 2) бесплатный перевод на текущие счета сумм, вносимых в других учреждениях банка и казначейства наличными, 3) исполнение комиссионных поручений вкладчиков по льготному тарифу, 4) прием на бесплатное хранение и управление приобретенных за счет сумм текущего счета процентных бумаг, 5) открытие с особого разрешения под приобретенные вкладчиком за счет сумм текущего счета процентные бумаги специальных текущих счетов с предоставлением заемщикам льгот.

Если Государственный банк, получая бесплатные привлеченные средства (до 1916 г.), мог иметь чистую рентабельность в пределах учетно-ссудной и вкладной операции, равную величине процентов, взимаемых по учетно-ссудным операциям, то совершенно другое получается при анализе отношения всех доходов и расходов к оборотным средствам, чистой прибыли к капиталам и продуктивному активу годового оборота банка.

Как известно, прибыли слагаются: 1) из разницы между полученными процентами по различным активным операциям и процентами, уплаченными по пассиву, 2) из комиссионного вознаграждения за посреднические услуги банков, 3) из доходов от операций с ценными бумагами и прочих иррегулярных доходов.

Анализируя состав валовой прибыли, находим, что основным наиболее значительным элементом дохода являются полученные проценты по учетно-ссудным операциям. Для Госбанка полученные проценты по учетно-ссудным операциям за 10—15 лет от валовой прибыли составляли колебания в пределах от 45% до 75%, а для акционерных коммерческих банков колебания в пределах от 40% до 50%. При этом надо отметить, что проценты, уплаченные по вкладной операции, не составляли высокого процента от общих расходов. По Госбанку, как нам уже известно, по вкладной операции проценты совсем не начислялись с 1890 до 1916 гг. По акционерным коммерческим банкам доля уплаченных процентов от общих расходов составляла за 1912 год 39,5% и за 1913 год—39%.

Таблица № 5, выражающая процентное отношение суммы расходов и суммы доходов к сумме оборотных средств, дает следующее движение стоимости и доходности одного рубля ссудного капитала (см. стр. 99).

Общая стоимость 1 рубля обходилась Госбанку (в среднем за четырехлетие) 1,5 копейки, а акционерным банкам за 1912—1913 гг.—7,2 копейки. Высокая стоимость рубля для последних об'ясняется не только дороговизной стоимости привлеченных и заемных средств (действительный средне-годовой процент по вкладной операции — 4% за 1912—1913 гг.), но и высотой накладного расхода.

Таблица № 5

Отношение общей суммы расходов и доходов к сумме оборотных средств

(По Госбанку и акционерным банкам)

Годы	В тысячах рублей				Процентное отношение			
	Операционные расходы[1]	Неоперационные расходы	Все расходы	Размер оборотных средств в среднем за год	Операционных расходов	Неоперационн. расход	Всех расход.	Всех доходов
					к общ. сумме обор. средств			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Государственный банк								
1910	3.632	15.588	34.310	2.126.900	0,2	0,7	1,6	2,8
1911	3.328	16.077	30.460	2.401.400	0,1	0,7	1.3	2,4
1912	4.397	21.970	45.631	2.588.500	0,2	0,8	1,8	3,0
1913	3.438	22.158	39.353	2.831.100	0,1	0,8	1,4	2,9
Акционерные банки								
1912	133.529	59.515	214.644	2.980.562	4,5	2,0	7,2	9,5
1913	160.523	67.831	253.591	3.517.028	4,6	1,9	7,2	9,5

При сопоставлении процентного отношения общей суммы доходов и расходов к сумме оборотных средств получаем следующую разницу в пользу рентабельности банка. Для Госбанка 1,6 копейки (в среднем за четырехлетие) на 1 руб. и для акционерных банков за 1912—1913 гг. 2,3 копейки на 1 руб.

Из анализа таблицы № 6 мы убеждаемся в том, что почти $^1/_2$ всей суммы сметных расходов (из неоперационных) по Госбанку и значительно больше $^1/_2$ их по акционерным коммерческим банкам составляет содержание личного состава банковского аппарата (см. стр. 100).

Таблица № 7 распределения чистой прибыли Государственного банка за период с 1860 года по 1913 год дает полную картину величины чистой прибыли, ее отношения к капиталам банка и характер распределения ее. Отношение чистой прибыли к капиталам банка (основной, запасный и проч. капиталы) по 1 варианту характеризуется процентом возрастания от 11,1% до 58%, взятого по пятилетиям. Наивысшее напряжение отношения чистой прибыли к капиталам падает на 1913 год; оно равно 76,8%. За этот период времени неизменно большая часть чистой прибыли порядка 80—85% в среднем идет в казну. Государственный банк, обладая значительными оборотными средствами, достигнув известной высоты основного капитала (55 миллионов), не увеличивает его, а почти всю чистую прибыль направляет в казну (см. табл. № 7 на стр. 100).

[1] В операционные расходы Государственного банка вошли: уплаченные проценты, куртаж, комиссии, постройки и капитальный ремонт, а в операционные расходы акционерных банков — уплаченные проценты, обзаведение и устройство.

Таблица № 6

Отношение суммы для содержания личного состава банковского аппарата к общей сумме сметных расходов

Годы	В тыс. руб.		Графа 2 в % к графе 3
	Содержание личного состава банков. аппарата [1]	Общая сумма сметных расходов [3]	
1	2	3	4
Государственный банк			
1910	9.328	19.153	48,7
1911	10.049	19.864	50,6
1912	10.927	26.086	41,8
1913 [2]	11.951	26.362	45,3
Акционерные банки			
1912	46.386,7	64.717,8	71,7
1913	51.922,0	70.859,5	73,2

Таблица № 7

Распределение чистой прибыли Государственного банка с 1860 по 1913 гг.

Пятилетия	Собственный капитал	Чистая прибыль	Чистая прибыль, обращенная в казну	Гр. 3 в % к гр. 2	Гр. 4 в % к гр. 3
	В тысяч. рублей				
1	2	3	4	5	6
Среднее за пятилетие					
1860 — 1864	16.973	1.877	1.286	11,1	67,0
1865 — 1869	19.760	3.658	2.292	18,5	62,6
1870 — 1874	23.000	3.863	—	16,8	—
1875 — 1879	25.685	6.955	7.032	27,1	88,3
1880 — 1884	28.341	7.112	6.735	25,1	94,7
1885 — 1889	28.224	6.163	5.632	21,8	91,4
1890 — 1894	28.913	8.369	6.364	28,9	76,0
1895 — 1899	48.467	10.675	8.637	22,0	80,9
1900 — 1904	54.648	11.710	10.413	21,4	88,9
1905 — 1909	55.022	20.688	18.991	37,6	91,8
1910 — 1913	55.000	31.920	23.536	58,0	82,6

[1] Содержание штатных и канцелярских чиновников. Содержание нижних чинов. Прогоны и пособия при назначении к должностям и выдача третных окладов. Вычеты в инвалидный капитал. Пособия и вознаграждения, назначаемые по особым высочайшим повелениям, обмундирование нижних чинов, вознаграждение служащим, отчисленное из чистой прибыли.

[2] Вознаграждение служащим, отчисленное от чистой прибыли для 1913 г. взято по данным 1912 г.

[3] Общая сумма сметных расходов Государственного банка увеличена на сумму вознаграждения служащим, отчисленную из чистой прибыли.

Таблица № 8 дает процентное отношение чистой прибыли к капиталам, включая и эмиссию (за исключением кредитных билетов в кассах банка и казначейств и за исключением валютно-металлического обеспечения). Настоящее процентное отношение характеризуется некоторой стабильностью уровня—2% в первом случае и некоторым снижением с 23,7% за 1910 г. до 16,7% за 1913 г. — во втором.

Таблица №

Отношение чистой прибыли к собственному капиталу и эмиссии по Государственному банку (в милл. рублей)

Годы	Собственный капитал и эмиссия за исключением		Чистая прибыль	Отношение чистой прибыли к	
	кредитных билетов в кассах банка и казначейств	валютно-металлического обеспечения		гр. 2	гр. 3
1	2	3	4	5	6
1910	1.235,9	109,8	25,0	2,1	23,7
1911	1.321,9	149,4	26,4	2,0	17,7
1912	1.435,2	217,3	33,0	2,3	15,2
1913	1.605,1	252,9	42,2	2,6	16,7

Таблица № 9 дает процентное отношение чистой прибыли к продуктивному активу годового оборота.

Таблица № 9

Отношение чистой прибыли к годовому обороту (продуктивному активу) по Государственному и акционерным банкам

Годы	В милл. рублей		Процент. отношен. чистой прибыли к обороту
	Оборот [1] за год (дебет)	Чистая прибыль	
1	2	3	4
Государств. банк			
1910	3.284,9	26,0	0,79
1911	4.750,3	26,4	0,56
1912	5.216,6	33,0	0,63
1913	6.497,5	42,2	0,65
Акционерные банки			
1912	54.063,6	67,9	0,13
1913	57.277,8	80,4	0,14

[1] В годовой оборот по Государ. банку включены: выдачи по учетно-ссудным операциям, дебет прочих активных счетов (счет зернохранил. Госбанка, процентные бумаги, приобрет. по комиссии, долг дворян. и крестьян. банков, вексельная бумага и гербовые марки, недвижим. имущ., разные выдачи, расчеты с клиентами зернохр., случайные убытки); в годовой оборот по акционерным банкам включены: дебет по учетно-ссудным операциям, счет с корреспондентами, векселя и товары на комиссии.

Настоящий метод исчисления наиболее приемлем в отношении определения степени рентабельности банков. Таким образом, получается, что каждый обращающийся рубль Государственного банка приносил от 0,8 копейки за 1910 г. до 0,7 копейки за 1913 г. Из сопоставления рентабельности Госбанка с рентабельностью акционерных коммерческих банков мы убеждаемся в том, что рентабельность первого значительно превышала рентабельность вторых, так как каждый оборачивающийся рубль последних приносил 0,1 копейки за 1912 и 1913 гг.

Проследив величину чистой прибыли, ее отношение к капиталам по акционерным коммерческим банкам, отмечаем более низкое, чем у Государственного банка, процентное отношение чистой прибыли к капиталам, равное 10% за 1912—1913 гг. Распределение чистой прибыли здесь специфически иное, соответственно характеру акционерных банков. От чистой прибыли отчисляется в дивиденд акционерам в 1912 г. — 72,8%; в 1913 г.—73,4%. В запасный капитал в 1912 г.—4,4%, в 1913 г.—3,3%, в резервный капитал в 1912 г.—2,3%, в 1913 г.—1,9%.

При учете степени рентабельности банков надо учитывать и скорость оборота банкового капитала, с изменением которого изменяется и общая сумма полученных процентов.

Таблица № 10, представляя ряды изменений уровня процента и нормы прибыли, дает картину соотношения этих величин.

Таблица № 10

Отношение нормы учетного % к средней норме прибыли

Годы	Учетный %	Средняя норма прибыли [1]	Отношение гр. 2 к 3
1	2	3	4
1885	5,00	13,7	0,36
1886	5,00	13,1	0,38
1887	5,00	11,6	0,43
1888	5,90	13,5	0,44
1889	5,68	14,5	0,39
1890	5,40	14,4	0,38
1891	4,87	13,6	0,36
1892	4,87	15,2	0,32
1893	4,25	15,6	0,27
1894	4,00	15,9	0,25
1895	4,57	16,2	0,28
1896	4,50	16,9	0,27
1897	4,65	16,1	0,29
1898	4,83	15,9	0,30
1899	5,35	14,8	0,36
1900	5,52	14,2	0,39
1901	5,14	12,3	0,42
1902	4,54	10,2	0,45
1903	4,50	10,9	0,41
1904	5,40	11,7	0,46
1905	5,70	10,8	0,53
1906	7,30	12,1	0,60
1907	7,10	11,1	0,64
1908	5,80	10,8	0,54
1909	4,90	11,4	0,43
1910	4,50	12,7	0,35
1911	4,50	12,8	0,35
1912	5,00	13,2	0,38
1913	6,00	13,0	0,46

[1] Средняя норма прибыли исчислена С. Г. Струмилиным („Проблема промышленного капитала").

Установив фактическую сторону вопроса о рентабельности и степени чистой рентабельности денежного капитала (процента банкового напряжения), мы переходим к анализу принципов учетной политики Государственного банка довоенной России.

Принципы учетной политики Государственного банка

Какая учетная политика является наиболее рациональной — частое или редкое изменение учетной ставки? Наблюдая за устойчивостью ставки с 1870 по 1913 гг. в 4 странах (Англия, Германия, Франция и Россия) [1], мы отмечаем явления определенной стабильности учетной ставки в течение года в довоенной России. В течение 10 лет учетная ставка менялась всего 1 раз в год; в течение 14 лет она совсем не изменялась. Только один раз в 1873 г. имели место частые изменения, доходившие до 14 раз за год. За остальной период времени учетная ставка колебалась всего лишь 2—5 раз в год, при чем, как обычное явление, изменялась на 1%—1½%, и весьма редко изменялась на 2½%—3%.

В Англии мы наблюдаем явления совсем иного порядка. Лишь один раз (в 1895 г.) учетная ставка не изменялась. Зато были годы, когда учетная ставка изменялась 24 раза в год, а изменения учетной ставки по 10—7 раз в год были обычным явлением для практики Английского банка, при чем она поднималась на 3%—3 ½% и выше. Одни считают, что Английский банк повышает или понижает учетную ставку смотря по тому, приливает или отливает золото, хотя им принимается во внимание норма, преобладающая на открытом рынке. Другие полагают, что высокий дисконт не в состоянии сохранить золота, что повышением процента истощение золотого запаса задерживается только искусственно и что такое частое колебание английского дисконта вызывается ролью Англии в мировой торговле.

Изменения учетного процента для воздействия на вексельные курсы может и не быть. Есть и другие способы, чтобы препятствовать отливу золота из страны и изменять вексельные курсы, а именно: а) выбор векселей (строгость требований), б) сокращение срока учитываемых векселей [2], в) учитывание части векселей по особому дисконту, г) путем девизной политики значительного портфеля иностранных векселей выпускать девизы на ту страну, на какую произошло возрастание цен на векселя. С утерей господствующего положения эмиссионным банком, как регулятора денежного обращения, ослабляется значение золотого резерва в деле уравнивания платежного баланса и стабилизации валютного курса, особенно касательно баланса срочных платежей при краткосрочных кредитах. Руководящую роль здесь играют крупные частные банки. С другой стороны, главную роль в поддержании паритета валюты играет прямой и косвенный арбитраж.

[1] Исчисления по данным „Банковой Энциклопедии".

[2] По уставу большинства банков максимальный срок векселя определяется в 3 месяца: Французский банк —3 месяца, Австро-Венгерский — 92 дня, Английский банк — 95 дней, Бельгийский — 100 дней и Государственный банк довоенной России — 3 месяца. Типичным векселем для Германии был вексель сроком до 30 дней, составляющий 60% портфеля.

Ближе всего к России стоит учетная политика Французского банка. Здесь мы замечаем даже большую стабильность учетной ставки, чем в России. В течение 20 лет не было изменения учетной ставки и в течение 11 лет было изменение всего 1 раз в год, и наивысшее число изменений было 4 раза в год.

Государственный банк в состоянии был не прибегать к частым изменениям учетной ставки и потому, что имел в своих кассах огромную золотую наличность, достаточную для поддержания металлического фонда на известном уровне и потому, что имел большое право эмиссии, могущее быть использованным в известные критические кон'юнктурные моменты, и вследствие специфической роли России в международной торговле, дающей застраховаться от международных колебаний.

Применительно к конкретным условиям денежного рынка довоенной России многие не без основания допускают слабое влияние со стороны вексельного курса и платежного баланса на изменение учетного процента.

Основными задачами Государственного банка были охрана валюты и управление рынком. Мог ли он согласовать эти задачи, противоречивые в условиях анархической системы капиталистического хозяйства? Учетная политика Государственного банка не могла быть фактом сознательного регулирования рынка; значение ее весьма ограничено.

Денежный рынок, изменение соотношения спроса и предложения денежного капитала, прежде всего, диктует банку изменение учетного процента (эмиссионный банк по движению сумм в своих кассах имеет представление о соотношении спроса и предложения капитала). Понижением учетного процента банк в состоянии лишь известным образом поднять спрос на капитал и повышением учетного процента вызвать сокращение пред'явленных к учету векселей. Учетная политика и принципы наибольшей рентабельности, легшие в основу ее, чтобы обеспечить золотое накопление в банке, чтобы стимулировать приток иностранных капиталов, способствовали охране валюты. Вместе с тем, невозможность согласования задач охраны валюты и управления рынком — очевидна.

С. М. Киселев

Кон'юнктура народного хозяйства СССР в 1925/26 г.

Сельское хозяйство

На хозяйственной кон'юнктуре 1925/26 года отразилось влияние результатов посевных кампаний и сбора урожая как 1925 года, так и 1926 года, при чем кон'юнктура первых двух кварталов находилась под непосредственным воздействием итогов сельскохозяйственной кампании 1925 года, в третьем же и особенно в четвертом квартале она уже определялась сначала видами на новый урожай 1926 года, а потом и ходом уборочной кампании.

Посевная площадь под зерновыми культурами (83,9 милл. десятин) дала в 1925 году прирост на 4,5%, достигнув 89,2% довоенного уровня. Валовой сбор хлебов составил, по оценке Экспертного Совета при ЦСУ, 4.340 милл. пудов, превысив соответствующие итоги предшествующего неурожайного 1924 года на 39%. В связи с этим, с июля месяца 1925 года по июль месяц 1926 года, хлебные заготовки основных (государственных и кооперативных) заготовителей выразились в 584 милл. пудов против 323 милл. пудов предшествовавшей заготовительной кампании. Однако, первоначальный заготовительный план в 780 милл. пудов не мог быть реализован и при пересмотре был сокращен до 600 милл. пудов; последнее обстоятельство, как мы увидим ниже, отразилось в свою очередь отрицательно не только на осуществлении наших экспортно-импортных планов, но и на развитии промышленного производства.

Хлебозаготовки в милл. пуд.

	1924/25 г.	В %% к предыд. году	1925/26 г.	В %% к предыд. году
I квартал (октябрь — декабрь) .	126,7	—	175,9	138,8
II „ (январь — март) . . .	78,2	—	162,1	207,3
III „ (апрель — июнь) . . .	44,5	—	86,4	194,2
IV „ (июль — сентябрь) . .	160,0	249	151,3	948,
Всего за год	409,4	—	575,7	140,6

Динамика хлебных заготовок в пределах кварталов 1925/26 года показана в приведенной таблице, из которой видно, что после энергичного роста заготовок в четвертом квартале 1924/25 года дальнейшее развитие их в первом квартале значительно замедляется как по приросту в абсолютных цифрах, так и по отношению к предшествующему году; хлебные заготовки второго и третьего квартала хотя и дали соответствующее сезонное снижение, тем не менее проходили относительно в более благоприятном темпе. Об'яснение этому явлению мы должны

искать в тех затруднениях развития процессов обмена, на которые натолкнулась повышенная реализация сельскохозяйственной продукции (особенно в начале года) в связи с недостаточным снабжением рынка промышленной продукцией, здесь же мы найдем ключ и к пониманию того обстоятельства, что несмотря на урожай хлебные цены с ноября месяца и вплоть до февраля—марта обнаруживают тенденцию к под'ему, оставаясь все время выше соответствующего абсолютного уровня их в предшествующем неурожайном году.

Хлебные заготовительные цены в копейках

Годы \ Месяцы	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Рожь 1924/25 .	53	56	58	64	78	108	134	139	126	111	93	87
„ 1925/26 .	77	79	83	94	105	107	100	87	73	66	68	71
Разн. в коп. . .	+24	+23	+25	+30	+27	— 1	—34	—52	—53	—45	—25	—16
Пшен. 1924/25 .	89	90	92	110	133	161	185	182	165	129	125	131
„ 1925/26 .	119	123	122	130	134	132	127	124	103	101	106	108
Разн. в коп. . .	+30	+33	+30	+20	+ 1	—29	—58	—58	—62	—28	—19	—23

Последний квартал 1925/26 года является начальным периодом реализации урожая 1926 года. При росте посевной площади зерновых культур вновь на 6,3%, валовой сбор хлебов по предварительным данным определяется ЦСУ в 4.630 милл. пудов, т.-е. на 6,7% выше предшествовавшего года.

Повторно-урожайный 1926 год дает основание предполагать вообще более интенсивное развитие хлебозаготовок по сравнению с предшествующим годом, при пониженном уровне заготовительных цен. Однако, в виду опоздания уборки и обмолота хлебов в большинстве производящих районов заготовки IV квартала 1925/26 года дали результаты даже немного ниже прошлогодних (на 5,2%); уровень же заготовительных цен значительно снизился (см. табл.) и отличался в августе—сентябре определенной устойчивостью.

К отрицательным моментам хлебозаготовительной кампании в конце 1925/26 года надо отнести несколько пониженный (по сравнению с пшеницей) уровень заготовительных цен на рожь и ячмень, а также резкий разрыв хлебных цен в производящих и потребляющих губерниях и увеличение раствора „ножниц".

Параллельно с ростом в 1925 году валового сбора зерновых культур мы имели в связи с ростом посевных площадей технических культур также и значительное увеличение их валовых сборов:

Прирост посевных площадей технических культур (в %%)

	1924 к 1923 г.	1925 к 1924 г.	1926 к 1925 г.
Хлопок	+136	+ 30	+ 6
Лен	+ 24	+ 25	— 8
Конопля	+ 22	+ 20	—
Подсолнух	+ 17	+ 20	—15
Табак	— 8	+ 80	—15
Махорка	+ 16	+ 10	—
Сах. свекла	+ 43	+ 43	+ 4

Валовая продукция технических культур в милл. пудов

	1924/25 г.	1925/26 г.	Увеличение или уменьшение в %%
Хлопок	22,6	35,9	+ 58,8
Лен	15,3	19,5	+ 27,5
Пенька	18,8	28,0	+ 48,9
Маслосемена	150,1	213,8	+ 42,4
Табак	1,5	2,5	+ 66,7
Махорка	2,8	6,1	+117,9
Сах. свекла	198,4	487,8	+145,9

Наконец, по линии животноводства мы имели в 1925 году также прирост численности стада как крупного, так и мелкого скота.

Динамика численности стада (в %%)

	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
Потребляющая полоса 1925 г. к 1924 г.	105,5	114,0	106,8
„ „ 1926 „ „ 1925 „	94,3	93,1	91,9
Производящая полоса 1925 г. к 1924 г.	105,1	112,8	88,2
„ „ 1926 „ „ 1925 „	104,7	111,3	87,3

В связи с ростом посевной площади технических культур и ростом скотоводства заготовки технических культур и животного сырья дают в 1925/26 году значительный прирост. Сокращение заготовок в отчетном году имело место только по яйцам и маслосеменам, при чем в последнем случае отрицательную роль сыграли сниженные заготовительные цены, и заготовительный план по маслосеменам оказался невыполненным почти на 25%.

Заготовки с.-х. сырья в 1925/26 бюдж. году по сравнению с 1924/25 бюдж. годом

Виды сырья	Единицы измерения	Заготовки в натур. выр. (в тыс.) 1925/26 г	Заготовит. цены (в руб.) 1925/26 г.	Ценность заготовок (в т. р.) 1925/26 г.	1925/26 г. в %% к 1924/25 г.		
					Заготов.	Цена	Ценность загот.
1. Хлопок	Пуд.	34.914	4,50	157.113	161,9	103,7	167,9
2. Лен	„	11.073	6,96	77.068	140,8	83,3	117,2
3. Пенька	„	3.200	6,60	21.120	151,8	90,4	137,2
4 Маслосемена .	„	62.853	1,08	67.881	87,4	83,1	72,6
5. Табак . . .	„	2.159	17,49	37.760	179,9	109,3	196,7
6. Махорка . . .	„	4.459	3,32	14.803	158,2	94,9	150,1
7. Масло коровье .	„	2.973	16,87	50.154	114,3	93,7	107,2
8. Яйца	Ящик	713	41,10	29.304	85,8	111,5	95,6
9. Кожи крупные	Штуки	5.000	12,40	62.000	107.3	145,9	138.8
10. „ мелкие .	„	9.800	2,55	24.990	129,5	127,5	165,2
11. Шерсть	Пуд.	1.088	13,00	14.144	98,9	118,2	116,9

Общая сумма заготовок технических культур и сел.-хоз. сырья основными заготовителями составила около 556 м. р. и поднялась по сравнению с предшествующим годом на 26%.

Перспективы рынка с.-х. сырья в наступившем году рисуются в следующем виде. Прежде всего, в 1926 году мы имели резкое замедление темпа роста посевных площадей основных технических культур, а по ряду культур и прямое их снижение, что видно из приведенной выше таблицы. Если по отношению к хлопку известную роль здесь сыграли недостатки ирригационной системы и хлебного снабжения, то на динамике посевных площадей льна и подсолнуха несомненно отрицательно отразилась и политика низких заготовительных цен, сделавшая производство их менее рентабельным по сравнению с прочими культурами. Обращают на себя также внимание обнаружившиеся в 1926 году регрессивные явления и в области животноводства. При росте потребления сел.-хоз. сырья развивающимся промышленным производством отмеченные тенденции в развитии посевной площади технических культур и животноводства приобретают в кон'юнктуре истекшего года особое значение.

Валовые сборы 1926 года по предварительным данным уменьшились по хлопку, льну, подсолнуху и табаку и увеличились по конопле, махорке и сах. свекле.

Реализация технических культур нового урожая из-за климатических условий задержалась в этом году на 15—20 дней и, главным образом, вследствие этого заготовки их в сентябре 1925/26 года не получили по сравнению с сентябрем 1924/25 года сколько-нибудь значительного развития.

Общий валовой доход от сельского хозяйства (полеводство, огородничество, животноводство) составил в 1925/26 году по довоенным ценам 7.276 милл. руб., увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 30% и достигнув 96% довоенного уровня. Денежная выручка деревни по 10 главнейшим видам крестьянской продукции (по заготовкам плановых заготовителей) выразилась по данным НКТорга в 1.023 милл. руб. против 770 милл. руб. выручки за 1924/25 г., т.-е. больше на 33%. Этот рост денежной наличности стимулировал, как мы увидим ниже, развитие потребительского спроса со стороны деревни. Последнее обстоятельство, в свою очередь, имело существенное значение для всей кон'юнктуры истекшего года, так как в начале года ему не соответствовал достаточно интенсивный прирост во времени промышленной продукции, что и привело к дезорганизации процессов обмена.

Промышленность

Стоимость валовой продукции крупной государственной промышленности достигла в 1925/26 году по довоенным ценам 3.556 милл. рублей, а в современных ценах — 7.419 милл. руб. Таким образом, прирост продукции за истекший год составил по об'ему 39% (в 1924/25 году—60%) и в червонных рублях — 45% (в 1924/25 году — 42%). Следовательно, и в 1925/26 г. мы попрежнему имели хотя несколько меньшее, но все же чрезвычайно интенсивное развертывание промышленного производства. Оно совершалось при этом как на базе использования прежнего оборудования, так и в результате начатых еще в предшествовавшем году работ по расширению основного капитала промышленности. Использование наличного промышленного оборудования достигало в 1924/25 году 82%, в 1925/26 году — 87% и в новом 1926/27 году его предположено довести до 90,5%, в том числе по тяжелой индустрии до 100%.

Более полному использованию наличного оборудования в 1925/26 г. в значительной мере препятствовали перебои со снабжением промышленных предприятий сырьем и топливом.

Общая сумма потребления сельскохозяйственного сырья в 1925/26 г. увеличилась с 665 до 764 милл. руб., или на 15%. В частности, потребление хлопка в отчетном году увеличилось на 50% [1], шерсти — на 25%, табаку — на 42%, махорки — на 82%, свекле — на 90% и кож крупных — на 13%, мелких — на 59% и импортного кожевенного сырья — на 103%. Сокращение импортной программы, как мы увидим ниже, отразилось на об'еме ввоза хлопка, шерсти и некоторых других видов заграничного сырья, что несмотря на сокращение запасов в свою очередь вызвало недогруз предприятий хлопчатобумажной промышленности на 18%; в шерстяной промышленности по тем же причинам, а также в виду невыполнения плана заготовок, запасы грубой шерсти упали с 2,2 мес. до 1,6 мес. (при норме в 3 мес.), а по тонкой шерсти — с 2,6 до 1,6 мес. (норма в 2 мес.); затруднения со снабжением сырьем наблюдались и по другим видам промышленности (в частности, по кожевенной, металлообрабатывающей и т. д.). Что касается топлива, то потребление его возросло на 44%, в том числе каменного угля — на 75%, торфа — на 39%, нефти — на 24% и дров — на 14%; в связи с этим, запасы топлива в промышленности упали с 4,6 мес. до 3,8 мес., в том числе по дровам до 8 мес. (при норме в 14 мес.). Однако, несмотря на все эти затруднения промышленное производство в 1925/26 году сделало, несомненно, новый крупный шаг вперед, что подтверждается следующими данными: выработка хлопчатобумажных тканей с 10,9 метра на душу населения в 1924/25 году поднимается до 14,3 метра в 1925/26 году, т.-е. по отношению к душевой норме 1913 года имеем увеличение производства с 68% до 89%; прокат металла с 10,1 килограмма увеличивается до 15,3 килограмма, а по отношению к довоенной норме (25,1 килограмма) поднимается с 40% до 61%.

В связи с этим снабжение рынка промышленными изделиями в течение года значительно возрастает, явления товарного голода постепенно изживаются и недостаток снабжения к концу года ощущается лишь в пределах ограниченной группы товаров — кровельное железо, шерстяные ткани и т. д. Последнее обстоятельство стоит, несомненно, в связи с тем, что еще и в 1925/26 году производство металлургической промышленности отставало значительно от довоенного уровня, как это мы видели из сопоставления результатов исчисления прокатки металла на душу населения; выработка шерстяной пряжи также составляла на душу населения только около 60% довоенной нормы и т. д.

Предполагаемое увеличение коэффициентов использования основного капитала промышленности в 1926/27 году и, в частности, по тяжелой индустрии должно будет еще более сузить в будущем году номенклатуру

---

[1] Снабжение в 1925/26 г. прошло на 60% за счет собственного хлопка и на 40% импортным хлопком.

недостаточных товаров. Крупным фактором дальнейшего развития промышленного производства должны явиться также и те вложения, которые были сделаны на капитальный ремонт и новое промышленное строительство: в 1924/25 году эти затраты составили 440 милл. руб., в 1925/26 г.— 780 милл. руб., в том числе 102 милл. руб. израсходовано на постройку 99 новых фабрик и заводов, из которых 80 предприятий предполагается к пуску уже в 1926/27 году. Благодаря затратам на ремонт мощность промышленного оборудования уже в 1925/26 году увеличилась на 9%.

Число занятых в промышленности рабочих с 1.510 тыс. чел. в среднем за 1924/25 год увеличилось до 1.892 тыс. человек в 1925/26 году, или же на 25%. На начало кварталов численность рабочих составляла: 1/X — 1.801 тыс. человек, 1/I — 1.913 тыс. чел., 1/IV — 1.904 тыс. чел., 1/VII — 1.901 тыс. человек и 1/X — 1.936 тыс. человек. В первом квартале значительно возросшее число рабочих оказалось излишним в виду пересмотра и сокращения строительных и производственных программ, что и повлекло за собой некоторое сокращение числа рабочих во втором квартале и последующую стабилизацию его вплоть до четвертого квартала [1].

Производительность труда в промышленности может быть охарактеризована динамикой средне-месячной продукции, приходящейся на одного занятого в производстве рабочего; последняя возросла в довоенных ценах на 11% (в 1924/25 году — на 39%) и в червонных рублях — на 16% (в 1924/25 году — на 23%); поквартально прирост промышленной продукции дал в первом квартале + 10%, во втором — 0, в третьем и четвертом + 1%. В абсолютном выражении средне-месячная продукция одного рабочего возросла в довоенных ценах с 141,3 руб. в 1924/25 году до 156,6 руб. в 1925/26 году, а в червонном выражении с 271,7 рублей до 324,9 рублей.

Заработная плата возросла в 1925/26 году в червонном выражении — на 24% (в 1924/25 году также на 24%), а реальная — на 14% (против 23% роста в предшествующем году); поквартальная динамика заработной платы выразилась в следующих коэффициентах: в первом квартале + 5%, во втором снижение на 1%, в третьем + 6% и в четвертом (по предварительным данным) + 5%; в абсолютном выражении она возросла с 49 р. 71 к. в четвертом квартале 1924/25 года до 57 рублей в четвертом квартале 1925/26 года. По отношению к довоенному уровню (по вычислению Совета С'ездов) заработная плата достигла 96,7%.

Вследствие увеличения доли заработной платы в продукции вместе с ростом индекса цен сельскохозяйственного сырья (за год — на 5,9% за счет роста цен шерсти — на 18% и кожсырья — на 15—20%), цен топлива (+ 12,4%), а также индекса изделий производственно-технического потребления (в третьем квартале 1925/26 года — на 5%), общий индекс отпускных цен крупной государственной промышленности поднялся в течение 1925/26 г. на 1,9%. По предварительным данным отпускные цены в местной промышленности также возросли и прирост их за 1925/26 г. составил около 4%.

Наконец, финансовое положение промышленности в течение почти всего года испытывало напряжение в той или иной степени, так как несмотря на крупный прирост ее задолженности по банковскому кредиту, потребность ее в оборотных рессурсах в связи с развертыванием производства, а также капитальными затратами, не была обслужена в достаточной степени (см. ниже главу „Денежное обращение, кредит и госдоходы").

[1] В городах отмечается рост безработицы, происходящий в значительной степени за счет притока рабочих рук из деревни; общее число безработных, зарегистрированных биржами труда, возросло за 1925/26 год на 11%.

Товарооборот

А. Внутренний рынок. По предварительным исчислениям НКТорга общий итог товарооборота за 1925/26 год составил 32.300 милл. р. против 20.389 милл. руб. за 1924/25 год, т.-е. возрос на 58,4%. По отдельным звеньям товарооборота наибольший рост приходится на долю кооперации (+ 92,6%); госторговля увеличила свои обороты меньше — на 48,5%, а частная торговля — на 40,7%, при чем доля частной торговой сети в общем обороте упала с 23,4% в 1924/25 году до 21,3% в 1925/26 году. При рассмотрении оборотов кооперации по отдельным звеньям следует отметить наиболее значительное увеличение оборотов серединного звена, благодаря чему его доля в общем кооперативном обороте возросла (с 30,9% до 33,5%) при почти стабильном обороте центральных организаций (8,5% против 8,1% в прошлом году) и некотором снижении доли низовой кооперации (58% против 61%). Одной из причин усиления в товарообороте роли кооперации явилось заключение ею с промышленностью генеральных договоров, обеспечивших более планомерное снабжение ее промышленными товарами. Общая сумма генеральных договоров по всем отраслям промышленности за 1925/26 год по данным ВСНХ составила 900—950 милл. руб.

Если перейти к обзору динамики товарооборота по отдельным звеньям товаропроводящей цепи, то обращает внимание, прежде всего, замедление темпа во втором полугодии как в оптовой торговле, так и в рознице. Оборот 71 биржи (МТБ + 70 провинциальных бирж) возрос в 1925/26 г. с 6.394 милл. руб. до 8.261 милл. руб., или на 29%, тогда как в прошлом году он увеличился на 112%. Это отставание темпа роста биржевых оборотов в текущем году имело место как по промтоварам (+ 32% против + 137%), так и по сельхозтоварам (+ 17% против + 51%). В первом полугодии 1925/26 г. обороты увеличились против второго полугодия 1924/25 года на 15% и против первого полугодия 1924/25 года на 60%. Второе же полугодие 1925/26 г. в целом оказалось ниже первого полугодия на 7% и против второго полугодия прошлого года дало прирост только на 7%. Ту же динамику обнаруживают и данные о первичных продажах по сделкам 291 треста и 12 синдикатов, согласно которым продажи возросли за год с 3.204 милл. руб. до 3.695 милл. руб., или на 15,3%. И здесь, как и в оборотах бирж, наблюдается ослабление против предшествующего года темпа общего роста (+ 15% против + 67%); самый рост оборотов в 1925/26 г. произошел также за счет первого полугодия (+ 6% против предыдущего полугодия) при понижении продаж во втором полугодии на 4%.

О движении продаж государственной и кооперативной розницы свидетельствует нижеприведенная таблица индекса розничной торговли, исчисленного на основе предварительных данных районных кон'юнктурных бюро:

	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1924/25 .	100	105,9	112,1	100,7	99,9	114,2	124,4	104,2	110,9	114,9	121,9	148,8
1925/26 .	100	99,2	116,9	100,2	102,4	115,6	132,5	87,7	109,7	114,0	112,1	124,0

Развитие низовой торговли в течение первой половины 1925/26 года шло с такой же силой, как и в прошлом году, но во второй половине года рост продаж (особенно в августе и сентябре) отстает от 1924/25 г.

Каковы же были причины, обусловившие описанные нами изменения в структуре товарооборота? Здесь, прежде всего, необходимо учесть особенности кон'юнктуры товарооборота второй половины предшествующего 1924/25 года, когда мы имели огромный рост контрактовых сделок и перепродаж на почве нездорового ажиотажа на рынке промышленных товаров. На диаграмме № 1 мы видим, как в течение 1925/26 года кривая биржевого оборота постепенно приближается к уровню реально вовлекавшихся в обращение товарных масс, складывавшихся из продукции промышленности и хлебных и сырьевых заготовок крестьянской продукции. При этом обращает на себя внимание, что в третьем квартале первая из этих кривых опускается даже ниже уровня второй.

Диаграмма № 1

Описанный под'ем торгового спроса в 1924/25 году и отрыв его от динамики реальной товарной массы, а также последующее его сжатие должны быть поставлены, в свою очередь, в связь с благоприятными результатами урожая 1925 года, который давал основание предполагать интенсивный ход реализации сельскохозяйственной продукции, усиленный рост товарной массы, экспорта и импорта и т. д. Как мы уже видели, результаты хлебных заготовок хотя и превысили соответствующие итоги предшествующей заготовительной кампании, тем не менее не оправдали полностью всех ожиданий, при чем главное препятствие встретилось в диспропорции динамики сельскохозяйственной и промышленной продукции. Конкретные формы проявления этой диспропорции заключались в том, что крестьянский спрос на промышленную продукцию не встретил соответствующего предложения со стороны рынка. На диаграмме № 2 изображена динамика денежной выручки [1] деревни (за вычетом сельскохозяйственного налога) и промышленного производства. Из диаграммы видим, что максимального напряжения эта диспропорция достигала в начале 1925/26 года, вызвав вслед затем резкий перелом в процессах обмена между деревней и городом, который привел во втором квартале к ослаблению этого явления. Действительно, сентябрь — октябрь были переломными месяцами прежде всего в отношении хода хлебозаготовок, которые с 88 милл. пудов в сентябре и 69 милл. пудов в октябре падают до 50 милл. пудов в ноябре, 57 в декабре и 51 милл. пудов в январе; вместе с тем, начиная с ноября месяца и вплоть до февраля — марта, происходит рост заготовительных цен. Одновременно прирост индекса розничных цен на промышленные товары с +2,4% в августе, +5,3% в сентябре, +2,7% в октябре и +2,4% в ноябре составил в декабре +0,6%, в январе —0,1% и в феврале +0,6%.

[1] По заготовкам плановых заготовителей.

Итак, ограниченность предложения промышленных товаров (не соответствовавшего об'ему крестьянского спроса) и рост их цен привели к сдержанности предложения крестьянской продукции и борьбе деревни за повышение заготовительных цен. В результате этих процессов, а также крупного прироста промышленной продукции в первом квартале, во втором квартале создалось более нормальное соотношение в процессах обмена между городом и деревней. В качестве индекса этого соотношения можно привести „ножницы" между розничными ценами промышленных и сельскохозяйственных товаров, которые с 1,13 в четвертом квартале 1924/25 года поднимаются до 1,26 в первом квартале 1925/26 года и вновь снижаются до 1,16 во втором квартале. В связи с этим мы видим перелом и последующее снижение сначала хлебных заготовительных цен, а затем (с мая месяца) и промышленных цен. Однако, на базе более интенсивного снижения сельскохозяйственного индекса „ножницы" в третьем квартале вновь поднимаются до 1,21, а в четвертом квартале достигают даже 1,30. Одновременно мы наблюдаем после весеннего под'ема низового спроса в марте—апреле сдержанность и потребительского и торгового спроса.

Диаграмма № 2

Если, таким образом, на кон'юнктуру товарооборота в 1925/26 году влияла дезорганизация его внутренней структуры, то не менее важное значение имели также и регулирующие мероприятия со стороны государства, направленные к ограничению рыночного спроса со стороны городского населения и государственных учреждений и предприятий. Действительно, быстрый рост заработной платы во второй половине 1924/25 года опережал темп прироста промышленной продукции; широкие затраты на капитальное промышленное и коммунальное строительство, а также увеличение бюджетных расходов действовали в том же направлении, стимулируя потребительский спрос на промышленные товары со стороны города и тем самым сокращая об'ем товарного предложения городской продукции для удовлетворения потребительского спроса деревни. Регулирование заработной платы и проведение режима экономии оказали существенное влияние на оздоровление рыночных отношений, и можно даже опасаться,

что в некоторых случаях к концу года имела место излишняя жесткость этих регулирующих мероприятий (отсюда вялость спроса на рынке строительных материалов, на бумажном рынке и т. д.).

Наконец, весьма важное влияние на динамику торгового оборота оказала также и кредитная политика. В четвертом квартале 1924/25 года мы видели интенсивный рост и денежного обращения и кредита в расчете на столь же быстрый ход реализации сельскохозяйственной продукции. Натолкнувшись на описанные выше явления диспропорции, денежная масса не в состоянии была форсировать товарность крестьянской продукции, известная часть ее оказалась в избытке и была обращена частью на авансирование недостаточного промышленного производства, а частью использована на стимулирование процессов обращения на рынке наличной промышленной продукции. Последнее обстоятельство выразилось в ухудшении условий расчета, т.-е. в увеличении доли наличных денег и сокращении сроков кредитования при отпуске продукции промышленных предприятий торговой сети. Между тем, уже в первом квартале 1925/26 года, как мы увидим из обзора денежного обращения и кредита, начинается полоса сдержанной эмиссионной и кредитной политики, которая по отношению к торговле вскоре приобретает рестрикционный уклон: по предварительным данным задолженность (по 5 главнейшим банкам) госторговли за год не увеличилась (182—181 милл. руб.), а кооперации возросла всего на 18% (с 315 до 372 милл. руб.). Если мы сравним этот темп роста банковского кредита с приведенными выше коэффициентами годового прироста оборотов торговой сети, то несоответствие между ними едва ли потребует дальнейших доказательств. Промышленность же продолжала, в свою очередь, ухудшать условия расчета в целях извлечения денежных рессурсов из торговых каналов и пополнения этим путем своих оборотных капиталов. С 59,9% в первом квартале отпуск товаров в кредит трестами и синдикатами падает постепенно до 56,0% во втором квартале, 51,3%—в третьем и 51,9%—в четвертом (в сентябре он опускался даже до 49,4%). Отсюда проистекало постепенное финансовое обескровление торговых каналов, которое при сдержанности потребительского спроса вызвало к концу года задержку в продвижении товаров в низовую сеть и рост товарных остатков в серединном звене. Вместе с тем, торговый спрос концентрируется преимущественно вокруг ходовых сезонных (и притом наиболее прибыльных) товаров при ограниченности спроса в отношении прочих достаточных товаров.

Б. Цены. Изменение динамики и характера товарооборота в 1925/26 году нашло отражение и в структуре рыночных цен.

Изменения тотальных индексов в 1925/26 году:

	За I кварт.	За II кварт.	За III кварт.	За IV кварт.
Индекса опт. цен Госплана СССР	+5,2%	+7,1%	—6,7%	—2,3%
Индекса розн. цен Кон'юнкт. Инст. НКФ .	+5%	+7%	—2%	—3%

Следовательно, после под'ема уровня рыночных цен в первом полугодии в период напряжения товарного рынка как под влиянием сезонного момента, так и вследствие диспропорции, во втором полугодии в связи

с ослаблением описанного напряжения рынка последовало обратное развитие индексов в сторону снижения их уровня. На 1 октября 1926/27 г. тотальный индекс оптовых цен Госплана СССР оставался все же выше своего значения на начало предшествующего года на 2,7%, тотальный индекс розничных цен Кон'юнктурного Института, отражающий уровень цен частного рынка,—на 7%, а индекс розничных цен Центрального Статистического Управления, дающий динамику цен государственной и кооперативной розницы, дал за год прирост по СССР на 5,6%.

Это повышение уровня цен произошло как за счет некоторого увеличения индекса цен продуктов сельского хозяйства, так еще более в результате повышения индекса цен промышленных товаров. На 1 октября 1926/27 года уровень оптовых цен сельскохозяйственных товаров был выше уровня на 1 октября 1925/26 года на 0,7%, а розничных — на 4% по индексу Кон'юнктурного Института и на 6,6% по индексу ЦСУ, при чем повышение и оптовых и розничных цен произошло вследствие вздорожания мясных и молочных продуктов, при снижении цен зернофуража, прочих хлебных товаров и сельскохозяйственного сырья.

Оптовый индекс промышленных товаров дал годовой прирост на 1 октября 1926/27 года на 4,7%, а розничный по вычислениям Кон'юнктурного Института на 11% и по ЦСУ — на 4,7%.

Поскольку в частной торговле в 1925/26 году отмечается вообще спекулятивное взвинчивание цен на промтовары, с одной стороны, а с другой — самый удельный вес ее в общем обороте снижается до 21%, постольку динамика индекса Кон'юнктурного Института едва ли может быть признана отражающей кон'юнктуру нашего товарооборота вообще. Для последней цели данные оптового индекса Госплана и розничного индекса ЦСУ являются безусловно гораздо более показательными. Сравнивая динамику этих индексов с изменением уровня отпускных цен по индексу ВСНХ, видно, что значительная часть их годового прироста определялась условиями производства и себестоимости промышленной продукции. Нарастание рыночных цен чисто кон'юнктурного характера сохранилось к концу года в размере, едва ли превышающем 2—3%, при чем сдержанность торгового и потребительского спроса, сохранившаяся и к концу года, предопределяет, повидимому, дальнейшую ликвидацию этого нароста.

Вторым таким наростом, обусловленным рыночной кон'юнктурой первого полугодия 1925/26 года, является розничная накидка к оптовым ценам. Последняя, по данным НКТорга, дала такие колебания: по промтоварам — с 30,6% в четвертом квартале 1924/25 года она поднимается до 33,7% в первом квартале 1926/27 года, во втором квартале она колеблется около 32,8%, в третьем — 33,1% и в четвертом — 32,2%; по сельскохозяйственным товарам — в четвертом квартале 1924/25 года надбавка составляла 18,5%, в первом и втором квартале 1925/26 года — 23,0%, в третьем — 24% и в четвертом — 22,2%. Итак, наиболее значительный рост розничной надбавки к оптовым ценам дает первый квартал года, что соответствует описанным уже выше характерным особенностям рыночной кон'юнктуры этого периода; наоборот, к концу года в связи с ослаблением общего рыночного напряжения отмечается и некоторое сокращение розничных надбавок, тем не менее они все же остаются выше соответствующих данных четвертого квартала 1924/25 года.

В. Грузооборот. Кон'юнктура транспорта и грузооборота за 1925/26 год характеризуется следующими данными.

Железнодорожная сеть в текущем году дала небольшой рост по широкой колее с 73.171 *клм* на 1 октября 1925 г. до 73.617 *клм* на 1 сентября 1926 г., в частности за счет сокращения узкой колеи с 1.258 *клм* до 1.112 *клм*. Число рабочих паровозов возросло с 8.119 до 9.029, а число вагонов эксплоатационного рабочего парка выросло с 315.022 до 333.457. Запасы топлива изменились следующим образом:

	1/X 1925 г.	1/X 1926 г.
Уголь (тыс. тонн)	1.263	1.228
Нефть („ „)	296	165
Дрова („ куб. метр.)	5.764	2.030

В виду этого сокращения запасов топлива (особенно нефти и дров) при возросшей работе транспорт на 1 октября 1926 года обеспечен был углем на 53 дня, нефтью на 36 дней и дровами на 78 дней.

Средне-суточная погрузка ж. д. возросла с 17,4 тыс. ваг. в 1924/25 г. до 24,0 тыс. вагонов в 1925/26 году, или на 38% (против роста на 29% в предшествующем году). Это усиление погрузки наблюдалось в первом полугодии, когда погрузка дала рост против второго полугодия 1924/25 г. на 30% (против первого полугодия 1924/25 года на 46%); во втором полугодии темп роста погрузки значительно понижается (+1,3%). Усиление погрузки в марте — апреле привело к временным затруднениям перевозок и к накоплению непогруженного остатка. Наоборот, в сентябре несмотря на сезон на железных дорогах имелся свободный от работы подвижной состав (36 тыс. вагонов и 1.660 паровозов).

Средняя дальность пробега грузов за год в целом дала рост на +3%.

Фактическая выручка железных дорогах возросла с 886,6 м. р. до 1.270,8 м. р., или на 43,3%. Однако, этот успех достигнут был лишь в результате повышения тарифов.

Г. Внешняя торговля. В связи с благоприятным урожаем 1925 года первоначальным планом предусматривалось повышение нашего экспорта с 462 м. р., до 1.100 м. р., или на 138%. Однако, по условиям внутреннего и внешнего рынка этот план был сокращен до 720 м. р. По предварительным данным экспорт по европейской границе за 1925/26 год составил 596,8 м. р., что составляет 54,2% первоначального плана и 82,8% уточненного плана. В сравнении с экспортом прошлого неурожайного года текущий год дал незначительный прирост (+17,5%), преимущественно, за счет увеличения вывоза хлебопродуктов. Последний возрос с 51,3 м. р. в 1924/25 году до 156,3 м. р. в 1925/26 г., что дало выполнение уточненного плана хлебоэкспорта (206 м. р.) в 75,8%.

Снижение экспортного плана заставило по возможности сжать и импорт. [1] Первоначальным планом размер импорта предусматривался в 950 м. р., который в дальнейшем был снижен до 686 м. р. Фактический импорт по европейской границе за 1925/26 год составил 673,7 м. р., или 70,9% от первоначального плана и 98,2% уточненного плана. По сравнению с прошлым годом импорт увеличился на 4,6%, тогда как

[1] Преимущественно за счет сокращения ввоза хлопка, шерсти, риса, сельдей и красителей.

в прошлом году рост его выражался в 67%. Общий размер годового импорта все же превысил экспорт, благодаря чему баланс внешней торговли дал отрицательное сальдо в 76, 9 м. р., в 1924/25 году отрицательное сальдо равнялось 135,9 м. р.

Денежное обращение, кредит и госдоходы

Развитие денежного обращения в 1925/26 году проходило значительно более замедленным темпом, чем в предшествующем 1924/25 году: вместо 82% прирост денежной массы составил за год только 17%. На 1 октября 1925/26 года денежное обращение составляло 1142,9 м. р., на 1 октября 1926/27 года оно поднялось до 1343,2 м. р. Притом в течение первого квартала денежная масса продолжала расти, хотя и замедленным темпом по сравнению с предшествующим кварталом, достигнув на 21 декабря максимума в 1315,7 м. р. В последующие месяцы проводилось постепенное снижение денежного обращения, при чем к 1 июня оно имело минимальный за весь год об'ем в 1172,9 м. р. В результате снижения денежной массы (одновременно и задержки в развитии кредита) финансовое напряжение товарооборота достигает в третьем квартале максимума, вследствие чего с июня начался вновь рост денежной массы: июнь +3%, июль +2%, август +3% и сентябрь +5%. [1]

Эта напряженность эмиссионной политики отразилась в первую очередь на движении вкладной операции. Вклады и текущие счета 5 банков (со средствами НКФ) увеличились за год с 1214,5 м. р. до 1288,3 м. р., или же на 6% против роста в 1924/25 году на 108%. Коммерческие вклады в банках остались почти без изменения (рост всего на 1%), составив 861,8 м. р. на 1/X 1925/26 года и 868,3 м. р. на 1/X 1926/27 года; в 1924/25 году остаток коммерческих вкладов увеличился на 88%.

Учетно-ссудные операции возросли за год с 1878,3 м. р. до 2536,4 м. р., или же на 35% против роста на 116% в 1924/25 году.

По 5 банкам задолженность госпромышленности увеличилась за год с 969,6 до 1.363,8 м. р. (или же на 40%), госторговли—уменьшилась с 182 до 181 м. р. и кооперации—возросла с 314,7 до 372,3 м. р. (на 18%). Одновременно отмечается снижение текущих счетов промышленных предприятий за год с 273 до 232 м. р., госторговли — с 58 до 30 м. р. при почти стабильном состоянии текущих счетов кооперации — с 44 до 46 м. р.

Принимая во внимание, что рост промышленного производства (в червонных рублях) выразился за отчетный год в 45%, а также затраты на ремонт и капитальные работы, становится понятным напряженное финансовое положение промышленности, отмечавшееся в течение почти всего года. Снижение или слабый рост задолженности торгующих организаций при значительном развитии товарооборота и при ухудшившихся условиях расчета также обусловили напряжение финансового положения торговли, особенно резко проявившееся во втором полугодии. Недоста-

[1] Более детальное освещение кон'юнктуры денежного обращения и кредита в 1925/26 году мною уже было дано в № 10 „Планового Хозяйства“ за текущий год в статье „О кредитных рессурсах банков в связи с текущей кон'юнктурой и об эмиссионных возможностях“. С. К.

точное обслуживание кредитных потребностей промышленности и торговли приводило, в свою очередь, к снятию ими добавочных денежных средств с текущих счетов, что в конечном счете и обусловило отмеченную выше задержку в их развитии.

Хлебные операции в Госбанке за отчетный год развивались следующим образом. С начала заготовительной кампании 1925/26 года по 1 марта задолженность с небольшими перерывами возрастала и достигла 276,5 м. р. (против 119,7 м. р. на 1 августа 1924/25 г.); на 1 августа 1925/26 года задолженность вновь снизилась до 133,7 м. р. Таким образом, к началу новой хлебозаготовительной кампании весьма значительные средства все же остались увязанными в хлебных заготовках. К 1 октября 1926/27 г. задолженность возросла до 190,1 м. р. (на 1 октября 1925/26 года было 268,5 м. р.).

В связи с рестрикционным уклоном кредита финансовое положение самих кредитных учреждений в течение всего года оставалось весьма напряженным. Так, несмотря на рост операций их кассовые резервы за истекший год оставались почти стационарными и даже уменьшились с 133,6 м. р. до 132,1 м. р., что весьма часто затрудняло нормальную работу банковского аппарата.

Таким образом, 1925/26 год принес с собой дальнейший интенсивный рост народного хозяйства СССР. На пути этого огромного под'ема хозяйственной жизни Союза не могло не встретиться ряда трудностей, обусловленных отчасти стихийными процессами, а отчасти и дефектами планового регулирования экономических процессов. Однако, большую часть этих затруднений нам удалось преодолеть уже в течение истекшего года. Параллельное развитие не только об'ема, но и качественной стороны хозяйственных процессов по линии реконструкции и социализации их позволят еще раз особо подчеркнуть всю важность наших достижений за 1925/26 г. В новом 1926/27 г. мы должны закрепить и развить эти достижения, преодолев одновременно и те временные трудности на пути дальнейшего экономического под'ема, которые остались еще неустраненными в 1925/26 году.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

С. А. Бессонов

К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме

1. Старые и молодые страны

Какие бы перевороты ни происходили на поверхности капиталистического общества, технический прогресс не прекращает своего поступательного движения. Задерживаясь вследствие политических и экономических осложнений в одной форме и на одном участке, он может развертываться в другой форме и на другом участке до той поры, пока взрыв внутренних противоречий вновь не изменит картины и не переместит центра хозяйственного и технического прогресса в новое место.

Когда наша марксистская литература выдвигает положение о задержке технического прогресса на известной стадии развития капиталистических противоречий, она недостаточно отчетливо различает экстенсивное и интенсивное развитие производительных сил при капитализме. [1] Капиталистическое производство может не расти вширь, его производственное поле может даже сузиться под влиянием экономических противоречий. Однако, на этом ограниченном поле производства могут применяться более действительные средства труда, техника может продолжать свою незаметную работу, пока изменившееся экономическое положение не создаст возможности экстенсивного развития на новой, более интенсивной технической основе.

Любой довоенный капиталистический цикл является иллюстрацией этого положения. Период кризиса и следующей за ним депрессии, характерные общим понижением цен, толкают капиталистическое производство на поиски более действительных, как выражается Маркс, т.-е. более экономных, более производительных средств труда. Изыскание таких средств труда, т.-е. интенсивное развитие производительных сил, является главной гарантией против сокрушительного влияния кризиса и падающих цен. Уцелевшие предприятия вступают поэтому в фазу нового под'ема технически более совершенными, чем они вышли из предшествующего цикла.

---

[1] „Через известные промежутки времени совершается воспроизводство и притом, если рассматривать его с общественной точки зрения, воспроизводство в увеличенных размерах: увеличенных экстенсивно, если расширяется поле производства; увеличенных интенсивно, если применяются более действительные средства производства“ („Капитал“, том, II, стр. 143).

Однако, новый под'ем создает возможность экстенсивного развития производительных сил. Он умножает созданные в период кризиса более совершенные средства труда, расширяет поле их применения, создает, следовательно, материальные предпосылки к развитию производства до ступени более высокой, чем это было возможно в предшествующем цикле. Это экстенсивное развитие продолжается до тех пор, пока рыночные противоречия не приведут к новому кризису и к повторению цикла в еще более грандиозном масштабе.

Но то, что повторяется в пределах одного цикла, действует в качестве закона и на более широком поле. Перемещение центра хозяйственного и технического прогресса из одной страны в другую следует тому же принципу. Каждая новая страна, вступающая в круг капиталистического развития, может начать его с наивысшего в техническом отношении исходного пункта, до которого дошли более старые промышленные страны.

Германия эпохи позднего средневековья и Нидерланды начали свое развитие, использовав богатый опыт торговых и промышленных стран Средиземного моря. Англия открыла в XVIII веке эпоху промышленного переворота на основе ремесленного и мануфактурного опыта всей континентальной Европы. Германия конца XIX века начала свое блестящее развитие на основе колоссального промышленного опыта Англии. Соединенные Штаты первой четверти XX века встали во главе мирового производства на основе производственного и технического опыта, накопленного Европой в предшествующее столетие. Советский Союз, открывая во второй четверти XX века эпоху социалистической индустриализации страны, начинает ее с использования самого передового американского опыта.

Это пространственное перемещение центра хозяйственного и технического прогресса из одной страны в другую представляет из себя одно из наиболее замечательных и достойных изучения явлений капиталистического развития.

Чем моложе в промышленном отношении страна, тем больше для нее шансов, при наличии благоприятных естественных условий и необходимого притока капиталов, поставить через некоторое время новые мировые производственные и технические рекорды, потому что ее развитие своим исходным пунктом может иметь наивысший технический предел, достигнутый более старыми промышленными странами.

Наоборот, чем старее страна в промышленном отношении, тем труднее для нее использовать рекордные технические достижения, потому что огромная масса капиталов, вложенных в устарелые технические сооружения, задерживает более совершенные с технической точки зрения вложения капитала, иногда физически не допускает их.

„То обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известную среднюю продолжительность жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно и потому

является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда“. [1]

Наиболее яркие примеры подобной неспособности старого промышленного организма переварить и усвоить новые технические приемы — дает Англия. В области металлургической техники, например, Англия в последней четверти XIX века представляла из себя, бесспорно, руководящую страну мира. Достаточно вспомнить имена Дж. Бессемера (массовое изготовление стали в конверторах), Вильяма Сименса (соизобретателя мартеновской регенеративной печи), Сиднея Томаса и Перси Джилькриста (базисный процесс), Армстронга (усовершенствование орудий), Исаака Белла (экономия тепла в домнах), Эдварда Каупера (подогревание воздуха) и многих других. И все же, как раз в этот период, когда англичане оплодотворяли металлургию своими гениальными открытиями, металлургическая промышленность самой Англии начала явственно отставать от более молодой металлургии других стран, и в 1889 году была в первый раз за всю свою историю обогнана американской металлургией.

Причина заключалась в том, что старая английская промышленность оказалась не в состоянии реализовать собственные открытия, так как огромные средства были вложены в старые металлургические сооружения. Возьмем, для иллюстрации, судьбу знаменитого базисного процесса Томаса-Джилькриста, который для Германии, например, с ее фосфористыми рудами, стал исходным пунктом гигантского промышленного развития. Вопреки предположениям, он с чрезвычайным трудом прививался на своей родине — в Англии.

„Благоприятные результаты, полученные Виндзором Ричардом на его Эстонских железоделательных заводах с первыми опытами Томасовского изобретения, повели к длительному введению базисного процесса на этом предприятии. Несмотря на это в последующие годы обнаружилось замечательное явление, что это важное английское изобретение гораздо более медленно распространялось в самой Англии, чем за границей, в особенности в Германии. Противодействие, которое встретил новый способ при своем распространении, было частью пассивного характера и коренилось в консерватизме Англии (т.-е. в консервативности английского оборудования. С. Б.), частью же вызывалось активной борьбой бессемеровских и пуддлинговых заводов против нового конкурента...

Громадные капиталы были вложены в эти заводы, и для сохранения их нужно было величайшее напряжение... Неслыханными усилиями пуддлинговым предприятиям удалось воспрепятствовать распространению томасовского процесса и достичь в 1882 году высшей точки в развитии пуддлингового процесса“. [2]

Пуддлингование и бессемерование встретили новый процесс открыто враждебно. Над качеством новой стали издевались повсюду, не стесняясь

---

[1] „Капитал“, том II, стр. 147.

[2] L. Beck „Geschichte des Eisens“, Band V, Seite 931, 936.

никакой ложью. Напрасно Томас и Джилькрист доказывали в 1882 году Королевскому обществу в Лондоне, что тонна стали, изготовленная по их способу, стоит на 9 шиллингов дешевле, чем бессемеровская сталь. Громадные капиталы, вложенные в пуддлинговые печи и в бессемеровские конверторы не сдавались без борьбы — так как новый способ обесценивал их.

Наоборот, германская и американская металлургии, не связанные старыми вложениями капитала, немедленно и в громадном масштабе использовали новый базисный процесс как в конверторах, так и в регенеративных печах, и тем положили начало своему блестящему развитию, быстро обогнавшему развитие устарелой металлургии Англии.

На этом примере, характерном для судьбы всякого крупного технического открытия, отчетливо видны задерживающие влияния старых вложений капитала. Устарелые вложения капитала не могут задержать технического прогресса в его качественном выражении, т.-е. в смысле появления более действительных, более интенсивных средств труда. Однако, их количественное распространение в сильнейшей степени задерживается старыми вложениями, так как каждый новый экземпляр более действительных средств труда (в данном случае базисный конвертор или базисная печь) должен вытеснить, обесценить, сделать негодным по меньшей мере один, а чаще несколько экземпляров старых средств труда (пуддлинговая печь, бессемеровский конвертор).

В силу этого обстоятельства экстенсивный рост производительных сил при капитализме никогда не может совершаться в форме безграничного расширения средств труда в одной какой-либо стране или в одном каком-нибудь районе. Время от времени он неизбежно должен перекидываться в другие страны или другие районы, не связанные старыми вложениями капитала, чтобы на этом новом и ничем не загроможденном поле труда обеспечить возможность беспрепятственного развития более совершенных средств труда.

2. Старые и молодые районы

Перекочевку производительных сил из одного района в другой легче всего проследить на судьбе все той же металлургической промышленности, главным образом, потому, что здесь действие старых вложений капитала сказывается с наибольшей силой, так как степень закрепленности основного капитала для металлургии необычайно велика (печи и тяжелые сооружения). Машиностроительная промышленность гораздо более подвижна и в силу высокого значения заработной платы в себестоимости своих изделий, а также потому, что она работает с материалом, очень мало теряющим в весе при обработке,— ориентируется географически либо на места сбыта своих изделий, либо на места скопления рабочей силы. [1]

[1] Alfred Weber, „Industrielle Standartslehre“, G. d. Sö., VI Abt., 67—68 и след.

Металлургия на протяжении своего исторического существования несколько раз меняла свое месторасположение, подчиняясь повелительной технической и экономической необходимости.

В XIII—XV вв. металлургия решительно перекочевывает в районы рек, так как ее технической основой становится водяное колесо, выполнявшее все операции металлургического цикла: дробление руды, раздуванье домны, ковку железа, шлифовку, тягу проволоки и т. д. Борьба за воду на наиболее удобных реках, расположенных невдалеке от мест сбыта металла, составляет главное содержание социально-экономической „надстройки“ этой технической эпохи.

XVI, XVII и отчасти XVIII вв. отмечены в истории металлургии не столько борьбой за воду, сколько борьбой за топливо, вследствие быстрого истощения лесных массивов в старых металлургических районах. В XVI веке расходы на топливо составляют уже до 70% всей себестоимости чугуна. Передвижка металлургии в лесные районы выступала при таких условиях, как повелительная техническая необходимость. Тула уступает свое место Уралу, удачно сочетавшему богатые рудные месторождения с обширными лесными массивами. Законодательство огнем и мечем загоняет туда рабочую силу. Огромный заводский пруд и плотина, заимствованные Уралом из Швеции и из Гарца, компенсируют недостающую водную энергию маленьких горных речек.

В конце XVIII века паровая машина освобождает наконец металлургию от ее почти пятисотлетней привязанности к водяному колесу. Водяная энергетика уступает свое место энергетике, покоющейся на паровом двигателе. В то же самое время коксование каменного угля создает техническую возможность замены древесного топлива каменноугольным. При таких условиях необходимость передвижки металлургии в каменноугольные районы оказалась тем более настоятельной, что ко времени изобретения паровой машины (1796 г.) на 1 тонну железа требовалось около 6 тонн каменного угля и не более 2 тонн руды. [1]

К 1870 году успехи металлургической техники понизили расход угля на одну тонну железа до 3,1 тонны. Но даже и при таких условиях вес потребного для плавки угля (3,1 тонны) подавляюще господствовал над весом необходимой руды (1,6—2,2 тонны), настойчиво толкая металлургию от рудных месторождений к каменноугольным, тем более, что сжигание угля абсолютно ничего не прибавляет к весу металла. [2] Металлургическая промышленность мира, возникающая в этот период, складывается поэтому, главным образом, как угольно-ориентирующаяся“ (kohllagernd). Швеция уступает свое место Англии, Южная Германия и Австрия —

[1] Mulhall, „The dictionary of Statistics“, 336.

[2] Англия могла безнаказанно возить испанскую руду к своему углю, так как она могла нагружать корабли обратным металлическим или каменноугольным грузом. Напротив, Урал с величайшим трудом разрешает проблему использования сибирского кокса, так как вагоны, пришедшие с коксом, должны уходить обратно пустыми. Транспортировка угля, ничего не прибавляющего к весу обрабатываемого товара, представляет собою наиболее бесполезную затрату с точки зрения общественного обмена веществ.

Рейнско-Вестфальскому району; Урал — югу России; восточные атлантические штаты Северной Америки — центральным каменноугольным штатам.

Однако, с переходом металлургии на каменный уголь возрастает степень закрепленности основного капитала. Каменноугольный кокс, обладающий более высокими механическими свойствами, сравнительно с древесным углем, позволяет значительно увеличить высоту и размер доменной печи, тем более, что устраняется прежняя ограниченность доменного производства размерами ежегодного прироста древесины. Средняя производительность каменноугольной домны уже в 1885 году равнялась 17.400 тонн в Англии и 22.000 тонн в Бельгии. Напротив, средняя производительность древесноугольной домны в том же году не превышала 1.800 тонн в Швеции и 2.400 тонн в России.

Введение бессемеровского и затем томасовского конвертора приблизило сталелитейные цеха к доменным, так как позволило расплавленный чугун непосредственно превращать в сталь без промежуточного процесса нагревания.[1] Использование доменных газов для прокатных двигателей и введение колодцев для равномерного охлаждения расплавленной стали перед прокаткой придвинуло, далее, прокатные цеха к сталелитейным и доменным. Если прибавить сюда мощные транспортные приспособления, связанные с обслуживанием подобного гигантского конгломерата различных металлургических производств, мы получим представление о тех чудовищных массах капитала, который в специфически „тяжелой“ и мало подвижной форме вложен в современную каменноугольную металлургию.[2]

А между тем, пока металлургия развертывала эти гигантские сооружения в каменноугольных районах, приспособляясь к мировому спросу на металл, техника радикально изменила шансы руды и угля в смысле их влияния на металлургическую географию. В начале XX века количество угля, необходимого для выплавки 1 тонны чугуна, спустилось до 1,5 тонны, а количество руды вследствие ухудшения ее качества поднялось до 2,5—3 тонн на 1 тонну чугуна. В послевоенном металлургическом предприятии, построенном на основе всех достижений техники, достаточно 1 тонны угля,[3] чтобы не только выплавить 1 тонну чугуна, но и переплавить ее в сталь и прокатать. При таких условиях стало выгоднее не руду возить к углю, а наоборот.

Более производительное сжигание каменного угля в металлургических процессах сыграло колоссальную роль в новейшем развитии капитализма, поскольку это развитие (в немалой степени) определяется судьбами тяжелой металлургической промышленности. Усиление монополистических тенденций в тяжелой промышленности было первым следствием изменившихся технических соотношений.

[1] A. Tross, „Der Aufbau der Eisenindustrie — Konzerne Deutschlands“, Berlin, 1923, S. 10—12

[2] M. R. Weyerman, „Moderne gewerbliche Technik“, G. d. Sö, VI, S. 158—160.

[3] Проф. М. А. Павлов, „Обзор успехов металлургии и т. д.“, М. 1922, стр. 37 и др.

В самом деле, если бы этот новейший переворот в металлургической технике происходил в условиях свободной конкуренции, экстенсивный рост производительных сил нашел бы себе выражение в образовании новых металлургических районов вблизи рудных месторождений. Однако, эти новые рудно-металлургические районы, покоющиеся на более эффективной технике, обесценили бы гигантские массы капитала, вложенные в каменноугольную металлургию, совершенно так же, как в свое время растущая каменноугольная металлургия обесценивала капиталы, вложенные в древесноугольные районы.

Быстрое об'единение каменноугольных металлургических предприятий в мощные тресты в целях воспрепятствования появлению новых, технически более сильных конкурентов было неизбежным выходом для стареющих, но колоссальных по размерам своих вложений металлургических капиталов каменноугольных районов. Наиболее характерно развертывание этого процесса в Северо-Американских Соединенных Штатах — в стране главного экстенсивного расширения производительных сил в XX веке. Вся финансовая олигархия заокеанской республики, вся железнодорожная и водная транспортная сеть были мобилизованы для того, чтобы взять дело создания нового района в руки старого металлургического капитала. „Стальной Корпорации“, об'единившей большую часть старой металлургии центральных штатов, суждено было выполнить миссию безболезненного перенесения металлургического центра на берега великих озер, т.-е. ближе к рудным месторождениям. По мере того, как естественно снашивался основной капитал металлургических предприятий центральных штатов и рос рынок, „Стальная Корпорация“ осторожно переходила к постройке новых заводов на берегах великих озер. В 1907 году ею были заложены новые величайшие в тогдашнем мире заводы — не в старых каменноугольных районах центра, а в местечке Гарри на берегу озера Эриэ, в наибольшей с точки зрения транспортных расходов близости к железной руде. Последующие гигантские вложения капитала во время войны также тяготели к берегам великих озер.

Только чудовищной монополии „Стальной Корпорации“ удалось, таким образом, если не избежать, то значительно ослабить моральное снашивание старых вложений капитала, которое было неизбежно в случае самостоятельного образования северного металлургического центра. Какое значение имеет это обстоятельство, показывает тот факт, что замкнутый и независимый концерн Форда, расположенный на берегах великих озер, не в малой степени обязан своим всемирно-известным техническим превосходством именно этой своей близости к рудным месторождениям, при чем выгоды этого расположения Форду не приходится делить между устарелыми вложениями капитала в каменноугольных штатах, как это вынуждена делать „Стальная Корпорация“.

Равным образом нельзя понять послевоенного расцвета французской металлургии, если не учесть совершившегося переворота в металлургической технике. Из всех послевоенных европейских стран Франция ока-

зывается единственной страной, которой приходится возить не руду к углю, а наоборот. Французская сталь победно шествует по континенту послевоенной Европы не только потому, что падает французский франк и вдвойне эксплоатируется французский рабочий, но и потому, что французская металлургия в отличие от немецкой и английской не kohllagernd, а ezzlagernd, т.-е. „рудно-ориентирующаяся".

Общий итог всего процесса заключается в следующем: благодаря колоссальным вложениям устарелого основного капитала в одном районе задерживается развитие нового, более передового района, мощно ускоряется процесс монополизации капиталистических об'единений, и монополия выступает перед ними в новой функции — функции охранения старых вложений капитала от морального снашивания.

При таких условиях экстенсивное развитие производительных сил в молодых и технически более передовых районах может произойти лишь при наличии нового колоссального расширения мирового рынка. В виду того, что ожидать такого расширения рынка в современном капитализме неоткуда, следует думать, что экстенсивное развитие производительных сил в старых отраслях промышленности при капитализме задержано надолго, если не навсегда.

3. Старые и молодые отрасли промышленности

Экстенсивный рост производительных сил при капитализме совершается не только в форме промышленного развития молодых стран или новых районов, но также в форме отпочкования новых отраслей капиталистической промышленности. Разница этой формы от предшествующих заключается в том, что здесь новое средство труда либо вторгается в область, в которой до сих пор совсем не было вложений капитала (воздухоплавание), либо оно встречает докапиталистические средства труда (кустарная промышленность, ремесло) и сокрушительно сметает их на своем пути.

Материальной основой этой формы технического прогресса является развитие машиностроительной промышленности, общей праматери современного машинного царства. Даже химическая промышленность, являющаяся в своей современной форме одной из наиболее молодых отраслей, развивается не столько под влиянием химических открытий (интенсивное развитие), сколько под воздействием промышленности, строящей приборы, аппараты и механические средства химической промышленности (экстенсивное развитие). [1] Создание новых машин в самом деле составляет жизненный смысл и главную задачу современного машиностроения.

Борьба между старыми и новыми вложениями капитала в этой области сказывается гораздо слабее, чем в тяжелой промышленности, потому

[1] См., напр., E. Hausbrand, „Von der Kupferschmiede zur Grossindustrie", Beiträge zur Geschichte der Technik. 1923, № 13. См. также „Развитие машин", § 2, с примеч. С. А. Бессонова, М. 1926 г.

что срок службы всякой машины значительно меньше, чем срок службы громоздких технических сооружений металлургии. Специфическая натуральная форма, в которую вкладывается основной капитал, с одной стороны, здесь более подвижна (машину можно перенести), с другой стороны, скорее отмирает, сменяясь новой, более совершенной формой. Наконец, значительная часть появляющихся машин вытесняет не капиталистические, а докапиталистические средства труда, следовательно, совсем не участвует в процессе морального снашивания.

Какая разница существует в связанности основного капитала в различных отраслях, показывает тот факт, что срок амортизации для массивных технических сооружений определяется в 25—60 лет, в то время как для машин он спускается до 4 лет (врубовые машины при полной нагрузке) и для огромного большинства машин не превышает 10 лет. [1]

Таким образом, самый процесс естественного снашивания машин обеспечивает машиностроению спокойный и относительно равномерный рынок сбыта. Однако, основной капитал машиностроительной промышленности складывался отнюдь не из расчета на естественное только снашивание машин, а наоборот, на непрерывное расширение поля применения машин, на постоянный рост сбыта. Поэтому, если сокращается рынок сбыта, то для основного капитала машиностроения (как и во всякой другой отрасли) это равносильно моральному снашиванию: неполностью загруженный производственный аппарат при прочих равных условиях понижает норму прибыли.

Отсюда потребность машиностроения к ускорению морального снашивания основного капитала в тех отраслях, для которых оно этот основной капитал поставляет. Изобретение новых машин, обесценивающих ранее действовавшие машины, является, таким образом, не только следствием конкурентной борьбы между предприятиями, но также и результатом увеличения основного капитала в самой машиностроительной промышленности.

По подсчетам профессора Чарновского процент морального снашивания значительной части орудий достигает 36—50%. [2] Следовательно, подобные орудия должны возобновляться задолго до своей естественной смерти, расширяя соответственно рынок для машиностроения.

С другой стороны, машиностроительные предприятия не останавливаются перед насильственным навязыванием предприятиям новых орудий труда, используя для этого свои разносторонние связи с банковским капиталом. „Принуждение к электрификации" составляло, например, одну из немаловажных черт в развитии гигантских электротехнических концернов Германии, [3] совершенно так же, как принуждение колоний к покупке товаров из метрополии составляет вообще один из признаков современной колониальной политики империализма (Ленин).

[1] „Финансовые проблемы промышленности", сборник. М. 1925, стр. 60, 61.
[2] Там же, стр. 45.
[3] См. Nachimson, „Die electrotechnische Umwälzung". 1912.

Новое орудие труда, появляющееся на смену старому, почти всегда вынуждено вести борьбу со старым орудием труда. Пароход, выступающий на историческую сцену в начале XIX века, до 70-х годов ведет ожесточенную и отнюдь не победоносную борьбу с парусником. Только введение винтового пропеллера, применение в пароходных котлах высокого давления в связи с многократным использованием расширения пара позволили, наконец, новому средству транспорта одержать решительную победу над парусным судоходством. С 1870 по 1900 гг. идет борьба между более совершенными и менее совершенными конструкциями поршневой машины. С 1900 года и до наших дней развертывается титаническая борьба между поршневой машиной и турбиной. С 1908—1912 гг. в битву вступает новый могучий соперник — двигатель внутреннего сгорания, очень быстро завоевывающий одну область водного транспорта за другой и в наши дни почти неимеющий себе конкурентов в области нового строительства. Не успеет еще новое орудие труда отслужить свой недолгий век, как появляется новый более совершенный конкурент, обесценивающий старое вложение капитала задолго до его физической смерти.

До какой степени важно это обстоятельство, показывает тот факт, что немцы не особенно огорчились, когда Антанта отобрала у них по Версальскому договору значительную часть торгового флота. „Не было бы счастья, да несчастье помогло,— писал в 1923 году Рамберг, один из крупнейших немецких специалистов по судостроению,—мы можем теперь без задержек, не обращая внимания на имеющееся (т.-е. на старые вложения капитала. С. Б.), строить все заново. Мы можем теперь строить новые суда более высокой доходности, какую только допускает достигнутый уровень техники. И мы уже имеем результаты. Одна из крупнейших фирм сообщает, что на ее новых судах экономия в топливе на 10% превышает наивысшую экономию, достигнутую на судах постройки 1914 года. Следовательно, наши старые суда, подаренные другим странам, означают не что иное, как, так сказать, „идеальный“ подарок, в чем они, вероятно, уже и убедились в последующей конкурентной борьбе“. [1]

История техники на каждом шагу демонстрирует нам ожесточенную борьбу между старыми и новыми орудиями труда, сопровождающуюся более или менее быстрым обесценением старого основного капитала. Газовый мотор Отто Лангена в своих мелких конструкциях довольно быстро, например, внедрился в конце XIX века в производство. В настоящее время он почти повсюду вытесняется победоносно шествующим бензиновым мотором внутреннего сгорания. Старый Стефенсоновский паровоз, достигший за 100 лет своего развития высшей степени совершенства, все чаще и чаще начинает сталкиваться на железнодорожных путях с новыми соперниками турболокомотивом, тепловозом, электровозом. [2]

И хотя действие старых вложений капитала в сфере машинного царства гораздо более краткосрочно по условиям амортизации и подвижности самих средств труда, тем не менее и здесь монополия, как средство охранения старых вложений капитала от морального снашивания, играет свою роль. Дело в том, что новое средство труда обесценивает часто не только старый экземпляр того же рода, который оно призвано заместить, но также и всю ту сложную цепь орудий, в связи с которыми оно работает. Наиболее яркий пример подобного рода дает история техники связи. Телеграфная связь, распространившаяся в середине XIX века по всему миру, в конце XIX века и в начале XX века начинает испытывать серьезную конкуренцию со стороны телефона. Об'единение телеграфных и телефонных компаний в целях более целесообразного использования обоих, не противоречащих технически друг другу средств связи, было выходом из положения. Однако, когда в начале XX века на историческую сцену выступает беспроволочный телеграф и телефон, грозящий обесценить чудовищные массы металла, вложенные в телеграфную и телефонную проволоку, об'единение уступает место фактической монополии, и старые телеграфно-телефонные компании берут в свои руки монопольное право распространения нового средства связи для того, чтобы технический переворот был совершен возможно менее болезненно для старых вложений капитала. Задержка технического прогресса со стороны старых вложений капитала произошла здесь потому, что новое средство труда грозило обесценить не только дорогие телеграфные аппараты, но и всю грандиозную трансмиссию современного аппарата связи. Менее резко этот процесс выступает во всех тех случаях, когда новое орудие труда вытесняет старое в таких отраслях, где связь орудия труда со всеми остальными техническими сооружениями диктуется самим характером производства, например, в судостроениии, где собственно судно и судовая машина до 900-х годов были почти неотделимы друг от друга.

На ряду с этими препятствиями новые орудия труда при своем распространении нередко наталкиваются на границы, которые ставят им старые вложения капитала в других отраслях промышленности. Автомобиль при своем появлении находит, например, дорожную сеть, приспособленную для медленно движущихся старых экипажей. Если условия таковы, что старое дорожное строительство не может радикально реорганизоваться, распространению автомобиля будут поставлены известные и притом довольно узкие границы. Еще более резко задержка технического прогресса старыми вложениями капитала выступает в сфере ж.-д. транспорта. Современная электротехника в состоянии, например, изготовить генераторы любой мощности — до 100.000 киловатт и более. [1] Однако, практическое изготовление дает для Европы экземпляры, мощность которых не превосходит 60.000 киловатт. Задержка об'ясняется исключительно тем, что железнодорожный транспорт не в состоянии перевезти подобной машины. Ее чудовищное тело чересчур высоко для низких мостов железнодорожного транспорта. Устарелый железнодорожный ка-

[1] VDI Zeitschrift, 1923, S. 21.

[2] См. „Развитие машин“, § 35.

[1] Iron Age, летом 1926 года, сообщил о постановке на одной из американских электростанций аггрегата, мощностью в 160.000 киловатт.

питал физически задерживает здесь новые прогрессивные вложения капитала.[1] Таким образом, границы технического прогресса в его экстенсивной форме определяются часто не только старыми вложениями капитала в соответствующей отрасли промышленности, но и общей технической структурой данной страны, в частности, общими условиями процесса труда в ней, т.-е., в первую очередь, степенью развития средств транспорта.

Однако, во всех случаях бросается в глаза следующая любопытная черта. Молодые отрасли промышленности, молодые районы быстрее усваивают достижения техники, нежели старые. Наиболее ярко эта сторона выступает в картине внедрения электромотора в промышленности.

Преимущество электромотора перед всяким другим двигателем заключается не только в том, что электромотор представляет из себя двигатель необычайно простого типа, не требующий особого искусства для своего управления, но также и в том, что электромотор устраняет потребность в сложной и дорогой трансмиссии и допускает большую гибкость в размещении рабочих машин на предприятии.[2] Сверх того, он сразу и равномерно устраняет необходимость выделения особой части оборотного капитала промышленных предприятий на топливные запасы. Ускорение оборота капитала представляет из себя одно из немало важных последствий электрификации.

Быстрота внедрения электромотора в промышленность лучше всего иллюстрируется регулярной американской статистикой. Из 33.143.753 лош. сил, установленных в американской промышленности, к 1 января 1924 г. было электрифицировано 59,7%.

Наиболее электрифицированной является промышленность, изготовляющая средства транспорта. Процент электрификации здесь доходит до 87,2 (Форд!). Наименее электрифицированной оказывается лесная промышленность (32,1%), разбросанная в глухих лесных районах.[3] Американская промышленность близится, таким образом, к полной электрификации. Замечательно, что более молодые отрасли промышленности опережают здесь старые отрасли. Индустрия перевозочных средств, резиновая, металлообрабатывающая дают процент электрификации выше 80. Наоборот, лесная, текстильная, стекольная, металлургическая электрифицированы не более, чем на 60%.

Более прогрессивный характер молодых предприятий сравнительно со старыми отчетливо выступает в степени электрифицированности старых и молодых районов Соединенных Штатов. Если расположить американские районы в ряд от более старых промышленных районов к более молодым, то обнаружится следующая любопытная картина:

Промышленные районы	Степень электрификации промышленности
Новая Англия (наиболее старый промышленный район)	58,2%
Средне-американские штаты	59,6%
Северные центральные штаты	64,0%
Тихоокеанские штаты (наиболее молодой промышленный район)	65,0%

[1] См. „Развитие машин“, § 2.
[2] Там же, § 25.
[3] Electrical World, 1926, P. 44—45.

В металлургической промышленности С.-А.С.Ш., где степень электрификации составляет 54%, идет ожесточенная борьба между паровой турбиной и газовым двигателем, необходимость использования доменного газа мешает здесь полному внедрению электромотора. Если непрекращающиеся до сих пор попытки получения железа непосредственно из руды (минуя доменный процесс) приведут к желательным результатам,[1] поле для внедрения электромотора в металлургию еще более расширится (размельчение руд, вращение печей, электромагнитные сепараторы и т. д.).

4. Устарелые вложения капитала и технический прогресс

Задерживающее влияние устарелых вложений капитала на технический прогресс является одной из важнейших составных частей закона неравномерности капиталистического развития.[2] Эту неравномерность нельзя понять, если не учесть непрерывной перекочевки центра технического прогресса от страны к стране, от района к району, от одной отрасли промышленности к другой. Но эта перекочевка, как видно из предшествующего изложения, в немалой степени определяется устарелостью прежних вложений капитала.

С другой стороны, устарелые вложения основного капитала являются важнейшей причиной так называемого загнивания капитализма. Например, передвижка европейских капиталов из метрополий в колонии, характерная для периода империализма, теснейшим образом связана с этим обстоятельством. „Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм „перезрел“ и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ „прибыльного“ помещения“.[3]

Создание новых предприятий в колониях оказывается выгоднее реорганизации и перестройки старых капитальных вложений в метрополиях. Но передвижка капитала в колонии ведет к образованию класса рантье, к подкупу верхушек рабочего класса, т.-е. к наиболее характерным показателям разложения капитализма.

С неменьшей силой выступает в этот период и функция монополии, как средства охранения старых вложений капитала от морального снашивания. В условиях значительного сужения мирового рынка и ожесточенной конкуренции Европы с Америкой на азиатском, африканском, и южно-американском рынках — процесс гибели устарелых европейских предприятий должен был бы протекать (и до известной степени протекает) с особенной быстротой, если бы в противовес этой тенденции не действовала другая тенденция к образованию монополистических союзов и трестов. XV конференция нашей партии констатировала по докладу тов. Бухарина громадное усиление этих тенденций в современной Европе.

[1] См. статью проф. Маковецкого в № 15—16 „Хозяйство Урала“, 1926 г.
[2] Н. Ленин, „Империализм, как новейший этап капитализма“, стр. 156.
[3] Там же, стр. 157.

Значительную часть новейших европейских монополий следует свести именно к охране устарелых вложений капитала от гибели.

Констатируя значительное усиление монополистических тенденций в современной Европе, тов. Бухарин на XV конференции отметил также бесспорный рост технического прогресса и притом как раз в тех отраслях европейской промышленности, которые сильнее всего монополизированы.

На первый взгляд такое сопоставление кажется внутренне противоречивым. „Всякая монополия,— писал В. И. Ленин,— порождает неизбежно стремление к застою и загниванию: поскольку устанавливаются хотя бы на время монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс“.[1]

Между тем, если вдуматься в установленное Марксом различие экстенсивной и интенсивной формы технического прогресса, это противоречие становится вполне понятным. Возьмем характерную для С.-А. С. Ш. передвижку металлургического центра из Питсбурга в Чикаго, где нет ни руды, ни угля, но где наиболее благоприятно складываются транспортные условия. Если бы не было монополии „Стальной Корпорации“, мы имели бы перед собой следующую картину: 1) ожесточенную борьбу нового района со старым; 2) неизбежную победу нового района; 3) передвижку всей американской металлургии в условия более прогрессивной техники. Монополия видоизменяет этот процесс, забирая дело создания нового района в свои руки. Передвижка металлургии совершается с необходимой осторожностью, чтобы не обесценить прежде времени старую, ориентированную на уголь, металлургию центральных штатов. Другими словами, задерживается массовый переход металлургии в условия более совершенной техники. Мы имеем перед собой искусственную задержку экстенсивного развития производительных сил под воздействием монополии. Совсем иначе обстоит дело, если мы подойдем к нему с точки зрения интенсивного развития производительных сил. На ряду с устаревшей металлургией центра мы имеем, хотя и в неразвитой вполне форме, передовую металлургию севера, об'единяемую все той же „Стальной Корпорацией“. Наличие в составе „Корпорации“ этой передовой металлургии понижает общие для всей корпорации издержки производства, повышает норму прибыли. Перед нами налицо бесспорный, хотя и небольшой сдвиг в области интенсивного развития производительных сил. Стоит рынку сузиться, и этот сдвиг выступает ярче: „Стальная Корпорация“ сосредоточивает уменьшившиеся размеры производства на более современных северных предприятиях, еще ниже сдвигая средние издержки производства при соответственном повышении нормы прибыли. Таким образом, понижение издержек производства, этот наиболее яркий внешний показатель интенсивного развития производительных сил не только не противоречит принципу монополии, но в условиях суживающегося рынка прямо его обусловливает.

[1] Там же, стр. 196.

Монополия с капиталистической точки зрения только потому и оправдывает себя, что позволяет регулировать норму и массу прибыли при изменяющихся условиях рынка путем перераспределения производства между более и менее совершенными предприятиями, входящими состав монополии.

Поэтому внутренний механизм монополистических тенденций современной Европы представляет из себя, по сути дела, суррогат регулирующего планового начала, с помощью которого современный капитализм пытается найти выход из создавшегося положения. Однако, в основе своей монополистический принцип разрешения кризиса глубоко противоречив. Перенесение производства на более совершенные предприятия в условиях суженного рынка может произойти лишь путем закрытия устарелых предприятий и выбрасывания занятых там рабочих на улицу. Тайна английской стачки горнорабочих скрыта в этом обстоятельстве. Вопрос о порайонном или общеанглийском соглашении есть по сути дела вопрос о двух различных выходах из кризиса: за счет рабочих или за счет капиталистов. Порайонное соглашение дает возможность капиталистам сохранить прежнюю заработную плату для горняков передовых шахт, выбросить вон или уменьшить зарплату горняков отсталых шахт. Наоборот, общеанглийское соглашение дает горнякам возможность сохранить одинаковую зарплату углекопам всех шахт без различия их оборудования за счет соответственного уменьшения прибыли шахтовладельцев.

Монополия смягчает или устраняет преждевременное моральное снашивание стареющего основного капитала за счет задержки в возникновении технически более совершенных предприятий и за счет более высокой прибыли с них, в том случае, когда они уже возникли. Однако, при господстве монополий всякое сокращение рынка сопровождается выбрасыванием рабочих на улицу в гораздо больших размерах, чем размеры сокращения производства, так как в первую очередь закрываются отсталые предприятия, с низким органическим составом капитала, с низкой производительностью труда, т.-е. с большим количеством рабочих рук на единицу продукта. Тем самым создаются условия прогрессирующего роста резервной армии безработных.

В свою очередь, громадная резервная армия — этот бич современной капиталистической Европы — не остается без влияния на технический прогресс. Будучи результатом технического прогресса в капиталистической промышленности, она на известной ступени развития становится прямым его тормозом и притом в двух направлениях. Во-первых, содержание громадной резервной армии не всегда удается полностью свалить на плечи рабочих. Следовательно, в какой-то, пусть небольшой, части самое существование резервной армии уменьшает прибыль класса капиталистов, ухудшает условия накопления и конкуренции. Во-вторых, резервная ра-

бочая армия давит на занятую часть рабочих своим предложением дешевых рабочих рук. Однако, дешевая рабочая сила сама по себе есть серьезнейшее препятствие для технического прогресса.

Наиболее ярко это положение сказывается на судьбе фордовских методов производства в современной Германии.

Первое опьянение фордизмом вообще начинает постепенно проходить в Европе. 6—7 лет опытов и практики научили многому. Истинное значение и смысл фордовских методов только сейчас начинает вырисовываться перед европейскими экономистами и практиками.

Основная задача фордовских методов производства заключается в ускорении оборота капитала путем сокращения времени производства и рабочего периода в узком смысле слова. Если бы Форд начал производство автомобилей при тех условиях, какие сохранились еще кое-где в послевоенной Европе, когда на производство автомобиля требуется около 200 дней, то для выпуска 8.000 автомобилей в день (производство нынешней фабрики Форда в Highlandpark'e) ему нужен был бы оборотный капитал размером в 800.000.000 руб., непрерывно закрепленный в производственном процессе (принимая цену автомобиля в 500 р., а рабочий год в 200 дней). [1] Даже сказочно богатый Форд не в состоянии был бы справиться с таким колоссальным замораживанием оборотных средств. Революция, произведенная Фордом в производстве, заключалась в том, что он свел время, необходимое для производства автомобиля с 200 дней до 2 дней, считая от домны в Риверуже, где плавится чугун для автомобильных частей, и кончая выпуском готового автомобиля из сборочной. [2] Тем самым размеры необходимого оборотного капитала колоссально сократились. Не менее резко сократились накидки на товар, пали цены при одновременно растущей прибыли.

Со времени этого мирового рекорда фордизм стал евангелием капиталистической Европы. Однако, европейская практика очень скоро показала, что одного доброго желания ускорить производство — мало. Необходим целый ряд дополнительных условий, которые отсутствуют в Европе:

1) Первое препятствие к внедрению фордовских методов производства в европейскую практику обнаружилось в дешевизне рабочих рук в Европе. Заработная плата, например, американского и германского рабочего относятся между собою, примерно, как 4,2 : 1. Между тем, по закону, установленному Марксом, капиталист только тогда вводит машину в действие, когда она стоит меньше, чем вытесненный ею труд. Следовательно, механизация производства может совершаться в Европе с американской быстротой только в том случае, если европейские машины будут стоить в 4,2 раза дешевле американских. Между тем, практика мировой конкуренции показывает, что европейские машины не дешевле, а дороже американских.

[1] Ср. „Technik und Wirtschaft", 1926, № 4, S. 103.
[2] „The Ford Industries", 1926, P. 16—17

2) Ускорение производственного процесса требует больших вложений капитала в оборудование, главным образом, в транспортные сооружения и специальные машины. Между тем, капитал в Германии дороже, чем в Америке, примерно, в 2—3 раза.

3) Ускорение производства по фордовскому образцу требует детально проработанного плана следования продукта во время обработки от первой стадии производства до последней. Между тем, громадное большинство европейских предприятий построено из расчета на серийное, цеховое производство. Приспособление этих предприятий к новому плану означает радикальную их перестройку, т.-е. обесценение прежде срока громадных капиталов, в них вложенных, что оказывается не по силам обедневшей Европе. Попытки европейских предпринимателей подражать Форду путем устройства конвейеров в каком-нибудь одном цехе, без реорганизации всего предприятия в целом, неизменно кончались провалом и дискредитировали идею Fliessarbeit — „непрерывного производства".

4) Опыт показал, что организация непрерывного производства по фордовскому методу невозможна, если ею не охвачены все стадии производства, начиная с производства сырья. При покупке сырья со стороны неизбежно возникает потребность в складе с запасом сырья на месяц, не меньше, т.-е. все выгоды, полученные на ускорении производства, будут потеряны на закреплении оборотных средств в складских операциях. Об'единение же всего производства в вертикальных концернах при одновременной территориальной разбросанности предприятий предполагает столь далеко идущую рационализацию народного хозяйства Европы на плановых началах, что нельзя рассчитывать на ее осуществление в рамках капитализма.

5) Наконец, непрерывное производство бессмысленно, если одновременно не будет в корне реорганизована вся система торговли. Непрерывное производство есть производство большими массами. Для того, чтобы непрерывно и в больших массах производить, надо непрерывно и в больших массах продавать. Ни европейский рынок, ни европейская торговля не приспособлены к подобной постановке вопроса. [1]

Таким образом, суровая европейская действительность ставит довольно узкие социальные и, главным образом, экономические рамки применению в Европе фордовских методов производства. Американский размах на практике сводится в современной Европе к скромной и старой идее — большей точности в производстве, большего использования дешевой рабочей силы, большего внимания к мелочам производства.

Немецкие практики вообще довольно пессимистически смотрят на будущее Германии. Орган инженеров тяжелой промышленности „Stahl und Eisen" поместил, например, летом этого года замечательную статью П. Мондена о перспективах конкуренции с Америкой. Монден предостерегает европейских капиталистов от всяких попыток массового производства. Громадная капитальная мощь Америки делает конкуренцию

[1] „Technik und Wirtschaft", 1926, № 3, S. 80.

в этой области для Европы совершенно безнадежной. Единственный, по мнению Мондена, выход заключается в переходе к работе на заказ, в приспособлении к индивидуальным вкусам потребителей, [1] т.-е., говоря другими словами, в превращении Европы в громадное полуремесленное предприятие сравнительно с индустриализированным империализмом Соединенных Штатов.

Дешевая рабочая сила — главный стимул к подобным настроениям. Очень откровенно эту мысль выражает инженер Вернер Аренс в „Wirtschaft und Technik". Указывая на прогрессирующий упадок тяжелого машиностроения в Германии, Аренс все свое внимание обращает на точное машиностроение и изготовление точных инструментов. „Более низкая сравнительно с Америкой заработная плата германских рабочих облегчает этой важной отрасли промышленности, занимающей около 350 тыс. рабочих против 600—650 тыс. в тяжелом машиностроении, способность к конкуренции. Индустрия точной механики станет в будущем главной опорой немецкого хозяйства, в особенности в смысле превращения теперешнего пассивного торгового баланса в активный. Следовательно, на этой индустрии лежит долг связать преимущество, которое заключается в нашей более низкой заработной плате, с принципом экономного изготовления, чтобы таким путем уменьшит перевес Америки". [2]

Изготовление товара на заказ, приспособление к индивидуальным вкусам потребителей, передвижка центра тяжести с тяжелого машиностроения на точную механику, с ее полуручным характером производства,— таковы общие тенденции германского хозяйства, вызываемые ростом дешевых рабочих рук.

Давление, испытываемое всем хозяйством Германии от напора растущей резервной армии, передается и на каждое отдельное составное звено его. При наличии громадного количества дешевых рабочих каждое отдельное предприятие оказывается вынужденным десять раз подсчитать, прежде чем ввести какое-нибудь техническое усовершенствование. Технический прогресс в его интенсивной форме, конечно, не прекращается, но очень существенно сдерживается этим обстоятельством. Ко всему этому на известной ступени развития рост резервной армии становится настолько социально опасным для самого существования капитализма, что может выступить (и в Англии, например, часто выступает) сознательная боязнь технических нововведений, ведущих к росту безработицы.

Таким образом, задержка в экстенсивном развитии производительных сил, вызванная послевоенным сужением рынка, окольным путем приводит к замедлению и интенсивной формы технического прогресса. Относительные успехи европейской техники в направлении рационализации не следует поэтому переоценивать. Они есть, но за ними нет перспективы развития.

[1] „Stahl und Eisen", 1926, № 24.
[2] „Technik und Wirtschaft", № 3, S. 77.

Е. Варга

Хозяйственные проблемы Германии [1]

За последние месяцы хозяйственное положение Германии характеризуется следующими моментами: 1) медленным, но все же ясно заметным улучшением кон'юнктуры; 2) дальнейшим бурным развитием монополий во всех областях хозяйственной жизни, при чем германской буржуазии принадлежит руководящая роль в создании международных картелей.

Политическим выражением этой изменившейся хозяйственной ситуации Германии является вступление ее в Лигу Наций.

В связи с этим возникают следующие проблемы:

1) В какой мере это улучшение кон'юнктуры знаменует собою начало решительного поворота и в какой мере надлежит понимать его как результат сезонных влияний и следствие забастовки английских горнорабочих.

2) В какой мере можно Германию на основании ее внутреннеэкономического развития, толкающего к империалистической экспансии, несмотря на ее поражение, рассматривать как империалистическое государство.

Улучшение кон'юнктуры в Германии

Кон'юнктура германского хозяйства за последние месяцы решительно улучшилась. Хотя количественно улучшение это невелико, но зато динамически устойчиво, так как все кон'юнктурные признаки единогласно говорят об улучшении. Следует, однако, с самаго начала подчеркнуть, что улучшение хозяйственного положения идет на пользу исключительно капиталистам, а особенно капиталистическим предприятиям, входящим в монополии, между тем, положение рабочих как в отношении реальной заработной платы, так и в отношении безработицы, сколько-нибудь заметно отнюдь не улучшилось, а отчасти даже ухудшилось.

Ниже мы приводим таблицу важнейших опубликованных данных о безработице с начала текущего года (см. стр. 140).

Приведенные ряды цифр указывают на повышение числа состоящих на работе и уменьшение числа безработных. Само собою разумеется, что увеличение числа состоящих на работе представляет в значительной части сезонное явление,из года в год повторяющееся в летние месяцы.

---

[1] Статья написана в начале октября 1926 г.

Безработица

Месяцы	Подлежащих страхованию членов больничных касс		Получивших основной вид пособия		Ищущих работы (к концу месяца)
	На 1 число следующего месяца	Увеличение (+) или уменьшение (—) против предыд. мес.	На 1 число следующего месяца	Увеличение (+) или уменьшение (—) против предыд. мес.	
1926 г.					
Январь	12.275.739	— 383.497	2.030.646	+ 531.965	2.495.257
Февраль	12.447.103	+ 8.989	2.055.928	+ 25.282	2.549.004
Март	12.763.613	+ 113.695	1.942.011	— 113.917	2.520.394
Апрель	12.933.075	+ 468.133	1.781.152	— 160.859	2.373.628
Май	13.259.680	+ 144.970	1.744.126	— 37.026	2.347.688
Июнь	13 412.146	+ 15.033	1.740.754	— 3.372	2.337.963
Июль	13.440.863	+ 28.717	1.652.492	— 88.262	2.251.121
Август	—	—	1.548.000	— 104.492	—
Сентябрь (I пол.)	—	—	1.484.000	— 64.000	—

Число безработных фактически значительно выше приведенного здесь. Кон'юнктурный Институт исчисляет количество безработных на 1 августа следующим образом:

Безработных, получающих пособие	1.650.000
Безработных, которым прекращена выдача пособия (в виду того, что безработица их приняла затяжной характер)	100.000
Неполучающих пособия в виду наличия в составе их семьи членов, состоящих на работе	165..000
Итого	1.915.000
Работающих неполное время—1.670.000, частичная безработица которых, исчисляемая в полных неделях, составляет цифру в..	500.000
Всего	2.415.000

Отметим при этом, что действительное количество безработных должно быть еще больше, так как число лиц, которым прекращена выдача пособия, и лиц, вовсе его не получающих, значительно превышает цифры, приведенные Кон'юнктурным Институтом. [1]

Для суждения об изменении кон'юнктуры имеет, далее, значение то обстоятельство, что понижение числа безработных имело место не в индустрии, в собственном значении этого слова, а в строительной промышленности и среди неквалифицированных рабочих. Это показывает таблица Кон'юнктурного Института (см. табл. на 141).

Большее понижение в тех же отраслях промышленности показывает число работающих неполное время. Очевидно, что капиталисты пользуются улучшением кон'юнктуры прежде всего для перехода от неполного к полному рабочему времени. Несмотря на понижение цифры безработных в строительной промышленности, даже и здесь положение значительно ухудшилось по сравнению с прошлым годом.

[1] Для сравнения отметим, что в течение последних 8 лет до войны средняя годовая цифра безработицы, вычисляемая по проценту безработных в союзах, составляла около 200.000; самая высокая цифра—460.000—приходилась на январь 1914 года, являвшегося годом кризиса. Таким образом, мы видим, что нынешняя цифра, по крайней мере, в пять раз превышает максимальную цифру довоенного времени.

Полная и частичная безработица в германских профсоюзах

(Процент членов, входящих в отдельные союзы)

Месяцы	Машиностроение и обработка металлов	Текстильная промышленность	Кожевенная промышл.	Лесная и деревообделочн. промышл.	Пищевая и вкусовая промышленность	Швейная промышленность	Строительная промышл.	Все группы
1926 г.								
Январь	18,8	12,3	32,2	31,6	18,0	31,3	51,1	22,6
Февраль	19,6	16,0	35,3	32,0	18,8	29,7	41,4	22,0
Март	22,6	17,8	33,5	29,9	19,8	26,0	34,5	21,4
Апрель	18,9	18,8	30,0	28,7	17,3	22,9	26,8	18,6
Май	19,8	18,9	30,2	28,4	15,4	25,8	22,3	18,1
Июнь	20,5	18,5	28,9	28,1	14,8	32,3	21,2	18,1
Июль	20,6	17,2	27,6	28,5	14,0	34,5	19,3	17,6

По вычислению Института кон'юнктурных исследований процентное отношение работающих полное время ко всем рабочим составляло:

	1925 г.	1926 г.
	Июль	
Строительная промышленность	96,6	80,5
Лесная промышленность	83,6	53,2
Каменщики и землекопы	96,3	72,2

Помимо положения с безработицей особенно большое значение имеет положение с импортом сырья.

Сейчас имеются систематически обработанные данные лишь за I полугодие 1926 г. Цифры показывают сильный упадок импорта важнейших видов сырья в течение кризисной фазы германского хозяйства, продолжавшейся до конца полугодия.

Нетто-импорт важнейших видов сырья

(В тысячах дв. центнеров)

	1926 г. Январь—июнь	1925 г. Январь—июнь
Шерсть и волос	716	777
Хлопок	1.069	2.037
Лен, конопля, джут	586	1.277
Телячьи и бычачьи шкуры	140	708
Сырой табак	207	509
Строевой и поделочный лес	12.156	19.285
Дерево и древесная масса	5.224	8.207
Медь	522	1.573
Свинец	277	797
Цинк	269	522

За последние месяцы, по сообщениям газет, имело место увеличение импорта сырья, но достаточных данных на этот счет еще не имеется. На улучшение кон'юнктуры указывает также повышение количества нагруженных товарных вагонов. Так, в течение 1 рабочего дня в среднем нагружалось:

Месяцы	Всего		Без каменноугольного транспорта	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
	В тысячах вагонов			
Январь	108,2	101,8	—	—
Февраль	115,3	108,2	—	—
Март	117,0	112,4	—	—
Апрель	118,9	116,2	—	—
Май	120,3	121,5	93,5	92
Июнь	117,5	121,2	89,7	89,2
Июль	121,4	123,5	93,4	89,2
Август	120,5	128,6	87,9	87,1

Если мы сравним цифры нагруженных вагонов, включая каменноугольный транспорт и без такового, то увидим, что еще в августе 1926 г. количество вагонов без каменного угля было меньше, чем в прошлом году, и что, начиная с мая, кривая этого количества непрерывно падает. Это показывает, что наблюдаемое за последние месяцы улучшение кон'юнктуры находится в сильнейшей зависимости от забастовки английских углекопов.

Само собою разумеется, что забастовка английских углекопов послужила сильным толчком к развитию германской тяжелой индустрии. За последнее время в Рурской области было вновь принято на работу около 20.000 горнорабочих, при чем благодаря разработке верхних пластов повысилась общая продукция. Импульс, исходящий от забастовки английских углекопов, оказал влияние также на железо-и сталепромышленность, так как продолжающийся в Англии 5 месяцев почти полный застой производства железа и стали, разумеется, в значительной степени послужил на пользу германской тяжелой индустрии.

Продукция тяжелой индустрии определяется следующими цифрами:

Месяцы	Каменный уголь		Бурый уголь		Кокс		Калий		Железо		Сталь	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
	В миллионах тонн											
Январь	11,9	11,2	12,4	12,2	2,4	2,1	129	108	910	689	1.181	791
Февраль	10,5	10,6	11,1	11,1	2,24	1,99	161	119	873	631	1.155	816
Март	11,4	11,4	12,1	11,8	2,49	2,15	129	108	991	717	1.209	950
Апрель	10,4	10,1	10,7	10,1	2,33	1,96	87	77	896	668	1.064	869
Май	10,4	10,7	10,4	9,9	2,38	1,96	87	73	961	736	1.115	901
Июнь	9,9	11,8	10,4	11,2	2,17	1,97	107	87	941	720	1.109	977
Июль	11,2	13,1	11,7	11,5	2,17	2,04	119	87	886	768	1.031	1.022
Август	11,1	12,9	11,5	11,4	2,13	2,15	—	—	766	850	899	1.141

Новое привлечение рабочих к производству и частичный переход от неполного к полному рабочему времени, разумеется, в некоторой, хотя и незначительной мере повысили покупательную способность рабочего класса, что начинает выражаться в улучшении положения легкой индустрии.

Положение реальной заработной платы

В течение 1926 г. уровень получаемой германскими рабочими реальной зарплаты понизился.

Ниже приводятся опубликованные Имперским Статистическим бюро тарифные ставки почасовой заработной платы для квалифицированных и неквалифицированных рабочих:

Тарифные ставки почасовой зарплаты[1] квалифицированных и неквалифицированных рабочих с января по август за 1925 и 1926 гг. (в пфеннигах)

Месяцы	Квалифицированные рабочие		Месяцы	Неквалифицированные рабочие	
	1925 г.	1926 г.		1925 г.	1926 г.
Январь	79,2	94,1	Январь	55,7	65,8
Февраль	80,0	94,2	Февраль	56,3	65,9
Март	81,9	94,2	Март	57,6	65,9
Апрель	84,4	94,2	Апрель	59,1	65,9
Май	86,5	94,2	Май	60,3	65,9
Июнь	87,8	94,2	Июнь	61,4	65,7
Июль	89,8	94,0	Июль	62,8	65,7
Август	90,9	94,0	Август	63,8	65,7

Эта таблица показывает, что почасовая заработная плата за весь год не изменилась. Но так как в связи с рационализацией повсюду сократилась сдельная плата, то некоторое понижение недельного заработка можно считать вполне достоверным.

С другой стороны, в течение переходного времени цены на товары возросли и вследствие введения повышенного таможенного тарифа находятся в процессе дальнейшего роста. Движение их иллюстрируется следующей таблицей (см. стр. 144).

Так как не подлежит сомнению, что цифры почасовой заработной платы обработаны в общем с тенденцией к повышению, а цифры стоимости прожиточного минимума с тенденцией к понижению, то мы можем с уверенностью утверждать, что за год реальная заработная плата понизилась, по крайней мере, на 5%.

---

[1] Средние, выведенные для работающих полное время рабочих высшего тарифного разряда в главных предприятиях отдельных отраслей промышленности, со включением социальных прибавок на жену и 2 детей, поскольку такие прибавки установлены.

Цены и стоимость прожиточного минимума

Месяцы	Индекс оптовых цен	Сельскохоз. продукты	Промышл. изделия	Индекс стоимости прожиточного минимума
Январь	120,0	114,5	130,4	139,8
Февраль....	118,4	112,4	129,5	138,8
Март.....	118,4	113,1	128,0	138,3
Апрель.....	122,7	121,5	124,9	139,6
Май.....	123,2	122,8	124,0	139,9
Июнь	124,6	125,0	123,7	140,5
Июль	127,4	129,2	124,0	142,4
Август	126,8	128,6	123,4	142,2

Образование монополий и пролетаризация среднего класса

Тесное об'единение предприятий в монополистической форме картелей и трестов приняло за последние месяцы гигантские размеры. В противоположность той тенденции к об'единению в тресты по вертикальной линии (вертикальные тресты), от сырого материала до готового изделия, какая обычно наблюдалась в период инфляции, теперь мы видим две преобладающие линии об'единения, а именно: простое горизонтальное об'единение однородных предприятий и далее горизонтальное об'единение вертикальных трестов. Само собою разумеется, что здесь нет резкой черты деления. Встречаются комбинации самых различных типов. В то время как Об'единение сталелитейных заводов („Vereinigte Stahlwerke") представляет собою трестирование вертикальных трестов—от угля до готового изделия,—химический трест („I. G. der Farbenindustrie") следует рассматривать, как горизонтальное трестирование всех химических фабрик, но с одновременным поглощением различных предприятий, поставляющих сырье. Оба предприятия по своей величине и производительности являются единственными в Европе и могут соперничать с крупнейшими из американских трестов.

Замечательная особенность конструкции Об'единения сталелитейных заводов заключается в том, что все германские железоделательные заводы входят в состав союза сталелитейных заводов (Stahlwerksverband) как картели, но Об'единение сталелитейных заводов образует внутри этой картели особый трест, доля участия которого составляет приблизительно половину долей всей картели; благодаря этому оно имеет в ней соответствующее влияние. Другими словами, оно представляет монополию внутри монополии.

Химический трест („I. G. der Farbenindustrie") представляет единственную в своем роде организацию: она занимает монопольное положение в химической промышленности всего мира и при своем превышающем 1 млрд. марок акционерном капитале и огромных прибылях является в настоящий момент, может быть, величайшим предприятием в мире.

Но и помимо обоих этих гигантских трестов образование монополий во всех почти без исключения отраслях промышленности идет

столь быстрым темпом, что сейчас очень трудно было бы найти в Германии сколько-нибудь значительную отрасль промышленности, которая не представляла бы какого-нибудь монополистического об'единения.

Параллельно с монополистическим об'единением крупных капиталистов идет сильная пролетаризация средних слоев этого класса.

Правда, за последние месяцы число конкурсов быстро падало. Но зато в течение первых 7 месяцев прекратили самостоятельное существование 17.000 предприятий.

Движение это показывает следующая таблица:

Конкурсы и администрации по делам

Месяцы	Число конкурсов		Число администраций по делам	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Январь.....	796	2.092	256	1.553
Февраль	723	1.988	240	1.573
Март.....	776	1.871	309	1.481
Апрель	687	1.302	223	923
Май	807	1.046	351	691
Июнь.....	766	913	328	477
Июль	797	701	375	366
Август	751	493	379	228

В довоенное время число конкурсов в более обширной тогда Германии составляло около 9.000 в год („Stat. Jahrbuch", 1925 г., стр. 336). В эти цифры, конечно, не входят исчисляемые также многими тысячами случаи, когда конкурсное производство не имело места за отсутствием имущественной массы.

Итак, мы видим, с одной стороны, процесс образования монополий в крупных предприятиях, с другой стороны — быстрое вымирание предприятий, экономически слабых, исчезновение торговых фирм, возникших в большом количестве в период инфляции, т.-е. другими словами, сильную пролетаризацию среднего класса.

Улучшение международно-хозяйственного положения Германии

В течение последних месяцев произошло, несомненно, сильное улучшение позиции Германии в области мирового хозяйства. Если сравнить нынешнее положение Германии с тем, какое было 3 года тому назад, то нельзя не видеть огромного прогресса. 3 года тому назад Рурская область была занята французами. Обесценивавшаяся валюта стремительными скачками приближалась к нулю; вся капиталистическая система была сильнейшим образом расшатана; пролетариат серьезно готовился к свержению господства буржуазии. Теперь же капиталистическая система в Германии кажется вполне устойчивой. Германии принадлежит руководство движением, направленным к созданию международных картельных организаций. Она добилась постоянного места в Совете Лиги Наций. Говорят уже о том, что Германия должна оказать финансовое содействие оздоровлению Франции и Бельгии.

Несмотря, однако, на столь сильное улучшение положения Германии по сравнению с положением ее 3 года назад, несмотря на улучшение кон'юнктуры за последние месяцы,—остается совершенно неясным, действительно ли германский капитализм выкарабкался уже из тяжкого послевоенного кризиса. Не следует забывать, что в Германии имеется около 3 миллионов безработных и что приблизительно одна треть средств производства бездействует. При неудовлетворительности статистики едва ли возможно составить картину того, насколько германское хозяйство достигло своего довоенного уровня или к таковому приближается. Вопрос этот можно будет несколько выяснить лишь после того, как будут получены результаты профессиональной и производственной переписи прошлого года.

Например, при выяснении характера безработицы было бы весьма важно установить, сколько собственно имеется сейчас в Германии рабочих. Верно ли, что сейчас в производстве занято столько же рабочих, сколько и до войны, и что, таким образом, массовая безработица сводится просто к факту социальной перегруппировки, к исчезновению класса рантье. Если бы это было так, то безработица означала бы в сущности следующее.

До войны существовала значительная группа людей, которые, как рантье, не работали и в то же время получали некоторую часть той ценности, какая вырабатывалась тогда таким же количеством занятых в производстве рабочих, как и сейчас. В настоящее время ценность такой же величины вырабатывается тем же числом рабочих. Но так как многие из бывших рантье сделались сейчас рабочими, то часть рабочего класса остается без работы и живет пособиями для безработных, т.-е. опять-таки частью ценности продукта, вырабатываемого рабочими, занятыми в производстве.

Правильно ли это предположение, можно будет решить лишь на основании результатов профессиональной переписи. Но частичные результаты, полученные до сих пор из Баварии и нескольких совсем мелких областей, указывают, прежде всего, на большое увеличение числа трудящихся, занятых непроизводственным трудом: из полученных досего времени цифр особенно выделяется огромное увеличение числа лиц, занятых в торговле и на государственных должностях. Таким образом, легко может статься, что, несмотря на принятое установленным увеличение общего числа трудящихся приблизительно на 3 миллиона, число производственных рабочих увеличилось лишь незначительно и что, принимая во внимание хроническую массовую безработицу, людей, занятых производственным трудом, фактически меньше, чем их было до войны.

Можно, однако, допустить, что благодаря успехам техники количество ежегодно производимых благ в их натуральной форме должно быть больше, чем было до войны. Это значит, что реальная заработная плата рабочих, другими словами—достающаяся рабочим доля производимых благ (предполагая, что доля эта относительно такая же, как и до войны), должна быть больше, чем до войны. Между тем считается общепризнанным, что реальная заработная плата рабочих в настоящее время ниже довоенной, и не может оставаться никакого сомнения в том, что в течение 1926 г. реальная заработная плата рабочих, состоящих на работе, упала до сих пор приблизительно на 5%. Отсюда необходимо заключить, что либо число рабочих, занятых в производстве (следовательно, исключая безработных), в настоящее время, несмотря на повышение количества трудящихся, меньше довоенного, либо должна быть налицо более сильная аккумуляция капитала.

При решении этого вопроса необходимо, однако, принять во внимание, что Германия должна каждый год безвозмездно отправлять за границу сумму, достигающую сейчас 1.500 милл. марок, в виде репараций и несколько сот миллионов марок в виде процентов по иностранным займам. Недостающая часть вырабатываемой ежегодно ценной продукции, очевидно, уходит из страны в уплату репараций. [1]

В противоположность этому имеется налицо, с другой стороны, значительный ввоз капиталов; мы видим, таким образом, что отношения слишком многообразны для того, чтобы до получения результатов производственной переписи можно было бы притти к достаточно обоснованному решению.

Общую картину положения германского хозяйства дает таблица потребления некоторых важнейших видов сырья и жизненных припасов на душу населения (см. стр. 148).

Приведенная таблица показывает, что в 1925 г., который в общем дает довольно хорошую кон'юнктуру, потребление сырья на душу населения хотя и было значительно выше, чем в предыдущем году, но все же оставалось далеко позади потребления 1913 г. Это уменьшение потребления распространяется на уголь, нефть и железо, а также, на хлопок и джут. Уже из одного этого мы видим, за немногими исключениями, понижение потребления пищевых продуктов. Если даже эти данные не точны и могут встретить много возражений, то все же они показывают, что уровень всей хозяйственной жизни в 1925 году был значительно ниже, чем в довоенное время.

Но так как производственный аппарат Германии обладал гораздо большей мощностью, нежели в довоенное время, то более низкий уровень хозяйства сводится к недостатку сбыта. Существует чрезвычайно острое противоречие между производительной и потребительной возможностями. В 1926 г. оно еще острее, нежели в 1925 г.

Итак, основная проблема современного германского хозяйства сводится к тому, каким образом привести сбыт в соответствие с производительностью.

На этот вопрос социал-демократы и профсоюзы отвечают: для того чтобы создать сбыт, необходимо повысить ставки заработной платы. То-есть они выставляют теорию недостаточного потребления.

Само собою разумеется, что капиталисты эту теорию отвергают. Не будучи марксистами, они все же понимают, что совершили бы весьма

[1] Заработная плата и служебные оклады исчисляются в настоящее время в Германии в ежегодной сумме около 33—36 млрд. марок. Какая часть этой суммы представляет вложенный в производство чистый оборотный капитал и какая — прочие расходы („faux frais"), вычислить трудно. Если мы оценим заработную плату производственных рабочих в круглой сумме 25 млрд., то, вероятно, допустим значительное преувеличение. 2 млрд., выплачиваемые за границу в виде репарационных платежей плюс проценты по займам, составят, следовательно, 8% и явятся некоторым об'яснением того, куда уходит недостающая часть продукции.

Потребление некоторых видов сырья и пищевых продуктов в Германии

	На душу населения				
	1913 г.[2] 1913/14 г.	1922 г.[2] 1922/23 г.	1923 г.[2] 1923/24 г.	1924 г.[2] 1924/25 г.	1925 г.[2] 1925/26 г.
	В килограммах				
Уголь вообще [1]	2.666	2.412	1.731	2.163	2.212
Железная руда	690	259	130	200	309
Чугун	277	162	80	123	160
Медь	4	3,3	2,5	2,8	—
Сырые калийные соли	153	197	168	119	—
Хлопок	7,2	4,3	3,0	4,3	5,9
Джут	2,3	1,6	1,4	1,7	2,1
Нефть	15,2	6,6	3,0	3,8	7,4
Рожь	153	90	106	87	128
Пшеница	96	47	57	68	83
Ячмень	108	29	42	45	—
Картофель	700	500	433	495	—
Рис	2,5	—	1,7	3,4	5,3
Мясо	52	34	31	43	47
Сельди (соленые)	2,2	1,3	2,0	2 3	2,1
Сахар	19,0	19,5	13,3	20,2	21 [4]
Южные фрукты	4,4	0,9	0,7	4,8	6,1
Кофе	2,4	0,6	0,6	0 9	1,4
Чай	0,06	0,05	0,04	0,06	0,07
Пиво (литры)	102	51	45	60	75
Хлебное вино	5,4 [3]	2,5	1,8	2,8	—

неблагоразумную сделку, если бы в форме повышенной заработной платы даром уступили бы рабочим часть продукции с тем, чтобы им же потом продавать товары. Отдельные категории капиталистов, а именно те, которые производят продукты не безусловно первой необходимости, высказываются за повышение ставок зарплаты, чтобы тем создать сбыт для своей специальной продукции. Но класс капиталистов в целом может согласиться на повышение ставок заработной платы лишь при условии увеличения производительности, т.-е. увеличения эксплоатации рабочих.

Капиталисты ищут выхода из кризиса сбыта в рационализации, т.-е. в понижении издержек производства, надеясь, что таким путем они смогут урвать для себя большую часть сбыта на мировом рынке.

В этом направлении германским капиталистам до сего времени малого удалось добиться. Внешняя торговля Германии в течение последних лет рисуется в следующем виде:

	Ввоз	Вывоз
	В милл. марок	
1923 г.	6.150	6.102
1924 г.	9.083	6.552
1925 г.	12.428	8.798
1926 г. (за 8 месяцев)	6.106	6.425

[1] Бурый уголь, кокс и каменный уголь в брикетах.
[2] Для зерновых хлебов.
[3] 1912—1913 гг.
[4] По нашему вычислению. Цифры за время до 1924 г. и части 1925 г. взяты из „Stat. Jahrbuch d. deutsch. Reiches". 1926 г. Более поздние цифры вычислены нами.

Как видно из приведенных цифр, германский торговый баланс обнаруживает за послевоенные годы сильную пассивность.

В 1926 г. казалось уже, что произошла перемена, так как первые пять месяцев показывали активный баланс. Однако, за последние три месяца торговый баланс снова стал пассивным. Ниже приводятся данные по группам товаров за 1925/26 г.:

Внешняя торговля. Товарооборот без золота и серебра

(В милл. марок по современному курсу)

Месяцы	Пищевые продукты и напитки		Сырье и полуфабрикаты		Готовые изделия		Общий товарооборот	
	1925 г.	926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
	В в о з							
Январь	343	224	676	378	253	100	1.282	708
Февраль	317	227	584	333	164	97	1.071	562
Март	295	220	570	332	164	86	1.037	645
Апрель	293	268	542	357	160	90	1.007	723
Май	293	282	520	324	167	88	993	703
Июнь	344	293	485	387	165	102	1.009	786
Июль	350	417	533	412	157	104	1.154	949
Август	454	384	552	421	160	103	1.178	920
	В ы в о з							
Январь	48	66	130	160	616	568	696	795
Февраль	48	50	100	167	480	564	630	783
Март	51	45	122	190	533	686	708	923
Апрель	43	28	113	156	511	597	670	779
Май	40	25	137	155	549	547	728	730
Июнь	34	27	120	180	530	551	686	759
Июль	34	23	140	216	568	582	742	822
Август	28	26	143	235	553	572	725	834

Баланс в милл. марок

	Сальдо	
	ввоза	вывоза
Январь	—	87
Февраль	—	121
Март	—	278
Апрель	—	56
Май	—	27
Июнь	33	—
Июль	126	—
Август	87	—

Средние цифры этой таблицы показывают, что активность торгового баланса в течение первых 5 месяцев была достигнута не столько благодаря повышению вывоза товаров, сколько путем сильного сокращения ввоза, а именно, сокращение за первые 8 месяцев ввоза сырья и полуфабрикатов намного превышает ту сумму, в которой выражается активность торгового баланса.

Это означает, что активность торгового баланса явилась следствием экономического кризиса.

Ввоз сырья сильно падал и это способствовало временной активности торгового баланса. Теперь возникает вопрос, как могло случиться, что несмотря на пассивность торгового баланса и несмотря на бремя репарационных платежей германская валюта оставалась стабильной. Или, другими словами, как могло случиться, что несмотря на репарационные платежи, несмотря на пассивность торгового баланса, несмотря на уплаты процентов по иностранным займам,—платежный баланс не был вполне пассивным.

Ответ на этот вопрос нетрудно найти: в этом периоде Германия имела „скрыто-активный платежный баланс", т.-е. дефицит покрывался иностранными займами и продажей за границу акций и других внутренних ценных бумаг.

Нижеприведенная таблица представляет сводку опубликованных иностранных займов Германии:

Опубликованные иностранные займы Германии со времени принятия плана Дауэса [1]

	В миллионах					
	долларов	фунт. стерл.	флоринов	швейц. франков	герм. марок	Итого в марках [2]
Заем Дауэса	200	—	—	—	—	840
1924 г. 1/IX—31/XII	28	1,75	—	—	0,70	154
1925 г. 1/I—31/XII	296	9,10	5,27	31,50	7,25	1.471,79
1926 г. 1/I—30/VI	202,77[4]	5,94	19,02	52	0,30	1.047,37
Сумма	726,77	16,79	24,59	83,50	8,25	3.513,16
Сумма в марках	3.052,43	342,54	41,51	67,89	8,25	3.512,62[3]

Эта таблица показывает, что сумма займов в первом полугодии 1926 года составила уже около 70% всей суммы, занятой в 1925 г.

А так как за последние три месяца был заключен целый ряд дальнейших крупных иностранных займов, то вся сумма иностранных займов в 1926 г., очевидно, значительно превысит сумму займов 1925 г.

Но помимо этих опубликованных иностранных займов были получены также краткосрочные кредиты, а, кроме того, иностранцами было куплено в Германии большое количество акций. Недавно Шахт определ

[1] Wirtschaftsdienst, 32, S. 1102.

[2] В переводе на марки: 1 доллар = 4,20 м.; 1 фунт стерл. = 20,4 м.; 1 флорин (гульден) = 1,69 м.; 1 швейц. франк = 0,81 м.

[3] Разница в конечной сумме получается из отклонений при пересчете, вследствие округления десятичных знаков.

[4] В цифру департамента Соед. Штатов в 159,3 милл. долларов, вероятно, не входит Баварский заем (10,0 милл. долларов) и заем большой силовой установки в Мангейме (3,0 милл. долларов).

Банк определяет заем Германии в 245 милл. долларов в 1925 г. и в 210 милл. долларов в первой половине 1926 г.

лял общую сумму задолженности Германии иностранным государствам в 5 млрд. марок. Сколько германских акций и других ценных бумаг находится в иностранном владении, не поддается даже приблизительному определению. Позже мы еще вернемся к этому вопросу. Благодаря этим иностранным займам удалось выравнять платежный баланс и несмотря на репарационные платежи стабилизовать германскую валюту. В 1926 г. сумма полученных Германией иностранных займов превысила даже действительную потребность ее в капитале; отсюда тот своеобразный факт, что Кон'юнктурный Институт определяет на первую половину 1926 г. сальдо платежного баланса Германии в 559 милл. марок. Этот факт об'ясняется тем, что значительная часть полученных займов остается в заграничных банках.

В результате сильного хозяйственного кризиса и вызванного этим сжатия товарооборота из обращения освободились деньги. Отсюда и возникло своеобразное явление первой половины текущего года, заключавшееся в том, что на короткий срок можно было получать деньги за очень низкий процент, едва ли выше, чем в Лондоне или в Нью-Йорке, но в то же самое время за иностранные займы приходилось платить 8% для создания отсутствующего в Германии долгосрочного капитала, необходимого для затрат, связанных с рационализацией.

Так как эти долгосрочные иностранные кредиты находят лишь постепенное применение (в краткосрочных же деньгах в Германии не было даже потребности), то они были помещены в иностранных банках, где и находятся до сих пор. Улучшение кон'юнктуры за последние недели и реализация урожая обусловливают увеличение количества средств обращения, что проявляется в повышении процента, взимаемого за краткосрочный кредит.

Однако, выравнивание платежного баланса и выплата репарационных сумм при помощи иностранных кредитов не может продолжаться вечно, так как по этим кредитам необходимо платить проценты. Должен быть найден путь к самостоятельному выравниванию платежного баланса, а это возможно лишь при большой активности торгового баланса. Вывоз Германии должен настолько превышать ввоз, чтобы этим можно было платить репарации и проценты за вложенный в Германии иностранный капитал. Это означало бы вместе с тем и разрешение противоречия между производственными и реализационными возможностями германской промышленности.

Политика германской буржуазии сводится к тому, чтобы 1) путем усиленной эксплоатации рабочих, под лозунгом реализации, понизить издержки производства; 2) путем установления покровительственных пошлин целиком подчинить себе внутренний рынок; 3) при помощи международных соглашений и низких экспортных цен (dumping) увеличить сбыт на мировом рынке.

Однако, шансы на успех довольно неблагоприятны. Многие руководители хозяйства в улучшении кон'юнктуры за последние месяцы не усматривают начала под'ема германского хозяйства. Таково, в частности, отношение к этому вопросу деятелей, выступавших на с'езде имперского союза германской промышленности в Дрездене. Имеется ряд возражений и против успешности рационализации. Так, например, директор

Ганс Кремер, член президиума имперского союза германской промышленности, на текстильной выставке в Франкфурте 22/IX 1926 г. сказал: ... „Немалая часть трудностей проистекает, говоря откровенно, от того, что цена германских товаров за границей превышает нормальную на 30—50%, а качество их все же уступает качеству мирного времени. Все это делается под лозунгом рационализации, как будто этим самым может быть найдено спасительное средство". Директор Кремер весьма энергично указывал на то, что этот лозунг имеет отчасти сомнительный характер и способен прикрывать вещи, на которые мы не должны закрывать глаза. В противоположность Америке у нас нет ни средств, необходимых для полной модернизации, ни соответствующего сбыта и, что еще важнее, далеко нет той организации сбыта, какую обнаруживает одна лишь американская промышленность.[1]

Разумеется, однако, что увеличение экспорта германских товаров при капиталистических отношениях возможно лишь в том случае, если цены их будут ниже цен конкурентов. Единственным исключением из этого правила является тот случай, когда экспорт товаров принимает форму вывоза капитала. Но именно в этом отношении Германия до сего времени была побиваема своими мировыми конкурентами. Хотя германская промышленность начинает уже финансировать экспорт товаров более долгосрочными кредитами, однако, она до сих пор не в состоянии предоставлять займы другим странам. Общая сумма всех впервые реализованных в Германии иностранных ценных бумаг за первое полугодие составляет не более 15 милл. марок против 467 милл. марок в 1913 г. Германия, следовательно, должна была бы не только продавать товары дешевле своих конкурентов, но помимо того, либо предоставлять займы, либо продавать свои товары так дешево, чтобы тем самым можно было уравновесить невыгоду, заключающуюся в отсутствии экспорта капиталов. Сомнения германских капиталистов в том, чтобы это при всем рекламировании реализации было возможно,—вполне основательны.

Малая емкость мирового рынка, как препятствие к германскому экспорту

Но даже в том случае, если бы германское хозяйство было в состоянии производить и экспортировать товары значительно дешевле своих конкурентов, расширение экспорта, достаточное для создания активного платежного баланса, натолкнулось бы на препятствие в виде малой емкости мирового рынка. При этом необходимо принять во внимание, что кроме угля и калия Германия не имеет для экспорта никаких сколько-нибудь важных сырьевых материалов. Поэтому расширение экспорта возможно лишь как расширение вывоза готовых изделий, а это, в свою очередь, требует увеличения импорта таких сырьевых материалов, как текстильное сырье, медь и другие металлы и т. д.

Для иллюстрации этих количественных отношений в следующей таблице приводятся данные вывоза готовых изделий в сравнении с довоенным временем:

[1] „D. A. Z.". Корреспонденция из Франкфурта, 22/IX 1926 г.

Вывоз готовых изделий из Германии[1]

(В милл. марок по довоенной оценке)[2]

1913 г.	За весь год	6.933	
1924 г.	„ I полугодие	1.839	3.980
1924 г.	„ II „	2.150	
1925 г.	„ I „	2.249	4.733
1925 г.	„ II „	2.484	
1926 г.	„ I „	2.523	

Таблица показывает, что, несмотря на довольно быстрый рост вывоза за последние пять полугодий, экспорт, выраженный в довоенных ценах, все же почти на 30% ниже довоенного.

Для того, чтобы сделать платежный баланс активным, т.-е. для того, чтобы из доходов за экспортируемые готовые изделия можно было бы платить репарации и проценты по иностранным займам, экспорт Германии в готовых изделиях по самому грубому расчету должен увеличиться на следующую сумму:

	В милл. марок
Репарационные платежи	1.500—2.500
Проценты за помещенный в Германии иностранный капитал	500— 600
Увеличение импорта сырья, необходимое для расширения экспорта готовых изделий	1.000—1.200
Итого	3.000—4.300

Итак, сумма, на которую Германия должна увеличить экспорт готовых изделий для того, чтобы без помощи иностранных займов создать активный платежный баланс, составляет несколько миллиардов. А для того, чтобы германское население достигло в общем довоенного уровня жизни, необходимо было бы дальнейшее увеличение импорта на сумму около 1,5 млрд. довоенных марок, так как именно на такую сумму увеличился бы тогда расход на импортируемые пищевые продукты и текстильное сырье. Итак, Германия должна была бы добиться увеличения экспорта готовых изделий, по крайней мере, на 6 млрд. марок.

Чтобы дать понятие о возможности такого повышения экспорта, мы в нижеследующей таблице приводим цифры экспорта готовых изделий за 1925 г. из важнейших капиталистических государств. Из крупнейших стран отсутствует только Италия, потому что ее статистика внешней торговли не знает деления товаров на сырье, готовые изделия и т. д.

Мировая торговля готовыми изделиями за 1925 г.[3]

	Ввоз в милл. един. валюты	Вывоз в милл. валюты	Вывоз в милл. долл.
Англия	320	616	2.957
Соединенные Штаты	796	1.842	1.842
Германия	2.000	6.626	1.578
Франция	5.402	26.976	1.295
Бельгия	3.910	8.081	387
Чехо-Словакия	4.055	11.635	349
Япония	243	556	228
Голландия	5.053	626	250
			8.886
Ввоз Германии			500
			8.386

[1] Вывоз полуфабрикатов составлял в 1924 г. около 10% вывоза готовых изделий.

[2] В разных номерах журнала „Wirtschaft und Statistik".

[3] Accounts relating to the Trade and Commerce. Расчет на основании данных „Survey of Current Business".

Приведенная таблица показывает, что общая емкость мирового рынка по отношению к готовым изделиям перечисленных стран составляет 34 млрд. марок. Вывоз готовых изделий из стран, не приведенных в таблице, как-то: Италии, Польши и некоторых более мелких государств, по самой высокой оценке составил бы не более 6 млрд; таким образом, общая емкость составит около 40 млрд. марок. Следовательно, для того, чтобы на мировом рынке нашлось место для увеличения экспорта изделий германской промышленности на сумму в 6 млрд. марок, емкость мирового рынка должна была бы увеличиться на полные 15% или же германская промышленность должна была бы вытеснить на мировом рынке до 1/6 общего оборота своих конкурентов. Эта задача кажется нам неразрешимой, особенно, если принять во внимание неспособность Германии к крупному экспорту капиталов и стоящие на пути германского экспорта высокие оградительные пошлины. Несмотря на большие успехи, которых германский капитализм, несомненно, достиг за последние 3 года, несмотря на улучшение хозяйственного положения за последние недели; несмотря на то, что удельный вес германской промышленности на мировом рынке сильно вырос, что показывают международные картельные соглашения, несмотря на все это,— проблема германского хозяйства нисколько не разрешена, ни в отношении противоречия между производственными и реализационными возможностями, ни по вопросу о длительном выравнивании платежного баланса.

Удовлетворительное для капиталистов решение этой проблемы было бы возможно лишь при радикальном сокращении репарационных обязательств, в связи с всеобщим под'емом капиталистического мирового хозяйства, который создал бы возможность нормального сбыта для готовых изделий германской промышленности на мировом рынке.

* * *

На вопросе о том, в какой мере можно в данный момент говорить о новом германском империализме, мы во избежание чрезмерного расширения рамок этой статьи намерены остановиться позже. Здесь же отметим только, что Германия обнаруживает уже много признаков империалистического государства; она, однако, лишена пока возможности экспортировать капитал и свободно распоряжаться в сфере хозяйственно-политических отношений, ибо государственные доходы, государственный банк и железные дороги находятся под контролем Антанты. У нее отсутствуют, далее, столь могучие политические средства империализма, как армия и флот. И все же внутренне-хозяйственное развитие Германии неуклонно толкает ее к империализму.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. А. Федотов и С. В. Антропов

К проблеме строительства новых текстильных фабрик[1]

Признано, что на грани полного использования старого оборудования наших фабрик и заводов дальнейшее расширение промышленности может происходить только за счет постройки новых предприятий. Естественно поэтому поставить вопрос: какое предприятие является наиболее предпочтительным — крупное, среднее или мелкое? На первый взгляд этот вопрос кажется совершенно праздным—до такой степени считается бесспорным, что крупное производство во всех отношениях предпочтительнее среднего, не говоря уже о мелком. Как мы увидим ниже, даже в условиях капиталистического хозяйства это положение, в общем правильное, примененное к той или иной конкретной обстановке, требует весьма существенных оговорок, вследствие чего оно имеет далеко не универсальное значение. Еще менее бесспорным это положение является в таких, например, не вполне нормальных условиях, в каких протекало в дореволюционный период развитие нашей промышленности, когда обычны были такие, казалось бы, парадоксальные явления, как сожительство с крупнейшей хлопчатобумажной фабрикой ручного кустаря или мелкой фабрички кустарного типа. Однако, дело не только в этом. Оказывается, что крупная фабрика не всегда представляет собой высшее техническое достижение, как бы командную высоту, доминирующую над другими менее крупными предприятиями. Как раз наоборот: ее крупные размеры могут иногда являться следствием экономической отсталости, так что про такую фабрику можно сплошь и рядом сказать, что она потому крупная, что ее окружает хозяйственно-некультурная обстановка.

Для большего пояснения этого вопроса посмотрим, как распределяются фабрично-заводские предприятия по количеству занятых в них рабочих у нас и в Соед. Штатах. Мы берем для сравнения Соед. Штаты главным образом потому, что в нашем распоряжении имеется богатый цифровой материал (промышленные переписи), характеризующий хозяйственную жизнь этой страны. Но, кроме того, Соед. Штаты, представляют исключительный интерес, как экономически наиболее прогрессивная страна с большим количеством свободных капиталов, так что именно здесь можно ожидать наиболее яркого проявления всех тенденций, действующих в современном капиталистическом хозяйстве.

---

[1] В дискуссионном порядке. Ред.

Вот, прежде всего, данные, охватывающие все отрасли промышленности в СССР („Статистика Труда", 1926 г., № 4—5):

	1 янв. 1925 г.		1 янв. 1926 г.		
	Заведений	Персонала	Заведений	Персонала	Персонал в %% ко всему количеству
Всего учтено заведений (без Грузии и Армении) . . .	7.668	1.967.316	8.342	2.625.171	100
Из них с численностью персонала на 1 заведение:					
до 50 чел.	3.364	88.641	3.174	91.529	3,5
от 51 до 500 чел. . . .	3.438	506.115	4.041	586.604	22,3
от 501 и выше	866	1.372.560	1.127	1.947.038	74,2

В американских переписях промышленные предприятия разбиты на 9 групп. Соединяя эти 9 групп в основные три, получаем:

	1919 г.		1921 г.		
	Заведений	Рабочих	Заведений	Рабочих	Рабочих в %% ко всему количеству
Всего заведений.	290.105	9.096.372	196.267	6.946.570	100
Из них с численностью рабочих на 1 заведение:					
до 50 чел.	261.263	1.772.167	172.888	1.592.068	22,9
от 51 до 500 чел. . . .	26.072	3.720.982	12.498	3.136.787	45,1
от 501 и выше	2.770	3.603.223	1.881	2.217.715	32,0

Таким образом, в Соед. Штатах в низшей группе сосредоточено 23% всего количества рабочих (у нас $3\frac{1}{2}$%), в средней 45% (у нас 22%), в высшей — 32% (у нас 74%).

Так как против этих цифр можно возразить, что у нас в низшую группу не попали многие мелкие предприятия, попавшие в низшую группу американских переписей, примем во внимание предприятия только средней и высшей группы. В этом случае получим: у нас в средней группе 23,2% рабочих, в высшей — 76,8%. В Соед. Штатах: в средней группе 58,6%, в высшей 41,4%. Поражают и абсолютные цифры: в высшей группе у нас немногим меньше рабочих, чем в Америке (сравниваем 1926 г. у нас с 1921 г. в Соед. Штатах); количество же рабочих в предприятиях среднего размера у нас составляет лишь 18% количества рабочих в таких же предприятиях в Америке. Замечателен также и следующий факт: как известно, 1919 г. был в Соед. Штатах годом чрезвычайно высоких цен и пышного расцвета промышленности, а 1921 г. — годом жестокого кризиса. Как показывает таблица, число рабочих за эти два года сократилось на 2.150 тыс. чел., при чем наибольшее сокращение произошло в высшей группе. Так, в низшей группе в 1919 г. было сосредоточено 19,4% всего количества рабочих, в 1921 г.—22,9%; в средней группе 41,0% и 45,1% и, наконец, в высшей 39,7% и 32,0%. Как видим, мелкие и средние предприятия оказались экономически более устойчивыми, чем крупные.

Еще рельефнее будет различие между СССР и Соед. Штатами, если мы вместо данных, характеризующих всю промышленность, используем

цифры, относящиеся к какой-либо одной ее отрасли. Сравним хлопчатобумажную промышленность в Америке и у нас. В Америки в 1919 г. на одно предприятие приходилось 299 рабочих, а если исключить низшую группу и рассматривать только предприятия, имевшие более 50 рабочих, то на одно предприятие придется в среднем 387 чел. Так как половина веретен в американской хлопчатобумажной промышленности находится в хлопковых штатах, где преобладает тип небольшой фабрики, возьмем для сравнения северный штат Массачузетс, в котором сосредоточена треть всех веретен, имеющихся в Соед. Штатах. Этот штат представляет почти сплошной город (его городское население составляет 94,8% ко всему населению штата) и находящиеся в нем хлопчатобумажные фабрики принадлежат к числу самых крупных в стране. В этом штате на одну хлопчатобумажную фабрику в 1914 г. приходилось 537 рабочих, а если принять во внимание только предприятия с числом рабочих более 50, то 714 рабочих. Между тем, у нас на 1 января 1926 г. на одну хлопчатобумажную фабрику, считая при этом все предприятия низшей, средней и высшей групп, приходилось по данным „Статистики Труда" 1573 раб. Мы видим, что по количеству рабочих на предприятиях Соед. Штаты находятся далеко позади нас.

Картина получится еще ярче, если мы к сравнению привлечем отдельные наши крупные хлопчатобумажные предприятия. Вот, например, Никольская мануфактура (б. Саввы Морозова). Здесь накануне войны было 201 тыс. веретен, 3745 ткацких станков, соответствующее количество отделочных аппаратов и около 18 тыс. рабочих. В то же время во всем штате Коннектикут было в 1919 г. 1.345 тыс. веретен (в $6\frac{1}{2}$ раз больше), $25\frac{1}{2}$ тыс. станков, соответствующее количество отделочных фабрик, а рабочих всего 16.483, т.-е. меньше, чем на одной Никольской мануфактуре. Еще один пример. В другом „Морозовском" предприятии — на Богородско-Глуховской мануфактуре—было 176 тыс. веретен, 3.400 станков и 13 тысяч рабочих, а во всем штате Мэн было 1.094 тыс. веретен (в 6 раз больше), 28,8 тыс. станков (в 8 раз больше), а рабочих всего 11.763. Аналогичных примеров можно было бы привести сколько угодно.

Эти последние цифры содержат еще один важный факт. На самом деле, раньше мы видели только, что у нас крупные предприятия имеют гораздо больший удельный вес в экономической жизни страны, чем в Америке. Последние же примеры показывают, что эти крупные предприятия при том же количестве оборудования имеют в несколько раз большее количество рабочих, чем в Америке.

Но отсюда следует, что при сравнении удельного веса крупной, средней и мелкой промышленности у нас и на Западе нельзя группировать предприятия по количеству занятых в них рабочих, ибо в этом случае предприятия, считающиеся на Западе крупными, попали бы у нас в разряд средних. На это уже указал Гриневецкий в своей известной книге „Послевоенные перспективы русской промышленности". „В Германии,— пишет он,— машиностроительные заводы при 300—500 рабочих имели обычно законченную организацию крупного предприятия, а заводы с 2—3 тысячами рабочих считались очень крупными и имели мировую репутацию. В России же нередко крупнейшие заводы с 5—10 тыс. рабочих представляли из себя недостаточно согласованное сочетание отдельных мастерских, об'единенных не столько технической организацией, сколько администрацией".

Таким образом, мы имеем еще новую характеристику наших крупных предприятий. Оказывается, не только их у нас было до войны относительно гораздо больше, чем на Западе,[1] и не только на каждом из этих предприятий, при том же количестве оборудования, было сосредоточено значительно больше рабочих, но и сами эти предприятия, в результате так называемого „пристроечного“ развертывания, очень часто представляли из себя беспорядочное нагромождение старых и новых зданий, старых и новых машин разнообразнейших систем и размеров, и все они работали самый разнообразный товар. Очевидно, если рядом с таким универсальным предприятием, являющимся созданием нескольких исторических эпох, поставить предприятие средних размеров, но строго специализированное, оборудованное новыми однотипными машинами, имеющее правильную техническую организацию и обеспеченное квалифицированной рабочей силой, вырабатывающей европейские или американские нормы, то никто не станет спорить, какое из этих предприятий окажется более передовым и экономически более выгодным. Больше того, пример Америки показывает, что небольшая текстильная фабрика может конкурировать и с хорошо оборудованной крупной фабрикой.

Чтобы ответить на вопрос, какие факторы, лежащие в особенностях экономического строя нашей страны, привели к созданию такого типа крупного предприятия, удобнее рассмотреть их действие на примере одной какой-либо отрасли промышленности. Выберем для этого текстильную промышленность, в частности, ее льняную отрасль, ибо на ней особенно ярко отразились бытовые условия, под влиянием которых развивалась вся наша промышленность. Мы считаем полезным остановиться на льняной промышленности еще и потому, что в виду затруднений с обеспечением сырьем хлопчатобумажной промышленности в последнее время с разных сторон выдвигается вопрос о замене хлопчатобумажных изделий, получающихся на половину из дорогого привозного сырья, льняными, вследствие чего вопрос о пересоздании льняной промышленности приобрел актуальное значение.

Чтобы об'яснить универсализм льняной фабрики, который всегда составлял ее характернейшую черту, нужно знать экономическую обстановку, в которой развивалась льняная промышленность. Здесь мы, прежде всего, столкнемся с примитивной организацией сырьевого рынка. Дело в том,

[1] Следующая таблица дает довоенное распределение рабочих в фабрично-заводских предприятиях в России и Германии (цифры взяты из упомянутой выше книги Гриневецкого):

В предприятиях с числом рабочих	Россия		Германия	
	В тыс. чел.	В %%	В тыс. чел.	В %%
от 21 до 100	374	16,7	2.369	38,2
от 101 до 500	617	27,5	2.295	37,0
от 501 и выше	1.253	55,8	1.539	24,8
Итого . . .	2.244	100	6.203	100

Как мы видим, в России число рабочих от низшей группы к высшей непрерывно возрастает, в Германии падает. В предприятиях высшей группы в России было до войны немногим меньше рабочих, чем в Германии; в предприятиях же мелких и средних в 4,7 раза меньше, чем в Германии. Таким образом, при сравнении русских предприятий с германскими получается та же картина, что при сравнении их с американскими предприятиями.

что в отличие от хлопкового волокна, которое имеет более однородный характер, льняное волокно гораздо более разнообразно по качеству, при чем, подвергаясь на фабрике ческе, оно дает, с одной стороны, чесаный лен, идущий на выработку более высоких номеров пряжи, с другой стороны — очесы, из которых вырабатываются низкие номера пряжи. По причине неорганизованности нашего льняного рынка у нас обычно можно было получить только лен—волокно, а не очесы или чесаный лен, вследствие чего фабрика, основное оборудование которой было приспособлено для выработки грубых тканей, покупая на рынке лен, приобретала в нем, кроме нужных ей очесов, также ненужный ей чесаный лен. Поэтому она должна была или организовать у себя производство более высоких номеров пряжи или сознательно итти на порчу льна, подвергая его упрощенной разработке „на спуск“, т.-е. превращая хорошее волокно целиком в очесы. С другой стороны, фабрика, работавшая тонкие полотна, приобретая льняное волокно высокого качества, не знала, что ей делать с массой ненужного ей очеса. Вследствие этого многие фабрики, чтобы не терять на сырье, были вынуждены работать чуть ли не все номера пряжи от низших и до самых высоких как льняной, так и очесочной. Легко понять, что такая универсальная фабрика должна была принять крупные размеры, вследствие чего она, конечно, не становилась технически совершеннее, чем небольшая льняная фабрика, специализировавшаяся на выработке нескольких номеров.

Другой причиной, мешавшей фабриканту перейти от универсализма к специализации производства, была дешевая рабочая сила, которою он всегда старался заменить машину. Но отсюда, во-первых, искусственно увеличились размеры предприятия, если измерять его количеством занятого в нем числа рабочих, и, во-вторых, поддерживалась чрезвычайно низкая техника производства. И до сих пор наша промышленность принуждена употреблять сырье более высокого качества, чем в Европе: хлопок более дорогой или квалифицированный — с длинным, крепким волокном, лен более высокого номера. В сущности, на тех же машинах, но имея их на фабрике большее количество, новейших типов, не загружая их так усиленно, как у нас, западный фабрикант получал важные технические достижения, удешевлявшие его производство. Русский же фабрикант не стремился к этим достижениям, так как он всегда считал выгоднее для себя заменить машину дешевой рабочей силой. Этому способствовала и высоко-покровительственная таможенная политика, гарантировавшая текстильным предприятиям огромные барыши, которые и вкладывались фабрикантами почти целиком в дальнейшее расширение, при чем это расширение производилось путем постепенных пристроек к первоначальной фабрике. Недостаток в стране технических сил в первое время развития промышленности приводил к тому, что первые фабрики были крайне негигиеничны, тесны и низки. Последующие более высокие пристройки имели вследствие этого разные уровни полов, чем затруднялся внутренний транспорт полуфабрикатов и удорожалось производство, но прибыльность предприятий была такова, что фабрикант не заботился об их улучшении. Напротив, так как емкость рынка была всегда выше мощности производства, фабриканту было выгодно не улучшать производство, а увеличивать его. Это наблюдалось и в хлопчатобумажной и льняной отраслях. Как указано выше, укрупнению фабрик способствовал также

универсализм производства, вызывавшийся не только примитивностью сырьевого рынка (в льняной промышленности), но и неорганизованностью всей мануфактурной торговли и конкуренцией фабрикантов. Считалось необходимым удовлетворять своего покупателя всеми сортами товара и не допускать его в „лабаз“ конкурента. Что же касается тех потерь, которые проистекали от универсализма производства, они вполне компенсировались выгодами, получаемыми фабрикантом благодаря избытку дешевой рабочей силы. Таким образом, создались громадные, но технически плохо организованные фабрики, которые достались нам в наследие от дореволюционной эпохи.

То, что у нас к услугам фабриканта была всегда дешевая рабочая сила, наложило глубокий отпечаток на судьбу нашей промышленности, при чем можно даже утверждать, что как ни сложны в общем причины, создавшие тот или иной тип русской фабрики, почти все они, в конце концов, сводятся к этой первичной причине — дешевой рабочей силе.

Чтобы убедиться в этом, сравним русскую фабрику не с европейской, а с американской, так как сравнение, напр., с английской фабрикой даст нам в этом случае весьма мало поучительного. В самом деле, главная особенность английского рабочего (текстильщика) — его необыкновенно высокая квалификация, накоплявшаяся в течение более ста лет. Здесь специальность прядильщика или ткача переходит от отца к сыну в течение нескольких поколений, так как прядильные и ткацкие фабрики сосредоточены в определенных районах, где рабочее население не имеет другого выбора, как работу на этих фабриках (они строго специализированы: районы тонкого и грубого прядения и даже районы определенных сортов тканей). Само собой разумеется, у такого рабочего всякие связи с землей утрачены с незапамятных времен, да и перемена специальности не имеет смысла, так как рабочий прядильщик или ткач ценится как специалист и получает сравнительно высокую заработную плату. Заметим, что английские текстильщики могли бы вырабатывать значительно более высокие нормы, чем сейчас, если бы не их профессиональные союзы, которые ревниво противодействуют этому, так как повышение норм выработки (хотя бы с соответствующим повышением зарплаты) сейчас же усилит безработицу.

У нас таких выдержанных, вываренных в фабричном котле, дисциплинированных, „потомственных“ пролетариев, имеющих предками таких же настоящих пролетариев, было в общей массе не так много до войны и еще меньше теперь. Насколько изменчив состав наших рабочих, как слаба еще их связь с определенным местом работы, как велика текучесть рабочей силы, можно судить из следующих данных НКТруда о количестве принятых на работу и выбывших рабочих во всем Союзе в последние годы:

	Среднее число рабочих	Принято за год	Выбыло за год	% выбывших к принятым
	В тысячах			
1923/24 г.	1582,7	1699,9	1485,2	87,3
1924/25 г.	1797,4	2026,9	1662,9	81,9
1925/26 (I полуг.)	2161,4	1031,2	772,4	75,0

В этом отношении условия, в которых росла и развивалась наша фабрика, гораздо ближе к американским условиям, так как и в Соединенных Штатах, рабочая масса в течение долгого времени не представляла того выдержанного, дисциплинированного коллектива, каким является английский пролетариат, ибо американский пролетариат создавался из иммигрантов, в числе которых были выходцы из самых различных стран. Особенно пестрым был всегда состав рабочей силы в текстильной промышленности, при чем здесь большой процент составляли иммигранты из Канады, Ирландии, а также различных экономически отсталых стран Европы.

Самой замечательной чертой в истории американской текстильной фабрики является то, что несмотря на разнородность состава рабочей силы, среди которой большой процент составляли всегда малообученные и совсем необученные рабочие—иммигранты, американцам все же удалось достигнуть таких норм выработки, которые высоки даже для Англии. Поучительно, что как раз наплыв этих малообученных иммигрантов дал толчок для больших достижений в американском машиностроении. В самом деле, американская промышленность всегда страдала, с одной стороны, от недостатка рабочих и их дороговизны, с другой—от того, что и большинство имеющихся рабочих не чувствовали себя связанными с фабрикой или легко покидали ее в поиске лучших мест. То и другое обстоятельство заставляло, во-первых, давать максимальную нагрузку каждому рабочему, во-вторых, по возможности упрощать уход за машинами. Чтобы иметь возможность дать рабочим максимальную нагрузку, нужно было, конечно, поставить их в такие условия, чтобы они могли и хотели работать с наибольшим напряжением. Поэтому американский рабочий, хотя бы он только что приехал из России, Греции или Португалии, получал всегда значительно более высокую зарплату, чем такой же рабочий в любой капиталистической стране, не исключая Англии. А чтобы облегчить малообученному рабочему обслуживать максимальное количество машин, нужно было изобрести такие машины или ввести такие усовершенствования в старые машины, чтобы с ними легко справлялся и не потомственный пролетарий (отсюда револьверные и другие автоматические станки).

Далее, так как американский фабрикант стремился всегда к получению возможно большего количественного результата, он не гонялся за высокими номерами пряжи или тонкими сортами тканей, предпочитая этого рода товар импортировать из Англии и других стран и довольствуясь грубыми и средними номерами, которые он вырабатывал в массовом количестве. Таким образом, американский фабрикант великолепно справился с своей задачей и сумел из малообученного иммигранта создать первоклассного рабочего, который хотя далеко не имеет квалификации английского рабочего, но по вырабатываемым им нормам занимает безусловно первое в мире место.

Спрашивается, почему владельцы русских фабрик, а между ними было не мало иностранцев, не сочли возможным сделать то же у нас в России, т.-е. из нашего русского рабочего создать что-либо подобное американскому. Сказать, что для этого требовались большие капиталы, совершенно нельзя, так как наши фабрики по количеству веретен и станков в среднем значительно крупнее американских и в выборе машин мы были абсолютно свободны. Нельзя также об'яснить это тем, что наш рабочий, якобы, хуже американского, так как американцы всякого

приходившего к ним рабочего заставляли вырабатывать максимальные нормы. Нельзя, наконец, об'яснить это и тем, что эмигрировали наиболее энергичные и сильные духом люди, так как иммигранты являлись толпами, например, переселялась в Америку половина ирландской деревни, при чем среди переселенцев были люди всякой культуры, скорее низкой, так как Ирландия до недавнего времени была страной полунищих и весьма мало культурных людей.

Главная причина различия между типами американского и русского рабочего заключается в том, что американская промышленность всегда испытывала острый недостаток в рабочих, а у нас, наоборот, всегда был большой их избыток, создававшийся постоянной тягой безземельных элементов из деревни. Решающим фактором был расчет, соображения выгоды. В распоряжении наших фабрикантов был чрезвычайно мало требовательный рабочий, пришедший из деревни, в большинстве случаев кустарь, привыкший к самой низкой оплате своего труда. Требовать от такого рабочего американских норм выработки можно было, лишь создав ему такие же условия жизни, как в Америке, т.-е. не только платить ему в несколько раз более высокую зарплату, но и обеспечить ему вполне человеческие жилищные условия вместо тех похожих на тюрьмы казарм, в которых он жил, помещаясь в общих камерах. Все это было бы не только невыгодно фабриканту, но и экономически невозможно, так как при чрезвычайно большом предложении труда, соглашавшегося на очень низкую плату и довольствовавшегося совершенно примитивными жилищными условиями, не могло бы быть, конечно, речи об американских ставках. Фабриканту было гораздо выгоднее, чтобы его дешевый рабочий обслуживал два — три таких же ткацких станка, каких американский рабочий обслуживает восемь, так как благодаря этому удавалось повышать скорость машины и увеличивать ее выработку, при чем, в конце концов, он получал более высокую прибыль на затраченный капитал, чем американский фабрикант. Наконец, и рабочий, вынужденный жить в унизительной для человека обстановке, не всегда грамотный, не всегда сытый и трезвый, тоже не мог, конечно, сколько-нибудь увеличить интенсивность своего труда, но не потому, что он был хуже американского рабочего, а потому, что в тех условиях, в каких он жил, его нормы выработки не могли быть повышены. [1] Таким образом, отдельные рабочие, особенно молодые и наиболее развитые, являлись жертвой нашей общей экономической отсталости, крайне слабого развития производительных сил страны, бедности деревни и примитивности ее хозяйства. Хотя в других условиях они могли бы вырабатывать американские нормы, у нас они вынуждены были довольствоваться чуть ли не самыми низкими в мире ставками заработной платы, которым соответствовала и чрезвычайно низкая производительность труда.

[1] Вот, например, что говорят сами рабочие. Рабочий М. Яковлев (на Производственной конференции тверских фабрик Тверского хл.-бум. треста): „Особенно плохо работают те рабочие, которые живут в казармах. Если вы от меня требуете уплотненного рабочего дня, я не в состоянии жить в казармах, которые уменьшают мои силы, нужные для работы. Я предпочитаю ходить 8 верст с частной квартиры на фабрику и обратно, чем жить вблизи от фабрики, в казармах Только при расширении жилстроительства и улучшении имеющихся жилищ можно будет всерьез поставить вопрос о дальнейшем уплотнении рабочего дня“ („Торг.-Пром. Газета“, 7 сент. 1926 г.).

Так, из почти одинакового человеческого материала (неустойчивого и малоквалифицированного), но в одном случае — в условиях острого недостатка рабочей силы, а в другом — в условиях ее избытка, создались два противоположных типа фабрики — американский и русский. Заметим при этом, что русские хлопчатобумажные фабрики не только по числу занятых в них рабочих, но и по количеству веретен принадлежали до войны к крупнейшим в мире, а американские фабрики, крупные на севере, на юге, где сейчас работает больше половины всех веретен, находящихся в Соед. Штатах, имеют в среднем небольшие размеры. С другой стороны, что касается вырабатываемых американскими и русскими рабочими норм, то о них можно судить по следующим данным: [1] если принять во внимание, что у нас почти все фабрики работают в две смены, а в Америке в 1919 г. — на севере все фабрики работали в одну смену, а на юге 40% фабрик работало в две смены, то окажется, что у нас на 1.000 рабочих всех категорий приходится в настоящем году 22,9 тыс. веретен, а в Соед. Штатах в 1919 г.—88,5 тысяч. Это значит, что американский текстильщик вырабатывает в среднем в четыре раза больше, чем русский. Но зато и его заработная плата в среднем в четыре раза выше, чем у русского текстильщика. Как мы видели выше, такую большую разницу между нормами выработки американского и русского рабочего нельзя об'яснить тем, что американская фабрика выросла в стране, изобилующей капиталами, а наши фабриканты, всегда нуждающиеся в деньгах, вынуждены были заменять дорогостоющие машины дешевой рабочей силой. Но экономическая обстановка, в которой развивалась американская промышленность, заставляла все внимание сосредоточивать на усилении технического оборудования и на максимальном использовании имеющейся рабочей силы, а наши крупные предприятия создавались при наличии избыточной и дешевой рабочей силы, непрерывно притекавшей из деревни, и потому оставались технически отсталыми. Они имели не только устаревшее и недостаточное оборудование, но, кроме того, и по самой структуре своей очень часто представляли беспорядочное нагромождение старого и нового, притом очень плохо связанное в различных своих частях, что весьма усложняло снабжение энергией и паром, затрудняло внутренний транспорт, состояние которого было у нас всегда крайне неудовлетворительно, и загромождало предприятие всякими категориями вспомогательных рабочих.

В льняных фабриках отрицательные черты русского крупного предприятия нашли, вероятно, наиболее яркое выражение, так как они обычно строились в деревенской местности, где зарплата была еще ниже, чем на хлопчатобумажных фабриках. Отсюда понятно, почему у владельца льняной фабрики было всегда так мало стимулов к замене рабочего машиной. Вообще наша льняная промышленность характеризуется следующими чертами: вследствие низкой техники производства мы имели весьма незначительный процент выхода чесаного льна из волокна; для использования целиком волокна мы строили универсальные фабрики, лишаясь, таким образом, тех значительных выгод, которые дает специализация производства и однотипность оборудования; мы не умели повышать „но-

[1] „Известия текст. пром. и торговли“, 1926 г., № 27—28. Статья Антропова „На американской фабрике“.

мерность“ пряжи, т.-е. из определенного номера материала получать значительно более высокий номер пряжи; мы не дорожили льном, не дорожили рабочей силой, но скупились на машину, которую мы еще не научились ценить, так как слишком дешев еще был рабочий. Отсюда большая разница между стоимостью обработки у нас и в Англии, наблюдающаяся и в настоящее время. Так, по „Материалам Комиссии льняной промышленности“, ездившей в январе — марте этого года заграницу, при более высокой зарплате в Англии на один пудо-номер пряжи падает у нас и в Англии (в копейках): [1]

	Англия	СССР (фабрика Заря Социализма“)
Зарплата рабочих	17,00	25,37
„ служащих	0,83	1,69
Социальные отчисления . . .	1,08	9,37
Всего . .	18,91	36,43

И общая стоимость обработки у нас вдвое дороже: в Англии 29,33 к. за пудо-номер, у нас 61,35 коп., при чем большую разницу составляет также расход на топливо, что об'ясняется изношенностью нашего паросилового хозяйства, вследствие чего мы несем излишние расходы не только по топливу и по ремонту паросиловых установок, но и вследствие простоя во время ремонта, ибо при этом останавливается целое отделение. В прежнее время при низких ценах на дрова и при дешевой доставке дров выгоднее было иметь изношенное оборудование, чем заменять его новым и тем повышать амортизацию. В настоящее время экономическая обстановка во многих отношениях значительно изменилась, а фабрика не только сохранила все свои прежние серьезные недостатки, но и прибавила много новых.

Итак, какого же типа предприятие наиболее соответствует современному экономическому положению страны? Сузив задачу, попытаемся подойти к ее решению в отношении одной текстильной промышленности.

В вопросе о желательном типе текстильной фабрики необходимо исходить, прежде всего, из соображений экономической целесообразности этого типа в настоящее время: сооружение фабрики должно обойтись (на каждую тысячу веретен) возможно дешевле — с этой точки зрения приходится подходить при анализе всех возможных типов фабрики. Однако, есть еще другое соображение, столь же важное, как первое. Фабрика должна стоить дешево, но она должна обеспечить возможность максимальных достижений в отношении производительности труда рабочих. Было бы крайне неэкономно, если бы мы построили фабрику, которая была бы идеалом дешевизны и в то время же создавала бы препятствия к получению высоких норм выработки на рабочего, ибо при низких нормах выработки самая дешевая фабрика превратится в дорогую. Отсюда следует, что необходимо принять во внимание и обстановку, в которой придется жить рабочему при осуществлении того или иного типа фабрики.

Бесспорно, что бытовые условия жизни рабочих, создаваемые крупной фабрикой, значительно уступают тем, которые создаются небольшой

[1] „Материалы Комиссии льняной промышленности по поездке в Западную Европу“, стр. 41.

фабрикой. Конечно, жилища рабочих в Англии не могут быть сравнены с нашими казармами. Вместо 6—8 кв. аршин, которые часто получают наши рабочие на душу в общей казарме, рабочая семья в текстильных городах Англии имеет отдельное помещение в 4 комнаты, расположенное, обычно, в двух этажах и отделенное капитальными стенами от ряда таких же помещений, составляющих одно длинное здание под одной крышей. В таком отдельном помещении имеется подвал для угля и стирки белья, спальни отделены от жилых комнат и обстановка более нарядная и уютная, чем у наиболее обеспеченных из наших рабочих. Но все же однообразный ряд таких зданий, ряд улиц и кварталов, как две капли воды похожих друг на друга, без деревца и зелени, производит тягостное впечатление. Воздух — влажный воздух Англии — наполнен дымом несгоревшего угля, вылетающего из многочисленных труб фабрик, и весь город имеет мрачный вид. В Англии один город примыкает к другому, одна каменная громада следует за другой — беспрерывно и безнадежно.

Не то в южных штатах Америки. Небольшие фабрики, часто расположенные за городом, с небольшим количеством рабочих, живущих, каждая семья, в отдельном домике, окруженном зеленью или садом. Жизнь детей рабочих протекает на свежем воздухе, среди природы, и они растут здоровыми. Культурные учреждения расположены здесь же: и школа и больница, и клуб для рабочих, и кино; имеющиеся почти у каждой семьи автомобили облегчают поездку в город по всяким надобностям. Фабрика — сад — вот тип фабрики, к которому нужно и нам стремиться в будущем.

Но необходимо выяснить, насколько такой желательный тип оправдывается хозяйственными соображениями.

Защитники крупных предприятий, прежде всего, выставляют на вид те сокращения расходов, которые могут быть сделаны по управленческому аппарату и по утилизации технических сил, в которых мы так нуждаемся. Но, во-первых, сокращения эти не так велики, как обыкновенно думают. В общей стоимости ткани фабричное управление составляет менее 1%, и сокращение аппарата даже вдвое — что почти недостижимо — даст сбережение менее $^1/_2$%. Поэтому можно поставить вопрос: стоит ли из-за сокращений такого рода жертвовать важнейшими интересами жизни рабочих? Но при правильной организации фабрики, при ее специализации, можно так построить управленческий аппарат, что он будет стоить не дороже, чем на крупной фабрике. Работа будет проще и администрация по составу может быть дешевле. Для хлопчатобумажной прядильной фабрики можно представить себе и спроектировать тип фабрики в 20.000 веретен, подбор машин в которой сделан согласно всем требованиям современного текстильного знания, с вполне рациональным внутренним распределением, при чем такой фабрикой может управлять отдельный мастер из опытных рабочих, даже без высшего образования. Еще легче управлять небольшой ткацкой фабрикой, скажем, на 300 станков. Общий технический надзор может быть поручен инженеру, который будет наблюдать за сетью таких фабрик, расположенных в одном районе, но не в одном пункте. Такая сеть может быть связана с одной крупной отделочной фабрикой, обрабатывающей все суровье, полученное с этой сети фабрик.

Такой способ управления не есть что-либо новое или утопическое, он уже осуществляется за границей, напр., в Германии и особенно в Ба-

варии, где текстильные фабрики имеют в большинстве случаев небольшие размеры. Такая сеть фабрик об'единяется одним общим управлением — акционерным обществом, у нас — правлением треста, и все выгоды трестовского управления вполне совмещаются с предлагаемой системой.

Концентрация рабочих в крупные фабрики вызывается еще тем, что паровая машина большого размера всегда выгоднее, при чем она потребляет также меньше топлива. Но это соображение, имевшее большое значение раньше, теряет его теперь при двигателях внутреннего сгорания и особенно при электрификации фабрик, которая уже вводится и будет преобладать в будущем, при чем крупная центральная электрическая станция будет давать дешевый ток для наших небольших фабрик.

Мы допускаем сравнительно большую отделочную фабрику, так как в ней может быть лучше утилизирован пар, необходимый для производства, и может быть получен дешевый электрический ток за счет разницы давления. Такая большая отделочная фабрика с своей электрической станции будет давать ток ткацким фабрикам и будет в связи с ними. Она все же будет много меньше наших гигантов-комбинатов, и жилищные условия рабочих в ней будут несравненно лучше теперешних. Таким образом, и с точки зрения утилизации топлива препятствия к постройке небольших фабрик легко устраняются.

Нам скажут, что транспорт и передача полуфабрикатов (пряжи на ткацкие фабрики, суровья на отделочные) будет стоить дороже, чем на крупной фабрике. Это, конечно, верно, но мы можем возразить, что при правильной организации и специализации, при пользовании грузовыми автомобилями эти расходы не будут велики и вполне терпимы. В Америке, которую мы ставим в пример, выработанное на южных фабриках суровье отправляется в крупные отделочные фабрики севера, и тем не менее ткани в Америке обходятся по себестоимости дешевле, чем в какой-либо другой стране.

Стоимость постройки небольших фабрик может быть уменьшена за счет их упрощения. Известный строитель, проф. Кузнецов, посетивший недавно Америку, очень рекомендует американский тип постройки фабрик вследствие их дешевизны. Еще более удешевляется в таком случае строительство рабочих жилищ. На указанной выше, для примера, фабрике в 20.000 веретен будет около 100 рабочих, которые вначале безболезненно разместятся в ближайшей деревне, а затем для них будут построены жилищным кооперативом небольшие домики.

Жилищное строительство поглощает в настоящее время громадные суммы денег, и, тем не менее, впоследствии строящиеся сейчас казармы будут сломаны, и кирпич из них пойдет на постройку малых домиков для отдельной семьи или, в крайнем случае, на 2—4 семьи. Зачем же затрачивать сейчас капиталы бесцельно?

Бесспорно, что выгодно не столько крупное, сколько строго специализированное предприятие, вырабатывающее в большом количестве весьма небольшое количество сортов товара. Но как показывают многочисленные примеры Европы и Америки, специализировать крупные предприятия труднее, чем мелкие, и переходить под влиянием меняющегося рынка от одной специализации к другой труднее на крупных фабриках, чем на мелких. Классическим примером специализированного крупного текстильного предприятия является английская фабрика. Здесь выгодность именно

крупной фабрики об'ясняется целым рядом причин. Во-первых, английская текстильная промышленность сосредоточена в весьма небольших районах: так, почти все ее хлопчатобумажные фабрики, на которых сконцентрировано 35% всего мирового количества веретен, находится в Ланкашире — на территории равной одной десятой части Московской губернии; ее суконные фабрики—в районе города Бредфорда, а льняные—в районе Бельфаста. В частности, Ланкашир представляет почти сплошной город и издавна населен текстильными рабочими, которые всегда находятся к услугам фабриканта. Во-вторых, английские фабрики не только строго специализированы, но и работают почти на 80% на мировой рынок. Дело в том, что специализация производства (например, выработка всего 2—3 номеров пряжи) делает выгодным крупное предприятие только там, где продукция фабрики имеет обширный рынок. Отсюда, так как работающая на мировой рынок английская хлопчатобумажная фабрика всегда обеспечена большими заказами, то ей не приходится бояться, что вырабатываемый ею в очень крупном масштабе какой-нибудь номер пряжи или сорт ткани не найдет покупателя. С другой стороны, такая же строгая специализация осуществляется на многих германских фабриках, но в виду того, что эти фабрики работают в значительно большей степени на внутренний рынок и исполняют обычно небольшой заказ на определенный номер пряжи или сорт товара, то та же специализация делает в Германии экономически выгодной небольшую фабрику. В самом деле, в то время как у нас в 1910 г., в среднем, на фабрику Центр.-Пром. района приходилось 66,3 тыс. веретен, в Петербургском районе 78,0 тыс. и в Ланкашире 67,9 тыс. веретен, германская хл.-бум. фабрика имела в среднем 26,2 тыс. веретен, при чем фабрик на 100.000 веретен и выше было в Германии только 11.

Приведем вновь поучительный пример американских фабрик. Они имеют сравнительно крупные размеры на севере (в Новой Англии), особенно в штате Массачузетсе, где, как мы видели, городское население составляет 94,8% ко всему населению штата и где так же, как в Ланкашире, фабрикант совершенно не интересуется жилищными условиями рабочего. Совсем иное на юге, где преобладает сельский уклад жизни и где нет больших городов. В этих южных штатах преобладает тип небольшой и даже мелкой фабрики, так как американский капиталист, который сооружает крупнейшее металлургическое предприятие там, где имеются в изобилии уголь и руда, предпочитает построить маленькую хлопчатобумажную фабрику, если находит подходящие для этого местные условия: водяную энергию, рабочую силу и т. д. Но эту небольшую фабрику он сооружает по новейшим методам, и с нею трудно бывает конкурировать крупной фабрике, которую нельзя так легко приспособлять к непрерывно меняющимся требованиям спроса и техники. Но, кроме того, поскольку такой фабрикант базируется на местной рабочей силе, он в значительной степени избавляет себя от резрешения очень трудного жилищного вопроса.

Итак, если искать где-нибудь аналогии, то ближе всего к нам подходит не Англия, у которой мы заимствовали тип крупной фабрики, [1]

[1] Один американец, изучивший в 1912 г. постановку дела на наших хл.-бум. фабриках, доносил своему правительству, что многие из наших фабрик — как бы английские фабрики, перенесенные на русскую почву.

а южные штаты Америки, где преобладает тот же земледельческий уклад жизни, где рабочие так же еще не порвали окончательно связь с землей и где так же мало крупных промышленных центров, как у нас. Громадные успехи, достигнутые хлопчатобумажною промышленностью южных штатов, неопровержимо доказывают, что небольшая фабрика, если она организована так, как в Америке, оказывается сильнее крупной.

Остается еще существеннейший вопрос относительно качества рабочей силы. В самом деле, если бы мы стали строить по примеру американцев небольшие, но прекрасно организованные, снабженные однотипными машинами и специализированные на небольшом количестве сортов товара фабрики, то удалось ли бы нам получать такие же высокие нормы выработки, как на американских фабриках? Как известно, отчасти эти высокие нормы об'ясняются высокой технической организацией производства на американских текстильных фабриках и наличием всяких автоматических приспособлений. Однако, известен также бесспорный факт, что американский ткач обслуживает восемь таких же точно станков, каких у нас обслуживается только два—три. Совершенно очевидно, что при той зарплате и тех жилищных условиях, которые были уделом наших текстильщиков до войны, три или четыре станка на рабочего являются максимумом. С другой стороны, бесспорно также, что в американских условиях наш рабочий, равно как рабочие самых различных национальностей, легко вырабатывают высокие американские нормы. Весь вопрос сводится к повышению жизненного уровня рабочего, которое должно происходить одновременно с созданием нового типа фабрик, ибо низкая зарплата и тяжелые жилищные условия рабочего были тесно связаны со старым типом универсальной крупной фабрики, а для новой фабрики нужен и новый рабочий. Психологические предпосылки для создания такого нового рабочего — дисциплинированного, строго выполняющего свои обязанности и интенсивно работающего — созданы революцией, при чем несомненно, что его прогулы, пьянство и небрежное отношение к работе есть следствие сохранения прежнего уровня жизни, с которым рабочий не может уже мириться. Но кроме психологических предпосылок, должны быть и экономические. Они заключаются в возможности приведения в строгое соответствие жизненных условий рабочего с его выработкой. В Америке текстильщик получает в среднем в 4 раза более высокую зарплату, чем у нас, но он вырабатывает и в 4 раза более высокие нормы. Несомненно, что при жизненных условиях, сколько-нибудь приближающихся к американским, наш рабочий приблизится к своему американскому собрату и по степени интенсивности труда.

Н. Вашков

Анализ себестоимости электрической энергии на станциях общественного пользования в С.-А.С.Ш.

Электроснабжающая промышленность Америки за послевоенный период по своим размерам и по темпу развития занимает одно из первых мест среди других отраслей промышленности. Ежегодно вкладываются новые колоссальные капиталы, акции электрических предприятий имеют самый широкий сбыт среди населения. При таких условиях вопрос о рентабельности вложения новых капиталов приобретает большое народнохозяйственное значение и не может не занимать руководящие круги промышленности.

В последних номерах американского журнала „Electrical World“ дан интересный подход к отмеченной проблеме на основе анализа себестоимости. При помощи анализа себестоимости для отдельных категорий потребителей можно с открытыми глазами планировать расширение предприятия и новые вложения капитала, не опасаясь нарушить здоровый рост промышленности нерациональным использованием новых притекающих капиталов.

При нашей огромной отсталости в удовлетворении насущнейших нужд в электрической энергии, казалось бы, что вопрос о рациональном вложении новых капиталов в электроснабжающую промышленность не имеет такого актуального значения, как в Америке, ибо у нас, во-первых, нехватает достаточного количества капиталов и, во-вторых, мы не поспеваем за ростом потребности. Но эти обстоятельства делают ту же проблему актуальной и для нас,— с иной, может быть, стороны, чем в Америке. С одной стороны, недостаток капиталов или их ограниченность ставит вопрос об об'екте их применения и их рентабельности; с другой стороны, выдвигаются вопросы рациональной тарифной политики, которая могла бы направлять развитие в том или ином желательном направлении.

Указанные соображения и оправдывают своевременность ознакомления с постановкой вопроса и методами подхода к его решению в Америке.

Президент крупнейшей электрической компании Америки — Samuel Insull в своем докладе National Electric Light Association отмечает, что увеличившееся вложение капитала в электроснабжающую промышленность не сопровождается соответствующим ростом выручки и что дополнительно вложенный доллар приносит меньший доход, чем ранее вложенный. В частности, он отмечает, что расход электрической энергии на освещение, взятый, в среднем, на одного осветительного потребителя всех категорий для всей страны, в настоящее время на 10% меньше, чем соответствующий расход в 1923 году, до какового момента этот расход повышался из года в год. Осветительная нагрузка всякого рода, однако, играет очень крупную роль в электрической промышленности.

Опыт показал, что тарифы играют большую роль в размерах потребления энергии осветительными абонентами. При надлежащей тарифной политике и изучении доходности отдельных категорий потребителей возможно значительное увеличение дохода и улучшение коэффициента ис-

пользования станций. В частности, в области домашнего потребления много можно сделать тарифами, предусматривающими понижение цены тока с ростом его потребления. Тариф должен строго соответствовать себестоимости для данной категории потребителей и коэффициенту использования, как это будет подробнее освещено в дальнейшем.

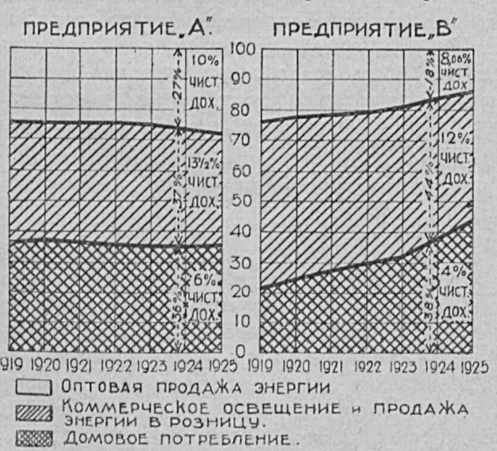
Только детальный анализ себестоимости для отдельных категорий потребителей может дать прочную базу для построения системы тарифов и привести к благоприятным экономическим результатам.

Анализ обычных балансов предприятия не дает достаточного материала для правильного суждения. Такой анализ дает общие выводы относительно капитальных вложений и доходов. Из баланса видно, например, что предприятие дает 10% дохода на затраченный капитал, но совершенно не указывает, как эти 10% зарабатываются, какие категории потребителей наиболее выгодны, какие менее, дает ли каждая категория потребителей соответствующую ее значению долю дохода, какая категория потребителей обнаруживает наиболее здоровый рост, в какой категории потребителей капитал дает наибольший доход.

Только детальный анализ себестоимости в состоянии дать правильную картину работы всех элементов предприятия и выяснить правильность политики предприятия. В результате такого детального анализа должно быть точное распределение вложенного капитала по отдельным категориям потребителей. Анализ должен быть проведен от распределительного щита станции через электропередачу до распределительной сети включительно. Только таким путем можно определить размер капитала, вложенного в каждую отрасль предприятия, будь это оптовый отпуск тока или домашнее потребление. Таким же путем должен быть произведен анализ расходов по эксплоатации и других расходов. Располагая соответствующим анализом доходов, можно установить, насколько рентабельна та или иная категория потребителей.

Имея подобный анализ за ряд лет, постепенно исправляя и уточняя его, получаем полную картину развития отраслей предприятия, обслуживающих ту или иную категорию потребителей, что дает нам директивы для определения хода развития и политики для будущего.

Чтобы иллюстрировать те результаты, какие достигаются описанным анализом себестоимости, приведем пример двух предприятий, более или менее аналогичных по условиям работы за один и тот же год. Одно из предприятий „А“ из года в год ведет анализ себестоимости, другое предприятие „В“ этого анализа не вело и он был произведен впоследствии, задним числом. Оба предприятия быстро развивались за период с 1918 года. Предприятие „А“ хотя и имело большее число домовых присоединений, чем предприятие „В“, однако рост присоединений для „А“ был меньший, чем у „В“.

Вложение капитала в различные отрасли обоих предприятий видно из приведенной диаграммы. Теперь сравним вложения капитала и доходов обоих предприятий за 1924 год:

Вложение капитала и доход за 1924 год двух предприятий: „А“ и „В“

Группа потребителей	Общее вложение капитала (в долларах)	То же в %	Валовой доход (в долларах)	То же в %	Чистый доход (в долл.) [1]	То же в %	Доходность
Предприятие „А“							
Домашнее освещение . .	21.650.000	36,1	6.708.900	33	1.299.000	21,56	6
Коммерческое освещен. и энергия в розницу . .	22.160.000	37,0	7.522.100	37	2.991.600	49,8	13,5
Оптовая продажа энергии [2]	16.190.000	26,9	6.099.000	30	1.709.400	28,64	10,5
Всего . . .	60.000.000	100	20.330.000	100	6.000.000	100	10,0
Предприятие „В“							
Домашнее освещение .	20.900.000	38	4.120.000	32,4	836.000	18,4	4
Коммерческое освещен. и энергия в розницу . .	24.200.000	44	6.303.600	49,5	2.904.000	64	12
Оптовая продажа энергии [2]	9.900.000	18	2.306.400	18,1	799.500	17,6	8,06
Всего . . .	55.000.000	100	12.730.000	100	4.537.500	100	8,02

Как видно из приведенной таблицы, предприятие „А“ имеет вложенный капитал в 60.000.000 долларов и получило 10% дивиденда на вложенный капитал. Цифры показывают, что около 73% всего вложенного капитала почти поровну относится к двум отраслям работы — домовому и коммерческому освещению вместе с отпуском энергии в розницу. Доходность вложенного в домовое освещение капитала — 6%, в коммерческое освещение — 13,5%. Принимая во внимание общественное значение домового освещения, нужно признать, что полученный размер дохода вполне достаточен. Тариф для освещения построен на принципе понижения цены за 1 квтч. с увеличением потребления; в результате потребление энергии на каждого потребителя доходит до 500 квтч. в год. Тот же тариф применяется и для коммерческого освещения, но с поправкой в сторону увеличения соответственно влиянию на максимум; доход от этой категории потребителей соответствует коммерческому значению электрической энергии для данного класса потребителей. Последний разряд — оптовый отпуск энергии (главным образом, промышленная нагрузка) дает доход, зависящий от положения дел в промышленности и подвергается колебаниям, хотя за последние годы доход этот и возрастал, вероятно, благодаря, главным образом, развитию потребления энергии вне пик.

Рассматривая цифры затрат капитала и доходности, необходимо отметить, что домовое освещение берет 36,1% от всего вложенного капитала и дает 33% валового дохода и 6% дивиденда. „Чистый доход“ или та часть валового дохода, какая остается на долю твердых отчислений, дивиденда и т. п., составляет для данного класса потребителей 21,5%

[1] „Чистый доход“—валовой доход за вычетом расходов по эксплоатации, т.-е. чистый доход равен сумме, остающейся на долю процентов на капитал, дивиденды и т. п.

[2] Оптовая продажа включает оптовый отпуск энергии высокого и низкого напряжения, муниципальную нагрузку, специально промышленную нагрузку и нагрузку вне пик.

от всего „чистого дохода“. Коммерческое освещение и пр. занимает 37% капитала, дает 37% валового дохода и 49,8% „чистого дохода“.

Оптовый отпуск энергии потребовал 26,9% капитала, дал 30% валового дохода и 28,6% „чистого дохода“.

Из той же таблицы видно, что в предприятии „B“ вложение капитала доходит до 55.000.000 долларов, дающего в общем 8,25% дохода. Из вложенного капитала 82% занято в домовом освещении, коммерческом освещении и отпуске энергии в розницу. Домовое освещение дает 4% дохода, коммерческое освещение — 12%. Тарифы для домового и коммерческого освещения одни и те же и практически построены по прямой. Розничная продажа энергии построена по тому же принципу, но тариф ниже. Среднее потребление энергии в год на потребителя 330 квтч. и увеличивается очень медленно. Количество потребителей категорий домового освещения сильно увеличилось за последние годы. Как видно из диаграммы, этот класс потребителей поглощает все увеличивающуюся долю затрат капитала и дает значительный процент валового дохода, давая в то же время только 4% дохода на капитал.

Данные по домовому освещению для этого предприятия указывают на высокую среднюю цену за киловатт-час без всякого поощрения увеличивать потребление тока и улучшать коэффициент использования. Высокий неизменный тариф не поощряет увеличивать потребление энергии и, в результате, при ограниченном потреблении энергии и неизменной цене мы получаем только очень медленное возрастание дохода от этого класса потребителей. Коммерческое освещение и продажа энергии в розницу захватывает самую крупную часть вложенного капитала и дает практически 50% валового дохода и 12% дивиденда.

Оптовый отпуск энергии требует сравнительно малого вложения капитала и дает 18% валового дохода, принося 8% дивиденда.

Приведенный анализ показывает, что для данного предприятия 64% „чистого дохода“ получается от коммерческого освещения и отпуска энергии в розницу, что доходность домового освещения слишком мала и что отпуск энергии оптом не достаточно развит; кроме того, недостаточно используется энергия вне пик. Капитал, вложенный в домовое освещение, дает дохода в три раза меньше, чем капитал, вложенный в коммерческое освещение, достигая в то же время значительных размеров.

Экономический анализ показывает далее, что предприятие, развивая домовое освещение, затрачивая капитал и повышая валовой доход без повышения доходности капитала, вложенного в домовое освещение, будет итти в сторону понижения своей общей доходности.

Возьмем предприятие с 50.000.000 долл. вложенного капитала с 40% капитала, затраченного на домовое освещение, тогда доход с

50.000.000 долл.	при 8% дает	4.000.000 долл.
20.000.000 „	„ 4% „	800.000 „

На долю остальных отраслей остается . . . . 3.200.000 долл.

Таким образом, остающиеся 30.000.000 долл. капитала должны давать 10,66%.

Предположим, что в течение 1—2 лет потребуется увеличить вложенный капитал на 20%, из которых домовое освещение потребует 7.500.000 дол., тогда

60.000 000 долл.	при 8% дает	4.800.000 долл.
27.500.000 „	„ 4% „	1.100.000 „

На долю остальных отраслей остается . . . . 3.700.000 долл.

Другими словами, остальные отрасли должны давать уже 11,48% дохода или доходность предприятия будет понижаться.

Из данных о количестве потребленных киловатт-часов для обоих предприятий „A“ и „B“ получается следующая картина. Предприятие „A“ хотя и получает 10% на вложенный капитал, однако, оно и дает на один вложенный доллар 12 квтч. в год, тогда как предприятие „B“, зарабатывая только 8,25%, для общества дает только 6 квтч. в год на вложенный доллар. С общественной точки зрения, следовательно, предприятие „A“ дает на 65% больше на 1 доллар дохода, чем предприятие „B“.

Аналогичный вывод получается и с точки зрения владельца акций. Предприятие „A“ дает валовой доход, составляющий 33 1/3% по отношению к вложенному капиталу или отношение 1:3, тогда как для предприятия „B“ то же отношение дает 23% или 1:4 1/3. С точки зрения акционера предприятие „A“ на 50% выше предприятия „B“.

Подобный углубленный анализ работы предприятий становится все более и более необходимым по мере того, как электроснабжающие предприятия становятся все более и более сложными, взаимно связанными друг с другом и приобретают все более и более крупные размеры.

Размер капитала, вложенного в американскую электроснабжающую промышленность достигает теперь восьми биллионов долларов, ежегодно требуется вложение от шестисот до восьмисот миллионов долларов нового капитала для расширения улучшения и связи между собой электрических предприятий. Производство электрической энергии за 1926 год осуществляется в размере около 75 биллионов киловатт-часов или только около десяти киловатт-часов на один вложенный доллар.

Коэффициент использования станций в восточной части страны колеблется в пределах 15—30%. Взаимная связь электрических станций между собой, понижая размеры необходимого резерва, способствует лучшему использованию капитала и получению более высокого дохода на вложенный доллар. Пора обособленных станций прошла. Даже крупные изолированные предприятия работают с коэффициентом использования 18—20%, отдавая только шесть киловатт-часов на вложенный доллар. Однако, в том же районе имеются предприятия с коэффициентом использования около 30% и с отпуском 17—20 киловатт-часов в год на вложенный доллар.

Подобные предприятия будут давать более низкую себестоимость тока, в особенности благодаря улучшению коэффициента использования вследствие расширения распределительной сети. Однако, также несоменно, что коэффициент полезного действия установок не увеличивается с такой быстротой, как в предшествующие годы, в то же время затраты капитала на одного потребителя продолжают расти; административные расходы и налоги растут. Наиболее устойчивый класс потребителей—домовое освещение — дает понижение на 10% в среднем на потребителя в потреблении энергии, как это было отмечено выше. Все эти факты, не представляя сами по себе ничего тревожного, заставляют задумываться над этими вопросами.

Доходность вложенного в дело доллара должна поддерживаться во что бы то ни стало. Анализ себестоимости, проводимый из года в год, несомненно поможет выяснению положения и отысканию пути к улушению положения.

Переходим теперь к общему описанию метода анализа себестоимости.

Чтобы определить себестоимость, необходимо установить основные слагающие как твердых отчислений, так и эксплоатационных расходов. Подобный анализ должен включать в себя: 1) Общее вложение капитала

Таблица № 1

Распределение вложенного капитала по статьям

Классификация счетов	Сумма в долларах	Первичная мощность: Разносится по мощности на центр. станц. соответственно — Мощности: %	Мощности: Сумма в долл.	Отдачи: %	Отдачи: Сумма в долл.	Вторичн. мощн.: Разносится по мощности на подстанциях: %	Вторичн. мощн.: Сумма в долл.	Потребители: Разносится соотв. счетчикам	Налоги и т. п.	Расходы оплачив. непосредственно потребителями
Земля и здание станции	4.856.000	100	4.856.000	—	—	—	—	—	—	—
Распред. система, земля и здания	1.175.000	—	—	—	—	—	1.175.000	—	—	—
Прочие участки и строения	1.150 000	28	322.000	—	—	—	—	828.000	—	—
Оборудов. когельной	4.200.000	100	4.200.000	—	—	—	—	—	—	—
„ электрич. и прочее	2.850.000	100	2.850 000	—	—	—	—	—	—	—
„ подстанций	3.800 000	—	—	—	—	—	3.800.000	—	—	—
Подземные кабели	4.710.000	35	1.648.500	—	—	65	3 061.500	—	—	—
Подземная кабельная сеть:										
электропередачи	2.900.000	100	2.900.000	—	—	—	—	—	—	—
распределит. сеть	3.760.000	—	—	—	—	100	3 760.000	—	—	—
Столбы, башни (кроме уличн. освещ.)	740.000	—	—	—	—	—	740.000	—	—	—
Воздушн. сеть (кроме уличн. освещ.)	1.350.000	—	—	—	—	—	1.350.500	—	—	—
Приборы и установка их у потребит.	4.710.000	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Счетчики и установка их	2.950.000	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Линейные трансформат. и пр.	755.000	—	—	—	—	—	755.000	—	—	—
Общее оборудование:										
контора	100.000	—	—	—	—	—	—	100.000	—	—
склады	10.000	—	—	—	—	—	—	10.000	—	—
мастерская	14.500	50	7.250	50	7.250	—	—	—	—	—
транспорт	210.000	—	—	—	—	—	—	210.000	—	—
лаборатория	30.000	100	30.000	—	—	—	—	—	—	—
Оборудов. уличного освещения	125.000	—	—	—	—	—	—	—	—	125.000
Проценты за время постройки	51.000	100	51.000	—	—	—	—	—	—	—
Разн. расх. во время постройки	92.500	100	92.500	—	—	—	—	—	—	—
Капитал, не разнесенный	4.280.000	45 5	1.945.000	—	—	—	—	1.360.000	975.000	—
Общая сумма основн. капитала	44.819.000	42,5	18.902.250	—	7.250	—	14.641.500	2.508.000	975.000	7.785.000
Оборотный капитал	3.600.000	51	1.836.000	10	360.000	—	—	108.000	1.296.000	—
Всего вложено капитала	48.419.000	43	20.738.250	75	367.250	31	14.641.500	2.616.000	2.271.000	7.785.000

с подразделением на основной и оборотный капитал и анализ всех эксплоатационных расходов. 2) Определение необходимой мощности, требуемой каждым классом потребителей, как для подстанций, так и для центральной станции. 3) Количество энергии, потребляемой каждым классом потребителей, отнесенное к тем же пунктам, для которых определялась и потребная мощность. 4) Расходы на потребителя, определенные по числу счетчиков для каждого класса потребителей. 5) Налоги, подоходный налог, налог на прибыль и т. п. Эти расходы изменяются в прямой зависимости от валового дохода от каждого класса потребителей. 6) Платежи, получаемые непосредственно с определенного класса потребителей.

Источником всех этих сведений являются: 1) Отчеты предприятия—счет основного капитала. 2) Счет эксплоатационных и разных расходов. 3) Оценки в натуре.

Счет капитала как основного, так и оборотного должен быть внимательно проанализирован и распределен по рубрикам, соответствующим установленной мощности, производимой энергии,потребителям, налогам и т. п. и расходам, налагаемым на отдельные классы потребителя. Подобное распределение должно быть проделано, начиная с центральной станции, для электропередач, для подстанций и распределительной системы вплоть до счетчика потребителя.

Проделав подобное распределение для капитала, тот же анализ должен быть проделан и для эксплоатационных расходов. Подобная работа требует большого технического и административного знания дела и соответствующих исправлений из года в год. В результате должна получиться табл. № 1. Подобная же таблица должна быть составлена и для эксплоатационных расходов. Суммируя обе таблицы, мы получим табл. № 2, где вложенный капитали эксплоатационные расходы разнесены по рубрикам, соответствующим потребной мощности, отпуску энергии, потребителям, налогам и расходам, относимым непосредственно на потребителей.

Таблица 2

Сводка вложений капитала и эксплоатационных расходов

Распределение по мощности	Вложения (в долларах)	%	Эксплоатационные расходы (в долларах)	%
На центр. станции	20.738.250	43	1.924.499	21
На подстанции	13.750.500	28	1.097.974	12
Всего . . .	34.488.750	71	3.022.473	33
Отпуск энергии				
На центр. станции	367.250	1	3.066.206	33
На подстанции	891.000	2	87.480	1
Всего . . .	1.258.250	3	3.153.686	34
Счетчики	2.616.000	5	1.859.530	20
Налоги	2.271.000	5	709.902	8
Прямые расходы	7.785.000	16	422.537	5
Всего . . .	48.419.000	100	9.168.128	100

Таблица № 3

Распределение вложений капитала по категориям потребителей

Категории потребителей	Всего		Распред. щит		Счетчики долл.	Прямые расходы на потребит. долл.	Налоги долл.	Подстанции	
	Сумма долл.	%%	По мощности долл.	По отпуску долл.				По мощн. долл.	По отпуску долл.
Розница:									
Домовое освещение . . .	20.550.000	42,5	7.043.900	72.000	1.922.100	5.647.000	740.000	4.894.000	231.000
Коммерч. освещен. и мелк. отпуск энергии	14.240.000	29,4	5.785.000	89.000	610.000	1.815.000	850.000	4.807.000	284.000
Оптом:									
Свет и энергия оптом . .	9.550.000	2	5.583.850	125.750	39.500	85.900	481.000	2.990.500	243.500
Отпуск тока вне пик. . .	1.100.000	—	854.000	51.000	1.400	1.100	82.000	80.500	30.000
Муницип. обслужив.									
Освещ. улиц и зданий .	2.100.000	4,3	802.000	12.000	12.000	157.000	106.000	913.000	98.000
Энергия	879.000	1,8	669.500	17.500	31.000	79.000	12.000	65.500	4.500
Всего	48.419.000	100	20.738.250	367.250	2.616.000	7.785.000	2.271.000	13.750.500	891.000

Таблица № 4

Сравнение доходов с затратами по каждой категории потребителей

Категории потребителей	Вложено капитала в долл.	%%	Валовой доход в долл.	%%	Себестоим. в долл.	%%	Чистый доход в долл.	Доход в процентах	Доход при 8%	Прибыль или убыток *) по сравн. с 8% (д.)
Розница:										
Домовое освещение . . .	20.550.000	42,5	5.264.000	40	4.442.000	48,5	822.000	4,0	1.644.000	822.000 *)
Коммун. освещ. и мелкий отпуск энергии. . . .	14.240.000	29,4	4.079.000	31	2.192.450	24	1.886.550	13,2	1.139.200	747.350
Оптом:										
Свет и энергия оптом . .	9.550.000	19,0	2.303.128	17,5	1.343.628	14,5	959.500	10,0	764.000	195.500
Отпуск тока вне пик. .	1.100.000	2,2	726.000	5,5	572.000	6,3	154.000	14,0	88.000	6.000
Муницип. обслужив.										
Освещ. улиц и зданий .	2.100.000	4,3	656.000	5	530.000	5,7	126.000	6,0	168.000	42.000 *)
Энергия	879.000	1,8	132.000	1	88.050	1,0	43.950	5,0	70.320	26.370 *)
Всего	48.419.000	100,0	13.160.128	100	9.168.128	100	3.992.000	8,25	3.873.520	118.480

Вначале работы по анализу себестоимости должна быть определена нагрузка (требуемая мощность) от каждой категории потребителей, принимая во внимание расхождение максимумов, потери и другие факторы, влияющие на нагрузку системы.

Установив характеристику как общей нагрузки, так и нагрузки каждого класса потребителей, мы можем перейти к следующей ступени— к распределению расходов, связанных с установленной мощностью между различными классами потребителей, принимая во внимание совпадение и несовпадение максимумов или другие соображения. Сделав эту работу и распределив подобным же образом эксплоатационные расходы, мы сможем сделать общее распределение всех расходов как связанных с вложенным капиталом, так и эксплоатационных по классам потребителей. Подобное распределение для вложенного капитала представлено на табл. № 3.

Пользуясь подобной таблицей и такой же таблицей распределения эксплоатационных расходов и сопоставляя их с доходами по соответствующим классам потребителей, мы получим валовой и чистый доход для каждого класса потребителей, что и представлено на табл. № 4.

Располагая подобной таблицей, руководитель предприятия имеет перед собой ясную картину всего предприятия, а имея те же данные за ряд лет, можно сознательно направлять политику предприятия.

ОТДЕЛ IV

По районам

В. И. Лавров и Н. П. Никитин

Народное хозяйство Центрально-Промышленной области с 1913 по 1925/26 гг.[1]

(Материалы к построению контрольных цифр ЦПО)

Народное хозяйство Центрально-Промышленной области в целом

Центрально-Промышленная область, расположенная основными своими частями между Верхней Волгой и Окой, представляет резко выявленный экономический район в народном хозяйстве Союза. Народное хозяйство Центрально-Промышленной области строится на промышленной специализации. Вторая половина XIX в. и начало XX в. характеризуются значительным развитием индустрии в пределах рассматриваемой территории. Соответственно общему характеру специализации района строится его сельское хозяйство, имеющее определенно выраженный уклон в сторону производства продуктов интенсивного животноводства и огородничества. Вместе с тем, ЦПО является колоссальнейшим распределительным пунктом, сосредоточивающим значительную часть торгового оборота страны.

Общее строение народного хозяйства Центрально-Промышленного района в довоенное время может быть видно из сопоставления данных о составе народного дохода ЦПО и 50 губерний Европейской России за 1913 г., которые представляли следующее:

	Процентное отношение отдельных частей народного дохода ко всему доходу	
	ЦПО	Европ. Россия
Сельское хозяйство	32,7	54,0
Промышленность	36,3	21,7
Транспорт	7,3	8,9
Строительное дело	10,2	7,1
Торговля	13,5	8,3
	100,0	100,0

Резко выделяются в составе народного дохода ЦПО сравнительно с Европейской Россией—промышленность, строительное дело и торговля.

Центрально-Промышленная область в 1925/26 г. сосредоточивала в своих пределах 19,3 милл. человек, что по сравнению с 1913 г. составляет прирост населения на 7,8%. В составе населения 4,3 милл. человек падает на городское население и 15,0 милл. человек на сельское население. Соответственно промышленно-торговой специализации народного хозяйства ЦПО процент городского населения здесь высок, он со-

[1] Положенные в основу настоящего текста материалы были разработаны Кон'юнктурным Бюро Центрально-Промышленной области в связи с подготовкой к составлению контрольных цифр. Глава о промышленности написана В. И. Лавровым, а главы о народном хозяйстве ЦПО в целом и о сельском хозяйстве написаны Н. П. Никитиным.

ставляет 22,3%, в то время как в Союзе в целом он составляет 17,0%. При этом городское население весьма быстро увеличивается. В 1925/26 г. городское население ЦПО превышало городское население 1913 г. на 25,0%.

Население ЦПО в 1913, 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.
(в тысяч. душ)

	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	В %% к 1913 г. 1923/24 г.	В %% к 1913 г. 1924/25 г.	В %% к 1913 г. 1925/26 г.	В %% к пр. г. 1924/25 г.	В %% к пр. г. 1925/26 г.
Сельское	14459,4	14550,2	14768,5	14990,0	100,6	102,1	103,7	101,5	101,5
Городское	3459,0	4075,5	4197,8	4323,7	117,8	121,4	125,0	103,0	103,0
Всего...	17918,4	18625,7	18966,3	19313,7	103,9	105,8	107,8	101,8	101,8

В 1925/26 г. общая продукция Центрально-Промышленной области (сельскохозяйственная и промышленная) составляла в довоенных ценах 3.662,9 милл. рублей, что на 1% превышало продукцию 1913 г. По годам ход восстановительного процесса выражался (в милл. довоенн. руб.):

1913 г. .....3.639,0—100%
1923/24 г. .....2.286,1— 63%
1924/25 г. .....3.006,1— 83%
1925/26 „ .....3.662,9—101%

Наиболее резкий прирост продукции происходит в 1924/25 году, когда по отношению к 1923/24 году продукция возрастает на 31%; в 1925/26 г. рост продукции совершается более замедленным темпом, сравнительно с 1924/25 г. продукция увеличилась на 22%. Таким образом, в 1925/26 г. в ЦПО заканчивается восстановительный процесс, и дальнейший рост производства будет происходить на базисе усилившейся реконструкции народного хозяйства.

По отношению к продукции Союза в целом, продукция ЦПО в 1925/26 г. составляет 20,1%, в то время как по населению удельный вес ЦПО в Союзе выражается в 13,7%, а по размерам территории ЦПО составляет по отношению к Союзу всего 2,1%. Приводимые данные показывают значение рассматриваемой территории в народном хозяйстве страны в целом.

Из общего количества валовой продукции в 1925/26 г. на промышленную продукцию в довоенных ценах падало 2.569,4 милл. рублей, или 70,1%, на сельскохозяйственную продукцию 1.093,6 милл. рублей, или 29,9%. Промышленная продукция, резко сократившаяся в первый период революции, затем весьма быстро восстанавливала довоенные размеры. Так, в 1923/24 г. промышленная продукция в ЦПО составляла 50% продукции 1913 г., в 1924/25 г.—77% и в 1925/26 г.—103%. Сельскохозяйственная продукция сократилась в ЦПО в первый период революции в значительно меньшей степени, чем промышленная продукция, затем, быстро расширившись, приобрела известную стабильность. Так, в 1923/24 г. сельскохозяйственная продукция ЦПО составляла 91% продукции 1913 г., в 1924/25 г.—95% и в 1925/26 г.—95%.

Структура народного хозяйства ЦПО делается особенно определенно выявленной при рассмотрении товарных масс. Товарная масса ЦПО внутри областного производства составляет (в милл. довоен. руб.):

1913 г. .....2.805,8—100%
1923/24 г. .....1.434,9— 51%
1924/25 г. .....1.960,7— 70%
1925/26 „ .....2.350,6— 84%

Резкое сокращение товарных масс в первый период революции сменяется их ростом, при чем к 1925/26 г. товарные массы восстанавливаются в размерах 84% от данных 1913 г. По отношению к товарным массам Союза товарные массы ЦПО составляют 23,6%.

В составе товарных масс основное место занимают промышленные товары, которых в 1925/26 г. было на сумму 2.092,4 милл. руб., в то время как сельскохозяйственные товарные массы занимали всего 258,2 милл. рублей. Соотношение товарных масс сельского хозяйства и промышленности внутриобластного производства в Центрально-Промышленной области имело следующий вид (в %% к общей товарной массе):

По довоенным ценам	Сельское хозяйство	Промышленность	По современ. черв. ценам	Сельское хозяйство	Промышленность
1913 г.	11,3	88,7	1923/24 г.	14,5	85,5
1923/24 г.	16,5	83,5	1924/25 „	14,1	85,9
1924/25 „	13,7	86,3			
1925/26 „	11,0	89,0	1925/26 „	12,1	87,9

Как видим, за рассматриваемый период соотношение товарных масс колеблется, но в этом колебании возможно наблюдать некоторую устойчивость, связанную со структурой народного хозяйства Центрально-Промышленной области. Около 12% товарных масс внутреннего производства падает на сельское хозяйство и около 88% товарных масс падает на промышленность. Около этих величин происходит колеабние в соотношении товарных масс. В этом соотношении сказывается органическая структура Центрально-Промышленной области, которая отлична от структуры Союза в целом, где 1925/26 г.—в современных червонных ценах—отношение сельскохозяйственных товарных масс к общим товарным массам выражалось—37,4%, промышленных товарных масс к общим товарным массам—62,6%.

Конечно, хозяйственное равновесие Центрально-Промышленной области поддерживается значительным ввозом сельскохозяйственных товаров. Привоз товаров в ЦПО в 1925/26 г. составлял в довоенных ценах 818,8 милл. рублей, что на 24% превышало ввоз 1913 г. Из ввозимых товаров на сельское хозяйство падало 723,9 милл. руб. и на промышленность—94,9 милл. рублей. Вместе с ввозом вся товарная масса ЦПО в 1925/26 г. в довоенных ценах может быть определена в 3.169,4 милл. руб., что составляет 92% довоенной товарной массы. Учитывая ввоз, получим иное соотношение сельскохозяйственных и промышленных товарных масс в ЦПО, чем это было при учете товарных масс внутриобластного производства. Так, имеем следующее соотношение (в %% к общей товарной массе):

По довоенным ценам	Сельское хозяйство	Промышленность	По современ. черв. ценам	Сельское хозяйство	Промышленность
1913 г.	24,6	75,4	1923/24 г.	36,2	63,8
1923/24 г.	39,3	60,7	1924/25 „	34,3	65,7
1924/25 „	33,9	66,1			
1925/26 „	31,0	69,0	1925/26 „	31,7	68,3

Наблюдаются более резкие колебания, чем в соотношении товарных масс внутриобластного производства. Однако, здесь можно наметить тенденцию приближения в соотношении товарных масс к довоенному соотношению. Повидимому, между 25% и 31% лежит процент соотноше-

ния сельскохозяйственных товарных масс к общим товарным массам и между 69% и 75% лежит процент отношения промышленных товарных масс к общим товарным массам. Приводимые проценты соотношения товарных масс ЦПО с ввозом товаров приближаются к тому, что имеется в Союзе в целом. Однако, и здесь сказывается структура народного хозяйства ЦПО: процент сельскохозяйственных товарных масс значительно ниже, чем в Союзе; обратное положение—для промышленных товарных масс, процент которых значительно выше, чем в Союзе.

Центрально-Промышленная область производит большое количество товаров, вывозимых из ее пределов. Остаток товаров за внутриобластным потреблением или областное сальдо в 1925/26 г. в довоенных ценах составляло 884,6 милл. рублей, что достигало 96% довоенного сальдо. В составе этого областного сальдо основное место занимают промышленные товары, которых имеется на сумму 878,6 милл. рублей, сельскохозяйственные товары имеют всего 5,9 милл. рублей. Указанный промышленный товарный фонд является основой внутреннего строения народного хозяйства ЦПО.

Цены товаров ЦПО испытывали в течение рассматриваемых трех последних лет значительные изменения. Розничный индекс ЦПО (без Москвы) в средне-годовых величинах имел в 1923/24 г.—2,14, в 1924/25 г.—2,18 и в 1925/26 г.—2,42. При чем рост индекса происходил неодинаково для сельскохозяйственных и промышленных товаров, именно имеем следующее:

	Сельхоз. индекс	Промышл. индекс
1923/24 г.	1,64	2,79
1924/25 „	1,90	2,49
1925/26 „	2,19	2,64

Резкий разрыв сельскохозяйственных и промышленных цен 1923/24 г. сменяется их сближением в 1924/25 г. и затем в 1925/26 г.

Промышленность

В общей системе народного хозяйства СССР Центрально-Промышленная область занимает доминирующее положение, которое определяется исключительно развитой в ней как фабрично-заводской, так и кустарно-ремесленной промышленностью. Только по одной фабрично-заводской промышленности, не считая мелкой, Центрально-Промышленная область охватывает около 40% всей промышленности СССР как по числу рабочих, так и по стоимости валовой продукции.

Протекая под давлением общих процессов развития народного хозяйства СССР, народное хозяйство Центрально-Промышленной области, представляющее некоторую своеобразность в структуре народного хозяйства СССР, благодаря своему крупному удельному весу и организующему значению в качестве промышленного и экономического центра СССР, оказывает значительное влияние на всю общесоюзную экономику. С этой стороны изучение динамики народного хозяйства Центрально-Промышленной области представляет особый интерес.

Останавливая свое внимание на динамике промышленности Центрально-Промышленной области за последние три года, нас прежде всего интересует один основной вопрос: в какой мере процессы реконструкции народного хозяйства СССР, проводимые на основе его индустриализации, оказали влияние на высокий удельный вес промышленности ЦПО в промышленности всего Союза и на промышленную структуру области.

Правда, для полного суждения по этому вопросу у нас нет всех необходимых материалов; прежде всего у нас отсутствуют данные о движении за последние годы основных капиталов в промышленности области. Но мы полагаем, что некоторое освещение этого вопроса возможно дать и на основании имеющихся в нашем распоряжении данных.

Вопрос о дальнейшем направлении промышленного развития Центрально-Промышленной области постоянно встает перед нами как при разработке генеральных планов реконструкции народного хозяйства СССР на энергетической базе и планов его индустриализации, так и при разработке ряда конкретных мероприятий по текущей экономической политике.

Справедливо указывается на то, что промышленность ЦПО, сложившаяся здесь долгим историческим путем, на $^3/_4$ питается привозным сырьем (хлопок, металл и др.) и в значительной мере привозным топливом (нефть, каменный уголь), что постепенное перенесение промышленных центров к источникам сырья и топлива диктуется не только условиями рентабельности производства, но и задачами поднятия низкого уровня народного хозяйства наших окраин на базе их индустриализации.

Поэтому много верного заключается в общих перспективных наметках в отношении постепенного перенесения хлопчатобумажной промышленности из ЦПО в Туркменистан, Узбекистан и Закавказье, о замедлении темпа развития металло-обрабатывающей промышленности в ЦПО за счет развития Юга и Урала и проч.

Все это верно, поскольку мы устанавливаем перспективы, поскольку мы определяем перспективную „целевую установку“ районов и отраслей промышленности.

Но поскольку нам приходится иметь дело с конкретными условиями и с ближайшими конкретными мероприятиями по „восстановлению“ и „реконструкции“ народного хозяйства СССР, нам в силу целого ряда об'ективных условий приходится значительно отступать от перспективных целевых наметок.

Линия наименьшего сопротивления зачастую оказывает решающее влияние в условиях товарного голода, суженных финансовых рессурсов и других об'ективных условий нашей экономики. При таких условиях хозяйственная инерция предшествующего сложения и динамики народного хозяйства нашей страны неизбежно оказывает влияние не только на темп осуществления наших целевых задач, но нередко и на направление нашего хозяйственного развития, поскольку капитальные работы текущих лет обязывают нас на долгие годы.

С этой стороны темп развития промышленности ЦПО за последние годы представляет особый интерес.

Сравним валовую продукцию цензовой промышленности по ЦПО и по всему Союзу в целом за 1913 г. и за 1925/26 г.

	Валов. продукция цензов. промышл. (в милл. дов. руб.) СССР	ЦПО	ЦПО в %% к СССР
1913 г.	5.620,8	2.069,0	36,8
1925/26 г.	5.796,7	2.208,4	38,1
1925/26 г. в %% к 1913 г.	103,1	106,7	—

Эта таблица указывает на то, что восстановительно-реконструктивный период последних лет протекал более повышенным темпом по ЦПО, нежели по всему Союзу в целом, в силу чего удельный вес промышленности области к настоящему времени несколько повысился по сравнению с довоенным временем.

Чем, однако, можно об'яснить то обстоятельство, что Центрально-Промышленная область за последние годы не только не понизила, но даже повысила свой промышленный удельный вес, что, как будто, не согласуется с нашими генеральными перспективными планами реконструкции народного хозяйства Союза, согласно которым удельный вес промышленности ЦПО должен постепенно подать за счет роста удельного веса промышленности других районов и в особенности тех из них, в которых преобладает тяжелая индустрия, производящая средства производства.

В качестве общих причин мы можем отметить следующие моменты.

Центрально-Промышленная область представляет собою район, в котором, по преимуществу, сосредоточена легкая индустрия. Условно распределяя все отрасли промышленности ЦПО на две группы: „тяжелую" и „легкую" индустрию, относя к первой добывание и обработку камней, земель и глины, горную и горнозаводскую промышленность и металлообрабатывающую промышленность и ко второй все остальные отрасли промышленности, мы устанавливаем нижеследующие темпы роста тяжелой и легкой индустрии в ЦПО:

	Валовая продукция цензов. промышл. в милл. довоен. рублей							
	1913 г.		1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.	
	Абсол.	%%	Абсол.	%%	Абсол.	%%	Абсол.	%%
Тяжелая индустрия	279,3	100	113,9	40,8	214,8	76,9	293,2	105,0
Легкая „	1789,7	100	801,9	44,9	1386,9	77,5	1915,2	107,0
Вся промышленность.....	2069,0	100	915,8	44,3	1601,7	77,4	2208,4	106.7

В первые годы восстановительного периода легкая индустрия как по всему Союзу в целом, так и по ЦПО развивалась более быстрым темпом, нежели тяжелая индустрия. В последние два года легкая индустрия продолжает удерживать за собой более высокий уровень по отношению к довоенному времени, хотя прирост ее по отношению к предшествующему году оказывается уже значительно более низким, нежели по тяжелой индустрии. Сравнивая валовую продукцию каждого года с предшествующим годом, мы получаем более правильное представление о темпах роста тяжелой и легкой индустрии в ЦПО:

	Валовая продукц. в %% по отнош. к предш. году	
	1924/25 г.	1925/26 г.
Тяжелая индустрия	188,6	136,3
Легкая „	172,8	138,1
Вся промышленность....	174,9	137,9

Таким образом, мы видим, что тяжелая индустрия дала более высокий прирост продукции за год по сравнению с легкой индустрией только в 1924/25 году; в последний 1925/26 год легкая индустрия вновь обнаружила более высокий темп своего развития.

Указанные соотношения темпов развития тяжелой и легкой индустрии имеют в ЦПО отличный характер от тех же процессов по Союзу в целом. В 1924/25 году тяжелая индустрия всего СССР дала меньший

темп прироста по сравнению с легкой индустрией. Зато в последний 1925/26 год, в отличие от ЦПО, производство в тяжелой индустрии СССР увеличивается на 40%, а в легкой только на 38%.

При анализе отмеченного явления следует иметь в виду, что „условная" тяжелая индустрия ЦПО имеет отличную структуру от союзной. Прежде всего, в состав горной и горнозаводской промышленности ЦПО входит значительной долей производство Подмосковного каменноугольного бассейна, который зачастую, выполняя роль топливного резерва, повышает свою продукцию в наименее благоприятные годы по условиям снабжения потребителей ЦПО донецким углем. Затем необходимо также иметь в виду, что металлообрабатывающая промышленность ЦПО, в отличие от союзной, по роду изготовляемых ею предметов в значительной своей части носит скорее характер легкой индустрии, изготовляя в большом количестве различные предметы обихода и быта, в силу чего кон'юнктурные условия ее развития в ЦПО, разумеется, отличны от таковых по Союзу в целом.

Во всяком случае, преобладание в ЦПО легкой индустрии, несомненно, оказывало влияние на отмеченный выше более значительный темп роста промышленной продукции области по сравнению с Союзом в целом.

Характерно, что соотношение между тяжелой и легкой индустрией в ЦПО продолжает оставаться весьма устойчивым, приближаясь к отношениям довоенного времени. Об этом дает представление следующая таблица:

	Валовая продукция цензов. промышл. ЦПО в %% к итогу			
	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Тяжелая индустрия	13,5	12,4	13,4	13,3
Легкая „	86,5	87,6	86,6	86,7
Вся промышленность....	100,0	100,0	100,0	100,0

Более полное представление о росте промышленности ЦПО за последние годы дает таблица динамики стоимости валовой продукции цензовой промышленности области (см. табл. на след. стр.).

Рассматривая приведенную таблицу, мы прежде всего обращаем внимание на то, что при общем повышении продукции цензовой промышленности ЦПО в 1925/26 г. по отношению к 1913 году на 6,7%, по двум основным отраслям промышленности области—текстильной и металлической, охватывающим около $^3/_4$ всей промышленной продукции области, размер продукции 1925/26 г. стоит на уровне 1913 года. Восстановление производства третьей основной для ЦПО отрасли промышленности, об'единенной в группу пищевкусовых предметов, доведено в 1925/26 году только до 79,2% по отношению к 1913 г., что определяется преимущественно значительным сокращением винокуренного и водочного производства (на 70% к 1913 г.). Значительное увеличение (на 73,5%) производства по группе горной и горнозаводской промышленности произошло, главным образом, за счет роста торфяной промышленности, продукция которой возрасла с 3.700,7 тыс. дов. руб. в 1913 г. до 16.234,2 тыс. дов. руб. в 1925/26 г., т.-е. более, чем в 4 раза под влиянием развития электрификации района путем использования богатых торфяных залежей в ЦПО. Постройка центральных электрических станций в ЦПО (Шатурская, Каширская, Балахнинская) есть крупнейший фактор реконструкции промышленности не только в будущем, но уже и в настоящем. Однако, внутренняя промышленная структура области

Динамика стоимости валовой продукции
(В тыс. довоен. руб.)

№№ по пор.	Группы отраслей промышл.	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	В %%% к 1913 г.			В %%% к пред. году	
						1923/24	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	Добыв. и обраб. минер.	41595,8	12409,8	21203,8	25505,0	29,8	51,0	61,3	170,9	120,3
2	Горная и горнозаводск.	37934,2	32610 7	54871.2	65795.9	86,0	144,7	173,5	168,3	119,9
3	Металлообр.	199729,3	68854,2	138693,1	201883,2	34,5	69,4	101,1	201,4	145,6
	В том числе машиностр.	139777,0	40234.1	81910,1	122729.9	28,8	58,6	87.8	203,6	149,8
4	Обр. дерева	21905,6	14647.1	24573,0	46285.5	66,9	112,2	211,3	167.8	188,4
5	Химическая.	120112,7	45070.8	87982.9	119637 3	37.5	73.3	99,4	195.2	136,0
6	Пищ.-вкусов	305155.1	128266.7	215121,0	241793.7	42,0	70,5	79,2	167,7	112,4
7	Кож. мехов..	29489,2	23508,7	33662,8	44010,6	79.7	114,2	149.2	143,2	130,7
8	Текстильная	1208838.8	471350,8	849947,9	1207485,6	39,0	70,3	99,9	180,3	142,1
	В том числе обр. хлоп...	952195,4	328970,7	644619,8	933300,5	34,6	67,7	98,0	195,9	144,8
	В том числе обр. шерсти	113864,2	74376,4	118895,0	144708,8	65,3	104,4	127,1	159,9	121,7
	В том числе обр. шелка.	43294,7	9518,7	5894,8	20839.6	22,0	13,6	48,2	61,9	353,5
	В том числе обр. льна..	82603,0	52993,1	71451.5	93598,7	64,2	86,5	113,3	134.8	131,0
9	Одежда-туал.	28390 9	53821,8	76322,9	107623.7	189,6	268.8	379,1	141,8	141,0
10	Бум. пром ..	21229,1	9992,0	14317,4	18614,8	47,1	67,4	87,7	143,3	130,0
11	Полиграфич. пром.	22920,3	18426,9	29782.7	48455.8	80 4	129,9	211,4	161.6	162,7
12	Пр. произв..	31686,5	36796,3	55232,5	81276,5	116,1	174,3	256,5	150,1	147,2
	Итого по всей промышл. .	2068987,5	915755,8	1601711,3	2208357,6	44,3	77,4	106,7	174,9	137,9

смысле соотношения удельных весов отдельных отраслей промышленности пока продолжает оставаться весьма устойчивой, о чем свидетельствует следующая таблица:

	Валов. прод. цензов. промышл. ЦПО в %%% к итогу	
	1913 г.	1925/26 г.
1. Добыв. и обраб. минер.	2,0	1,2
2. Горная и горно завод.	1,8	3 0
3. Металлообрабатывающая	9,7	9,1
4. Деревообделочная	1,1	2,1
5. Химическая.....	5.8	5,4
6. Пищевкусовая	14,8	10,9
7. Кожевенная и меховая	1,4	2,0
8. Текстильная	58,4	54,7
9. Одежда и туалет.....	1,4	4 9
10. Бумажная	1,0	0,8
11. Полиграфическая	1 1	2,2
12. Прочие производства.....	1,5	3,7
Итого.....	100,0	100,0

Как видим, промышленная структура области за время с 1913 года по 1925/26 г. включительно осталась почти без изменения. Тенденция к снижению удельного веса текстильной промышленности за счет некоторого повышения удельного веса других отраслей промышленности есть явление, присущее ЦПО и в довоенное время. Замедленный рост текстильной промышленности в ЦПО в довоенное время об'яснялся малой емкостью нашего деревенского рынка, на который преимущественно опирается текстильная промышленность. Снижение удельного веса текстильной промышленности за последние годы не может быть об'яснено той же причиной. Как мы видели выше, продукция текстильной промышленности ЦПО за 1925/26 г. стоит на довоенном уровне; при этом рынок остается далеко неудовлетворенным мануфактурой. Очевидно, в данном случае решающую роль играют условия сырья и капитала, которые не позволяют развернуть текстильную промышленность до тех размеров, которые определяются требованием рынка. С другой стороны, на снижение удельного веса текстильной промышленности оказало известное влияние относительное возрастание в ЦПО горной и горнозаводской промышленности за счет увеличения торфоразработок и рост производства группы „одежда и туалет", являющийся следствием учета тех предприятий, которые в 1913 году не учитывались. Некоторое снижение удельного веса пищевой промышленности произошло, как было указано выше, главным образом, за счет бездействия большого числа винокуренных заведений.

Таким образом, промышленная структура области в целом обнаруживает большую устойчивость.

Это еще раз подтверждает высказанное нами выше положение о продолжающемся действии экономической инерции в сложении промышленного облика СССР.

Мы не имеем сейчас исчерпывающих данных о движении в последние годы основных капиталов промышленности по районам СССР. Но те отрывочные данные, которыми нам приходилось пользоваться, указывают на то, что капитальные затраты на расширение действующих предприятий и на сооружение новых, размещаются по районам Союза, примерно, пропорционально наличным промышленным капиталам в отдельных районах.

Во всяком случае, промышленные капиталы Центрально-Промышленной области не уступают своего высокого удельного веса в промышленных капиталах всего СССР.

Это обстоятельство приобретает особое значение, если иметь в виду, что в Центрально-Промышленной области сосредоточено около 90% всей хлопчатобумажной и льняной промышленности СССР, почти вся шелковая промышленность, около $^1/_3$ всей металлообрабатывающей, силикатной химической, кожевенной и обувной промышленности Союза.

До сих пор мы совершенно не касались мелкой (нецензовой) и кустарно-ремесленной промышленности, которая в общем промышленном производстве Центрально-Промышленной области играет весьма крупную роль.

По данным 1913 года валовая продукция мелкой и кустарно-ремесленной промышленности исчислялась в сумме 420.940 тыс. рублей, что составляет по отношению к общей валовой продукции всей промышленности ЦПО (2.489.928 т. р.) — 16,9%.

Столь значительный удельный вес мелких форм промышленности в ЦПО определяется, прежде всего, общим уровнем развития производительных сил всей страны.

Находясь в органической взаимозависимости с крупной промышленностью, мелкая и кустарно-ремесленная промышленность области представляет собою в современных условиях весьма важный промышленный сектор, восполняющий производство крупной промышленности, с которой

она в большинстве случаев не находится в конкурентных отношениях. По целому ряду отраслей производства, выпускающих готовые изделия, мелкие формы промышленности до сих пор являются преобладающими.

Обслуживая весьма разнообразный спрос как потребительский, так и производственный деревенского и городского населения, мелкая и кустарно-ремесленная промышленность ЦПО особенно много дает готовых изделий для производственного потребления деревни: почти весь сельскохозяйственный инвентарь (кроме особо сложных машин и кос), все для гужевого транспорта, многое для строительной деятельности деревни и проч. Крупная промышленность почти отсутствует в производствах твердой тары, овчинно-скорняжном, сапоговаляльном, шубно-рукавичном, шорном, колесно-ободно-экипажном и проч. производствах. Равным образом крупная промышленность имеет незначительный вес в сапого-башмачном (Кимры), скобяном (Павлово, Тула), трикотажном (Московский уезд) производствах, которые особенно значительно развиты в ЦПО в формах кустарно-ремесленной промышленности.

Кроме того необходимо учесть, что кустарно-ремесленная промышленность, издавна являвшаяся значительным фактором последующего развития крупных форм промышленности в области, в настоящее время должна будет сыграть при посредстве кооперации еще более значительную роль в этом отношении.

Ниже мы приводим табличку, показывающую в суммарных итогах параллельную динамику продукции (в довоенных ценах) крупной (цензовой) и мелкой (нецензовой) и кустарно-ремесленной промышленности за время с 1913 г. по 1925/26 г. включительно.

	Валовая прод. в милл. дов. руб.				В %%% к 1913 г.			В %%% к пред. году.	
	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1. Цензов. промышл. ..	2069,0	915,8	1601,7	2208,4	44	77	107	175	138
2. Мелкая (нецензов.) и кустарно-ремесл. промышленность ...	420,9	327,6	313,8	361,0	78	75	86	96	115
Итого.	2489,9	1243,4	1915,5	2569,4	50	77	103	154	134

Как видим, восстановление производства крупной промышленности протекало быстрее, нежели мелкой промышленности. В 1925/26 году мелкая и кустарно-ремесленная промышленность достигла по продукции только 86% по отношению к 1913 году, в то время как крупная промышленность превысила довоенную продукцию на 7%.

В соответствии с этим удельный вес мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в ЦПО несколько понизился по сравнению с 1913 годом.

Рассматривая динамику продукции промышленности, расположенной на территории Центрально-Промышленной области, мы имеем возможность несколько осветить вопрос об областном промышленном сальдо. Ниже мы приводим таблицу, показывающую динамику товарной доли продукции промышленности ЦПО за покрытием производственного и личного потребления в 1913 г. и 1923/24—1925/26 гг. включительно.

	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1. Валовая продукция	2489,9	1243,4	1915,5	2569,4
В том числе:				
цензовой промышленности	2069,0	915,8	1601,7	2208,4
нецензов. и кустарно-ремесл. промышл. .	420,9	327,6	313,8	361,0
2. Производственное потребл.	1162,8	534,2	877,6	1192,4
В том числе:				
цензовой промышленности.....	1030,7	441,6	781,0	1081,2
нецензов. и кустарно-ремесл. промышл. .	132,1	92,6	96,6	111,2
3. Потребление населения.....	545,2	396,8	530,3	593,2
В том числе:				
земледельческого	132,7	131,7	149,6	152,5
неземледельческого	412,5	265,1	380,7	440,7
4. Общее потребл. (производ. + личн.)	1708,0	931,0	1407,9	1785,6
5. Областное сальдо (+) .....+	781,9	+ 312,4	+ 507,6	+ 783,8

Как видим, по всей промышленности ЦПО в целом мы имеем значительные излишки товарных масс за покрытием внутриобластного производственного и личного потребления как за 1913 г., так и за три последних года.

Мы не имеем возможности в настоящем кратком очерке коснуться по затронутому вопросу отдельных отраслей промышленности. Заметим только, что дефицитною в Центрально-Промышленной области является лишь одна группа производств, а именно горная и горнозаводская промышленность.

По всем остальным группам мы имеем по области положительное сальдо (разумеется только при исчислении продукции по группам производств в ценностном выражении).

Особенно интересным представляется соотношение между внутриобластным потреблением продукции промышленности ЦПО (как производственным, так и личным) и областным сальдо.

Ниже мы приводим табличку, показывающую внутриобластное потребление промышленной продукции ЦПО и областное сальдо в относительных величинах (составлена на основании приведенной выше таблицы):

	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
	В процентах			
1. Валовая продукция пром. ЦПО	100,0	100,0	100,0	100,0
2. Производств. потребл.	46,7	43,0	45,8	46,5
3. Потребление населения	21,9	31,9	27,7	23,0
4. Общее потребление.....	68,6	74,9	73,5	69,5
5. Областное сальдо (+).....	31,4	25,1	26,5	30,5

Приведенная таблица позволяет нам сделать следующие общие выводы.

Областное сальдо промышленной продукции ЦПО относительно падало с сокращением промышленного производства области и обратно— по мере восстановления промышленности ЦПО до довоенного уровня относительная величина областного сальдо возрастала, достигнув в 1925/26 году почти довоенного уровня.

Такое сокращение областного сальдо в годы понижения уровня промышленности об'яснялось неудовлетворенным спросом населения области, которое потребляло в эти годы промышленных товаров областного производства относительно больше, нежели другие районы СССР, на что указывает рост относительной доли потребления населения ЦПО в 1923/24 г. по сравнению с 1913 г. с 21,9% до 31,9% при понижении положительного областного сальдо с 31,4% до 25,1%. В последующие годы (1924/25 и 1925/26) по мере восстановления промышленного про-

изводства ЦПО относительная доля потребления населения падала, дойдя в 1925/26 г. почти до довоенного уровня при отмеченном уже выше повышении до довоенного уровня областного сальдо.

Динамика относительной доли производственного потребления носила обратный характер по сравнению с отмеченной динамикой потребления населения. При низком уровне производства в 1923/24 г. относительная доля производственного потребления сократилась с 46,7% в 1913 г. до 43% в 1923/24 г. Это указывает на то, что в этот год потребительские интересы удовлетворялись за счет промышленного накопления; это подтверждается низким уровнем в этот год отраслей промышленности, производящих средства производства.

По мере восстановления промышленного производства относительная доля продукции промышленности области, приходящаяся на производственное потребление, вновь повышалась, достигнув в 1925/26 г. довоенного уровня.

Таким образом, в 1925/26 году валовая продукция промышленности ЦПО, установившаяся, примерно, на довоенном уровне, распределилась по долям, идущим на производственное и личное потребление, и доле, относящейся к товарным излишкам, почти в тех же относительных величинах, которые мы имели по ЦПО в 1913 году, а именно: внутриобластное производственное потребление 46,5%, внутриобластное личное потребление 23,0% и областное сальдо (излишки) 30,5%.

Отмеченные выше процессы восстановления промышленного производства Центрально-Промышленной области шли за счет, с одной стороны, вовлечения в промышленность новых кадров рабочих, а с другой стороны, за счет рационализации производства и общего повышения производительности труда.

Динамика рабочей силы в цензовой и мелкой (нецензовой) и кустарно-ремесленной промышленности ЦПО за 1913—1925/26 гг. включительно представлена в следующей таблице:

	Число рабочих (в тыс. человек)				В %% к 1913 г.			В %% к пред. году	
	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1. Цензовая промышл. .	881,7	589,8	740,8	887,4	66,9	84,0	100,6	125,6	110,4
2. Мелкая и кустарно-ремеслен. промышл. .	882,0	533,2	570,2	644,8	60,4	64,6	73,1	100,9	113,1

Как видим, число занятых лиц в крупной (цензовой) промышленности возрастало за последние три года быстрее, нежели в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности. Здесь мы имеем аналогичный процесс с отмеченным выше по динамике валовой продукции. Таким образом, и по числу рабочих удельный вес мелкой и кустарно-ремесленной промышленности понизился по сравнению с довоенным временем.

Темп прироста рабочей силы оказывается значительно медленней темпа роста валовой продукции как в цензовой, так и в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, что косвенно указывает на рост за последние годы производительности труда, о чем свидетельствует следующая табличка:

Темп прироста рабочей силы и валовой продукции		В %% к 1913 г.			В %%к пр.г.	
		1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Цензов. промышл.	Число рабочих	67	84	101	126	110
	Валов. продукция . . .	44	77	107	175	138
Мелкая и кустарно-ремесл. промышл.	Число рабочих	60	65	73	101	113
	Валов. продукция . . .	78	75	86	154	134

Весьма существенно остановить свое внимание на динамике заработной платы, в частности, на соотношении заработной платы и производительности труда в промышленности ЦПО.

Динамика фонда заработной платы в цензовой промышленности ЦПО представлена в следующей таблице:

	Годовая зараб. плата раб. и служ. в милл. бюдж. рублей.			
	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1. Рабочих				
Абсол.	205,4	133,0	200,9	252,4
В %% к 1913 г.	100	64,8	97,8	122,8
2. Служащих.				
Абсол.	55,2	26,9	33,4	47,3
В %% к 1913 г.	100	48,8	60,5	85,8
3. Итого.				
Абсол.	260,7	159,9	234,3	299,7
В %% к 1913 г.	100	61,4	89,9	115,0

Общий фонд заработной платы в цензовой промышленности ЦПО в 1925/26 году на 15% превышал фонд 1913 года. При этом фонд заработной платы возрос за счет увеличения по сравнению с 1913 г. фонда заработной платы рабочих (на 22,8%); в то же время фонд заработной платы служащих, составлявший в 1923/24 году всего 48,8% от довоенного уровня, достиг в 1925/26 году всего 85,8% уровня 1913 года.

В соответствии с этим средняя месячная реальная (в бюдж. руб.) заработная плата рабочих и служащих цензовой промышленности ЦПО представлялась за те же годы в следующих величинах:

	Реальн. (в бюдж р.) зарплата 1 рабочего и служащего.			
	1913 г.	1923/24 г. (II пол).	1924/25 г.	1925/26 г. (I полуг.)
1. Рабочих				
Абсол.	19,4	18,8	22,6	23,7
В %% к 1913 г.	100	96,9	116,5	122,2
2. Служащих				
Абсол.	79,6	36,2	40,8	46,8
В %% к 1913 г.	100	45,5	51,3	58,8

Исходя из имеющихся у нас данных о движении числа рабочих, валовой продукции и заработной платы в цензовой промышленности ЦПО, мы имеем возможность установить действительное соотношение между фактической средней заработной платой и средней производитель-

ности труда одного рабочего. Указанное исчисление приведено в следующей таблице:

	1913 г.	1923/24 г. (II полуг.)	1924/25 г.	1925/26 г. (I полуг.)
1. Заработная плата 1 рабоч. в мес. в валюте соответств. года (в руб.)..	19,4	40,5	47,3	53,4
2. Валов. продукц. на 1 раб. в мес. в валюте соотв. года (в руб.) . . .	195,6	243,6	295,1	355,9
3. Процентн. отношение зарплаты к продукции	9,9	16,6	16,0	15,0

Таким образом, мы видим, что после значительного повышения доли заработной платы в общей стоимости, приходящейся на 1 рабочего продукции, с 1923/24 года мы имеем неуклонное падение этой доли, установившейся в 1925/26 г. на уровне 15,0%. Само собой разумеется, что довоенное отношение заработной платы к продукции в 9,9% не может быть признано нормальным в силу крайне низкого уровня заработной платы в довоенное время. Тем не менее, однако, и уровень 1925/26 года должен быть признан слишком высоким, в силу чего в этом отношении впереди предстоит еще большая работа по рационализации производства и повышении производительности труда.

Заканчивая настоящий очерк динамики промышленности Центрально-Промышленной области за последние годы, нам остается хотя бы несколько осветить процессы развития социальных форм производства. В данном случае мы ограничиваем себя задачей по выявлению количественного соотношения между государственной, кооперативной, частной и концессионной промышленностью, полагая, что и таким путем в достаточной степени могут быть выявлены те процессы обобществления промышленного производства, которые свойственны задачам и природе нашей советской экономики.

Ниже мы приводим таблицу, показывающую распределение валовой продукции и числа рабочих всей цензовой промышленности области по упомянутым выше социальным формам за 1923/24—1925/26 гг. включительно:

	Валовая продукц. в тыс. дов. руб.			В %% к общему итогу		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Всего. . .	915755,8	1601711,3	2208367,6	100	100	100
В том числе:						
государств.	842092,9	1474550,7	2023176,0	92,0	92,1	91,6
кооперативн.	39685,2	84178,1	114559,1	4,3	5,2	5,2
частная	33977,7	41977,5	66672,3	3,7	2,6	3,0
концессион.	—	1005,0	3960,2	—	0,1	0,2

	Число рабоч. в тыс. чел.			В %%% к общему итогу		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Всего. . . .	589,8	740,8	887,4	100	100	100
В том числе:						
государств.	560,3	701,0	836,7	95,0	94,6	94,3
кооперативн.	15,4	26,1	34,3	2,6	3,5	3,9
частная	14,1	13,4	15,5	2,4	1,8	1,7
концессион.	—	0,3	0,9	—	0,1	0,1

Из этих данных явствует, что при абсолютном росте как обобществленной, так и частной промышленности, удельный вес частной промышленности неуклонно падает как по продукции, так и по числу занятых в ней лиц. В группе обобществленного производства наблюдается повышение удельного веса кооперативной промышленности, что является здоровой предпосылкой для последующей организации крупных форм обобществленного производства в Центрально-Промышленной области, долженствующих вовлечь в плановое русло все еще значительную по об'ему и мало организованную массу мелких товаропроизводителей.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство Центрально-Промышленной области в своей организационной структуре тесно связано с индустриальным типом сложения народного хозяйства района. Развитие промышленного капитализма в России, происходящее во вторую половину XIX века и в начале XX века, приводит к образованию в пределах центральной территории страны мощного промышленного массива, который определил собой динамику сельского хозяйства Центрально-Промышленной области и его сложение в указанный период. Во вторую половину XIX века в пределах области складывается крупнейший внутренний рынок для сельскохозяйственных продуктов. Вместе с тем, развитие парового транспорта связало улучшенными путями сообщения центральную часть страны с окраинами, где при более плодородных почвах и низких земельных рентах стоимость производства продуктов зернового хозяйства и продуктов экстенсивного скотоводства была более дешевой. Соответственно с этим, происходит реорганизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района. До второй половины XIX века здесь господствует зерновое трехпольное хозяйство. Новые экономические условия второй половины XIX века вызвали процессы реорганизации сельского хозяйства в сторону производства малотранспортабельных продуктов, как молочных и огородных, находящих сбыт в пределах местного рынка. Под влиянием конкуренции территорий с более дешевым производством зерна, зерновая продукция ЦПО в это время весьма резко сокращается. Полеводство промышленного района товаризируется и реогранизуется в сторону усиления производства высоко-рыночной культуры льна и картофеля. Таким, образом, в начале XX века на территории центрального промышленного массива складывается довольно интенсивное по масштабу страны сельское хозяйство со специализацией в сторону молочного животноводства, огородничества, культуры льна и картофеля.

В годы войны и в первый период революции с разрывом отдельных частей страны, с голодом в Поволжье и общей разрухой сельское хозяйство Центрально-Промышленной области значительно натурализуется, в связи с чем происходит более резкое сокращение рыночных отраслей. Процесс разрушения сельского хозяйства в ЦПО и его натурализация достигают наибольшей силы в 1920 г. Начиная с 1922 г. с общим под'емом народного хозяйства страны происходят процессы весьма быстрого восстановления сельского хозяйства Центрально-Промышленной области, общим направлением которых является расширение товарных отраслей производства.

Рассмотрение состояния сельского хозяйства Центрально-Промышленной области за последний период с 1923 по 1926 гг. начнем с посевной площади. Посевная площадь ЦПО изменялась следующим образом (в тыс. десятин):

1913 г.	8.070,4	100 %
1923 „	7.208,8	89,3%
1924 „	8.011,2	99,3%
1925 „	8.097,4	100,3%

Если в 1923 году посевная площадь ЦПО не достигала более 10% посевной площади 1913 г., то в 1924 году происходит весьма резкое расширение посевной площади, которая почти достигает размеров 1913 г. Небольшое расширение посевной площади в 1925 году приводит к полному восстановлению и даже превышению посевной площади довоенного времени. Таким образом, в одном из основных показателей состояния сельского хозяйства в размерах посевной площади мы имеем завершение восстановительного процесса.

Однако, происходит не только восстановление величин довоенного времени, но, вместе с тем, отмечаются глубокие процессы реорганизации полеводства, что выявляется при рассмотрении динамики посевной площади отдельных культур Центрально-Промышленной области:

Посевная площадь ЦПО по культурам

№№ по пор.		В тысячах десятин				В %% к 1913 г.		
		1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
1	Главн. зерн. хлеба ...	6.408,0	5.646,5	6.146,6	6.110,0	88,1	95,9	95,4
2	Второст. зерн. хл.....	157,4	190,1	228,7	148,6	120,8	145,3	94,4
3	Картофель.....	705,8	801,7	859,8	884,7	113,6	121,82	125,4
4	Лен	335,5	202,7	270,9	360,0	60,4	80,7	107,3
5	Конопля.....	87,0	45,0	76,4	82,7	51,7	87,8	95,1
6	Сеяные травы	266,6	202,5	315,1	389,4	76,0	118,2	146,1
7	Овощи огородные ...	66,4	66,4	68,0	71,0	100,0	102 4	106,9
8	Проч. технич. культ. .	9,6	3,2	3,5	5,7	33,3	36,4	59,4
9	Прочие.....	34,1	50,7	42,2	45,3	148,7	123,7	132,8
	Всего.....	8.070,4	7.208,8	8.011,2	8.097,4	89,3	99,3	100,3

Главные зерновые хлеба медленно восстанавливают свою посевную площадь. Значительно расширившаяся посевная площадь главных зерновых хлебов в 1924 г., по сравнению с 1923 г., в 1925 г. остается стабильной, не достигая 5% довоенных размеров. В составе главных зерновых хлебов больший темп восстановления имеет овес, чем рожь, производство которого в отдельных частях ЦПО носит товарный характер. Рожь—натуральная культура Центрально-Промышленного района— в годы натурализации сельского хозяйства (1920—1922 гг.) имела в относительных величинах к посевной площади значительное расширение, затем, с восстановлением товарного хозяйства и ростом привоза в ЦПО зерновых культур из других районов с более дешевым производством, рожь сократилась в своих относительных размерах в посевной площади и в абсолютных величинах достигла известной стабильности.

Еще более резкое явление происходит у проса, которое не только относительно, но и абсолютно расширялось в ЦПО в период натурализации сельского хозяйства. Отрыв ЦПО от территорий, снабжавших ее до войны крупяными продуктами, потребность в сравнительно небольшом количестве семян для посева проса,—все эти моменты создали весьма благоприятные условия для расширения названной культуры. Это расширение имеет место в известной степени и в 1923 г., сменяясь сокращением в 1924 и 1925 гг., что вполне соответствовало изживанию натурализации сельского хозяйства. На ряду со стабильностью зерновых

культур, отмечается резкое расширение незерновых. Культура картофеля в 1925 г. на 25,4% превышает посевную площадь 1913 г. В расширении картофеля сказывались моменты натурального характера, так как картофель является одним из основных пищевых средств. Весьма малая транспортабельность картофеля и его приспособленность к почвам промышленного района благоприятствовали его устойчивому расширению. Однако, на ряду с использованием картофеля, как пищевого средства, он приобретает значение в качестве кормового средства для скота и в использовании для технических целей. Рационализация севооборотов благодаря введению картофеля делает его весьма ценным растением и с этой стороны. Но одностороннее расширение его продукции, не увязанное с другими отраслями сельского хозяйства, может повести к „картофельному перепроизводству“, каковое явление отмечалось в последние годы в некоторых частях Центрально-Промышленной области. Развитие кормового использования картофеля через свиноводство и техническая переработка обеспечат его устойчивое существование. Значительное расширение в ЦПО в последние три года получают волокнистые культуры—лен и конопля, резко сократившиеся в период натурализации хозяйства. В 1925 г. посевная площадь льна превысила на 7,3% посевную площадь 1913 г. Депрессия в области льняного рынка в дальнейшем может снизить посевы льна, но его расширение указывает на процессы реорганизации хозяйства, имевшие место в три последние года. Особенно эти процессы реорганизации сельского хозяйства видны в расширении площади под кормовыми культурами. Площадь посевов кормовых трав в 1925 году на 46,1% превышает площадь посевов кормовых трав в 1913 г. Расширение площади кормовых трав связано с увеличением значения животноводства в сельском хозяйстве ЦПО. Расширение площади кормовых трав означает протекание глубоких реконструкционных процессов в сельском хозяйстве Центрально-Промышленной области, продолжение процессов реорганизации хозяйства в сторону интенсивного животноводства, начавшихся еще до войны, в связи с индустриализацией народного хозяйства района. На ряду с этим происходит процесс восстановления естественной кормовой площади ЦПО, площадь естественных лугов (заливных и незаливных) в 1925 г. достигла 3.183,0 тыс. дес., что составляет 92,0% площади лугов 1913 года.

Размеры посевной площади являются основой продукции, их изменение характеризует устойчивые процессы, протекающие в полеводстве. Однако, продукция на ряду с посевной площадью определяется другим элементом—размером урожая, подверженным большим колебаниям при погодном сравнении.

Валовой сбор полевых культур в Центрально-Промышленной области изменялся следующим образом (в милл. пуд.):

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
1. Главн. зернов. хлеба	335,8	260,1	263,0	259,5
2. Второстепен. зерн. хлеба.....	7,4	8,7	6,7	7,1
3. Картофель.....	351,9	400,2	403,5	448,7
4. Лен (волокно)	8,7	5,7	5,0	7,0
5. Конопля (вол.).....	2,7	1,6	2,1	2,7
6. Масличные семена.....	11,8	6,5	9,1	12,7
7. Прочие технич. культуры	6,1	2,0	2,2	3,6
8. Посевные травы	53,3	40,5	47,9	59,2
9. Сено лугов.	355,8	237,4	235,9	235,5
10. Овощи огородные	51,4	51,4	52,6	54,9

Особенно резко выделяется прирост сбора картофеля. Отмечается также постоянное расширение сборов льна, конопли, масличных семян, проч. технических культур, сеяных трав и огородных овощей.

Реконструкционный процесс сельского хозяйства Центрально-Промышленной области особенно делается видным, когда переходим к уяснению роли и значения животноводства в сельском хозяйстве ЦПО, отрасли тесно связанной в своем развитии с индустриализацией народного хозяйства района.

За последние годы количество скота в Центрально-Промышленной области резко возрастает. Процессы накопления капиталов в сельском хозяйстве сказались в ЦПО прежде всего на расширении скотоводства. Общее количество скота в переводе на крупный рогатый составляло (в тыс. единиц):

1913 г.	7.007,4	100 %
1923 „	7.748,0	110,6%
1924 „	8.749,5	124,9%
1925 „	8.947,8	127,7%

Общее количество скота в 1925 году на 27,7% превышает его количество в 1913 г. Основной прирост скотоводства, так же, как и полеводства, падает на 1924 г., прирост скотоводства в 1925 г. носит замедленный темп. По отдельным видам скот приростал следующим образом:

	В тысячах голов				В %% к 1913 г.		
	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Лошади рабочие	2.070	2.096,7	2.107,2	2.154,4	101,3	101,8	104,1
Всего лошадей	2.518,6	2.403,8	2.533,7	2.642,6	95,4	100,6	104,9
Коровы	2.331,6	2.898,6	3.154,5	3.311,7	124,3	135,3	142,0
Всего кр. рог. скота	4.516,1	5.144,4	5.767,2	5.592,1	113,9	127,7	123,8
Овцы (всех возраст.)	7.798,0	9.021,6	10.920,6	11.583,0	115,7	140,0	148,5
Свиньи всех возр.	1.239,4	893,2	1.882,2	1.361,1	72,1	151,9	109,8

Лошади, достигнув в своем количестве довоенного уровня в 1924 г., в 1925 г. превышали его на 4,1%. Если мы примем во внимание превышение посевной площади довоенного уровня на 0,3%, то снабжение полеводства рабочими лошадьми в Центрально-Промышленной области превышает довоенное соотношение. Крупный рогатый скот в целом в 1925 г. дает прирост против 1913 г. на 23,8%, в том числе коровы на 42,0%. Значительный рост числа коров в ЦПО говорит об усилении молочного направления, которое с ростом городов ЦПО приобретает все большее значение. При чем уничтожение за время революции помещичьих хозяйств, снабжавших города ЦПО молоком, перенесло молочную продукцию на крестьянские хозяйства, вызвав их широкую реорганизацию в молочном направлении. В годы натурализации сельского хозяйства ЦПО отмечалось резкое сокращение мелких видов скотоводства, которые быстро восстанавливаются в последующие годы. Количество овец в 1925 году на 48,5% превышает их количество в 1913 г. Свиноводство, отрасль имеющая в ЦПО широкие перспективы для своего развития, особенно значительно расширяется в 1924 г., достигая в превышении над цифрами 1913 г. 51,9%, в 1925 г. количество свиней вследствие временной неблагоприятной рыночной кон'юнктуры снижается, при чем свиньи по своему числу в 1925 г. превышают 1913 г. на 9,8%.

Рост скотоводства приводит к значительному возрастанию животной продукции, которая изменялась следующим образом (в милл. пудов):

	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Мясо	10,9	15,3	18,2	14,2
Молочные продукты	163,9	208,9	218,8	208,4
Кожи	1,2	1,5	1,7	1,4
Овчины (штук)	4,1	5,8	6,2	6,4
Прочее сырье	0,5	0,7	0,7	0,7

Как видим, отмечается резкое возрастание мяса и молочных продуктов.

Для характеристики общего изменения продукции сельского хозяйства остановимся на данных ценностного учета продукции в довоенных ценах (в милл. руб.) в пределах Центрально-Промышленной области:

№№ по пор.		1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	В %% к 1913 г. 1923/24	1924/25	1925/26
	Полеводство							
1	Главн. зерн. хл.	268,7	211,8	215,3	207,9	78,8	80,1	77,3
2	Второст. зерн. хл.	7,6	8,9	6,9	7,3	117,1	90,5	96,5
3	Картофель	85,9	97,6	98,5	109,5	113,7	114,6	127,5
4	Лен — волокно	39,0	25,7	22,3	31,4	68,5	62,4	83,0
5	Конопля — волокно	8,7	5,4	6,9	8,8	62,4	80,6	101,7
6	Масличн. семена	18,5	10,3	14,4	20,1	55,9	78,2	108,5
7	Проч. техн. культ.	1,1	0,4	0,4	0,6	33,0	36,5	59,4
8	Солома, колос, мякина, сеян. травы	180,5	139,5	144,1	145,2	77,3	78,9	80,4
	Итого полеводство (1—8)	609,9	499,7	508,8	530,8	81,9	83,4	87,0
9	Овощи и фрукты	60,4	60,4	61,9	64,6	100,0	102,4	106,9
10	Мясо	62,7	88,4	106,5	80,4	140,9	169,8	128,1
11	Молочные продукты	131,1	167,2	175,1	166,7	127,5	133,5	127,1
12	Кожа	7,7	10,1	11,2	9,7	131,0	144,0	125,6
13	Овчины	9,1	12,9	13,7	14,1	141,6	150,6	154,7
14	Пр. сыр. жив. прод.	9,1	12,2	13,6	12,9	133,5	148,3	140,7
15	Навоз	25,3	18,1	23,9	29,6	71,5	94,4	117,0
16	Птица	4,9	3,7	4,3	4,5	75,7	87,0	92,1
17	Яйца	16,7	12,6	14,5	15,4	75,7	87,0	92,3
18	Пчеловодство	1,6	0,8	0,8	1,2	50,0	54,3	71,3
	Итого животнов. (10—18)	268,4	326,1	363,6	334,5	121,5	135,5	124,6
19	Луговодство	160,1	106,8	106,2	105,9	66,7	66,3	66,2
	Все сельское хозяйство	1.098,9	993,9	1.040,5	1.035,8	90,4	94,7	94,3
	То же без повторных статей (семена, корм скота, навоз)	555,4	379,9	397,7	378,8	68,4	71,6	68,2

Общая продукция сельского хозяйства Центрально-Промышленной области в довоенных ценах в 1925/26 г. составляет 1.035,8 милл. рублей, что равняется 94,3% продукции 1913 г. Без повторных статей—семян,

корма, скота и навоза, ценность которых учитывается в последующей продукции сельского хозяйства, продукция составляет 378,8 милл. руб. Резкое снижение продукции за вычетом повторных статей обусловлено значительными размерами корма скота, частью ввозимого в ЦПО из других районов. Общая сельскохозяйственная продукция приблизилась к довоенному уровню. Но в составе этой продукции произошли значительные изменения в соотношении полеводства и животноводства. В 1925/26 г. продукция полеводства составляет 87,0% продукции 1913 г., в то время как продукция животноводства по отношению к 1913 году дает 124,6%. В пределах полеводства недостижение довоенного уровня дают зерновые культуры, технические же культуры достигли довоенного уровня и превышают его. Как видим, при общем приближении продукции сельского хозяйства к довоенному уровню в строении сельского хозяйства происходят глубокие изменения, направление которых вполне совпадает с общей линией развития сельского хозяйства промышленного массива страны.

Учет продукции в довоенных ценах является способом учета натурального расширения продукции, взятой в одних ценностных единицах. При учете продукции последних лет в современных ценах получим (в милл. рублей):

				В %% к предш. году	
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Полеводство	760,5	926,2	951,7	121,8	102,7
Животноводство.....	656,1	680,2	702,3	103,7	103,2
Все сельское хозяйство .	1.641,8	1.831,9	1.875,2	111,6	102.4

Продукция значительно возрастает в 1924/25 г. по сравнению с предшествующим 1923/24 г.; в 1925/26 г. возрастание продукции происходит более замедленным темпом.

Современные цены по отношению к довоенным ценам для двух основных отраслей сельского хозяйства—полеводства и животноводства, учитываемых в целом, в пределах Центрально-Промышленной области складывались следующим образом:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Полеводство	1,5	1,8	1,8
Животноводство.....	2,0	1,9	2,1

Продукты животноводства сравнительно с довоенными ценами имеют более высокие цены, чем продукты полеводства. Таким образом, для продуктов животноводства в последние годы в Центрально-Промышленной области сложилась весьма благоприятная рыночная кон'юнктура, что и обусловило значительное расширение их производства.

Восстановительные процессы сельского хозяйства в Центрально-Промышленной области протекали более напряженно, чем в Союзе в целом. Продукция сельского хозяйства Союза в 1925/26 г. в довоенных ценах составляла 86,5% продукции 1913 г., в то время как в ЦПО, как уже отмечалось, продукция достигла 94,3% от данных 1913 года. Более высокий темп восстановительного процесса в ЦПО имеет место в полеводстве, где продукция в 1925/26 г. достигла 87,0% продукции 1913 г., в то время как в Союзе—84,9%; но особенно резко рост восстановления сказался в животноводстве, где в ЦПО имеем превышение данных 1913 г. на 24,6%, в то время как в Союзе продукция животноводства составляет только 81,4% продукции 1913 г. Значительный рост сельскохозяйственной продукции в ЦПО обусловлен строением народного хозяйства области и ее положением в Союзе. Будучи промышленной областью, ЦПО имеет выше 50% дохода сельского населения, покрываемого промышленными заработками. Сокращение промышленности в первые годы революции усилило позицию сельского хозяйства, как источника покрытия доходов крестьянского населения, и повело к его значительному форсированию. С другой стороны, ЦПО (в основной своей части) не являлась территорией гражданской войны широкого масштаба, как южные части Союза, и здесь не имел места недород типа недорода Поволжья 1921 г., поэтому сельское хозяйство здесь сохранилось в большей степени, чем в других районах Союза и весьма быстро стало восстанавливаться и расширяться в отдельных своих элементах, по животноводству далеко оставив позади нормы 1913 г. Замедленный темп прироста с.-х. продукции в последний год говорит о том, что вместе с восстановительными процессами сельского хозяйства всей страны в целом, Центрально-Промышленная область дальнейшее развитие сельского хозяйства в ближайшее время будет направлять по линии реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего расширения отраслей, соответствующих промышленному характеру области, что особенно будет выявляться вместе с процессами дальнейшей индустриализации народного хозяйства ЦПО.

Производимые продукты сельского хозяйства только в известной части выходят на рынок, остальные потребляются в пределах хозяйства. По данным крестьянских бюджетов ЦПО 1924/25 г. товарная часть продукции Центрально-Промышленной области, отчужденная на городской рынок и внутрикрестьянский рынок к валовой продукции сельского хозяйства составляет 24,7%. Товарность отдельных сельскохозяйственных продуктов весьма различна. В 1924/25 г. она изменялась в пределах ЦПО следующим образом (% товарности к валовой продукции):

1. Главные зерновые хлеба	21,5
2. Второстепенные хлеба	16,0
3. Картофель	18,0
4. Лен (волокно)	86,4
5. Конопля (волокно)	8,5
6. Масличные семена	35,2
7. Проч. технические культуры	63,9
8. Солома, колос, мякина	3,4
Итого полеводства (1—8)	21,0
9. Овощи и фрукты	44,1
10. Мясо	53,1
11. Молочные продукты	21,2
12. Кожа	87,8
13. Овчина	27,3
14. Проч. сырье животн. происх.	10,5
15. Птица	26,5
16. Яйца	20,1
17. Пчеловодство	90.0
Итого животноводства (10—17)	28,3
18. Луговодство (сено, ест. луг и сеян. травы	16,9
19. Все сельское хозяйство	24,7

Соответственно общей структуре народного и сельского хозяйства Центрально-Промышленной области животноводство является более товарным, чем полеводство. В полеводстве по товарности особенно выделяются технические культуры.

Товарная масса сельскохозяйственной продукции, производимая в пределах области, является совершенно недостаточной для покрытия внутриобластного потребления сельского и городского населения по основной массе транспортабельных товаров.

Хлебофуражные балансы Центрально-Промышленной области складываются следующим образом (в милл. пудов):

Приход	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Валов. сбор зерн. культур.....	343,2	268,8	269,8	266,6
Расход				
Семена.....	87,0	62,1	68,7	69,3
Потреблен. скота	84,9	94,7	96,5	98,7
Потребл. сельского населен. ...	219,8	220,7	230,5	236,4
Потребл. гор. населен.	48,6	58,9	56,5	61,8
Итого	440,3	436,4	452,1	466,2
Недостаток	97,1	167,6	182,3	199,5

Как видим, производимая в пределах области хлебофуражная продукция совершенно недостаточна для покрытия расхода этой продукции в ЦПО. Увеличение населения области и возрастание скота при сокращении собственной зерновой продукции обусловливают рост областного дефицита, который покрывается значительным ввозом зерновых продуктов.

Возрастание количества населения Центрально-Промышленной области обусловливает значительное увеличение потребления продуктов сельского хозяйства. Личное потребление населением ЦПО пищевых продуктов сельского хозяйства (полеводственных и животноводственных) выражалось в следующих величинах (в милл. рублей):

	По довоен. ценам	По соврем. ценам
1913 г.	680,9	—
1923/24 г.....	693,4	1.213,9
1924/25 „	729,8	1.385,1
1925/26 „	729,8	1.447,0

Значительное возрастание количества скота приводит к увеличению кормовой потребности ЦПО, которая в итоге для всех видов корма выражалась в следующих величинах (в милл. рублей):

	По довоен. ценам	По соврем. ценам
1913 г.	438,4	—
1923/24 г.....	523,8	668,8
1924/25 „	540,1	704,3
1925/26 „	546,6	668,6

Если всю производимую в пределах Центрально-Промышленной области сельскохозяйственную продукцию сбалансировать со всей потребляемой сельскохозяйственной продукцией как населением, так и промышленностью, то получим следующий сельскохозяйственный баланс ЦПО (см. табл. на стр. 205).

Приводимая таблица, конечно, не претендует дать исчерпывающий баланс с.-х. продукции ЦПО, она не включает коллективных потребителей (учреждения, организации и проч.), но она вполне выясняет структуру сельского хозяйства района. Производимая в пределах ЦПО сельскохозяйственная продукция, примерно, только на половину покрывает внутриобластное промышленное и личное потребление, остальная часть поступает в ЦПО из других районов Союза. Значение привозимой сельскохозяйственной продукции в последние три года все более возрастает сравнительно с довоенным временем. Под влиянием привозимой с.-х. продукции складываются рыночные кон'юнктуры Центрально-Промышленной области как длительные, так и текущие, определяющие в конечном

Сельскохозяйственный баланс ЦПО
(в милл. руб.)

	1913 г.	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.	
	1	1	2	1	2	1	2
Приход							
Земледелие и скотоводство (без переходящ. статей).....	555,4	379,9	839,9	397,7	933,6	378,9	1007,1
Лесоводство и рыболовство.....	50,2	49,7	70,8	50,2	84,9	57,7	90,3
Все сельское хозяйство	605,6	429,6	903,7	447,9	1018,5	436,6	1097,4
Расход							
Промышл. потребл.....	389,9	248,1	513,9	294,9	587,7	370,4	713,9
Личн. потребл. прод. продуктов.....	680,9	693,4	1213,9	729,8	1385,1	729,8	1447,0
Личн. потребл. технич. культ., кож-сырья, дров, рыбы.....	52,8	49,9	117,3	51,2	138,6	54,4	164,6
Все потребл. населения	733,7	743,2	1331,2	781,0	1523,7	784,2	1611,6
Промышл. и личное потребление	1123,6	991,3	1845,1	1075,9	2113,9	1154,6	2325,6
Вывоз продуктов сельского хозяйства.	18,1	5,8	10,4	5,8	9,5	6,0	10,2
Недостаток (ввоз)							
Прод. сельского хозяйства.....	536,2	567,5	951,8	633,9	1102,4	723,9	1238,4

счете строение сельского хозяйства в пределах области, специализировавшейся, как отмечалось выше, на товарном производстве малотранспортабельных продуктов. При значительном ввозе сельскохозяйственной продукции из других районов Союза товарная масса сельскохозяйственной продукции, производимой в пределах ЦПО, не отличается большой величиной, по годам она изменялась следующим образом (в милл. руб.): [3]

	В довоенных ценах		В соврем. ценах
	Абсол.	В %% к 1913 г.	
1913 г.	316,8	100	—
1923/24 г.	237,4	75	387,6
1924/25 „	267,8	85	472,5
1925/26 „	258,2	82	491,5

Почти вся товарная масса с.-х. продукции внутреннего производства потребляется в пределах области. Только очень небольшая часть этой массы уходит из пределов ЦПО. Вывоз из пределов ЦПО сельскохозяйственной продукции представляет, как указано в вышеприводимой таблице, весьма ничтожную величину, включающую, главным образом, льняное волокно.

В заключение обзора состояния и динамики сельского хозяйства Центрально-Промышленной области с 1913 г. по 1925/26 г. остановимся на участии в сельскохозяйственном производстве ЦПО различных социальных категорий. Центрально-Промышленная область, как и другие территории Союза, имеет в настоящее время в производстве сельскохозяйственных продуктов господство частного хозяйства, представлен-

[1] В довоенных ценах.
[2] В современных ценах.
[3] Внутренняя товарная масса включает и внутрикрестьянский оборот.

Сводная таблица данных по народному хозяйству Центрально-Промышленной области за 1913, 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

	Милл. руб. По довоенным ценам				Милл. руб. По современным ценам в черв. руб.			В %% к 1913 г. по довоенным ценам			В %% к предыдущ. году по довоен. ценам		В %% к предыдущ. году по совр. цен. в черв. руб.	
	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
I. Производство														
А. Сельское хозяйство														
Земледелие	1098,9	993,0	1040,5	1035,8	1641,8	1831,9	1875,2	90	95	94	105	100	112	102
Лесн. хоз., рыб., охота	50,2	49,7	50,1	57,7	70,8	84,9	90,3	99	100	115	101	115	120	106
Итого сельского хозяйства	1149,1	1042,7	1090,6	1093,5	1712,6	1916,8	1965,5	91	95	95	105	100	112	103
Б. Промышленность														
Крупная (цензовая)	2069,0	915,8	1601,7	2208,4	1750,5	2622,9	3707,7	44	77	107	175	138	150	141
Мелкая (нецензовая)	420,9	327,6	313,8	361,0	619,0	625,8	661,9	78	75	86	96	115	101	106
Итого промышленности	2489,9	1243,4	1915,5	2569,4	2369,5	3248,7	4369,6	50	77	103	154	134	137	135
Все производство	3639,0	2286,1	3006,1	3662,9	4082,1	5165,5	6335,1	63	83	101	131	122	127	123
II. Товарная масса														
1. Внутр. товарн. масса														
А. Сел.-хоз. с внутрикрестьян. оборотом														
Земледелие	292,3	223,4	252,4	234,1	367,8	446,4	453,8	76	86	80	113	93	121	102
Лесное хоз., рыб. и охота	24,5	13,9	15,4	24,1	19,8	26,1	37,7	57	63	98	110	156	132	144
Итого сельского хозяйства	316,8	237,3	267,8	258,2	387,6	472,5	491,5	75	85	82	113	96	122	104
Б. Промышленность														
Крупная	2069,0	869,9	1379,1	1731,4	1662,9	2258,3	2906,8	42	67	84	159	126	136	129
Мелкая	420,9	327,7	313,8	361,0	619,0	625,8	661,9	78	75	86	96	115	101	106
Итого промышленности	2489,9	1197,6	1692,9	2092,4	2281,9	2884,1	3568,7	48	68	84	141	124	126	124
Вся внутр. товарн. масса	2806,8	1434,9	1960,7	2350,6	2669,5	3356,6	4060,2	51	70	84	137	120	126	121
2. Привоз товаров														
Сельское хозяйство	536,2	567,5	633,9	723,9	951,8	1102,3	1238,4	106	118	135	112	114	116	112
Промышленность	121,9	48,1	63,8	94,9	82,7	127,9	156,4	40	52	78	133	149	155	122
Весь ввоз	658,1	615,6	697,7	818,8	1034,5	1230,2	1394,8	94	106	124	113	117	119	113
3. Вся внутр. товарная масса с ввозом														
Сельское хозяйство	853,1	804,9	901,7	982,1	1339,4	1574,9	1729,8	94	106	115	112	109	118	110
Промышленность	2611,8	1245,7	1756,6	2187,3	2364,6	3011,9	3725,2	48	67	84	141	125	127	124
Вся товарная масса	3464,9	2050,6	2658,3	3169,4	3704,0	4586,8	5455,0	59	77	92	130	119	124	119
III. Остаток товаров за внутриобластным потреблением														
Сельское хозяйство	18,1	5,8	5,8	5,9	10,4	9,5	10,2	32	32	33	101	102	91	108
Промышленность	903,8	360,5	591,4	878,6	715,7	1039,0	1542,4	40	65	97	164	149	145	148
Всего	921,9	366,3	597,2	884,5	726,1	1048,5	1552,6	40	65	95,9	163	148	144	148
IV. Розничный индекс														
ЦПО														
ЦПО (без Москвы)														
Общий														
I полугодие	1000	—	—	—	2,10	2,14	2,35	—	—	—	—	—	101,9	109,8
II полугодие	1000	—	—	—	2,21	2,23	2,54	—	—	—	—	—	100,9	113,9
Средне-годовой	1000	—	—	—	2,14	2,18	2,42	—	—	—	—	—	101,9	111,1
Сельскохозяйственный														
I подугодие	1000	—	—	—	1,51	1,80	2,09	—	—	—	—	—	119,2	116,1
II полугодие	1000	—	—	—	1,84	2,02	2,34	—	—	—	—	—	109,8	115,8
Средне-годовой	1000	—	—	—	1,64	1,90	2,19	—	—	—	—	—	115,9	115,3
Промышленный														
I полугодие	1000	—	—	—	2,89	2,55	2,59	—	—	—	—	—	88,2	101,6
II полугодие	1000	—	—	—	2,65	2,44	2,71	—	—	—	—	—	92,1	111,1
Средне-годовой	1000	—	—	—	2,79	2,49	2,64	—	—	—	—	—	89,2	106,0
V. Проценты товарной массы к продукции														
А. Сельское хозяйство														
С внутрикрест. обор.														
Земледелие	26,6	22,5	24,3	22,6	22,4	24,4	24,2	—	—	—	—	—	—	—
Лесн. хоз., рыб. и охота	48,9	28,0	30,7	41,7	28,0	30,7	41,7	—	—	—	—	—	—	—
Итого сельского хоз.	27,6	22,8	24,6	23,6	22,6	24,7	25,0	—	—	—	—	—	—	—
Б. Промышленность														
Крупная	100,0	95,0	86,1	78,4	95,0	86,1	78,4	—	—	—	—	—	—	—
Мелкая	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—	—	—	—	—	—
Итого промышленности	100,0	96,3	88,4	81,4	96,3	88,8	81,7	—	—	—	—	—	—	—
Итого производства	77,1	62,8	65,2	64,2	65,4	65,0	64,1	—	—	—	—	—	—	—
VI. Соотношен. товарн. масс сел. хоз. и промышленности														
Без ввоза														
Сельское хозяйство	11,3	16,5	13,7	11,0	14,5	14,1	12,1	—	—	—	—	—	—	—
Промышленность	88,7	83,5	86,3	89,0	85,5	85,9	87,9	—	—	—	—	—	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—	—	—	—	—	—
С ввозом														
Сельское хозяйство	24,6	39,3	33,9	31,0	36,2	34,3	31,7	—	—	—	—	—	—	—
Промышленность	75,4	60,7	66,1	69,0	63,8	65,7	68,3	—	—	—	—	—	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—	—	—	—	—	—

ного мелким крестьянским производством. Удельный вес частного хозяйства в общей сельскохозяйственной продукции имеет значительную величину. В 1925/26 г. с.-х. продукция (без лесоводства и рыболовства), исчисленная в современных ценах, распределялась между различными социальными категориями следующим образом (в милл. руб.):

	Абсол.	В %%
Государственное хозяйство.....	11,2	0,7
Кооперативное „	4,9	0,3
Частное „	1859,1	99,0
Итого.....	1875,2	100

Последние два года в сельском хозяйстве Центрально-Промышленной области характеризовались сокращением продукции государственного и кооперативного сектора сельского хозяйства, что было связано с стремлением к более рациональной организации совхозов, путем их реорганизации и приспособления имеющихся в их распоряжении капиталов к территории, и с резким сокращением в первые годы новой экономической политики числа крестьянских хозяйств, вовлеченных в производственные об'единения. Поставленное на прочные основания хозяйственного расчета государственное и кооперативное хозяйство имеет все данные к расширению, специализировавшись на отраслях, соответствующих общей структуре сельского хозяйства Центрально-Промышленной области.

Против „друзей“ районирования [1]

Вопросам методологии и практики районирования уделено было уже значительное внимание в нашей печати, уделяется оно и сейчас при проведении реформы в отдельных частях нашего Союза. Вполне понятен тот огромный интерес, с которым относятся местные работники к вопросу о практических итогах реформы в районированных областях, как, напр., на Урале, Северном Кавказе и Украине. Не меньший интересс точки зрения методологии и практики районирования представляет сейчас работа, проделываемая в этой области в Средней Азии.

К сожалению, вопросу изучения итогов районирования уделено недостаточное внимание. В своей статье „К вопросу об очередных задачах районирования“ тов. Шаров делает незаслуженный комплимент как работникам по районированию, так и (особливо) тем учреждениям, коим надлежит ведать изучением и проверкой практических итогов на местах.

У работников по районированию много друзей, но друзья „друзьям“ рознь, и, к сожалению, можно было отнести тов. Шарова к числу „друзей“, которые об'ективно не столько помогают проводимой реформе, сколько, испугавшись неизбежных трудностей в этом новом деле, пугают ими других. В силу, по всей вероятности, слабого знакомства с принципами, положенными в основу экономического районирования Союза, при совершенном незнании действительного положения вещей тов. Шаров предлагает пересмотреть основные принципиальные вопросы, ибо как иначе расценивать предлагаемые им рецепты, в сущности, возвращающие нас к старым, давно разрешенным спорам?

Большую часть своего внимания (первую и третью часть статьи) автор посвящает установлению того факта, что в деле районирования стоит хаос, что единство руководящей идеи и единство руководящей воли имеет место только в районировании по национальному признаку. Во всех же других случаях принципиальная четкость теряется, существует полнейший разнобой, а в результате „вместо упрощения административной карты Союза получилось, пока что, огромное ее усложнение и пестрота“ (курсив здесь, как и ниже, везде наш. М. А.).

Мероприятия партии и правительства направлены к тому, чтобы во всей нашей работе, в том числе и в деле районирования, достигнуть максимальной плановости или, как теперь принято говорить, „добиться необходимой плановой дисциплины“. Нельзя спорить с автором о том, что в деле проведения районирования у нас еще недостает плановости, как недостает ее и в других областях строительства. Вопрос экономического районирования есть сложный и длительный процесс хозяйственной организации территории СССР, вытекающий из общих наших экономических мероприятий и хозяйственной политики, рассчитанных на ряд длительных лет.

[1] См. ст. тов. Шарова в журнале „Плановое Хозяйство“, № 8 за текущий год.

Больше всего тов. Шарова пугает административная пестрота, побороть которую он мыслит себе путем незамедлительного установления единообразия организационных форм велением того же самого административного жезла, результаты действий которого в то же время пугают тов. Шарова. Говоря проще, метод тов. Шарова можно охарактеризовать поговоркой: „клин клином вышибай". Со всей категоричностью надо сказать, что все наши усилия направлены к тому, чтобы достичь максимального сочетания административных форм с потребностями экономического развития районов. Первые, если можно так сказать, пригнать ко вторым, а не наоборот. В первой части своей статьи все спасение тов. Шаров видит в необходимости раздельной постановки вопроса экономического районирования от административного.

Разберемся в том, что хотел сказать тов. Шаров в защиту примата административного районирования над экономическим, и попытаемся показать читателю, что автор несмотря на ряд указаний на то, что „районирование есть основа построения планового хозяйства" (и другие, см. второй раздел ст.), с которыми мы вполне согласны, по существу же является противником тех идей экономического районирования, которые развиты в трудах Госплана по этому вопросу.

Пару слов о „друзьях" районирования. На страницах журнала „Плановое Хозяйство" в прошлом году была дана должная отпись проф. Понтовичу. Должную оценку он получил и во вступительном слове Г. М. Кржижановского на С'езде Госпланов.

Понятно, что нам не приходится оправдываться в том, „что мы разрушаем старые, испытанные централистические основы политики и экономики России. [1] Но тот же Понтович писал и следующие строки: „Центральная власть, районируя страну, совершает не что иное, как наметку на ближайший исторический период своего хозяйственного плана. Интересы мест расцениваются при этом с точки зрения интересов государственного хозяйства. Нельзя не признать, что проект районирования, при всей его децентрализаторской внешности, есть попытка приближения к социалистическому хозяйству".

И прав был Г. М. Кржижановский, когда заявил на том же С'езде, что он „очень желал бы, чтобы противники подобного рода высказывались именно в таком направлении. Попытки приближения к социалистическому строю—это как раз наше очередное занятие. Думаю, тт., что хотя на нашем С'езде мы не ставим в виде особого вопроса экономическое районирование, но именно, как активные плановые работники, мы не можем обойти молчанием крайнюю необходимость дальнейшей организации экономических районов. Именно, с точки зрения защиты существеннейших интересов плановой работы". Как мы увидим ниже, между постановкой вопроса у тов. Кржижановского и тов. Шарова существует огромная разница. Понятно, нельзя целиком сравнивать мысли тов. Шарова с писаниями проф. Понтовича, в сущности, „болеющего душой" за разрушенные советской властью формы административно-экономического управления России, созданные „собирателями земли русской". Вынув самое существенное в районировании — его экономическое обоснование, отбрасывая на второй план роль и значение организации экономических районов,— тов. Шаров, в сущности, недалеко ушел в некотором смысле и от Понтовича. В самом деле, если первый боится ломки, то как иначе расценивать вышеприведенные замечания Шарова, как не испуг перед происходящей ломкой. Правда, первый предлагает не трогать (с большим запозданием!), другой предлагает исправлять, но как? Указав, что „мы проводим в настоящее время в виде организации областей, округов, волостей,— в сущности,—районирование административное, а не экономическое", тов. Шаров предлагает немедленное упорядочение административного деления, завершение административного районирования.

[1] См. „Плановые проблемы", изд. „Плановое Хозяйство", 1925 г., стр. 5.

Начинает он со своеобразного уравнения (!) значения административного и экономического районирования. Он пишет: „Связь между административным и экономическим районированием (обратите внимание: сначала административное, а затем идет экономическое— и это у т. Шарова не случайно. М. А.), заключается не в том, что они покрывают друг друга, они не покрывают,—а в том, что они поддерживают друг друга". Несколько ниже мы читаем: „Раздельная постановка вопросов об экономическом и об административном районировании облегчит и взаимную связь их решения".

Как автор облегчает разрешение вопроса, мы увидим ниже, но сейчас позволим указать читателю на следующие строки, помещенные как раз между двумя приведенными цитатами, дабы автор не обвинил нас в вольном пользовании его текстом: „Административное районирование строится с учетом вывода ориентировочного экономического районирования и т. д.". Хорошо и то, что автором не забыто „экономическое районирование". Но несмотря на это в третьей части своей статьи он пишет: „Административное деление страны является организационной базой для изучения и установления предпосылок экономического развития отдельных местностей и, вместе с тем, оно является и пространственной основой для составления и проведения хозяйственных планов". [1]

Этой формулировкой тов. Шаров перевертывает вверх ногами сущность госплановской идеи в районировании, а во-вторых, сводит на нет свои рассуждения о пользе экономического оформления районов. Рекомендуя читателю проводить твердое различие между районированием экономическим и административным и предлагая также „решительно признать", что проводимое районирование есть административное, а не экономическое, автор не видит или не хочет видеть того, что экономическое районирование и только таковое есть тот фундамент, на котором может быть построена и развиваться правильно вся хозяйственная жизнь района (достигнута экономическая организация района), а вопросы административные, от разрешения которых зависит бесспорно много, все же для нас должны являться лишь факторами производного значения, а не наоборот.

Вся сумма административных, хозяйственных мероприятий, будь то мероприятия эпохи военного коммунизма, будь то мероприятия, связанные с переходом к нэпу и дальнейшего времени, является следствием тех экономических и социальных процессов, под бурным революционным натиском которых рушилась старая система хозяйствования и административного управления.

Что превалирует—административное или экономическое районирование? Тов. Шаров отвечает, что раньше первое. Более того, он утверждает совершенно противоположное принятым Госпланом принципам, что без предварительного административного устройства невозможно получить экономический эффект от реформы. „Нет организационной базы,—пишет

[1] В другом месте тов. Шаров изрекает, что „вести плановое хозяйство", т.-е. составлять планы (своеобразное раз'яснение! М. А.)... можно только при устойчивости территориального охвата плана" (!).

Если тов. Шаров руководствуется этим в практике, то не позавидуем ему!

он,— для изучения и установления предпосылок экономического развития". Ведь это же не вяжется с „раздельной постановкой вопроса", ведь это так слабо увязывается с цитированным выше заявлением автора о том, что административное районирование строится на основе учета выводов из ориентировочного экономического районирования.

Больше того, по Шарову получается, что административное районирование является „и пространственной основой для составления и проведения хозяйственного плана". Здесь интересно посмотреть, как у тов. Шарова образуется „пространственная основа" ну, хотя бы в таком важнейшем моменте при районировании, как проведение низового районирования.

Что тов. Шаров неопытный практик в деле районирования—вина не его, ибо реформа до Рязани еще не дошла. Напомним читателю, что тов. Шаров в начале статьи признал районирование по национальному признаку удавшимся, без сомнения это более всего может быть отнесено, например, к Сев. Кавказу. Вот как у тов. Шарова связуются концы с концами его мыслей, вот какая царит у него путаница. Одним из примеров может служить его „новая теория" торгового районирования: „Признак торгового тяготения, который оказался решающим для границ большинства новых волостных районов, восторжествовал, конечно, не потому (да неужели!? М. А.), что базарная торговля была кардинальным фактором специфического развития местной хозяйственно-производственной жизни, а потому, что базарное село несмотря на отрицательное влияние, оказываемое на население, а иногда и на местную власть кулацкими течениями его быта (!? — М. А.), являлось до революции и остается теперь удобным с точки зрения сообщений пунктом для концентрации в нем административных и культурно-социальных учреждений" (только ли, тов. Шаров?). [1]

Скучно разбираться в этой путанице мыслей, но ведь это, к сожалению, и есть та основа, на которой строятся выводы о районировании по Шарову. Если в важнейшем вопросе о низовом районировании у т. Шарова такая путаница, то понятен его испуг перед воображаемым хаосом в теории и практике районирования. Искать же в выше цитированном связанного и правильного представления у тов. Шарова об элементарных истинах первоначальной политической экономии чрезвычайно трудно. По тов. Шарову получилось, что при установлении низового районирования центр выбирался из-за административных удобств, тогда как такие „пустяки", как базарная торговля, не являющаяся по Шарову показателем специфического развития местной хозяйственной жизни (к тому же развращающая местное население и власть!) являлась случайным фактором. Хорошо, что тов. Шаров не забыл упомянуть о роли путей сообщения. Поблагодарим его и за это.

Каковы же перспективы у тов. Шарова? Оказывается, что „совпадение административных и экономических разграничительных линий возможно в настоящее время лишь в редких исключительных случаях и стремление провести эти линии одну под другой, по большей части, совершенно безнадежно". Ясно всякому, что вопрос о совпадении их так просто не решается, безнадежность же, сквозящая в вышеуказанных строках, является следствием той путаницы, которую сам автор внес и которой он пугает других. Насколько тов. Шаров далек от

[1] Автор также выдвигает идею „добровольного кооперирования селений, волостей, округов", чем создаются „новые расширенные районы" специального значения! Что понимает автор под добровольчеством этого, более чем своеобразного (!) „членства", непонятно из статьи, как и туманна сама идея, к которой, кстати сказать, следует вернуться особо.

понимания основных вопросов экономического районирования, насколько он „диалектичен" в своих ошибках, читатель может судить из следующего определения: „и каждая наша новая область, и почти каждый округ, представляя собою ясно обособленную и четко ограниченную административную территорию (речь идет о районированных областях. М. А.), имеет в своем составе такие части, которые по отдельным главным экономическим признакам и по сумме экономических признаков гораздо ближе к некоторым частям других областей и округов". Если быть последовательным, то вместе с тов. Шаровым нужно было бы сослаться на такой пример осуществления 100% административной четкости, как это мы имеем, например, на Сев. Кавказе, где к тому же имеется сложнейший национальный вопрос. Однако, и вопреки Шарову на Сев. Кавказе мы как раз имеем относительно наибольшее приближение, чем где бы то ни было к принципам экономического районирования, а в области административной надо желать много лучшего.

Если бы тов. Шаров продумал свою мысль до конца, нечего было бы и огород городить, вводя в заблуждение себя и других. В итоге его рассуждений получилось то, что четко „ограниченная административная территория не соответствует и главным и второстепенным экономическим признакам". Стало быть, излюбленная тов. Шаровым „административная четкость" достигнута, пространственная основа найдена, в результате, основные экономические признаки попали не туда, куда надо.

Еслиб было так, как представляет дело Шаров, то действительно было бы весьма печально. К счастью, дело обстоит так только в воображении нашего автора.

Необходимо с полной определенностью сказать, что широкий территориальный размах, который приобрела работа по районированию, далеко превосходит степень осуществления основных идей Госплана. Несомненно, что идея экономической специализации районов и широких хозяйственных комбинатов, имеющая крупнейшее значение для строительства социализма, требует громадной работы в будущем. В порядке самой плановой работы и актуальной постановки вопроса технической реконструкции и капитального строительства, создаются предпосылки для реализации этой основной части идеи районирования.

Кроме того, надо сказать, что все обследования единодушно констатируют положительное влияние низовой реформы, подчеркивая, что в лице районов мы получили крепкую и быстро растущую хозяйственную и финансовую ячейку, способную к проявлению хозяйственной и культурной инициативы, и совершенно не нужна та „защита" принципов низового районирования, которую мы имеем со стороны тов. Шарова, так же, как его опасения на счет влияния, оказываемого на население и местную власть кулацкими течениями быта базарного села. Кстати, последнее может претендовать на все, что угодно, хотя бы на своеобразное народничество, только не на марксизм.

Мы не менее заинтересованы в том, чтобы кулацкие влияния и влияния нарождающейся торговой буржуазии не извращали бы нашей линии в советской работе. Но именно потому хозяйственные и административные органы должны быть в экономическом центре района для более успешного регулирования хозяйственных процессов.

Если здесь быть последовательным, то, естественно, надо предложить нам капитулировать на важнейшем участке нашего хозяйственного фронта. Своего рода „непротивленчество",—„уйди от греха и сотвори благо",— сквозит здесь у нашего „друга" районирования в то время, когда все

наши силы направлены к тому, чтобы овладеть рынком, подчинить стихию последнего регулирующему воздействию наших плановых органов.

Здесь поистине наш автор уподобляется небезызвестному страусу, беда только в том, что последнему угрожала опасность, а тов. Шаров напуган по своей собственной вине.

Изменением принятых принципов районирования мы действительно не облегчим развития районного хозяйства, а как раз наоборот — будем усложнять и без того весьма сложное, переходное положение.

Первый этап районирования может быть характеризован, как постепенное преодоление раз'единения командных отраслей хозяйств (от треста к комбинату) и параллельно, как консолидация областного местного хозяйства. Второй этап внешне может рисоваться как бы идущим по пути децентрализации. По существу же мы будем иметь несомненно крупнейшую связь по пути обобществления всего хозяйства. Вся беда в том, что распыленное местное народное хозяйство в настоящее время регулируется с помощью крайне несовершенных методов, иногда включительно до административных приемов.

Чем же тов. Шаров гарантирует прочность и определенность, в первую очередь, законченного административного деления, минуя указываемый Госпланом путь? Ничем. Сведя всецело на второй план значение экономических факторов и подчеркивая примат административный, переоценивая (без всякого экономического обоснования!) им найденные „пространственные основы", а также и административное воздействие, он вольно или невольно повторяет ошибки старых администраторов. Если проф. Понтович сожалеет о прошлом, то тов. Шаров, сам же испугавшись тени своих „теоретических" предпосылок, в панике вносит предложения, по сущности своей ликвидирующие начатую работу и, во всяком случае, не способствующие изживанию административных уклонов, а как раз наоборот — оправдывающие таковые.

Мы всемерно должны бороться вовсе не за твердую, „непоколебимую" сетку районов Госплана. Не в этом суть. Наоборот, подготовляемый генеральный план развития народного хозяйства даст много нового, внесет поправки, укажет на ошибки, неизбежные в этом деле, и тем более будет способствовать мероприятиям, направленным к экономической организации районного хозяйства.

Мы должны всемерно бороться с искажением принципов экономического районирования, откуда бы они ни исходили.

А. Ярмош

Проблема изжития хлебного дефицита в Дальне-Восточном крае[1]

I

Несмотря на то, что сельское хозяйство играет в крае преобладающую роль, составляя 78% в общей сумме валовой продукции народного хозяйства, а на сельское хозяйство в более тесном смысле (земледелие, животноводство и проч.) приходится 52%, оно не в состоянии покрывать своей продукцией потребности местного населения. Дальне-Восточный край является дефицитным в отношении продовольственных хлебов, зернофуража, маслосемян и мясопродуктов.

Хлебный дефицит в довоенное время составлял в год 9—10 милл. пудов. В настоящее время хлебный дефицит снизился до 7 милл. пудов. Дефицит в отношении зернофуража по краю колеблется в пределах около 150 тыс. пудов.

Своими маслосеменами обходятся бывшие Амурская и Приморская губернии, Забайкальская же обеспечивается почти исключительно привозимыми. Дефицит мясопродуктов и животных жиров исчисляется в 100 тыс. пудов. Недостаток пищевых продуктов пополняется ввозом хлебофуража из Сибири, а мясных и жировых продуктов — из Китая и Монголии.

Дефицитность сельского хозяйства края—не случайность, а явление хроническое. Причины относительно слабого развития сельского хозяйства в крае весьма сложны и заключаются, главным образом, в неблагоприятных естественно-исторических условиях края. Заботы по изжитию дефицита проявлялись и в дореволюционный период, и эта проблема всегда была и остается одной из важнейших краевых проблем. Покрытие недостатка в хлебе за счет собственной продукции, по общему убеждению, возможно лишь при условии усиления колонизации.

Но надежда на то, что в результате колонизации и увеличения сельского населения будет изжит хлебный дефицит до сих пор не оправдалась. Нельзя ожидать устранения хлебного дефицита даже и в ближайшее десятилетие, что подтверждают подсчеты возможного роста посевных площадей. Эти подсчеты проведены по двум вариантам перспективных колонизационных планов: по варианту ДальЭКОСО, предусматривающему вселение в сельскохозяйственные районы в 10 лет

---

[1] Помещая статью тов. А. Ярмоша и считая, что выдвигаемые автором вопросы должны быть обсуждены, редакция с некоторыми положениями автора не согласна и ряд его практических предложений считает недоработанными (например, нет разработки вопроса о доходности мелиорированных земель, о возможной величине земельной ренты и т. д.). Наиболее заслуживающим внимания и обсуждения редакция считает выдвинутый автором вариант разрешения колонизационной проблемы, являющийся попыткой отойти от традиционных переселенческих навыков к экономическим методам регулирования дела колонизации и мелиорации. Статья дискуссионная.

300 тыс. душ, и по варианту Дальземуправления, предусматривающему вселение одного миллиона душ земледельцев в тот же срок. В обоих случаях хлебный дефицит к концу десятого года сохраняется, при чем по варианту Дальземуправления хлебный дефицит будет выше благодаря тому, что под колонизацию предполагается обратить районы, трудно поддающиеся освоению. По данным М. Щелищева [1] недостаток хлебов по первому варианту колонизационного плана с 4,5 милл. пудов в 1926/27 г. снизится в 1935/36 г. до 3,3 милл. пудов, или если принять дефицит 1926 г. за 100, то в 1935 г. мы будем иметь 73,2. По второму же варианту дефицит будет иметь тенденцию к возрастанию: с 4,9 милл. пудов в 1926/27 г. он вырастет до 9,5 милл. пудов в 1935 г., или, принимая дефицит 1926 г. за 100, к 1935 г. будем иметь удвоенный дефицит, т.-е. почти 200.

Дефицитность сельского хозяйства края представляет серьезную проблему края. Большой земельный простор, относительно высокая урожайность с десятины, в недалеком прошлом превышающая среднюю урожайность в Европейской России, крупные размеры старожильческих хозяйств, рекордные размеры посевов на хозяйство в Амурской губернии и те же рекордные цифры голов скота на хозяйство в Забайкальской губернии,—все это, казалось бы, должно не только обеспечивать краю его продовольственные потребности, но и давать излишек для экспорта. Рынки сбыта и цены для реализации благоприятны. И если до сих пор сельскохозяйственная продукция незначительна, а хлебный дефицит приобрел значение хронического, то, очевидно, одно из двух: или ходячие суждения о плодородии края и о „пшеничной фабрике“ на Амуре сильно преувеличивают действительные возможности сельского хозяйства, или же есть случайные причины, задерживающие развитие сельского хозяйства, устранение которых вполне возможно.

II

Прежде всего возникает вопрос: нужно ли проявлять особую заботу и настойчивость по изжитию хлебного дефицита. Может быть, последний не служит препятствием для хозяйственного развития края. Некоторые экономисты (напр., проф. Кобозев) полагают, что для сельского хозяйства в крае нет благоприятных перспектив, что экономическое и хозяйственное развитие его должно основываться на использовании промышленных богатств (горных, лесных и рыбных). Дешевый и необходимый хлеб, по их мнению, край может получать из Сибири, что к тому же будет отвечать и хозяйственным интересам последней.

Мы же, однако, полагаем, что индустриализация края—дело отдаленного будущего. Сами по себе запасы природных богатств не являются условием, определяющим развитие промышленности. Ценными эти богатства будут только тогда, когда для них наступит период так называемой „экономической зрелости“. Это предполагает собой уплотнение населения края, повышенный уровень культурности его, наличие в крае значительных капиталов и т. д. По самому осторожному подсчету, для широкой разработки промышленных богатств хозяйств, в край необходимо в десятилетие влить не менее 2—3 млрд. рублей или же ежегодно вкладывать 200—300 милл. рублей.

---

[1] „К вопросу о характере колонизации Д. В. края“, „Экономическая Жизнь Д. В.“, № 4, 1926 г.

Кроме того, для развития промышленности необходимо располагать рынками сбыта. Свободных рынков нет. Их надо завоевать.

Для успеха заселения края дешевый хлеб является непременным условием. В большинстве случаев наши переселенцы движутся в „неведомые края“, чтобы обеспечить себе насущный кусок хлеба. Привозной хлеб, как бы он ни был дешев на месте его производства, в условиях переселенческого быта всегда будет дорогим. Удаленность участков от железнодорожных линий и слабая сеть грунтоых дорог делают доставку грузов на переселенческие участки весьма затруднительной.

Нехватку в крае своего хлеба нельзя об‘яснять высоким процентом городского населения. Правда, промышленное и городское население составляет 27,2% всего населения, а по одной Приморской губернии 32,6%, что ставит наш край на исключительное место во всем Союзе. По Союзу городское население составляет 16,4%. Но в привозном хлебе нуждается не одно население городов и промышленных районов, но и само сельское население. Для последнего продовольственных хлебов нехватает до 2 милл. пудов. Недопроизводство хлебов наблюдается в бывшей Приморской губернии до 2 милл. пудов и в бывшей Забайкальской губернии — 2,4 милл. пуд. Наоборот, амурское земледелие дает избыток хлебов в 2,3 милл. пудов. Недостаток продовольственных хлебов в процентном отношении к валовой продукции выражается в Забайкальской губернии 36% и в Приморской—33%. Избыток же по Амурской губернии в процентном отношении к той же валовой продукции составляет 24%.

По переписи 1923 года мы имеем посевов на одно хозяйство 3,8 дес. и на одну душу в 0,7 дес.

Эти цифры очень близки к среднем у посеву для производящих районов РСФСР, где посевы на хозяйство 3,7 дес. и на одну душу 0,66 дес. и несколько ниже, чем те же средние по Украине. Средние посевы по бывшим губерниям Забайкальской и Приморской несколько ниже, чем по краю в целом. По Забайкальской губернии на хозяйство—2,9 дес. и на душу—0,5 дес.; по Приморской—на хозяйство—3,5 дес., на душу—0,6 дес.

Дальне-Восточный край обладает весьма малой посевной площадью.

III

Важнейшим препятствием к широкому и выгодному развитию сельского хозяйства в крае являются общие его естественно-исторические условия.

Дикая девственная природа наложила свой отпечаток на всю поверхность края. Здесь нет ни одной пяди земли, непосредственно годной для сельского хозяйства, которая не нуждалась бы в прошлом или теперь в предварительной большой подготовке. Огромное пространство края на 60% заполнено горами; 70% его покрыто лесами; 50% заболочено (заболоченности больше всего в Приморской губернии, затем в Амурской). Самые удобные районы—Зазейская равнина и Приханкайский район — уже заселены, а остальные пространства лишь с большим трудом поддаются освоению. Чтобы подготовить к пашне одну десятину на Амуре или в Приморье необходимо затратить:

1) в местности сухой и ровной на разделку целины (таких площадей ничтожный процент) 35 руб.;

2) в местности поверхностно-заболоченной, кроме расходов на разделку целины—на поверхностную осушку путем систематического выкачивания, пускания валов, пастьбы скота, рубки леса, кустарника и проч. в 15 руб., а всего—50 рублей;

3) в местности, значительно заболоченной, на устройство дренажных и водоотводных канав—50 руб. с десятины, а с расчисткой (35 руб.)—85 рублей;

4) в местности таежной, лесной на корчевку леса (1 дес.)—100 р.

Таким образом, минимальная стоимость десятины обходится в 35 р., а максимальная в 100 руб. Среднюю стоимость десятины, учитывая преобладание лесных и болотных площадей, можно принять рублей в 75. На устройство самых необходимых, магистральных междуселенных и внутринадельных грунтовых дорог и троп — расход на одну десятину выразится в сумме около 10 рублей. Весь же расход на десятину, считая сооружение железных дорог, выразится в 85 рублей. Отсюда становится понятным, почему переселенческие хозяйства, обосновавшиеся в необжитых районах, и через 10 лет остаются потребляющими. В крае нет данных для широкого развертывания экстенсивного зернового хозяйства, и вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земель—процесс весьма трудный и дорогой. Динамика посевной площади в переселенческих хозяйствах в дореволюционный период представлялась в таком виде: [1]

Число лет	Прожившие на участках в районах:			
	Хабаровском	Иманском	Приханкайском	В среднем
	(В десятинах)			
До 2 лет	0,3	0,6	2,1	1,0
2—3 года	0,7	2,0	3,9	2,4
4—6 лет	1,3	2,4	4,9	3,3
7—10 „	2,1	3,8	8,4	5,4
10 и более	3,8	4,5	7,6	4,5
В среднем	0,8	2,5	4,0	2,9

Из этой таблицы можно видеть, как медленно развивается посевная площадь даже в таких полуобжитых районах, как Хабаровский, где для хозяйства, при современных условиях, представляется почти безнадежным выбиться в разряд производящих. Чтобы расширять посевную площадь ежегодно всего на 1 десятину, для этого надо вкладывать в новые площади каждый год по 80—90 рублей. Между тем, увеличение основных капиталов в переселенческом, как и вообще в крестьянском хозяйстве происходит чрезвычайно медленно. Накопление средств в размерах, обеспечивающих подготовку хотя бы одной десятины в год, для массы хозяйств является делом недоступным. Первые 1—3 десятины переселенец осваивает частью за счет вынесенных с родины небольших капиталов, а частью за счет тяжких лишений и отказа для себя и для семьи в самом необходимом. По данным переписи 1923 г. в Хабаровском округе на одно хозяйство приходилось посевов в поле и на приусадебной земле 2,2 десятины. Другими словами, хозяйство не обеспечено своим хлебом. Между тем, молодых хозяйств ко времени переписи в Хабаровском округе уже не было, так как переселенцы последнего прибытия относятся к 1915 году, число которых к тому же было незначительно. В том же Хабаровском округе на одно хозяйство приходится территории свыше тысячи десятин.

[1] Материалы Переселенческого Управления по обследованию переселенческих хозяйств сост. А. Меньшиков.

Несмотря на огромные земельные пространства края и незначительную посевную площадь (около 800 тыс. десятин), среди населения развиты земельные споры, а также жалобы на недостаток удобных земель и земельную тесноту. С другой стороны, среди населения наблюдаются чрезвычайно частые споры из-за наделов.

По мнению некоторых местных деятелей дефицитность сельского хозяйства края представляет собою результат временной депрессии, которая наступила, как следствие системы сельхозналога.

Имея в виду остановиться на этом вопросе особо, мы с своей стороны считаем, что амурское хозяйство развивалось при особо исключительных условиях, которые не могут быть воспроизведены не только в отношении других районов края, но и для самого Амурского округа.

Быстрое развитие посевных площадей создано другими обстоятельствами. Последние заключались в поощрительных интендантских закупках зерна, на которых правительство переплачивало крестьянам 25% на пуде, в системе выдачи авансов под посев и в предоставлении населению возможности приобретать на льготных условиях американские с.-х. машины, которые здесь наиболее пригодны. Но коренной причиной, создавшей фермерский тип хозяйства на Амуре и частью в Приханкае, надо считать систему финансирования края, которая по соображениям военно-стратегического характера практиковалась в прошлом. Золотой дождь, сыпавшийся на сооружение железных дорог, крепостей, гаваней, судов, на содержание военных гарнизонов и т. д., создавал повышенное насыщение края капиталами. Часть этих капиталов уходила обратно в Россию, часть попадала за границу, а часть задерживалась здесь, размещаясь по преимуществу в золотом промысле и в сельском хозяйстве. Как только исчез золотой поток, неизбежно должны были начаться затруднения для крупных хозяйств, выросших на системе особого государственного покровительства. Благоприятной конъюнктурой в довоенный период могли воспользоваться далеко не все хозяйства. По Благовещенскому уезду в 1917 году беспосевных хозяйств насчитывалось до 10%. Пример хозяйства Зазейского района в дореволюционный период показывает, какое огромное значение в условиях ДВ края может иметь капитализация хозяйств и подготовленность земельных площадей. В местных условиях могут развиваться только хозяйства, обеспеченные рабочими руками и капиталом, могущие своими силами справляться с трудностями природы, ибо совершенно невозможно было бы за счет казны пытаться превращать пустынную тайгу и болота в Зазейскую или Приханкайскую равнину.

IV

При решении вопроса, как усилить развитие посевных площадей и изжить хлебный дефицит, прежде всего надо принять как бесспорное положение для ближайшего периода, что развитие продовольственных хлебов в целях экспорта—дело, во всяком случае, мало вероятное.

Но, с другой стороны, представляется необходимым и вполне возможным создать такие условия, чтобы край обеспечивался своим хлебом, и дать возможность новым засельщикам найти выгодное приложение труда в сельском хозяйстве. Без изжития хлебного дефицита в ближайшей перспективе колонизация края в сколько-нибудь значительном размере не возможна. Проекты влития в десятилетие в край не только 1 милл. душ, но 400 тысяч вне решения проблемы о хлебном дефиците—не серьезны. Переселенцы на дорогой хлеб просто-напросто не пойдут. Если бы и случилось иначе, то это могло бы иметь место один — два года, а после должна будет наступить реакция в виде массовых обрат-

ников. Нам думается, что вопрос о хлебном дефиците заслуживает того, чтобы его выделили как особую Дальне-Восточную проблему, требующую самой внимательной разработки со стороны подлежащих ведомств и плановых органов.

Здесь мы остановимся лишь на отдельных, по нашему мнению, наиболее важных сторонах этого вопроса.

По мнению Леруа Болье, французского экономиста, тридцать лет работавшего над историей и догмой эмиграции, есть две важнейших работы, которые должны предшествовать заселению колонии: 1) это межевание и разверстка земель на участки и 2) устройство дорог.

„Труд этот (межевание) необыкновенно важен, хотя им и пренебрегали во всех колониях. В Австралии эти работы предприняты были в широких размерах, но в Америке, по преимуществу, они были превосходно организованы и дали наилучшие результаты. Правильное межевание и устойчивость землепользования, устраняя тяжбы и споры, является,—по словам Леруа Болье,—более сильным стимулом для колонизации, чем множество разных льгот, которые обходятся гораздо дороже. Северо-Американские Штаты и Канада не знают нашей сложнейшей таксации земель". Основная забота у них направлена к созданию прочных границ, для чего все участки представляют собою геометрически правильные фигуры, стороны которых располагаются по основным линиям (базам), построенным по широтам и долготам. За качество участка никто не отвечает, каждый берет то, что ему нужно, руководствуясь собственными хозяйственными соображениями.

Когда межевание окончено, необходимо приступить к дорожным работам. „Устройство дорог в самом начале,—говорит Леруа Болье,—есть дело необходимое, не терпящее отлагательства; иначе первоначальное развитие колонии будет крайне затруднено и замедлено; сельское хозяйство не может итти успешно при отсутствии перевозочных средств и удобных сообщений; даже население не будет возрастать. Отлагать устройство дорог до тех пор, пока не увеличится население и не возникнут села, значит совершать капитальную ошибку; именно дороги и должны привлекать население и содействовать возникновению сел. Дороги обладают могущественной притягательной силой; когда их много и они в исправности, то они создают сельское хозяйство и плодят города. Правильная сеть дорог есть первая потребность всякой колонии, существенное условие ее прогресса, и этого рода работы должны быть выполнены насколько возможно совершеннее с первого основания колонии и до прибытия колонистов"...

В земельной политике в отношении Дальнего Востока на протяжении всей его истории не было ни ясности, ни определенности или правильнее—в земельном вопросе не было никакой политики, а происходили постоянные колебания, благодаря чему здесь не могло сложиться прочного земельного уклада, необходимого для успешного развития сельского хозяйства. Хотя земельные наделы для засельщиков в большинстве случаев отводились казною, однако, ни в границах, ни в норме землепользования, ни в правах пользователей не было устойчивости. В Амурской и Приморской губ. сперва отводились в общей меже для селения стодесятинные наделы на хозяйство, с правом выкупа этих земель в собственность, а с началом усиленной колонизации края (после 1901 г.) норма надела была понижена до 15 дес. удобной на мужскую душу и уже без права приобретения ее в собственность. Впоследствии 15-десятинный надел на мужскую душу рассматривался лишь как максимальный. При определении надела редко принималась в соображение близость участка от железной дороги, но зато производилась самая

тщательная качественная оценка участков, с подробнейшей с'емкой и таксацией угодий, которая в большинстве случаев совершенно не нужна была населению, дававшему свою самостоятельную хозяйственную оценку доставшейся ему земли. Большинство земель, показанных на плане удобными, по оценке населения признавались неудобными в смысле непосредственного хозяйственного их использования, вследствие залесенности, заболоченности или недоступности по бездорожью. Если по официальной таксации в наделах, отведенных населению, неудобных земель исчисляется 20%, а удобных 80%, то по оценке, сделанной Амурской экспедицией в отношении переселенческих участков, получился обратный эффект: хозяйственно-удобных земель насчитано всего не свыше 20%.

В границах наделов и в составе самих землепользователей не было устойчивости. Менялись границы вследствие разных прирезок и отрезок и еще больше менялся состав землепользователей путем дописеления к обществам новых хозяйств и переводворения с участков на участки прежних засельщиков. Под влиянием трудности разработки земель и неодновременности заселения участков создалось захватное начало, обеспечивавшее привилегированное положение первым засельщикам сравнительно с более поздними. Легко доступные земли эксплоатируются до истощения, а расчищать новые земли при хаосе в землепользовании нет достаточных мотивов. Население считает, что у него своей земли нет, а вся земля казенная, которую без сожаления можно бросить и без труда получить в новом месте.

Там, где земельная община развита, со стороны последней производится регулировка землепользования, которая сводится к периодическим переделам удобных и особенно мягких и расчищенных земель. Предоставленное законом (Земельным Кодексом) преимущественное право на мелиорированные земли для тех, кто произвел мелиорации, а также право на возврат затрат, вложенных в мелиорацию, мало проводится в жизнь в виду того, что в своей общей формулировке закон не разрешает многих практических вопросов. Пользование мелиорированными землями регулируется обычным правом, которое, однако, еще не выкристаллизовалось в определенные и общепризнанные нормы.

V

Без твердой уверенности, что отвоеванная у природы с большим трудом и большими затратами площадь не только останется навсегда за ее хозяином, но и, в случае нужды, понесенные на мелиорацию затраты беспрепятственно могут быть возвращены путем переуступки их в казну или другим лицам, нет достаточных мотивов для вкладывания труда и капиталов в мелиорацию земель.

Земельные порядки должны быть таковы, чтобы творческая инициатива в борьбе с природой находила для себя побудительные мотивы. Если и в центре России, где земельные площади в массе культурные и не требуют особых затрат на их подготовку, кроме непосредственной обработки, проводится взамен поравнительных переделов принцип прочности землепользования, то еще в большей мере политика прочности форм землепользования должна найти место у нас на Дальнем Востоке. Здесь природа готовой земли для ведения сельского хозяйства не дала. Тут всякую пядь надо завоевать упорным и тяжелым трудом. Процесс освоения земель происходит как под воздействием самого факта существования и хозяйствования в данном районе человека—путем вырубки, корчевки лесов, пускания палов, отаптывания, выкашивания, пастьбы скота, устройства дорог, канав и т. д., так и путем постановки пра-

вильной технической мелиорации. Целевая мелиорация производится в ограниченных размерах.

В статье проф. Д. Иваницкого „Обозначение долгосрочных с.-х. ссуд с точки зрения действующего земельного права", помещенной в „Вестнике Финансов" (№ 7 за 1925 г.), дается анализ действующего земельного права с точки зрения возможности и условий перехода земли от одного пользователя к другому, а также в смысле обеспечения капитальных затрат, вкладываемых в землю.

Национализация земли и изъятие ее из частного оборота (ст. 21 Гр. Код. и ст. 27 Зем. Кодекса) не исключает земельной мобилизации, т.-е. перехода от одного обладателя к другому, но облекает этот переход в своеобразные формы. Всякий участок, на который почему-либо прекращается право пользования прежнего обладателя, силою закона поступает в распоряжение земельных органов или земельного общества (ст. 62 Зем. Кодекса).

Таким образом, непосредственный переход земельного участка от одного обладателя к другому по действующему земельному праву не возможен. Освобождающийся участок, прежде чем перейти от прежнего обладателя к новому, непременно должен пройти стадию обезличения путем зачисления его в состав земельного фонда государства или земельного общества. Поэтому ст. 27 Зем. Кодекса запрещает и об'-является недействительными все сделки с землей—продажу, мену, дарение, залог и завещание.

Но, вместе с тем, закон между прежним и новым обладателем устанавливает прочную экономическую и правовую связь по взаимным расчетам уже не за самую землю, как таковую, но за имущественные ценности, переходящие вместе с землей к новому обладателю.

Большое значение в этом отношении имеет ст. 25 Зем. Кодекса, установленная декретом ВЦИК от 29 марта 1923 г. („С. У." 1923 г., № 26, ст. 305) для Туркестанской, Дагестанской и Горской автономных республик и для Чеченской автономной области, которая определяет: „Сооружения, не отделимые от земли (оросительные, осушительные и т. п.) или создающие сельскохозяйственные угодия из пространств, в естественном виде совершенно непригодных к земледелию (каменные террасы, вырытые склоны и наносная земля в горных участках), не могут быть передаваемы другим землепользователям отдельно от земельных участков. Но при передаче таких участков другим землепользователям—прежнему пользователю должна быть возмещена стоимость неиспользованных им материальных средств и труда, затраченных на создание этих сооружений".

Этой статье следовало бы придать распространительное действие с применением ее и в отношении ДВ края, где в естественном виде, в силу своеобразной дикой природы, земля для сельского хозяйства мало пригодна или недоступна и где с.-х. угодия возникают лишь в результате затраты труда и средств.

Ст. ст. 119 и 131 Зем. Кодекса хотя трактуют и о частном случае—о переделах, но принцип, в них заложенный, должен иметь силу при всякого рода общественном землеустройстве. Согласно ст. 119 Зем. Кодекса: „Участки, на которых землепользователями произведено коренное улучшение, в частности, искусственное орошение или осушение, при переделах сохраняются за прежними их пользователями; в случае же невозможности или нецелесообразности такого сохранения они могут быть переданы другим лицам, которые обязаны возместить прежним пользователям стоимость неиспользованных ими особых затрат". Аналогичное постановление содержится в ст. 131 Зем. Кодекса относительно луговых угодий.

Приведенные статьи, а равно некоторые другие правила, определенно проводят принцип предоставления права пользователю на получение от своего преемника возмещения стоимости неотделимых от земли сооружений и вложенных в землю затрат. Право на компенсацию принадлежит прежнему обладателю земли, независимо от того, по какой причине, в добровольном или принудительном порядке, он утрачивает свое право на землю, и, наоборот, обязанность за приведение в культурное состояние земли лежит на всяком, кто получает ее.

VI

В наших условиях, когда вся земля принадлежит государству и частный оборот на землю исключен,—государство должно принять на себя задачу создать такие условия, при которых в полной мере сохранился бы стимул для разработки диких земель. По нашему мнению, достичь этого можно учреждением „Государственного мелиоративного земельного банка" с предоставлением ему права производить операции по регулированию оборота мелиорированных земель. Поскольку в условиях ДВ края пригодность земель определяется затратами, произведенными на их мелиорацию, постольку совершенно необходимо установить такой порядок, при котором государство, предоставляя в пользование мелиорированные земли, взимало бы понесенные на них затраты, и, наоборот, выплачивало бы затраты на мелиорацию всем тем хозяйствам, которые, не будучи в состоянии по каким-либо причинам использовать подготовленных ими площадей, передадут их государству. В распоряжении Земельного банка будет постоянно находиться подготовленный земельный фонд, образующийся как путем непосредственной постановки банком мелиорации, так и путем мобилизации земель, переданных ему населением за нормированную плату. Этим фондом банк и распоряжается в порядке особого положения, предоставляя земли в пользование, согласно Кодекса, населению за плату.

Создание Земельного банка, при посредстве которого могли бы производиться мелиорация земель и регулирование землепользования населения облегчит разрешение и задачи по уплотнению населения в так называемой обжитой части, в особенности в районах, тяготеющих к железнодорожным линиям,—каковая задача ныне выдвигается в качестве одной из важнейших хозяйственных проблем края. Из находящейся в пользовании населения в количестве, по одним источникам, 17 милл. дес., а по другим—14 милл. дес., состоит под пашней и покосом около $2^1/_4$ милл. дес., в том числе под посевом 0,8 милл. дес. Прежде чем не будут полностью использованы площади, находящиеся в обжитой зоне, площади не только более ценные в экономическом отношении, но и более удобные по своим естественно-историческим свойствам и более подготовленные в хозяйственном отношении, было бы хозяйственно нецелесообразно вкладывать огромные средства на отвоевание у природы новых районов.

Вблизи линий Читинской и Уссурийской железных дорог, стоивших государству до $^1/_2$ млрд. рублей, простираются огромные мало используемые пространства. Большинство этих земель, в особенности наиболее удобных, состоит в земельных отводах у местного населения, которое по размеру своего хозяйства и по состоянию в нем рабочей силы и капиталов не может использовать их. Уплотнение населения в этих районах за счет влития новых трудовых хозяйств явилось бы мерой целесообразной также и с точки зрения использования уже вложенных

государством огромных затрат на сооружение дорог, повышающих хозяйственную ценность близлежащих к ним пространств.

При протяжении железных дорог в пределах края по магистрали в 3.445 верст, общую площадь, тяготеющую к линии дорог, принимая ширину полосы вглубь от дорог с каждой ее стороны в 20 верст (по Канадскому счету), будем иметь в 137.772 кв. версты или в 14 милл. дес.; а если сферу влияния дороги вглубь расширить до 50 верст, то обслуживаемое дорогами пространство повысится до 35 милл. дес. Распределяя затраты на сооружение и оборудование дорог (500 милл. руб.) подесятинно, будем иметь государственных расходов на десятину—в первом случае ок. 36 руб. (500 : 14=35), а во втором 14,4 руб. (500 : 35=14). Если в обоих случаях из общей площади выбросить до 30% на земли, не пригодные к культуре (камень, горы, болота и т. п.), то стоимость государственных расходов на одну десятину удобной земли повысится на 30%, достигнув в первом случае 45 рублей и во втором—17 рублей с десятины.

Гораздо труднее учесть стоимость всех тех расходов и трудов, которые понесены населением и государством в обжитых районах на превращение диких земель в культурный вид, но и они несомненно значительны. Выше мы приняли, что стоимость мелиорации средней десятины выражается в 85 рублей. В виду того же, что полная подготовка проведена на сравнительно небольшой площади, не превышающей 2—2½ милл. дес. из 17 милл. дес. обжитого пространства, а остальная площадь находится в разных стадиях подготовленности, при чем процесс „обжития" большинства из них коснулся лишь поверхностно, мы полагаем возможным определить стоимость затрат на приведение земель в культурный вид, понесенных в разное время населением (на раскорчевку, распашку целины, осушку и проч.) и государством (на мелиорацию и размежевание, сʻемки и проч.), не считая железнодорожного строительства, в 15—20 рублей на десятину, а с последним до 50 руб. на десятину, или около 850 милл. рублей на все обжитое пространство. При нашей бедности капиталами, использование вложенных в земельные пространства средств должно составить одну из важнейших наших практических задач.

Как известно, в настоящее время в обжитых районах более или менее полно используется всего 5—6%. Пространства, лежащие у линий железных дорог, большею частью или мало используются или совсем не используются. Почти все эти земли закреплены за населением, которое ни использовать их не может по недостатку сил и средств, ни передать другим хозяйствам по отсутствию на то соответствующей земельно-правовой обстановки. Землеустроительный процесс является единственным регулирующим началом в землепользовании населения. Но будучи слишком громоздким и устанавливая шаблоны и нормы, рассчитанные на средне-типичное хозяйство и на продолжительные сроки действия, землеустроительный процесс не может свое регулирующее действие распространить на индивидуальные хозяйства и отметить все, происходящие в них изменения. Каждое хозяйство отличается от другого числом работников, количеством едоков, капиталом, навыками, потребностями и всем тем, что определяет действительную потребность хозяйства в земле. Если для отдельных хозяйств существующие наделы (в 50 десятин в среднем) и не являются преувеличенными, то для массы хозяйств такие наделы совершенно не нужны. Для использования больших наделов потребовались бы большие капиталы, которых в крестьянских хозяйствах нет и получить их неоткуда. Поэтому оставление за населением существующих наделов или наделение его впредь по оптимальным нормам явилось бы ничем не оправдываемой растратой лучшего в крае государственного земельного фонда. В той же мере, конечно, была бы ошибочной и противоположная политика, политика зажимания трудовых хозяйств в слишком узкие земельные рамки. Такие посевы, как посевы в Благовещенском уезде, Амурской губернии, в 1917 г. достигавшие 20 десятин на среднее хозяйство, представляют собой для ДВ края явление положительное не только с точки зрения задач по изжитию хлебного дефицита, но и со всех иных точек зрения, при условии, конечно, что крупно-посевные хозяйства не утрачивают трудового характера. В условиях ДВ края необходимо стремиться к максимальному использованию человеческого труда и имеющихся скромных капиталов. Для этого нужно обеспечить полное и всестороннее развитие каждому хозяйству.

Но очевидно, с другой стороны, что никакой государственный аппарат, самый подвижной, не будет в состоянии регулировать земельные потребности отдельных хозяйств, представляющих собой чрезвычайное разнообразие. Только сами эти хозяйства смогут правильно учесть свои силы и определить свои земельные нужды. Нужно создать такие условия, при которых всякое хозяйство самостоятельно и на свой риск могло бы производить регулировку своего землепользования, передавая в банк излишнюю для хозяйства землю и получая землю из банка в случае ее недостатка, в обоих случаях с выплатой стоимости вложенных в землю расходов на мелиорацию.

Поскольку и в этом случае земля остается собственностью государства, а также в руках государства сохраняется и регулирование, постольку твердый максимум (скажем в 60 дес. удобной) и минимум (в 5 дес. удобной) землепользования на хозяйство мог бы быть проведен последовательно и до конца. При этих условиях сравнительно легко разрешался бы и вопрос о землеустройстве старожилого населения. Не было бы никакой опасности применить ограниченную (в 20—25 дес. на хозяйство) норму, имея в виду, что для массы хозяйств эта норма не только вполне достаточна, но и преувеличена. Что же касается более мощных хозяйств, то им открывается возможность увеличить свое землепользование через банк. С другой стороны, при проведении принципа уплаты за мелиорацию старожилы могли бы получить компенсацию за те расходы, которые понесены ими на мелиорацию отчуждаемых от них в порядке жестко проводимого землеустройства земель, что ослабило бы остроту и трудность, связанные с отрезкой у населения так или иначе ранее отведенных ему и обжитых им земель.

Регулирующая деятельность Земельного банка непременно должна подкрепляться соответствующей налоговой системой, применяющей обложение неиспользованных земель, что усилило бы здоровые хозяйственные процессы по перераспределению хозяйственно-ценных земель между отдельными хозяйствами сообразно их силам, способностям и нуждам. Это создало бы благоприятные условия для использования наиболее ценных земель в районах, тяготеющих к линиям железных дорог, в промышленных центрах и вообще в обжитых районах. Во Владивостокском округе, где имеются весьма благоприятные условия для рисосеяния, садоводства, табаководства и разведения ценных технических культур, это могло бы вызвать интенсивные хозяйственные процессы.

Для среднего хозяйства в земледельческих районах, в порядке естественного приспособления, потребная земледельческая площадь должна определиться, повидимому, в 15—20 десятин. В таком случае Земельный банк мог бы сосредоточить в своих руках крупные избыточные площади в обжитых районах для передачи их переселенцам. За

ближайшее десятилетие по своим операциям банк мог бы провести 4—5 милл. десятин, полученных частью в качестве отрезков от старожилов при землеустройстве, а частью переданных добровольно населением банку за возмещение затрат на мелиорацию, в порядке индивидуальных хозяйственных расчетов. На этой площади можно было бы прочно устроить до 200.000 новых хозяйств или же до 1 милл. душ, что, несомненно, представляется наиболее верным методом колонизации и наиболее правильным способом разрешения вопроса о хлебном дефиците в крае. Не говоря уже об огромных преимуществах для самих переселенцев и для хозяйства края в целом, устройство переселенцев в обжитых районах в финансовом отношении было бы выгоднее, чем заселение новых диких районов. Из 4—5 милл. дес., возможных к выделению в обжитых районах, при сообщении земле хозяйственной подвижности, около 50% или до 2—2$^1/_2$ милл. дес. можно будет получить в порядке отчуждения земельных избытков у населения с выплатой компенсации за мелиорацию, а остальные 2—2$^1/_2$ милл. десятин будут переданы населением Земельному банку добровольно за определенную плату, как земли излишние для него. Оплата за произведенные населением мелиорации и производство новых мелиораций, а также проложение грунтовых дорог потребуют в среднем не более 20 рублей на 1 десятину удобной земли. Полагая, что в обжитых районах для переселенческого хозяйства достаточно будет 15 десятин удобной земли, будем иметь стоимость полной подготовки земельной площади, необходимой на одно хозяйство, равной 300 руб. При чем хозяйство будет располагать площадью в 15 дес. действительно удобной земли, а не 50—60 десятин тайги, где с трудом можно набрать 4—5 дес. удобной, обеспечивающей лишь минимум приживаемости на новом месте, как это предусматривается вариантом перспективного плана Дальземуправления (см. кн. № 12 „Экономическая Жизнь Д.В.“, 1925 г.). Переселенческое хозяйство, получая бесплатно 15 дес., в случае желания и необходимости сможет расширить свое землепользование до 60 дес. путем приобретения в Земельном банке дополнительной площади за плату по принципу возврата мелиорированных земель.

Осуществление при посредстве Земельного банка земельной мобилизации создает полную возможность ввести обложение неэксплоатируемых земель, что в свою очередь явится могучим орудием для усиления распашки и для полного использования ценных площадей. Возможность же получения за особую плату дополнительной, сверхобычной (15 дес.) нормы земельной площади создает благоприятные условия для привлечения в край крепких трудовых хозяйств, обладающих достаточной рабочей силой и инвентарем, что для края безусловно необходимо.

Предполагаемое нами изменение в земельно правовых отношениях в крае несомненно представляет собою серьезную земельную реформу, но без проведения ее в жизнь невозможными будут — ни изжитие хронического хлебного дефицита, ни успешная колонизация края, ни, наконец, прочное хозяйственное и культурное его развитие. На ряду с упорядочением земельного вопроса для развития сельского хозяйства и увеличения посевной площади могут быть, несомненно, полезны и другие мероприятия, направленные по налоговой, агрономической, кредитной и другим линиям, разработка которых также важна при разрешении актуальнейшей проблемы ДВ края по изжитию хлебного дефицита.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

М. Спектатор

Новый труд по теории империализма

Обобщающих работ по теории империализма в мировой литературе весьма немного. В своей работе об империализме Ленин называет две наиболее крупные работы в этой области: „Финансовый капитал“ Гильфердинга и работу Гобсона „Об империализме“. Частично ставили эту проблему и другие авторы. Своеобразную теорию империализма пыталась дать в своей работе „О накоплении капитала“ Роза Люксембург.

Новая работа Фрица Стернберга „Der Imperialismus“, о которой мы говорим, недавно вышедшая на немецком языке, целиком базируется на теоретическом фундаменте Розы Люксембург, хотя автор пытается также самостоятельно подойти к этой проблеме. Его труд в 600 с лишним страниц распадается на две части. Первая часть автором посвящена теоретическому обоснованию империализма. Полемизируя против ревизионизма, он указывает на необходимость империалистических войн и устанавливает свое отношение к материалистическому миропониманию, а также и к социалистической революции на Западе и в нашем Союзе. Во второй части мы находим характеристику развития капитализма в Английской империи, специально — в Индии, затем в Германии, Франции, Соединенных Штатах. В приложении имеется еще специальная глава по теории населения и по теории кризисов Родбертуса. Автор затрагивает целый ряд вопросов, но на большинство из них он дает часто весьма мало обоснованный ответ. Теоретическая часть редко подкрепляется анализом действительности, а описательно-историческая часть, по существу, оторвана от его теории.

В предисловии автор говорит, что его книга является марксистской, что он согласен с основными положениями Маркса, но отвергает историческую теорию Маркса. При этом он самоуверенно заявляет, что его работа затрагивает все проблемы, поставленные Марксом, хотя и отвергает некоторые формулировки Маркса и Розы Люксембург.

Рассмотрим теперь основные положения данной работы. Подобно Розе Люксембург наш автор утверждает, что развитие капитализма без внешней среды, т.-е. без окружающей его некапиталистической среды, немыслимо. Это положение достаточно разобрано в блестящей работе тов. Бухарина „Империализм и накопление капитала“. Самым сильным местом у Розы—Стернберг считает ее указание на то, что перенесение части накопленной прибавочной ценности из подразделения II в подразделение I разбивается, во-первых, о вещественную форму этой прибавочной ценности, с которой подразделение I, очевидно, ничего не может сделать; во-вторых, о меновые отношения между обоими подразделениями, обусловливающими то обстоятельство, что перенесению части прибавочной ценности в продуктах II подразделения в I подразделение должно соотвествовать равное по ценности перенесение продуктов I подразделения в II подразделение, что в пределах связи Марксовой схемы не может быть достигнуто. Казалось бы, что именно вот это „самое сильное“ место у Розы Люксембург по существу не представляет собой совер-

шенно никакого возражения против теории Маркса, так как вещественная сторона накопления не может явиться препятствием расширенному воспроизводству. [1] Куда идет накапливаемая часть прибавочной стоимости? На это уже дан был ответ в полемике с Розой Люксембург указанием на то, что „c“, или постоянный капитал, является только частью, ежегодно потребляемой, постоянного капитала, и что для расширения и возобновления всего общественного капитала необходимо значительную долю капитализированной прибавочной стоимости оставить в виде основного капитала, часть которой только снова переходит в производство. Стернберг спрашивает, каким путем происходит перенесение ценности между этими двумя подразделениями. Путем кредитования? Этот путь он отвергает, так как, по его мнению, схема Маркса допускает только товарообмен. Почему схема Маркса допускает только товарообмен — неясно. Маркс не касается проблемы более быстрого темпа развития одного подразделения по отношению к другому путем перенесения ценностей. С той точки зрения, с какой Маркс рассматривает эти схемы, проблема кредита между обоими сферами оказывается ненужной.

Критикуя в дальнейшем Розу Люксембург, Стернберг кладет в основу своей теории ее несколько „исправленную“ теорию. Он не согласен с Розой Люксембург, что вся накапливаемая часть прибавочной ценности должна уходить в некапиталистическую среду. Он считает только, что из II подразделения, т.-е. из того подразделения, которое производит средства потребления, часть накапливаемой прибавочной стоимости должна уходить в некапиталистическую среду, без чего немыслимо установить равновесия между двумя этими подразделениями.

На самом деле, Маркс в своей схеме накопления исходит, как известно, из того положения, что норма накопления как в I подразделении, так и во II, определяется темпом накопления в I подразделении — в производстве средств производства. Больше того, во II подразделении накопление идет неравномерно, во всяком случае, непропорционально тому накоплению, которое совершается в I подразделении, как на самом деле замечается и в жизни. Действительно, что рост производства средств производства, обычно, идет гораздо быстрее, чем рост производства средств потребления, но этого не было бы, если бы накопление совершалось с одинаковым темпом в обоих подразделениях. Между тем, этот основной закон накопления, отмеченный Марксом, наш автор считает „абсурдом“ и настаивает непременно на необходимости одинакового накопления в обоих подразделениях. В то время,— говорит он,— как в I подразделении в производстве средств производства накопление принимается Марксом равным 50% прибавочной стоимости, во II подразделении мы имеем следующее—накопление идет быстрее нежели развитие.

Это развитие накопления, которое, по существу, отражает действительное постепенное развитие накопления, Стернберг считает „абсурдом“. Между тем, легко убедиться в том, что производство средств потребления занимает на первых ступенях развития значительную часть общественного капитала. Следовательно, масса прибыли, которая там образовывается, значительно больше, чем та масса прибыли, которая образовывается в областях производства средств производства. Но в виду того, что тут существует огромное количество мелких предпринимателей, накопление идет относительно медленно, но только относительно, т.-е. по отношению к тому количеству прибавочной ценности, которое образовывается в этих областях. В общем же, сумма прибавочной ценности, идущей на дальнейшее производство, может быть даже весьма значительной, и для того, чтобы совершался более или менее равномерный рост накопления, необходимо, чтобы в областях, производящих средства производства, темп накопления был более быстрым. Это на самом деле совершается, так как в этих областях мы имеем большую концентрацию капитала, меньшее количество предпринимателей и меньшие траты на предметы личного потребления. Стернберг, однако, никак не может согласиться с тем, что в обоих подразделениях не шел одинаковый процесс накопления. Пытаясь установить для обоих подразделений одинаковый процесс накопления, он получает, конечно, излишек продуктов, который он не знает, куда девать. По Марксовой схеме мы имеем, как исходную схему накопления, в расширенном масштабе следующее:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4.000\ c + 1.000v - 1.000m = 6.000 \\ \text{II. } 1.500\ c + \ 750v - \ 750m = 3.000 \end{array}\right\} \text{ Сумма} = 9.000$$

Принимая, что в 1 подразделении накапливаемая половина прибавочной стоимости, которая распадается в такой же пропорции на „c“ и „v“, как и прежний капитал, мы получим, что I. $4.400\ c + 1.100v + 500\rho$. („$\rho$“ обозначает ту часть прибавочной стоимости, которую потребляют на удовлетворение личных потребностей предпринимателя). Так как $500\rho + 1.100v$ должны обмениваться на продукты II подразделения, между тем, как во II подразделении „c“ составляет только 1.500, то Маркс берет из 750 „m“ 100 для обмена на продукты I подразделения и, кроме того, еще 50 для увеличения количества зарплаты в этом подразделении, получая, таким образом, во II подразделении следующие цифры:

$$\text{II. } 1.600\ c + 800v + 600\rho.$$

Ясно, что, если бы мы взяли во II подразделении из прибавочной стоимости не 150, а 375, как часть прибавочной стоимости, которая накапливается, мы получили бы „c“ в виде 1.650 и „v“ в виде 875. Так как обменивать на продукты I подразделения можно по этой схеме только 1.600, а не 1.650, то 50 остаются излишними, для которых, по мнению Стернберга, нет внутреннего рынка и которые приходится сбывать на некапиталистическом рынке.

Полемизируя с Розой Люксембург, он правильно указывает на то, что точка зрения последней, по существу, совпадает с точкой зрения Сисмонди, так как она забывает о существовании основного капитала. То положение Сисмонди, говорит он, что доходами прошлого года должны оплачиваться продукты данного года, лежит в основе всей ее аргументации ибо иначе она должна была видеть, что воспроизводство на расширенном базисе возможно в некапиталистической среде вплоть до той части предметов потребления, для которой нет сбыта. Если при капитализме накапливаемая часть прибавочной стоимости употребляется на производство средств производства, если производство делает обходные пути, так что результаты его сказываются только после ряда лет, и если в это время потребительная способность населения растет пропорционально, то и в чисто капиталистической среде возможна реализация аккумулированной массы прибавочной стоимости... Только в том случае, если аккумулированной прибавочной стоимостью производили бы непосредственно предметы потребления, то Роза Люксембург была бы права, задавая вопрос — „кто может их купить?“ (стр. 117—118). На странице 121 автор забывает свои правильные рассуждения в данном случае и говорит о том, что средства производства представляют из себя скрытую форму

[1] Этот вопрос, равно как и вопрос о „внешней среде“, освещен нами более обстоятельно в первом томе работы: „Мировое хозяйство до и после войны“.

(lateute) предметов потребления. Это совершенно неверно. В действительности, расширение производства предметов потребления должно происходить далеко не в такой пропорции, в какой происходит накопление капитала в форме основного капитала. Поэтому рост производства элементов потребления может происходить относительно медленно, в то время как рост основного капитала, вместе с этим и рост постоянного капитала идет весьма быстро. Нетрудно было бы это доказать статистическими данными из истории хозяйства различных стран. Если это так (а это несомненно так), то указание Стернберга, что капиталисты II подразделения должны непременно накапливать $^1/_2$ своей прибавочной стоимости, теряет значение, поскольку верно то, что рост основного капитала в области производства средств производства идет быстрее, чем в области производства предметов потребления. В отношении первоначальных эпох развития капитализма Стернберг, пожалуй, прав, в том смысле, что стремление к ускоренному накоплению и в области производства предметов потребления приводит к вывозу излишка продуктов II подразделения за границу, в обмен на элементы производства в I подразделении. В дальнейшем взаимоотношение между отдельными подразделениями изменяется в том смысле, что не только все внутреннее производство предметов потребления продается на внутреннем рынке, но даже ввозятся в растущем размере предметы потребления из других стран.

Рассматривая проблему накопления, как мы уже говорили, Маркс отвлекся от внешнего рынка. Он говорит по этому поводу следующее:

„Мы оставляем здесь в стороне внешнюю торговлю, которая туземные сорта товаров замещает заграничными и при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средство производства и существования и наоборот. Для того, чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать, как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства“ (Капитал, том I, стр. 565).

Стернберг говорит, что это замечание Маркса относится к торговле с капиталистическими странами, между тем как торговля с некапиталистическими странами имеет решающее значение для реализации известной части ценности II подразделения. Прежде всего, приходится спросить у Стернберга, чем отличается торговля с некапиталистическими странами от торговли с капиталистическими странами. Ведь только тем, что она приносит торговому капиталу большую прибыль, т.-е., по существу, увеличивает ту прибавочную стоимость, которая не находит себе достаточного применения внутри страны. Товары же и колониальным странам не даются даром, а обмениваются на какие-нибудь другие товары. Больше того, только Англия привозила значительные количества предметов личного потребления в колониальные страны и то же получала за них еще больше предметов личного потребления или сырья. Германия, а также в последнее время и Англия все более и более стали вывозить в эти страны не предметы личного потребления, а средства производства; следовательно, торговля с колониальными странами не решает проблемы экспорта излишков предметов из II подразделения. Далее, указание его на то, что в колониальные страны экспортируется капитал, который приносит только проценты, показывает только, что Стернберг не уяснил себе природы экспорта капитала. Совершенно неверно, будто капиталистические страны в состоянии из года в год экспортировать часть своей прибавочной стоимости, не получая соответственной прибавочной стоимости в самих колониях или других странах. Чем бы они тогда покрывали свой платежный баланс? На самом деле, положение таково, что,

начиная с определенного пункта (и этот момент наступает для промышленных стран очень рано), доходы от капиталов за границей, от различных других операций с за границей, от судоходства и т. д.,— превышают не только то, что экспортируется в виде капитала за границу, но еще и остается весьма значительная часть для покрытия пассивности торгового баланса, т.-е. избытка ввоза над вывозом товаров. Значение колоний сказывается единственно в том, что увеличивается норма прибыли или замедляется темп падения ее, благодаря получению в колониях сверхприбыли или приобретению там более дешевого сырья, материалов, рабочей силы и т. д. Словом, ссылка на экспорт капитала так же не спасает Стернберга, как и самое Розу Люксембург при разрешении проблемы реализации прибавочной стоимости, раз они считают схему Маркса неправильной.

Таким образом, мы видим, что основная точка зрения Стернберга неправильна. Отсюда вытекает его совершенно неправильное понимание закона перенаселения. Он пытается сделать из Маркса тот вывод, что техническое развитие вызывает абсолютное перенаселение, хотя в I т. „Капитала“ Маркс говорит только, что оно может вызвать абсолютное уменьшение занятой в промышленности рабочей силы. Стернберг же говорит об этом, как о необходимости. При этом Маркс делает (в I томе), по существу, отвлеченный анализ, а в III томе совершенно определенно говорит о том, что при увеличении постоянного капитала происходит в промышленности абсолютное увеличение количества занятых рабочих, хотя относительно, т.-е. по сравнению с ростом капитала, это количество может уменьшиться. Только в сельском хозяйстве происходит абсолютное уменьшение числа занятых рабочих. Так как Стернберг строит на этом абсолютном перенаселении и абсолютном росте безработицы всю свою теорию, то нелишне будет, может быть, привести это место из III тома „Капитала“:

„С природой капиталистического способа производства связано такое явление, что он постоянно сокращает земледельческое население по сравнению с неземледельческим, потому что в промышленности (в узком смысле) относительное возрастание постоянного капитала, по сравнению с переменным, сопровождается абсолютным ростом, хотя относительным уменьшением переменного капитала; между тем как в самом деле переменный капитал, необходимый для эксплоатации определенного участка земли, уменьшается абсолютно, т.-е. может возрастать лишь в том случае, если для возделывания открывается новая земля, что, однако, предполагает, в свою очередь, еще большее увеличение неземледельческого населения“ (том III, стр. 178, изд. 1923 года).

Кто вдумается в схему расширенного воспроизводства Маркса, для того это положение явится совершенно очевидным. Маркс, говоря об увеличении „c“, отмечает одновременно и рост „v“. Стернберг же утверждает, что абсолютный рост количества занятых рабочих мыслим только в империалистическую эпоху при захвате колоний, при экспорте части прибавочной стоимости в колонии. В чистом капитализме такого положения быть не может. Стернберг делает затем экскурсию в историю развития капитализма различных стран, но он даже не делает попытки доказать это положение сопоставлением развития Англии, с одной стороны, и Германии, с другой. В то время как Англия, богатая колониями, экспортировала капитал и товары в колонии, Германия нуждалась сама в капитале, не имела почти никаких колоний и вывозила в значительной мере свои товары в капиталистические страны. Казалось бы, что абсолютное перенаселение должно быть наиболее сильным в Германии. Между тем, как раз наоборот—эмиграция из Германии все уменьшалась,

а из Англии она увеличивалась. Сопоставление Германии с Англией показало бы ему далее неправильность всей конструкции Розы Люксембург и его самого, так как оно выявило бы, что как раз страны с большими колониальными владениями развиваются медленнее, чем страны без колоний, хотя по этой теории должно было выходить как раз наоборот.

Исходная неправильная точка зрения на рост населения приводит его в дальнейшем также к неправильным утверждениям, что по Марксу положение рабочих должно было бы в капиталистическом обществе абсолютно ухудшиться. Известно, что так понимали соответственные места у Маркса ревизионисты. Вообще надо сказать, что выступая, якобы, довольно радикально против ревизионистов за социалистическую революцию, Стернберг, на самом деле, перенимает почти все заявления ревизионистов о ходе развития хозяйства в XIX столетии.

Наконец, он говорит о своеобразном развитии сельского хозяйства, отрицая тенденции к концентрации производства в сельском хозяйстве, с ревизионистами он расходится в одном: он все эти явления относит к эпохе империализма, когда капитал имел возможность проникнуть в некапиталистические страны, и заявляет, что общие законы Маркса проявятся с полной силой только в эпоху чистого капитализма, т.-е., как он думает, после войны. Что возможность расширения внешнего рынка в смысле вовлечения новых стран в сферу капиталистического производства облегчила переход от кризиса к новому промышленному оживлению, не подлежит никакому сомнению. Что часть рабочего класса могла в некоторых случаях быть подкупленной благодаря той сверхприбыли, которую получают предприниматели империалистических стран, об этом говорит уже Ленин. Но что все эти факторы не мешали выявиться основным тенденциям концентрации производства и капитала (что Стернбергом отрицается) и относительному ухудшению положения рабочего класса и обострению классовой борьбы накануне мировой войны — в этом не может быть никакого сомнения. Это признают и Роза Люксембург и Гильфердинг, что Стернберг ставит им в упрек.

Надо сказать, что местами теория империализма Стернберга звучит прямым оправданием империалистической политики. Так, полемизируя против пацифистов, он говорит, что развитие отдельных стран идет неравномерно, что колонии необходимы для развития капиталистических стран и что германские колонии были недостаточны для развития германского капитализма. В другом месте, говоря о последствиях войны, он замечает, что Версальский мир не устранил военной опасности, так как он обделил Германию колониями. Эта необходимость вторжения в некапиталистическую среду, говорит он, означает, что империалистические противоречия станут все более и более значительными, и что развитие капитализма с каждым днем приближает нас к новой войне, которая становится все в большем и большем размере чисто экономической, именно империалистической необходимостью. Все это, конечно, верно, поскольку мы говорим о том, что необходимость войн диктуется стремлением предпринимателей к повышению или к противодействию понижения нормы прибыли. Поскольку же у него выходит, что капитализм вообще немыслим без овладения колониями, то получается, что борьба за колонии есть абсолютная необходимость для развития капитализма, пока этот строй не может быть заменен социалистическим строем. Такую именно постановку колониальной проблемы мы находим у социал-империалистов, оправдавших в свое время войну и всякого рода аннексии именно с точки зрения необходимости для капитализма колоний.

Стоит еще обратить внимание на социологическую точку зрения автора. Если вся его конструкция экономического развития явно метафизическая, не диалектическая, если он даже договаривается до такого заявления, что в чистом капитализме кризисы станут перманентными, то совершенно ясно, что и в социологической своей теории он остается метафизиком, не усвоив и не поняв диалектического метода Маркса. Так, он выступает против заявления Коммунистического Манифеста о том, что „история всего предшествовавшего общества есть история борьбы классов".

Автор при этом делает довольно странное заявление о том, что помещики могли быть совсем спокойны относительно борьбы крестьян, что будто бы крестьяне вовсе никогда и не хотели изменения социального строя. Выходит, что освобождение от крепостной зависимости не означало изменения социального строя и т. д. Странно далее его расхождение с Марксом в том пункте, где Маркс рисует тенденцию развития капитализма, концентрацию капитала и производства, говоря о том, что растет армия могильщиков капитализма, в то время как относительно уменьшается армия защитников его. Стернберг заявляет, что возможен и другой исход — не замена капитализма социализмом, а разрушение капиталистического строя вследствие целого ряда войн и других причин без того, чтобы вместо него возник социализм.

Общие выводы Стернберга сводятся к тому, что империалистическая эпоха способствовала усилению капиталистических элементов, которые он видит в росте числа капиталистов и средних слоев, присоединяя к ним служащих и часть лучше оплачиваемых рабочих, а тем самым способствовала и ослаблению революционной борьбы. Поэтому возможность борьбы против капитализма он видит теперь, после того как империализм приближается к своему естественному концу, в том смысле, что кончается количество стран, в которых еще не господствует капитализм. Он считает, что теперь возможным становится об'единение всех пролетарских партий, но что революционная борьба против капитализма возможна будет только после новой войны.

Таково в кратких чертах содержание этого большого труда. Несмотря на то, что как исходную точку, так и ряд его выводов мы считаем абсолютно неверными, постановка всех этих вопросов под новым углом зрения освежает дискуссию по этим проблемам и будет содействовать возобновлению теоретической разработки этих вопросов в свете новых фактов. В этом отношении мы приветствуем появление этой книги.

Проф. С. Котляревский. Бюджет и местные финансы. Изд. „Эк. Жизнь". Москва, 1926 г. Стр. 145. Ц. 1 р. 75 к.

П. В. Микеладзе. Очерки финансовой организации союзных и федеральных государств. Ленинград, 1926 г. Фин. Изд. НКФ СССР Сев.-Зап. Областн. отделение. Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Прав проф. Котляревский говоря: „Бюджет есть не только чувствительный и верный показатель хозяйственного и культурного состояния страны. Правильно и вдумчиво разработанный, он сам является могущественным орудием хозяйственного и культурного развития"... (стр. 3).

Книга проф. Котляревского „Бюджет и местные финансы" по линии государственного бюджета излагает следующие вопросы: 1) состав государственного бюджета СССР, 2) выработка и утверждение бюджета, 3) прохождение и исполнение его. По линии местного бюджета: 1) местные доходы и расходы, 2) составление и исполнение местных бюджетов. В заключительной части книги излагается связь государственного и местного бюджетов.

„Мировое хозяйство,— пишет автор — в современную эпоху заставляет отдельные государства теснейшим образом связываться друг с другом“ (стр. 13). При этом указанная тенденция слияния государств отражается на бюджетах тем, что „во всех федеративных государствах, европейских и внеевропейских, мы видим очень большое усиление финансовых средств центра и соответственное ослабление таковых у членов федерации“. В применении к СССР эта проблема у автора в данном труде не находит себе достаточно четкого разрешения. Причиной этого обстоятельства, может быть, была схема работы, которая не вызывала особой необходимости в ее разрешении. Обращение же к другим работам проф. Котляревского и вообще к советской литературе по бюджету, а равным образом и к бюджетной практике — далеко не подтверждает этой тенденции европейских и внеевропейских федераций. Наоборот, с каждым годом финансовая мощь отдельных членов СССР растет, показывая этим самым неоднородность федераций советских и капиталистических. Уже один этот факт, что дефицитность отдельных союзных республик, которая в 1924/25 г. составляла для БССР — 44,2%, УССР — 38,3%, РСФСР—33,4%, УзбССР—21,1%, ЗСФСР—15,1% и ТССР — 10,4% (принимая республиканские доходы в чистом виде) все более сокращается, приближаясь к бездефицитному сбалансированию бюджетов, служит лучшим свидетельством укрепления, а не ослабления их финансов.

В теснейшей связи с проблемой взаимоотношения центра и отдельных членов Союза находится вопрос: „кто на чей счет живет — центр за счет окраин или наоборот“. Совершенно правильно отвечает на него проф. Котляревский в том смысле, что, во-первых, решение его вообще весьма сложно и, во-вторых, оно если и дается, то всегда предвзято — из необходимости доказать определенное положение. С своей стороны отметим, что постановка такого вопроса логически не совсем верна, так как функции центра и периферии различны.

Совершенно правильно, думается нам, автор намечает разрешение теоретического вопроса о том, по доходам или по расходам строится бюджет. Проф. Котляревский, соглашаясь с тем, что принцип расходования по доходам („по одежке протягивай ножки“) свойственен частному хозяйству, пишет: „Несомненно, что и в государственном хозяйстве существует определенный предел для извлечения доходов“. Опыт только что истекшего бюджетного года, думается нам, служит прекрасным тому подтверждением. Понятно поэтому, что в отношении местного бюджета положение это устанавливается даже в законодательном порядке.[1]

Нельзя не отметить также в книге проф. Котляревского весьма ценных раз'яснений понятия субвенционной системы. Рядом с определением этой системы, как помощи местам на определенные потребности и притом в виде дополнения в определенном размере к средствам, которые отпускаются местным исполкомом, автор указывает, что в чистом виде система эта вызывает возражения как со стороны наиболее богатых местных единиц (напр., Москва), так и наиболее бедных (напр., некоторые автономные области РСФСР). Первым она не нужна, так как они уже достигли известного минимума в затратах на определенные цели. Вторым она не доступна, ибо они не могут нести и тех расходов за свой счет, которые ею предполагаются (стр. 133). Поэтому принцип помощи местам, который пытается осуществить субвенционная система, если и может быть претворен в жизнь, то только при известных отклонениях от чистой субвенции и с одновременным же применением системы дотации.

[1] Врем. полож. о мест. финан., от 29 окт. 1924 г. Стр. 133.

Говоря об общем содержании книги, следует сказать, что предмет изложен прекрасно, в особенности в части государственного бюджета. Книга может быть отличным руководством при изучении бюджетного права СССР. Это приходится отметить,— особенно потому, что наша советская литература в области нашего же бюджетного права еще слишком небогата. Досадным, правда, обстоятельством книги является то, что при изложении общей системы государственного и местного бюджетов автором не учтены вновь утвержденное положение о местных финансах, вступающее в силу с 1 октября текущего года и те изменения в законе о бюджетных правах союзных республик, которые приняты ЦИК'ом Союза 30 июля 1926 г. Но это отнюдь не может быть поставлено в вину автору, тем более, что в примечании к книге об этом сделаны соответствующие раз'яснения Бюджетное право СССР находится в процессе образования: отдельные положения его часто изменяются и поэтому желать полного отражения действительности, тем более в издании, требующем значительного труда, пожалуй, и неосновательно.

Останавливаясь на второй из рецензируемых книг, особенно необходимо отметить предисловие, которое ей предпослал А. Буковецкий.

Не приходится, конечно, отрицать, что проблема финансовых взаимоотношений между союзным государством, как целым, и отдельными его членами стоит на очереди научного исследования. Но трактовать эту проблему совершенно одинаково как для любого из буржуазных государств, так и для СССР — значит вообще не замечать качественных отличий того и другого. А. Буковецкий согласен с тем, что эпоха унитарных государств централизованного типа прошла безвозвратно, как равно и эпоха замкнутого хозяйства. На место того и другого должны выступить, как следствие современных меновых отношений, государства союзного типа, где отдельные части государства - союза получат возможность гармонического и полного развития своих производительных сил. Весь вопрос только в том, каким путем должно осуществиться образование таких союзных государств.

На примере бывшей Австро-Венгерской монархии, где крайности националистической политики создали у отдельных национальностей сильное движение к полному обособлению, А. Буковецкий „умозаключает“, что обеспечение за каждой из народностей права на самоопределение (и только) могло бы создать и действительно создает союз государств, который в свою очередь даст могучий толчок к развитию производительных сил. Все невзгоды, таким образом, кроются в неудовлетворительном разрешении национального вопроса.

Думается, однако, что то или другое разрешение национального вопроса далеко еще не облегчает всей сложности интересующей нас проблемы, проблемы финансов союзного государства. Та экономическая и классовая борьба в процессе образования финансовых институтов союзного государства, о которых говорит и сам А. Буковецкий, повидимому отнюдь не теряет своей силы с разрешением национального вопроса. Их значение, как главнейших факторов в деле угнетения отдельных национальностей, ни в малейшей степени не утрачивается.

Более приемлемыми представляются те выводы, к которым пришел П. Микеладзе, указывающий на неоднородность природы Союза ССР с любым из буржуазных союзных государств. Последняя состоит в том, что, ставя себе цели максимально быстрого и рационального восстановления и развития народного хозяйства и построения социалистического общества, самый Союз ССР конструируется на почве об'единения к л а с с о в о - о д н о р о д н ы х национальных единиц. И как следствие отсюда, само разделение прав и обязанностей между союзом и отдельными его

членами должно носить не столько политический, сколько административно-хозяйственный характер.

Говоря о самой книге П. Микеладзе следует отметить, что автор поставил себе интересную задачу — на основе теоретического анализа, с одной стороны, и анализа финансов всех важнейших федераций мира, с другой, найти те общие положения, которые должны быть заложены в основу финансовых взаимоотношений центра и отдельных членов СССР. Хотя эта задача и не разрешена окончательно, однако, в смысле уяснения действительного положения вещей автором сделано многое. Уже одно то, что на фоне буржуазных федераций лучше уясняешь все своеобразие СССР, делает книгу весьма интересной. Правда, автор не избежал и некоторых недостатков, в особенности в тех местах, где он выводы относительно буржуазных федераций всецело переносит и на СССР.

Точно также неубедительным представляется и стремление автора построить такую систему финансовых взаимоотношений, которая носила бы, по примеру буржуазных стран, черты неподвижности.

Условия хозяйства в СССР чрезвычайно отличны от этих же условий в любой из буржуазных федераций. Главнейшей особенностью хозяйства СССР является единство и плановость, в то время как в буржуазных федерациях каждый отдельный член может вести и фактически ведет свою обособленную политическую жизнь в противоречии с хозяйственными интересами. В этом коренное отличие буржуазных федераций от СССР. И поскольку в основном мы имеем неоднородность, нельзя говорить о применимости одних и тех же методов разрешения проблемы финансовых взаимоотношений. Кроме того, необходимость подтягивания отставших членов Союза в особенности требует таких финансовых взаимоотношений, где была бы максимальная эластичность.

В общем же, несмотря на отмеченные недостатки, книга П. Микеладзе сама по себе своевременна и полезна. В книге использована литература не только русская, но и иностранная.

А. Неусыпин

Налоги в иностранных государствах. Составили профессора А. И. Буковецкий, П. П. Гензель, И. М. Кулишер и В. Н. Твердохлебов, под ред. В. Н. Твердохлебова. Изд. НКФ СССР. М., 1926.

Налоговые поступления продолжают играть в доходной части бюджета СССР весьма крупную роль. Налоговые вопросы будут еще долгое время привлекать к себе внимание как наших законодательных и административно-финансовых органов, так и исследователей и, наконец, различных групп населения, непосредственных плательщиков налогов. В условиях сложной, непрерывно развивающейся экономической обстановки налоговая система Советского Союза не могла быть отлита в более или менее окончательные формы. Мы продолжаем поиски в этой области. Наш сельскохозяйственный налог видоизменяется ежегодно, постепенно отходя от грубых приемов натурального налога к уточненным формам подоходного обложения. Только что закончена законодательными органами грандиозная перестройка двух центральных институтов советской податной системы — подоходного и промыслового налогов. На очереди стоит вопрос об изучении относительной тяжести налогового обложения для различных социальных групп СССР.

Нельзя не отметить в высшей степени своевременного появления на книжном рынке обширной монографии „Налоги в иностранных государствах“, рисующей современное состояние податного дела в Западной Европе и Америке. В сжатой, но достаточно отчетливой форме

исследование, состоящее из шести законченных очерков, охватывает три унитарных государства (Англию, Италию, Францию) и три федерации (Соед. Штаты, Германию и Австрию) и дает читателю возможность последовательно ознакомиться с многочисленными опытами, проделанными указанными государствами в годы мировой войны и послевоенное время над типическими образцами прямого и косвенного обложения. Попутно в той мере, в какой это необходимо для понимания происшедших перемен, авторы очерков вводят нас в историю развития отдельных налоговых институтов.

Неслыханное финансовое напряжение, вызванное мировой войной, привело к резкому повышению уже существовавших налогов и введению целого ряда новых. Раньше всех и в наиболее решительной форме на этот путь вступила Англия, традиционным принципом которой является покрытие налогами более или менее значительной части военных расходов.

Действительно, приростом налоговых поступлений (по сравнению с поступлениями мирного времени) ей удалось покрыть 17% расходов на войну, но для этого она должна была повысить подоходный налог, ввести специальный налог на военные прибыли и отдельно налог на корпорации (акционерные компании) и пр. Одновременно пришлось в одних случаях повысить, в других — ввести вновь акцизы или, что то же самое, таможенные фискальные пошлины на ряд предметов широкого потребления, как чай, сахар, спички, пиво, вино, спирт и др. Мало того, страна, слывшая до сих пор „цитаделью фритредерства“, вынуждена была после ряда фискальных пошлин прибегнуть сначала, под видом борьбы с ввозом предметов роскоши к полупротекционным, а затем и чисто протекционным пошлинам.

Обратный процесс, даже и после ослабления финансового напряжения, совершается медленно. Особенно неохотно расстаются буржуазные правительства с косвенными налогами, отличающимися своей неуравнительностью и поражающими поэтому, главным образом, неимущие классы. „Таможенные поступления,—отмечает проф. Твердохлебов в заключительном очерке,—везде, кроме Италии, растут, ставки прямых налогов понижаются, ставки акцизов — в гораздо меньшей степени“. В английском бюджете доходные поступления от косвенных налогов (акцизы и таможенные пошлины) составили в 1925/26 г. 34,7% всей суммы податных поступлений, а в бюджете на 1926/27 г. этот процент поднимается до 36. Наступление на рабочий класс продолжается.

И это несмотря на то, что не только в Англии, но и в прочих странах прямое обложение сохранило главную твердыню эпохи военного времени — подоходный налог. Подоходный налог вынес на себе огромное бремя. Его поступления и теперь доставляют английскому бюджету (вместе с super tax и налогом на прибыли корпораций) свыше 300 милл. ф. ст. Доля подоходного налога (вместе с налогом с корпораций), остающаяся в пользу империи, т.-е. за вычетом отчислений от этого налога в пользу областей, составляет в германском бюджете 1926 г. сумму свыше 600 милл. марок.

Авторы рецензируемого сборника справедливо связывают судьбу налоговых бюджетов современного государства с судьбами подоходного налога. Известно, что некоторые крупнейшие государства ввели у себя подоходный налог лишь накануне мировой войны (Соед. Штаты), или даже в разгаре войны (Франция и царская Россия). Центральное правительство Германии сделало его уже после войны, в 1920 г., имперским налогом, предоставив бывшим княжествам-областям лишь определенные отчисления от этого налога.

Однако, в развитии форм подоходного обложения наблюдается в настоящее время несколько неожиданное направление. Во всяком случае, какой-нибудь десяток лет тому назад его нельзя было предвидеть в качестве более или менее общей тенденции. Именно, в противовес основной тенденции — заменить отдельные реальные налоги единым подоходным — в настоящее время, под влиянием дискредитирования идеи (надеемся, временного) о возможности установить точно совокупный доход плательщика, наблюдается стремление разложить общеподоходный налог на ряд отдельных налогов, настигающих доход по отдельным видам хозяйства и хозяйственной деятельности налогоплательщика. Последнее сближает подоходный налог с реальными налогами, на смену которых он в свое время явился.

В очерке, посвященном Германии, проф. Кулишер отмечает одно явление, прямо противоречащее принципу подоходного обложения.

Это установленный в германском законе 1925 г. способ обложения не по доходу, а по расходам налогоплательщика. Правда, последнее применяется лишь в случаях резкого несоответствия между установленным доходом и образом жизни плательщика.

Любопытна также судьба налога на оборот, аналогичного нашему уравнительному сбору. Налог этот, играющий роль универсального акциза, появился в налоговой системе ряда государств по время мировой войны с ее бешеной кон'юнктурой и бешеным колебанием платежеспособности то в ту, то в другую сторону, когда только оборот, только сумма выручки на данный срок была для фискального агента и вполне реальной и, главное, уловимой величиной. Непрерывно реформируемый он продолжает и в настоящее время сохранять крупное значение в отдельных государствах.

Выше было отмечено, что налоги на потребление в тесном смысле слова — акцизы — были усилены в описываемый период по всей линии и во всех государствах. К уже существовавшим акцизам были присоединены новые, охватывающие самые разнообразные виды потребления: от предметов первой необходимости, как соль, сахар, до предметов роскоши, как парфюмерия. В Соед. Штатах существовали одно время акцизы даже на предметы спорта.

Центральное место занимают, разумеется, акцизы на спиртные напитки — спирт, пиво, вино и на табак. При этом Германия перешла (в 1918 г.) к давно подготовлявшейся государственной монополии по закупке, ректификации и оптовой продаже спирта (водки). Любопытно отметить те мероприятия, какие проводятся некоторыми государствами в борьбе с широко возросшим алкоголизмом в этих странах. Так, Соед. Штаты уже по окончании войны вовсе воспретили продажу спирта для питья. Пока это привело только к лишению фиска крупного акцизного дохода. Иначе поступила Англия: здесь просто акцизная ставка была доведена до необычайных размеров. В настоящее время она составляет около 65 руб. с ведра 40° спирта. Не нужно, однако, забывать, что эта мера возможна только в Англии с ее незначительным удельным весом земледельческого, зернового хозяйства и сильной концентрацией винокуренной промышленности, позволяющим не опасаться развития очагов тайного винокурения (самогонного промысла).

Необходимость обеспечить в годы войны приток продуктов питания и сырья заставила воевавшие государства отменить или понизить таможенные пошлины на ряд импортных товаров. Наступившая по окончании войны реакция в этой области привела в тому, что таможенный протекционизм теперь далеко перешагнул довоенные масштабы.

В заключение, в книге приводятся сравнительные данные о налоговой тяжести в отдельных странах. Как и следовало ожидать, наименьшее податное бремя несет богатая, выгодно использовавшая мировой конфликт 1914—1918 гг. Америка. В 1913/14 г. в Соед. Штатах приходилось налогов на душу 22,7 долл., что составляло 6,4% среднего национального дохода на душу, к 1923/24 г. сумма эта повысилась до 69,7 долл., а отношение к доходу соответственно до 11,5% и в 1924/25 г. до 11%. В том же 1924/25 г. налоговое бремя Франции составляло у населения 20% среднего национального дохода на душу, в Англии 24,8% и в Германии 29,2%.

Остается пожалеть, что в исследовании совершенно не затронут вопрос о распределении налогового бремени в главнейших государствах между отдельными социальными группами населения и притом не в отношении к национальному доходу в целом, а в отношении к среднему доходу представителя данного класса (эта работа у нас, в СССР, в настоящее время уже проделывается). Об'ясняется это, несомненно, крайней трудностью постановки подобного вопроса при современном состоянии налоговой статистики даже в передовых странах Европы и Америки.

Но и без того книга содержит богатейший и интереснейший материал, делающий ее незаменимым справочником и руководством как для исследователя-экономиста, налогового работника, так и для студента вузовца.

———— *Г. Болдырев*

Нижнее Поволжье, орган Нижне-Волжской Областной и Саратовской Губернской Плановых Комиссий, №№ 2—3, 4—5, 6—7 за 1926 г. г. Саратов.

За истекшие полтора года журнал пережил значительную эволюцию весьма положительного характера. Расширился диапазон наблюдаемых и исследуемых экономических явлений, хозяйственное возрождение области более углубленно ставится в связь с ее предварительным изучением, интересы Саратовской губ. не оттесняют, как раньше, интересов и потребностей области в целом, наконец, улучшена систематизация материала.

Вопросы сельского хозяйства попрежнему и правильно превалируют в журнале, хотя носят весьма односторонний характер, к чему мы вернемся ниже.

Из статей, посвященных сельскому хозяйству, заслуживают внимания работы: Н. Самарина „О типах засухоустойчивого хозяйства“ (№ 6—7) и проф. Г. Мейстера „Значение селекции и ее перспективы в Нижнем Поволжье“ (№ 4—5).

Борьба с засухой, ставшая одной из главнейших очередных проблем государственного значения в области сельского хозяйства, борьба, иллюстрирующаяся чрезвычайной энергией и усердием, лишена, однако, продуманной базы научного познания экономических особенностей области. Дальше самых общих и поверхностных суждений о том, что в сельском хозяйстве засушливых областей зерновое направление должно уступить место животноводческому,— мы пока не идем. Между тем, целый ряд экономистов, как, напр., Лященко, Рыбников, Костров, Челинцев, полагают, что зерновой характер сельского хозяйства может быть преобразован весьма медленно, вследствие чего ко времени осуществления планов о животноводческом уклоне следует подходить с большой осторожностью.

Анализ материалов, изучающих ряд возникших в последнее время хозяйств, приводит автора к убеждению, что рациональный тип засухоустойчивого хозяйства еще не нащупан. Животноводство приняло резко преобладающий характер, при чем из отрасли, перерабатывающей неры-

ночные продукты сельского хозяйства в рыночные, оно превратилось уже в совершенно самодовлеющую отрасль. Автор правильно предупреждает о той грани, перешагнув через которую животноводство „превращается в утрированно-уродливую отрасль засухоустойчивого хозяйства".

Значение индустриализации сельского хозяйства как для развития самого сельского хозяйства, так и для расширения размеров нашего экспорта, являющегося одним из главнейших источников капиталонакопления страны,— слишком очевидно. Но естественное внимание, уделяемое индустриализации, не должно заслонять путей рационализации сельского хозяйства. И проф. Г. Мейстер справедливо пытается приковать общественное внимание к селекции семян, остающейся в тени при одностороннем увлечении техникой полеводства.

Мы забываем о селекции на практике, мы не поставили даже, как следует, дело изучения селекции в высшей школе. Между тем, страны с более развитой техникой сельского хозяйства, как, напр., Франция, Германия, Швеция, Сев. Америка, Канада, „где в совершенстве и при большем эффекте используется навозное и минеральное удобрение", „в то же время за каждый пуд, полученный на счет селекции, бьются с достойным упорством". Климатические условия Нижнего Поволжья, бедность капиталами и малокультурность сельского хозяйства требовали бы, наоборот, большего внимания к селекции, не говоря уже о том, что селекция тесно связана с качеством зерна, от чего зависят и судьбы успешной борьбы нашего зерна на мировом рынке.

Приведеные статьи свидетельствуют о том, что созидательное рвение и жажда строительства наших местных хозяйственников все еще иногда превращаются в строительство на песке, без фундамента, без базы, без научного познания действительности.

Такое „творчество" есть извращенная маниловщина, совершенно несовместимая с великими конкретными задачами реального строительства социалистического хозяйства. Наши хозяйственники должны твердо усвоить непреложный силлогизм Контовской формулы: от знания к предвидению, от предвидения к действию.

Статьи Самарина и Мейстера зовут, в сущности, к тому же хотя и в иных формах и в иных словах.

Лишней иллюстрацией правильности только что подчеркнутого положения является и статья Н. Сахарова „Перспективы по вопросу изучения вредных насекомых в пределах Нижне-Волжской области" (№ 2—3).

В течение 1925 года Нижне-Волжская область израсходовала на непосредственную борьбу с вредителями сельского хозяйства 752 с лишним тысячи рублей, тогда как на изучение вредных насекомых ушло всего 3.140 рублей, т.-е. 0,4% всей затраченной суммы.

Между тем, из значительного числа вредителей, истинных бичей сельского хозяйства, мы изучили лишь одну саранчу, и в силу своего невежества совершенно лишены возможности притти на помощь крестьянству в борьбе с другими вредителями как в области полеводства (зерно, специальные культуры, подножные корма) и лесоводства, так и в области животноводства.

Интересна далее статья П. Гаврилова „Саратовская промышленность в пятилетних гипотезах ОСВОК'а" (№ 6—7).

Исходя из характера саратовской промышленности, базирующейся преимущественно на сельскохозяйственном сырье, автор полагает, что пятилетние гипотезы мало внимания уделили возможности развития в губернии некоторых видов производства. Таковы: мыловарение, „естественный спутник маслобойного производства и гидрогенезации", крахмало-паточное производство, имеющее изобилие сырья (кукурузы), сахарное производство, которому благоприятствует возможность местного свеклосеяния, кожевенная промышленность, имеющая все возможности развиться в Нижне-Волжской области, богатой сырьем, дубителями и отдаленной от границ и стратегических центров, а также металлообрабатывающей, лесопильной, хлопчатобумажной и стекольной промышленности.

Насколько можно приветствовать всякую критическую поверку пятилетних гипотез и, в частности, в отношении развития промышленности районов, настолько упрек автора в том, что гипотезы не могут являться законченным реальным планом промышленности, следует, очевидно, признать, основанным на сплошном недоразумении.

Дело в том, что особое Совещание ВСНХ СССР, вслед за выпуском серии гипотез по отраслям промышленности, выпускает серию по отдельным экономическим районам СССР, непосредственно предлагая их на критику и детельную проработку на местах.

Нельзя, наконец, обойти молчанием статьи Г. Тимрота „О методологии перспективного планирования местного бюджета" (№ 4—5).

Достойная внимания тема, местами недурно затронутая, грешит, однако, рядом ошибочных утверждений. Касаясь вопроса о неналоговых доходах бюджетов сельских местностей, автор находит, что в ближайшее время следует ожидать не роста, а сокращения неналоговых доходов.

В подтверждение своего взгляда автор указывает на предстоящее сокращение поступлений от аренды земель в виду передачи в пользование крестьян свыше двухсот тысяч десятин местного и государственного фонда по одной только Саратовской губернии, а также на предстоящее сокращение лесного дохода в виду того, что многие лесосеки вырублены на 10—13 лет вперед.

Автор предлагает Госплану обратить на это должное внимание.

Отрадно, конечно, что „план" не воспринимается на местах, как „икона", что на местах пульсирует и жизнь и мысль, но вряд ли такого рода примитивным пониманием сущности неналоговых источников дохода мы далеко ушли бы вперед в укреплении местного бюджета.

Странно также желание автора получить от Госплана специальное разрешение вопроса о том, „производить ли увеличение зарплаты только в меру роста местных доходов, как это предполагает инструкция НКФ, или для отсталых отраслей поставить целью доведение зарплаты до определенного уровня". Директивы Госплана в области зарплаты изложены в „Контрольных цифрах на 1926/27 год", а проведение их на местах дифференцируется в зависимости от местных условий.

Переходя к общей оценке рецензируемых номеров журнала, следует остановиться на ряде замеченных дефектов.

Вопросы сельского хозяйства, освещаемые в журнале, носят, главным образом, теоретический характер. Реальная сельскохозяйственная экономика сегодняшнего дня мало занимает внимание журнала, и уже совершенно вне поля зрения остаются социальные процессы современной деревни. Нет в числе тем журнала ни изучения дифференциации крестьянства, ни работы сельскохозяйственной кооперации, ни деятельности с.-х. кредита, ни состояния коллективизации сельского хозяйства и т. д.

Если трактовка вопросов по другим отраслям народного хозяйства, как, напр., промышленность и финансы, на ряду с теоретическим их освещением отличается и наличностью изучения конкретных, относящихся к ним, экономических явлений, то отражение социальных процессов и в них отсутствует. Борьба социалистических элементов с капиталистическими и в сфере производства и в сфере обращения не находит себе отражения на страницах „Нижнего Поволжья". Совершенно незатронутыми остаются

вопросы торговли, кооперации и столь актуальный для области вопрос, как хлебозаготовки.

Односторонне рассматриваются и вопросы труда, не выходящие за пределы изучения техники безопасности и проходящие мимо производительности труда, бюджета рабочего, научной организации труда и т. д.

Общий дефект журнала — это недостаточное внимание к моментам реконструкции и рационализации областного хозяйства.

Тем не менее, следует признать, что „Нижнее Поволжье“ в ряду местных журналов заслуженно занимает место серьезного областного органа, имеющего все основания для его дальнейшего развития. Недостатки же журнала в значительной степени присущи и многим другим местным экономическим органам, что в известной мере устраняет право суровой критики „Нижнего Поволжья“.

И. Лерман.

Северное Хозяйство, журнал Сев. Облплана Арханг. Губисполкома, 1926 г., №№ 1, 2—3, 4 и 5—6, Архангельск.

Слабая изученность производительных сил Севера и своеобразие северного народного хозяйства вызывают значительный интерес к местному экономическому журналу, который насчитывает в мало благоприятных условиях три года существования.

Уже общий беглый взгляд на содержание статей журнала обнаруживает неполноту охвата экономических проблем. Останавливаясь на различных вопросах отдельных отраслей народного хозяйства, как, напр., сельское хозяйство, промышленность, торговля, транспорт и т. д., журнал весьма мало уделяет внимание лесному хозяйству,— одной из актуальнейших проблем края.

С другой стороны, замечается отсутствие освещения вопросов кредита. Кон'юнктурные обзоры, правда, касаются и этой отрасли народного хозяйства, но дают только сухие цифры и не ставят проблем, напр., долгосрочного и краткосрочного кредита, системы и метода кредитования и т. д. Вместе с тем лесное хозяйство области освещено не в такой сильной степени, как это нужно бы было, сообразуясь со значением его в системе народного хозяйства области.

Период организационного оформления Северо-Восточной области, охватывающей по проекту Архангельскую, Северо-Двинскую, Вологодскую губернии и область Коми, должен был наложить отпечаток на журнал. При громадной территории области, плохой ее изученности, трудности сообщения, недостатке квалифицированных работников, разумеется, нельзя было создать и поддерживать журнал в том состоянии, какое возможно в наших центральных районах. На журнале „Северное Хозяйство“ сказались как эти условия, так и все своеобразие народного хозяйства области, слагающееся, главным образом, из сельского хозяйства, первобытных промыслов и промышленности.

Как общее явление, особенно за 1925 год, заметно, что статьи журнала по преимуществу носят характер не областной, ставят не вопросы строительства хозяйства области, а освещают экономические факты определенных районов и губерний. Этот характер журнала еще больше подчеркивает отдел „Экономическая хроника“, занимающий в среднем от 20 до 15% емкости журнала и дающий ряд информаций газетного характера. Вместе с тем динамика народного хозяйства области в целом, особенно характеристика путей развития и достижений его за время с 1913 г. до настоящего времени, за малым исключением (например, ст. „Фактические и планированные итоги народного дохода Северо-Восточной области за 1924/25 г.“), отсутствует. Несколько лучше обстоит

дело в отдельных губерниях, поскольку они нашли отражение в журнале. Таким образом, областной журнал как бы оказался во власти стихии корреспонденций с мест и в значительной степени утратил свое активное волевое руководство.

К концу рассматриваемого периода в журнале происходят заметные улучшения. В книгах за 1926 год уже нет того загромождения официальными сухими материалами, которые помещены в соответствующих докладах и отчетах, напечатанных в первых книгах 1925 года. „Северное Хозяйство“ в 1926 году приняло уже более областной характер, и в нем отчетливее выявляется творческое воздействие на народное хозяйство.

Нельзя не отметить ряд несомненно интересных и ценных статей. В частности, исследование бюджета времени северного крестьянина дает ряд ценных данных, имеющих практическое значение. Этому вопросу посвящена ст. Н. Скворцова „Бюджет рабочего времени сев.-двинского крестьянина“ (№ 1, 1926 г.). Автор дает картину загрузки рабочего времени хозяйств по их экономической мощности. По данным статьи экономически более сильные хозяйства имеют меньше неиспользованного времени. Так, хозяйство 1924 года с посевом от 0,1 — 1,0 дес. имеет неиспользованный остаток времени в 56,0% всего годового запаса рабочего времени, а хозяйство с 4,1 дес. и выше — только 7,6%.

Вопрос об экономическом положении самоедов, как национального меньшинства, с давних пор был предметом широкого обсуждения и разных предположений. Ст. Н. Плетцева, основанная на материалах статистического обследования, произведенного в 1924 году по инициативе местных органов, дает довольно полную социально-экономическую характеристику самоедов Больше-и Малоземельской тундр (см. ст. „Самоеды Большеземельской и Малоземельской тундр“, № 2—3, 1925 г.). Продолжением этой работы является ст. Н. Сапрыгина и М. Синельникова („Самоеды Канинской и Тиманской тундр“, № 2—3, 1926 г.). Результаты переписей не подтверждают мнения о вымирании самоедов. „Прожиточный минимум“ самоедов,— сообщают авторы последней статьи — определяется в 150 оленей. Несмотря на отсутствие вымирания экономическое положение основной массы самоедов весьма тяжелое и может быть изжито лишь путем расширения и рационализации оленеводства.

Следует указать также некоторые статьи, выделяющиеся постановкой актуальных вопросов, как, напр., И. Ерофеичева „Лесоэкспорт и ближайшие перспективы лесной промышленности Севера“ (№ 2 — 3, 1926 г.), А. Жилинского „Промыслы будущего на Севере“ (№ 2—3, 1926 г.), В. Гринера „Пути развития мурманских тресковых промыслов“ (№ 4, 1926 г.).

В первой ст. И. Ерофеичев, считая необходимым максимально усилить лесоэкспорт из северной зоны, настаивает на предоставлении „лесоэкспортной промышленности“ достаточных оборотных средств и субсидирования лесоэкспорта в твердых размерах. При настоящей эксплоатации леса наши лесопромышленные организации идут по пути капиталистических лесопромышленников, не стараясь пройти дальше 5—6 верст вглубь от берегов сплавных рек. Вместе с тем неплановое использование леса и рубка лучшего состава деревьев привела к расстройству лесного хозяйства, к накоплению перестойного леса, заболачиванию и изменению состава леса к худшему. Актуальный характер статьи ослабляется недостаточным цифровым материалом.

Статья А. Гринера о мурманских тресковых промыслах дает полную характеристику промыслов, их организации, результатов, судового состава и намечает обоснованные пути развития промыслов. Снабжение рыбаков

снастями, судовым составом, наживой, организация кредитования и об'единение их (кооперация и т. д.) могут, по мнению автора, увеличить продуктивность промысла в ближайшее пятилетие в два раза. Непонятным является стремление автора повысить цены на рыбу и воюксу и в то же время не указать на дороговизну снастей и необходимость снижения цен на них. Приближение цен на рыбу и воюксу к мировым и снижение цен на орудие производства, являющееся важнейшей задачей хозорганов („ножницы" в промыслах) автором не отмечено. В то же время следовало бы отметить рельефнее достижения в рационализации промыслов.

Не лишены интереса некоторые статьи по рационализации в лесном хозяйстве, промыслах, по снижению розничных цен и аэросанному движению.

В общем, по данным журнала можно судить о здоровом процессе восстановления народного хозяйства.

Несмотря на ряд существенных недостатков, журнал все же, как правильно отмечает редакция, необходим и является жизненным. В силу особых экономических и культурных условий области влияние журнала может быть в хозяйственной жизни особенно значительным. Поэтому в нем должна быть проведена большая плановость в освещении различных хозяйственных проблем соответственно значению их в системе экономики края.

П. Горшечников

ОТДЕЛ VI

Статистика

С. Г. Струмилин

Железнодорожное строительство

Восстановительный период развертывания нашего транспорта кончается 1926/27 годом. Дальнейшее развитие нашего хозяйства невозможно без соответствующей подготовки транспорта. Транспорт должен всегда несколько опережать в своем развитии общее нарастание грузооборота в стране. Некоторый резерв транспортных рессурсов представляется нам одним из самых целесообразных видов резерва, ибо его отсутствие может превратить транспорт, являющийся одним из самых мощных факторов хозяйственного развития, в один из серьезнейших тормозов этого развития.

В каком же состоянии находится наш железнодорожный транспорт в настоящее время?

Чтобы оценить по достоинству современное его состояние и ближайшие перспективы, необходимо прежде всего запастись масштабами для сравнения из нашего недавнего прошлого.

1. Железные дороги до 1913 г.

Первая железная дорога в России, длиною в 25 верст, была открыта к движению в 1838 г. Затем через семь лет прибавилось в 1845 г. еще 110 верст пути и затем железнодорожное строительство продолжалось уже почти без перерыва, ежегодно удлиняя эксплоатационную длину сети на десятки и сотни верст.

Об общем темпе этого строительства можно судить по следующим цифрам:

Годы	Длина открытой сети		% прироста за 10 лет	
	За 10 лет	Всего к концу периода	К предш. 10-летию	Ко всей сети
1830—1840	25	25	—	—
1841—1850	442	467	1.760	1.760
1851—1860	1.023	1.490	232	219
1861—1870	8.590	10.080	838	575
1871—1880	11.778	21.858	137	110
1881—1890	6.161	28.019	52	28
1891—1900	23.148	51.157	375	82
1901—1910	11.885	63.042	52	23
1911—1913	—	65.962	—	—

Как видим, рост далеко неравномерный. Особенно крупный прирост падает на семидесятые и затем на девяностые годы. С возрастанием сети этот прирост, выраженный в процентах, конечно, падает. Но и в абсолютных величинах размер его за последние 10—15 лет заметно понизился по сравнению с девяностыми годами. За последние 20 лет перед мировой войной—с 1893 по 1913 гг.—железнодорожная сеть выросла у нас на 34.875 в. или на 112%, что дает средне-геометрический годовой прирост около 3,8%. За последнее десятилетие этот прирост снизился до 3,2%, что дает все же свыше 1000 верст новых дорог в год

Какие же рессурсы требовались для осуществления железнодорожного строительства в указанном темпе?

В „Сборниках Мин. Путей Сообщения“ мы находим нижеследующие итоги капитальных вложений в это строительство за 1885—1913 гг.:

Таблица 1

Капиталы сооружения железных дорог общего пользования в границах бывш. Российской империи без Финляндии

К концу года, в милл. руб. золотом

Годы	Эксплоатационн. сеть в верстах	Основные капиталы			Дополнительные вложения	Всего вложений		То же по казенным ж. д	
		В акциях	В облигациях	Итого		Абс.	Отн.	Абс.	В %% к гр. 7
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	24.071	577	1.682	2.259	314	2.573	100,0	204	7,9
1886	24.774	560	1.734	2.294	294	2.588	100,6	213	8,2
1887	25.556	547	1.736	2.283	344	2.627	102,1	286	10,9
1888	26.126	519	1.878	2.397	340	2.737	106,4	355	13,0
1889	27.076	506	2.026	2.532	369	2.901	112,7	656	22,6
1890	28.019	510	2.092	2.602	439	3.041	118,2	695	22,8
1891	27.919	501	2.114	2.615	419	3.034	117,9	887	29,2
1892	28.187	483	2.181	2.664	364	3.028	117,7	879	29,0
1893	31.087	491	2.381	2.872	390	3.262	126,8	1.113	34,1
1894	31.822	343	2.794	3.137	393	3.530	137,2	1.997	56,6
1895	32.855	198	3.056	3.254	408	3.662	142,3	2.418	65,9
1896	33.970	194	3.191	3.385	422	3.807	148,0	2.548	66,9
1897	37.517	128	3.349	3.477	526	4.003	155,6	2.666	66,6
1898	41.768	122	3.457	3.579	760	4.339	168,6	2.870	66,1
1899	47.189	124	3.558	3.682	900	4.582	178,1	3.009	65,6
1900	51.157	120	3.886	4.006	819	4.825	187,5	3.382	70,0
1901	53.765	127	4.046	4.173	978	5.151	200,2	3.625	70,3
1902	55.020	128	4.043	4.171	1.222	5.393	209,6	3.803	70,5
1903	55.889	130	4.187	4.317	1.364	5.681	220,8	4.000	70,4
1904	56.627	133	4.153	4.386	1.428	5.814	226,0	4.069	70,0
1905	57.642	134	4.221	4.355	1.599	5.954	231,4	4.186	70,3
1906	58.356	134	4.303	4.437	1.761	6.198	240,9	4.377	70,6
1907	61.811	134	4.329	4.463	1.991	6.454	246,9	4.601	71,4
1908	62.537	135	4.370	4.505	2.118	6.623	257,4	4.726	71,3
1909	62.800	135	4.414	4.549	2.265	6.814	264,8	4.862	71,4
1910	63.042	137	4.378	4.515	2.361	6.876	267,2	4.957	72,1
1911	64.406	149	4.476	4.625	2.557	7.182	279,1	5.134	71,5
1912	65.153	129	4.555	4.684	2.746	7.480	291,3	5.386	72,1
1913	65.962	130	4.575	4.705	2.978	7.683	298,6	5.615	73,0

Капиталы железных дорог, как видим, в огромной своей части складывались из облигационных займов, которые выражались обычно в металлической валюте. Мы их перевели здесь на новейшую золотую валюту, считая за рубль старого образца по $1^1/_2$ рубля новой чеканки. Все вложения в кредитных рублях переведены на золото по курсам соответствующих лет в том виде, как эти итоги публиковались в железнодорожной отчетности, т.-е. по курсу данного года переведена общая сумма вложений за все предшествующие годы. Это, конечно, очень грубый прием. Курс кредитного рубля падал. И ежегодная переоценка вложений за ряд лет по падающему курсу приводит к преуменьшению реального их значения. Но вложения в кредитной валюте не превышали 10—15% общего их итога, а потому большого значения указанная неточность иметь не может.

Ежегодная сумма вложений в новые железные дороги за последние годы колебалась в пределах от 200 до 300 миллионов. Цифра очень крупная. За последние 10 лет — с 1903 по 1913 гг.— цифра вложений в железнодорожный транспорт достигла 2.002 милл. рублей, а во всю промышленность, исключая ремесленно-кустарную,—2.063. Таким образом, затраты на транспорт до революции по абсолютному их размеру не отставали от суммы капитальных вложений в промышленность.

Железнодорожное строительство требует для своего осуществления огромных средств. Собрать такие средства обычно бывает не под силу не только отдельным частным предпринимателям, но даже целым их об'единениям. Вот почему уже в довоенной России так быстро росла доля казенных дорог в общем их протяжении. Частные общества строили железные дороги, главным образом, за счет облигационных займов под гарантию правительства. Значительная часть этих облигаций, оставаясь нереализованной на частном рынке, сразу же оказывалась в руках казны. И это имело место не только с облигациями, но и с акциями частных обществ. А если сюда еще прибавить строительные и другие ссуды казны частным обществам, то общее участие казны, якобы, в „частном“ строительстве дорог выразится огромным процентом.

В самом деле приведем для иллюстрации несколько итогов:

Таблица 2

Участие казны в строительстве частных железных дорог за 1873—1913 гг.

К концу года, в милл. руб. золотом и в %%

Годы	Длина сети в верстах	Капиталы сооружения			Из них принадлежало казне по			Долги казне по ссудам и проч.	Всего казен средств	
		Акционерн.	Облигац. и проч.	Итого	Акциям	Облигациям	Итого		Абсол. (гр. 8+9).	В %% к гр. 5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1873	17.880	636	1.155	1.791	84,5	754,1	838,6	305,1	1.143,7	63,8
1878	20.936	594	1.375	1.969	84,7	888,0	972,7	493,6	1.466,3	74,5
1883	22.215	576	1.500	2.076	12,7	991,4	1 004,1	869,7	1.873,8	90,2
1888	20.994	519	1.855	2.374	—	957,6	957,6	1.028,0	1.985,6	83,7
1893	18.646	406	1.744	2.150	—	851,0	851,0	876,0	1.727,0	80,4
1898	14 436	122	1.347	1.469	—	299,7	299,7	92,3	392,0	26,7
1903	18.923	131	1.551	1.682	—	269,5	269,5	106,7	376,2	22,3
1908	20.065	135	1.700	1.835	—	265,7	265,7	179,1	444,8	24,2
1913	21.303	130	1.860	1.990	—	265,7	265,7	217,6	483,3	24,3

До начала восьмидесятых годов рост „частной“ железнодорожной сети происходил почти целиком за счет казенных ресурсов. И во всяком случае вложения казны во много раз превышали собственные средства частных акционеров. Тем не менее, в прибыльные годы эти акционеры целиком обращали всю чистую прибыль себе в дивиденд, а в убыточные тоже получали гарантированный процент прибыли за счет казны,

возлагая на нее же и выплату процентов по облигационным займам. Немудрено, что казна в конце концов нашла для себя более выгодным досрочный выкуп большинства тех дорог, которые и без того принадлежали ей чуть ли не на 90%. Выкуп не требовал значительных средств, так как погашались только акции, а облигационный долг автоматически переходил на нового владельца выкупленных дорог.

Как видим из приведенной справки, участие казны в капитальных вложениях частной сети, начиная с девяностых годов, резко падает. Это об'ясняется, конечно, тем, что наиболее слабые в финансовом отношении частные дороги, т.-е. наименее рентабельные, а потому наиболее задолженные казне дороги были выкуплены в первую очередь. Но вместе с тем это об'ясняет и другой общеизвестный факт, что казенные дороги в результате такого отбора отличались у нас до последнего времени меньшей рентабельностью, чем частные. А с учетом всех платежей по огромной задолженности, обременявшей выкупленные дороги по облигационным займам, казенные дороги в течение целого ряда лет были даже прямо убыточными.

Чему равнялась строительная стоимость железных дорог из расчета на одну версту?

Данные таблицы 1-ой не дают на этот вопрос точного ответа, ибо там даны общие итоги затрат, включая сюда и такие чисто финансовые статьи, как потери по реализации облигационных займов, номинальное увеличение их суммы в связи с конверсиями и т. п. При работе собственным капиталом таких затрат вовсе не оказалось бы, а потому относить их к строительной стоимости железных дорог нет оснований.

Более четкое представление об этой величине дают следующие отчетные данные об „издержках по устройству“ 27 железных дорог, длиною в 10.248,8 версты, по сведениям на 1 января 1877 г. [1]

Таблица 3

Соотношение издержек на устройство железных дорог по данным на 1 января 1877 г. по 27 дорогам (10.249 верст)

Статьи издержек	Весь расход в милл. руб.			На 1 версту	
	в золот. валюте	в кредитн. валюте	итого в золот. валюте	в тыс. золот. руб.	в % % итога
1	2	3	4	5	6
1. Управление и общие издержки . .	74,9	12,35	89,2	8,7	11,3
2. Путь и его принадлежности . . .	351,1	89,99	455,8	44,5	58,0
3. Станции и постройки по дороге. .	77,6	23,00	104,4	10,2	13,3
4. Подвижной состав	97,2	30,90	133,2	13,0	16,9
5. Телеграф	2,6	0,88	3,7	0,36	0,5
Итого . .	603,4	157,12	786.3	76,76	100

Эти данные, однако, недостаточно еще расчленены. В них входит довольно неясного содержания статья „Управление и общие издержки“.

[1] См. „Сборн. М. П. С.“, вып. 4., СПБ. 1880 г., т. II. Металдич. рубль принят за $1\frac{1}{2}$ р. золотом, кредитный по курсу 1876 г.—1 р. 16,3 к. золотом.

А потому представляет интерес привести более дробное расчленение этих издержек по 10 железным дорогам, расценочные ведомости на постройку которых были утверждены в 1872—77 годах: [1]

Таблица 4

Расценочная ведомость железнодорожного строительства России в 1872—77 гг.

По 10 железным дорогам, в золотой валюте

Статьи сводной сметы	Сумма затрат		
	на всю сеть в тыс.	на 1 версту в руб.	на 1.000 рублей основн. капит.
1	2	3	4
1. Длина пути в верстах	2 878	—	—
2. Отчуждено земли в десятинах	18 366	6,4	—
Строительная смета			
1. Земля	3.295	1.146	15,8
2. Устройство полотна (землян. работы) . .	24.145	8.395	116,0
3. Искусственные сооружения	14.644	5.110	70,7
4. Устройство балластных слоев	8.617	2.994	41,4
5. Поперечины (шпалы)	3.898	1.354	18,7
6. Рельсы и скрепления	31.319	10.890	150,6
7. Развозка и укладка рельсов	4.344	1.511	20,9
8. Принадлежности пути	775	269	3,7
9. Телеграф	850	296	4,1
10. Сторожевые дома, казармы и проезды . .	2.722	946	13,1
11. Станционные постройки	11.767	4.096	56,6
12. Водоснабжение станций	2.716	944	13,0
13 Принадлежности станций	4.388	1.527	21,1
14. Подвижной состав	33.239	11.560	159,9
15. Общ. расх. (инспекц., полиция, администр.)	10.572	3.679	50,8
16. %% на строит. капитал за время постройки	14.485	5.035	69.6
17. Потери при реализации капитала . .	21.268	7.393	102,2
18. Непредвид. издерж. и залоги для авансов	9.652	3.360	46,4
Итого по 1—18. . . .	202.696	70.505	974,6
19. Сбережения и остатки [2]	5.294	1.839	25,4
Всего по 1—19	207.990	72.344	1.000

Из этой справки видно, что потери по реализации и проценты на строительный капитал за время постройки достигали 12.428 р. на версту, или 17,2% от всей суммы строительной сметы. И потому за вычетом этой суммы реальные издержки на одну версту одноколейной дороги падают с 70,5 тыс. до 58 тыс. рублей.

Конечно, эту величину нельзя считать постоянной во времени и пространстве. С течением времени на многих дорогах оказалось необходимым провести вторую колею, значительно расширить подвижной состав, заменить железные рельсы стальными, деревянные сооружения камен-

[1] „Сборн. М. П. С.“, вып. 1 и 2, СПБ. 1877 и 1878 гг.

[2] Из этой суммы затрачено 1.185 т. р. на постройку пристаней и 360 т. р. на приобретение 6 верст казенного ж.-д. пути.

ными и т. д. В связи с этим капиталы сооружения этих дорог значительно выросли из расчета на одну версту.

Если же взять средние величины по всей сети, то за период 1889—1897 годов, для которых опубликованы данные о потерях по реализации первоначальных строительных капиталов и в связи с последующими конверсиями железнодорожных займов, мы наблюдаем следующую картину:

Таблица 5

Строительная стоимость железных дорог в милл. рублей золотом

Годы	Длина сети к концу года	Капиталы сооружения					Дополнительные затраты на усиление дорог и проч.	
		Номинальная сумма начальных затрат	Потери по реализации и конверсии		Реальные затраты за вычетом потерь			
			Абс.	В % % к гр. 3	Всего в милл. руб.	На 1 вер. в тыс руб.	Всего в милл. руб.	На 1 вер. в тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1889	27.076	2.533	525	20,4	2.008	74,2	369	13,6
1890	28.019	2.602	533	20,2	2.069	73,7	439	15,7
1891	27.919	2.615	513	20,0	2.102	75,3	419	15,0
1892	28.187	2.664	517	19,4	2.147	76,2	364	12,0
1893	31.087	2.872	534	18,6	2.338	75,3	390	12,5
1894	31.822	3.137	623	19,6	2.514	79,0	393	12,4
1895	32.855	3.254	611	18,8	2.643	80,5	408	12,5
1896	33.970	3.385	613	18,1	2 772	81,7	422	12,5
1897	37.517	3.477	619	17,8	2.858	76,1	526	14,0
Сред. за 9 л.	30.939	2.949	565	19,2	2,384	77,0	415	13,4

Величина потерь от номинальной цифры вложений колеблется около 18—21%, составляя в среднем за 9 лет 19,2%. В известной части эти колебания определяются колебаниями курса, по которому ежегодно приходится расценивать потери, суммированные за ряд лет в кредитной валюте. При более правильном расчете с учетом более высокого курса кредитного рубля за семидесятые годы процент потерь оказался бы еще выше. Но если даже исходить в среднем из 17,5% к концу 1913 г., то общая сумма реальных вложений в железнодорожный транспорт к указанному сроку понизится от вышеуказанной цифры 7.683 милл. рублей миллионов на 800, т.-е. составит около 6.883 милл. рублей золотом.

Уже одна эта цифра показывает, сколько можно было „заработать" акулам финансового капитала вокруг железнодорожного строительства, даже отнюдь не принимая в нем никакого участия.

За указанной поправкой строительные затраты на одну версту пути по всей сети, включая проценты на капитал за время постройки, выразятся к началу 1890 г. около 74 тысяч рублей. В той же примерно цифре мы их определим и к концу 1913 г. Дополнительные затраты на „усиление" дорог за время их эксплоатации по таблице 5 колеблются около 13,4 тысячи на версту.

Однако, в отношении этих затрат нужно иметь в виду следующее обстоятельство. Практика железнодорожного хозяйства доныне не знала амортизационных отчислений на погашение изнашивания своих сооружений. Текущий износ при этих условиях лишь частью погашался ремонтами за счет эксплоатационных расходов. А замена полностью отслужившего имущества новым проводилась наравне с вложениями на расширение инвентаря дорог „путем увеличения основного капитала — без списания стоимости заменяемого имущества."[1] Говоря иначе, показанные в довоенной отчетности суммы капиталов сооружения железных дорог преувеличены на всю величину неучтенного их износа.

По расчетам специалистов годовой износ железнодорожного имущества за вычетом тех его частей, какие возобновляются за счет эксплоатационных текущих и капитальных ремонтов, составляет 1,74% полной инвентарной его стоимости.[2] Если этот процент верен, то зная средний срок службы железных дорог к тому или иному моменту, не трудно определить и общий размер неучтенного износа имущества железных дорог за данный срок. Соответствующий расчет на несколько дат представляется в следующем виде:

Таблица 6

Стоимость железных дорог с учетом непогашенного износа к концу года в милл. рублей золотом

Исчисление

Годы	Длина сети в верстах	Средний срок службы в годах	Основной капитал		Дополнительные вложения	Итого по гр. 5 и 6	Износ за весь срок службы		Стоимость за вычетом износа	
			без учета потерь	с учетом потерь по реал. и проч.			абс.	в %% к начальн. стоим.	общая	на 1 вер. в тыс. р
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1873	17.880	5.7	1.747	1.381	?	(1.381)	138	9,9	1.243	69,7
1883	21.901	12,6	2.201	1.739	(306)	2.045	380	21,9	1.665	76,0
1888	26.126	15,5	2.397	1.901	340	2.241	513	27,0	1.728	66,1
1893	31.087	17,6	2.872	2.338	390	2.728	714	30,6	2.014	64,9
1898	41.768	17,1	3.579	2.942	760	3.702	874	29,7	2.828	67,7
1903	55.889	17,5	4.317	3.563	1.364	4.925	1.219	30,4	3.706	66,5
1908	62.537	20,2	4.505	3.718	2.118	5.836	1.544	35,2	4.292	68,7
1913	65.962	23,8	4.705	3.905	2.978	6.883	2.005	41,4	4.878	74,0

Учет потерь в графе 5 дан приблизительный, исходя из процента потерь за 1889—1897 годы. В графе 6 учтены за последние три даты не только дополнительные, но и начальные вложения по азиатским дорогам, строившимся иждивением казны. К 1903 г. эта последняя сумма достигала около 450 милл. руб., к 1908 г.—666 милл. и к концу 1913 г. 943 милл. Если указанные цифры исключить из итогов „дополнительных вложений", то они понизятся к концу 1913 г. до 2.035 милл. руб. и почти в точности совпадут с исчисленной нами суммой непогашенного износа. Говоря иначе, дополнительные вложения в железные дороги — в общем итоге за весь изучаемый период — только более или менее точно соответствуют сумме амортизационных отчислений, необходимых для замены изношенного имущества новым. И если частные общества предпочитали производить это возобновление имущества путем „увеличения" основного капитала, то финансовый смысл этой комбинации сводился к тому, чтобы при выкупе дорог казной получить с нее возмещение не только основного капитала, но и всех амортизационных сумм.

В общем итоге казне пришлось бы переплатить по этой статье довольно круглую сумму порядка 2.000 милл. руб., да потери по реализа-

[1] Материалы по вопросу о восстановлении капитала жел. дорог. М. 1925 г., изд. НКПС, стр. V.

[2] Там же, стр. 8—10. Вместе с износом, погашаемым за счет эксплоат. кредитов, этот % повышается до 2,81.

ции мы оценили выше суммой около 800 милл. руб., всего, стало быть, 2,8 млрд. из номинальной суммы 7,68 млрд. к концу 1913 года. Однако, в связи с революцией 1917 г. преувеличенные надежды частного капитала на эти миллиарды были обмануты. Национализация частных дорог и анулирование долгов казны по облигационным железнодорожным займам в пределах оставшейся в СССР сети обошлись частному капиталу, по нашему расчету, почти в 4 миллиарда по номиналу, а за скидкой на преувеличение этого номинала по вышеуказанным комбинациями — около 2,5 миллиардов.

Однако, преувеличивать значение этих потерь для частного капитала отнюдь не приходится. Дело в том, что за время эксплоатации железных дорог их владельцы выручили во много раз больше того, что реально вложили в их постройку. Лучше всего можно в этом убедиться из нижеследующего подсчета:

Таблица 7

Вложения и чистый доход от эксплоатации железных дорог России за 1874—1913 гг.

В милл. руб. золотом

Годы	Казенные жел. дор.			Частные		Вся сеть	
	Вложения		Чистый доход	Вложения	Чистый доход	Вложения	Чистый доход
	Всего	За счет займов					
1	2	3	4	5	6	7	8
1874—78	—	—	0,1	178	325	178	325
1879—83	121	(86)	2	107	310	228	312
1884—88	231	(155)	18	298	437	529	455
1889—93	758	662	126	— 224	470	534	596
1894—98	1.757	1.270	564	— 681	293	1.076	857
1899—903	1.130	472	664	213	315	1.343	979
1904—08	726	51	514	153	323	879	837
1909—13	889	39	1.256	155	641	1.044	1.897
1874—83	121	86	2	285	635	406	637
1884—93	989	817	144	74	907	1.063	1.051
1894—03	2.887	1.742	1.228	— 467	608	2.419	1.836
1904—13	1.615	90	1.770	308	964	1.923	2.734
За 40 лет.	5.612	2.735	3.144	200	3.114	5.811	6.258

За сорок лет частные железные дороги увеличили свой капитал всего на 200 милл. рублей, а чистого дохода выручили за это время 3.114 милл., т.-е. в 15 раз больше. Что же касается облигационных займов по казенным дорогам, то и по ним ежегодно уплачивалось 4,5% интересов и погашения. И если исходить из среднего срока службы дорог около 24 лет, то за 24 года по 4,5% получим сумму платежей не менее 108% от номинальной суммы займов или даже 148% от реальной их величины за минимальной скидкой в 17% на средний курс их реализации.

Сопоставляя общую сумму доходов и вложений по всей сети, мы видим, что уже с семидесятых годов текущие доходы железных дорог превышали сумму новых капитальных вложений. Обратное явление можно отметить лишь за девяностые годы. Но и это исключение почти целиком об'ясняется усиленными вложениями казны за счет бюджета в связи с постройкой сибирской и других азиатских дорог. А в общем за 40 лет

вложения за счет частного, главным образом, иностранного капитала, включая и задолженность казенных дорог, едва достигали 2.935 милл. при чистом доходе в 6.258 милл. Как известно, казенные дороги с учетом платежей по займам и гарантиям были даже убыточными до самых последних лет, так что весь вышеуказанный чистый доход от эксплоатации и частных и казенных дорог был поглощен в конце концов почти целиком одним лишь частным капиталом.

Конечно, приведенная справка не претендует на очень большую точность. Но она все же говорит об одном. Известно, что все железнодорожные наши займы реализовались за границей. Из этого отнюдь не следует, однако, заключать, что наличным развитием железных дорог мы в какой-либо мере обязаны притоку в страну иностранных капиталов. Совсем напротив, иностранный капитал извлек из России за истекший период в связи с железнодорожным строительством гораздо больше ценностей, чем их поступило к нам из-за границы. Расчетный баланс ввоза и вывоза капиталов по этой статье был явно не в нашу пользу. И если бы те же затраты казны на железнодорожное строительство, какие имели место, были произведены без всякого посредничества международной буржуазии, мы имели бы несомненно больше железных дорог и рентабельность их была бы несравненно выше.

Довоенная рентабельность наших железных дорог была весьма умеренной — не только в отношении номинальных вложений, но и в отношении реальных затрат в строительство. Конечно, в последнем случае сопоставлять с ними надо „чистый доход от эксплоатации“ за вычетом нормальных отчислений на амортизацию. Такой именно расчет приведен нами ниже в таблице 8 (стр. 258).

С народнохозяйственной точки зрения норму накопления около 4% в год при том темпе железнодорожного строительства,— не свыше 3,8% прироста за год,— какой мы выше видели, можно бы признать вполне достаточной. Но если вспомнить, что железные дороги строились у нас на заемный капитал с гарантированными платежами по 4,5% в год, то норма прибыли из расчета на весь—свой и заемный—капитал в 4,2% означала, конечно, хроническую „убыточность“ наших железнодорожных предприятий. И действительно, если взять чистый доход от эксплоатации по казенным дорогам за 1891—1910 годы, то получим 2.185 милл., руб. золотом, а обязательные платежи по капиталам сооружения казенных дорог за те же 20 лет составили около 2.750 милл., т.-е. доплаты за счет бюджета по казенным дорогам, не считая издержек по выкупу акционерного капитала частных дорог, составили не менее 565 милл., да по гарантии частных дорог приплаты казны за те же годы достигли около 190 милл. А всего приплат казны сверх платежей за счет чистого дохода дорог за 20 лет получается около 755 милл. рублей.

Общая жатва частного, главным образом, иностранного финансового капитала на поприще нашего железнодорожного строительства, таким образом, достигла за указанные 20 лет не менее 4.346 милл. руб. доходов от эксплоатации и казенных приплат. Если отнести эту сумму к средней сумме реальных вложений частного капитала в акциях и облигациях на казенной и частной сети (за скидкой в 17% на потери реализации),— а эта сумма по нашему подсчету составляла за указанные годы не более 3.284 милл. руб.,— то средняя норма прибыли на эти вложения достигнет 6,6% вместо тех 2—3%, какие иностранный капитал в той же форме государственных займов мог бы пожать у себя на родине, где-нибудь в Бельгии, Франции или Англии. А если те же 4.346 милл. руб. дохода сопоставить с приростом реальных вложений частного капитала в железные дороги за те же 20 лет, т.-е., примерно, с суммой 1.587 милл. руб.,

Таблица 8

Рентабельность железных дорог в довоенной России в милл. рублей [1]

Дороги общего и местного значения

Годы	Длина сети в верстах средняя за год	Капиталы сооружения к началу года в золот. валюте		Валовой		Чистый доход от эксплоатации				Амортизация 1,74% от гр. 4	Прибыль	
				доход	расход	В кредитной валюте	В золотой валюте					
		Всего по номиналу	За вычетом потерь и дополн. вложений	В кредитной валюте			Всего милл. рублей	На 1 версту в рублях	В % к гр. 3		В милл. руб. золотом	В % к гр. 4
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1885	23.535	2.272	1.580	234,4	141,3	93,1	93,3	3.964	3,6	27,5	65,8	4,2
1886	24.295	2.574	1.855	225,2	141,4	83,8	75,8	3.123	2,9	32,3	43,5	2,3
1887	24.780	2.585	1.820	253,0	144,3	108,7	90,7	3.663	3,5	31,7	59,0	3,2
1888	25.574	2.628	1.819	283,4	160,1	123,3	109,1	4.271	4,0	31,7	77,4	4,3
1889	26.314	2.729	1.917	282,7	168,8	113,9	116,5	4.425	4,0	33,4	83,1	4,3
1890	26.679	2.895	1.998	284,5	171,8	112,7	120,8	4.531	4,0	34,8	86,0	4,3
1891	27.305	3.036	2.065	296,1	177,7	118,4	121,5	4.450	4,0	35,9	85,6	4,2
1892	27.387	3.020	2.103	300,5	192,8	107,7	102,2	3.734	3,4	36,6	65,6	3,1
1893	27.724	3.008	2.132	327,7	198,7	129,0	134,6	4.852	4,1	37,1	97,5	4,6
1894	30.280	3.263	2.327	366,6	214,0	152,6	148,3	4.900	4,2	40,5	107,8	4,6
1895	31.555	3.532	2.528	391,9	226,8	165,1	165,1	5.235	4,5	44,0	121,1	4,8
1896	33.190	3.659	2.642	420,8	244,1	176,7	176,7	5.330	4,6	45,6	131,1	5,0
1897	34.219	3.805	2.770	437,4	258,1	179,3	179,3	5.238	4,5	48,2	131,1	4,7
1898	41.179	4.002	2.892	487,6	299,8	187,8	187,8	4.560	4,3	50,3	137,5	4,8
1899	44.424	4.339	3.186	522,9	333,8	189,1	189,1	4.260	4,1	55,4	133,7	4,2
1900	48.558	4.582	3.323	582,6	384,9	197,7	197,7	4.073	4,1	57,8	139,9	4,2
1901	51.595	4.824	3.606	600,4	419,1	181,3	181,3	3.516	3,5	62,7	118,6	3,3
1902	53.855	5.151	3.824	627,0	438,2	188,8	188,8	3.504	3,5	66,5	122,3	3,2
1903	54.928	5.393	3.845	684,1	462,0	222,1	222,1	4.052	3,9	66,8	155,3	4,0
1904	56.450	5.682	3.974	715,8	497,4	218,4	218,4	3.870	3,8	69,2	149,2	3,8
1905	57.618	5.813	4.122	719,8	559,6	160,2	160,2	2.778	2,7	71,7	88,5	2,1
1906	60.095	5.892	4.155	803,8	660,6	143,2	143,2	2.384	2,3	72,3	70,9	1,7
1907	61.725	6.142	4.297	836,3	682,9	153,4	153,4	2.484	2,4	74,7	78,7	1,8
1908	62.263	6.394	4.330	836,0	674,5	161,5	161,5	2.592	2,5	75,3	86,2	2,0
1909	62.613	6.561	4.387	911,0	666,6	244,4	244,4	3.902	3,6	76,3	168,1	3,8
1910	63.524	6.741	4.505	977,9	657,3	320,6	320,6	5.048	4,7	78,4	242,2	5,4
1911	64.137	6.802	4.462	1.063,3	663,0	400,3	400,3	6.243	5,6	77,6	322,7	7,2
1912	65.176	7.107	4.594	1.144,7	696,7	448,0	448,0	6.878	6,1	79,8	368,2	8,0
1913	66.315	7.353	4.693	1.185,7	702,1	483,6	483,6	7.290	6,3	81,6	402,0	8,6
1885—1913	44.045	4.545	3.166	16.803,0	11.238	5.565	5.534,3	4.330	4,2	1.596	3.938	4,3

то даже за полным погашением этой суммы иностранный финансовый капитал извлек из нашей страны только за 20 лет без всякого эквивалента около 2.760 милл. руб. золотом.

Вот какие суммы приходилось отсталой царской России выплачивать своим „учителям“, когда она пошла на выучку к западно-европейскому капитализму.

[1] Данные таблицы 8 не вполне совпадают с итогами таблицы 1, так как относятся к несколько иной длине сети. К концу 1913 года капиталы сооружения по номиналу составляли 7.605 милл. руб., а за вычетом потерь и дополнительных вложений 4 848 милл.

Таблица 9

Счет производства ж.-д. перевозок в России в милл. рублей золотом

Дороги общего значения [1]

Показатели \ Годы	1893	1898	1903	1908	1913
1	2	3	4	5	6
I. Общие измерители					
1. Средняя годовая длина сети в верст.	27.867	36.141	52.924	59.980	63.799
2. Начальн. стоимость сооруж.—средняя годовая	2.229	3.022	3.875	4.210	4.723
3. Жел.-дор. персонал в тыс. годов. раб.	301,3	432,1	669,0	844,2	815,5
4. Работа сети в млрд. привед. пудо-вер.	1.351	2.281	3.375	4.206	5.639
5. Производительность труда 1 работн. в милл. п/в	4,48	5,28	5,05	4,98	6,91
II. Валовая выручка ж.-д. в милл. руб.					
1. От перевозок грузов	242,0	344,5	512,1	608,3	847,9
2. От перевозок пассажиров	53,3	75,4	111,6	143,1	222,3
3. Дополн. сборы (за станц. расходы, погрузку, хранение и пр.)	32,9	45,9	55,7	76,9	105,7
Итого	328,2	465,8	679,4	828,3	1.175,9
III. Счет производства перевозок в милл. руб					
1. Зарплата ж.-д. персонала					
а) постоян. и временного	67,5	102,0	165,9	217,4	250,6
б) поденного	27,7	38,7	65,4	104,1	89,2
Итого	95,2	140,7	231,3	321,5	339,8
2. Пособия, пенсии, награды	4,5	7,7	11,7	13,5	12,9
3. Врачебная помощь	1,5	2,4	4,6	7,3	8,3
4. Школы, богадельни и пр.	0,7	0,9	1,5	1,8	3,4
Итого	6,7	11,0	17,8	22,6	24,6
5. Топливо и энергия	23,3	37,0	63,4	111,6	139,5
6. Материалы	21,3	21,9	40,0	49,1	46,4
7. Ремонт и возобновл. за счет эксплоатационных кредитов	30,4	32,9	57,8	66,6	85,4
8. Амортизация (1,74% от нач. стоим. сооруж.)	38,7	52,6	67,4	73,2	82,1
9. Вознагражд. за личн. ущерб и убытки	1,4	3,8	8,9	17,1	18,8
10. Пожарные убытки	0,5	0,4	0,6	0,7	0,6
11. Налоги и сборы	0,7	0,9	1,0	1,9	2,8
12. Погрузка и выгрузка	5,2	7,6	11,6	16,9	20,9
13. Накладные расходы	5,5	6,7	9,0	12,0	14,1
14. Внутренние расчеты ж.-д.	8,8	14,6	27,1	48,9	2,7
Всего расходов	237,7	330,1	535,9	742,1	777,7
15. Чистая прибыль от эксплоатации	90,5	135,7	143,5	86,2	398,2
IV. Перенесенная ценность (ст. 5—10)	115,6	148,6	238,1	318,3	372,8
V. Добавленная ценность (ст. 1—4, 11—13 и 15)	203,8	302,6	414,2	461,1	800,4
В том числе: а) оплач. труд ж.-д. персонала (1—4)	101,9	151,7	249,1	344,1	364,4
б) прибавочная ценность (11—13 и 15)	101,9	150,9	165,1	117,0	436,0

[1] За 1893 г. и 1898 г. только по Евр. России. Главную статью внутр. расчетов составляет таксировка служебных перевозок, за 1913 г. она не включена ни в валовую выручку, ни в расход.

За счет кого производились эти выплаты?

Несомненно за счет неоплаченного труда русских рабочих, о норме эксплоатации которых на транспорте можно судить по следующим данным (см. табл. 9 на стр. 259).

Группировка эксплоатационных расходов, публикуемая обычно в отчетности железных дорог, не дает несмотря на свою дробность ясного представления о строении себестоимости перевозок. И нам пришлось довольно радикально перегруппировать обычную путейскую классификацию расходов, чтобы получить предложенную выше табличку.

Прежде всего, для полного учета зарплаты ее пришлось позаимствовать из специальной отчетности по зарплате, ибо в таблице эксплотационных расходов она выделена лишь в отношении штатного персонала, да и то под довольно суммарными рубриками: „содержание личного состава, обмундирование, квартирные с инвентарем и канцелярские расходы". Канцелярские расходы мы выделили отсюда путем сопоставления этих сборных рубрик с чистой оплатой труда постоянных и временных работников. Поденную плату во избежание двойного учета мы вычли из расходов по ремонту всех служб. Таким образом, показанный в таблице расход на ремонт включает лишь стоимость материалов, израсходованных на ремонтных работах и в железнодорожных ремонтных мастерских, дополняя собою общую статью „материалов", выделенных особо. В эту рубрику вошли заготовка шпал, балласта, возобновление паровозов, вагонов и проч. инвентаря, а также и канцелярских материалов. В рубрику „топливо и энергия" включены также осветительные и смазочные материалы. В рубрику накладных расходов вошло „содержание жандармского полицейского управления", почтовые расходы, командировки, расходы по исполнению „таможенных обрядностей", судебные расходы, „убытки и переплаты по финансовым оборотам" и т. п.

В результате принятой группировки расходов мы видим, что перенесенная ценность постоянного капитала в стоимости перевозок составляет едва одну треть общего итога, а две трети надо отнести за счет добавленной ценности, при чем на оплаченный труд железнодорожников падает лишь около половины этой последней.

Из вновь созданной ценности по нашей таблице помимо труда железнодорожников оплачен и труд выгрузки и погрузки, а также налоги и сборы и все прочие накладные расходы. В затратах на выгрузку и погрузку, осуществлявшихся в довоенное время подрядным способом, заключается, конечно, не только прибыль подрядчиков, но и оплата труда грузчиков. Но поскольку они не входили в состав железнодорожников, мы не могли и эту часть затрат на погрузку включить в оплаченный труд железнодорожников. Накладные расходы в большей своей части тоже представляют собою оплату услуг по охране порядка на железных дорогах жандармами, услуг почтового ведомства и других учреждений и лиц, не входящих в состав железнодорожного персонала. Оплату их, стало быть, нельзя включить в счет труда железнодорожников. Поэтому условно мы относим ее к затратам за счет прибавочной ценности.

Условность этого приема заключается в том, что тем самым и труд грузчиков и жандармов, и почтово-телеграфного, и прочего персонала, обслуживающего железные дороги, не состоя в их штатах, мы относим к непроизводительному труду, а если бы те же грузчики и жандармы состояли в штате железных дорог и получали зарплату непосредственно из железнодорожных касс, то их труд наравне с другими категориями железнодорожного труда пришлось бы признать создающим новую ценность — производительным трудом.

Правда, существует мнение, что и труд коренных железнодорожников нельзя относить к категории производительного, поскольку мы имеем здесь дело с областью нематериального производства. Но это мнение зиждется лишь на слишком примитивном представлении о процессах „материализации" труда. Во всяком случае Карл Маркс в своих последних посмертных работах совершенно недвусмысленно относил транспорт к сфере столь же материального производства, как и земледелие с промышленностью. [1]

Применение строго определенных категорий экономической теории к анализу конкретной экономики едва ли возможно без допущения известных условностей, в особенности когда речь идет о таких категориях как норма прибавочной ценности и норма эксплоатации в применении к отдельным конкретным отраслям хозяйства и производствам. Тем не менее, едва ли было бы правильно во имя излишнего пиэтета к чистоте научной теории оставлять ее вовсе без применения в конкретной экономике, ибо такая чистота — синоним бесплодности. Поэтому несмотря на несомненную условность нашей группировки в таблице 9, мы все же считаем возможным извлечь из нее довольно существенный вывод о норме прибавочной ценности на транспорте. Весьма умеренная по отношению к капиталам сооружения рентабельность транспорта оказывается строилась у нас на очень высокой норме прибавочной ценности и эксплоатации труда — около 100%.

Правда, за разные годы эта норма довольно сильно колеблется: за 1893 и 1898 она очень близка к 100%, в 1903 г. она падает до 66%, в 1908 г. даже до 43%, но зато к 1913 г. она снова поднимается до 120%.

Столь резкие колебания этой нормы об'ясняются особенностями железнодорожного хозяйства. В годы кризисов и застоя железные дороги в гораздо меньшей степени могут примениться к требованиям кон'юнктуры, чем, скажем, фабрики или торговые заведения. Последние могут по своему произволу резко сократить или даже вовсе прекратить свою работу там, где она перестает быть рентабельной. Железные дороги не могут этого сделать. Для обслуживания их на бездоходных линиях требуется почти столько же труда и материальных затрат, как и на вполне рентабельных. И потому в годы промышленной депрессии, когда к перевозкам пред'является меньше грузов, чем это необходимо для полной нагрузки наличной сети, производительность труда, а вместе с тем и норма прибавочной ценности на железных дорогах резко падает.

Что же касается несоответствия между высокой нормой прибавочной ценности и довольно низкой нормой прибыльности железных дорог, то оно может быть об'яснено прежде всего высоким органическим строением капитала на транспорте. Если, опять-таки условно, за меру этой высоты взять отношение полной стоимости капиталов сооружения железных дорог к годовой сумме затрат на оплату труда железнодорожников, то для 1913 г. это отношение (4723 : 340) составит около 14 : 1. Для сравнения укажем, что по всей русской фабрично-заводской и горнозаводской промышленности то же отношение в милл. рублей составляло

---

[1] „Кроме экстрактивной (добывающей) промышленности, земледелия и индустрии,— говорит Маркс,—существует еще четвертая сфера материального производства, которая постепенно проходит также стадии ремесленного производства, мануфактурного и механического производства, это—транспортная промышленность, безразлично передвигает ли она людей или товары. Здесь отношение производительных рабочих, т.-е. наемных рабочих к капиталисту, совершенно то же самое, как и в других сферах материального производства". К. Маркс. „Теории прибавочной ценности". Изд. Е. Горской. Киев 1907 г., стр. 279. Курсив наш.

к 1913 г. (в границах СССР) 4128 : 961 или около 4 : 1, т.-е. в несколько раз меньше. [1]

Таблица 10

Производительность и оплата труда на железных дорогах

Дороги общего значения [2]

Годы	Длина сети средняя годовая в верстах	Персонал в тысячах работников	Работа сети за год					Валовая выручка в милл. руб. кредитн.	Зарплата		
			Грузы в мрд. пудо-верст	Пассажиры в милл. пассажиро-верст	Итого перевозок				общая		
					Всего в мрд. приведенных пудо-верст	На 1 версту в милл. п/в.	На 1 работн. в милл. п/в.		В милл. руб. кредитных	В % к гр. 9	На 1 раб. в руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1883	21.901	216,1	619	3.829	849	38,8	3,93	231,9	68,6	29,6	317,6
1884	22.507	214,8	626	3.748	850	37,8	4,00	229,8	69,1	30,1	322,0
1885	23.535	213,0	643	3.683	865	36,8	4,06	234,4	70,1	29,9	329,3
1886	24.295	216,4	622	3.672	842	34,7	3,90	225,2	71,0	31,5	328,1
1887	24.780	218,0	747	3.741	971	39,2	4,46	253,0	72,3	28,6	331,6
1888	25.574	239,8	853	4.350	1.115	43,6	4 65	283,4	77,0	27,2	321,6
1889	26.314	249,9	874	4.490	1.143	43,4	4,58	282,7	80,4	28,4	321,8
1890	26.679	248,3	854	4.699	1.136	42,6	4,57	284,5	81,5	28,7	328,2
1891	27.305	259,7	915	4.990	1.214	44,4	4,68	296,1	85,5	28 9	329,3
1892	27.387	284,1	953	5.283	1.270	46,4	4,47	301,7	91,1	30,2	320,5
1893	27.724	301,3	1.030	5.339	1.350	48,7	4,48	328,8	95,5	29,1	317,1
1894	30.280	320,8	1.193	5.758	1.538	50,9	4,80	367,7	103,4	28,1	326,0
1895	31.555	344,0	1.294	7.105	1.720	54,5	5,00	391,9	109,8	28,1	319,4
1896	33.190	386,1	1.429	8.065	1.913	57,6	4,96	420,9	121,0	28,8	313,3
1897	34.219	407,0	1.576	8.507	2.087	60,9	5,13	437,4	129,1	29,5	317,2
1898	40.017	456,7	1.772	9.987	2.371	59,4	5,19	485,8	150,0	30,9	328,6
1899	43.799	489,3	1.901	10.596	2.537	58,0	5,18	520,5	160,5	30,8	328,1
1900	47.765	554,4	2.224	12.187	2.955	61,9	5,33	580,6	182,4	31,4	328,6
1901	49.922	615,4	2.241	12.500	2.991	59,9	4,87	596,8	202,1	33,9	328,6
1902	52.126	631,7	2.305	12.562	3.059	58,7	4,83	622,9	216,5	34,7	343,0
1903	52.924	669,0	2.556	13.654	3.376	63,8	5,05	679,3	231,3	34.1	345,9
1904	53 667	711,9	2.729	17.529	3.781	70,4	5,31	680,1	244,4	35,9	343,6
1905	54.974	751,2	2.581	18.245	3.676	66,9	4,89	745,1	270,9	36,4	360,8
1906	57.233	825,3	2.813	19.331	3.973	69,4	4,82	794,9	318,8	40,1	386,2
1907	59.319	836,0	3.074	17.767	4.139	69,8	4,95	829,5	321,2	38,8	384,5
1908	59.980	844,2	3.058	19.135	4.206	70,2	4,98	828,3	321,5	38,8	380,9
1909	60.139	797,9	3.325	20.088	4.528	75,4	5,68	903,0	315,5	35,0	395,5
1910	60.536	771,9	3.467	21.771	4.720	78,0	6,11	969,1	316,9	32,7	410,1
1911	61.280	806,9	3.735	22.640	5.015	81,8	6,22	1.053,7	329,6	31,3	408,4
1912	62.345	836,2	4.091	25.092	5.240	84,1	6,26	1.134,6	350,4	30,9	419,2
1913	63.749	815,5	3.990	27.472	5.638	88,4	6,74	1.175,9	339,9	28,9	416,5
1884—93	25.610	244,5	812	4.400	1.076	42,0	4,40	2.720	794	29,2	324,8
1894—03	41.580	487,4	1.849	10.092	2.455	59,1	5,04	5.104	1.636	32,0	336,0
1904—13	59.322	799,7	3.286	20.907	4.492	75,8	5,62	9.114	3.099	34,0	387,5

[1] См. Струмилин. „Проблема пром. капитала в СССР", 1925 г. стр. 39. В обоих случаях у нас взята только стоимость основного имущества—без учета оборотных фондов (топлива и материалов), а заработная плата персонала—без всяких к ней начислений и социальных расходов. Кроме того, имущество железных дорог дано с учетом износа, а в промышленности следовало бы еще для сравнимости сделать скидку на износ.

[2] До 1897 г. только по Евр. России. В работу сети включены и бесплатные перевозки. 1 пассажиро-верста принята эквивалентной по себестоимости 60 пудо-верстам груза.

Таблица 11

Индексы оплаты и производительности труда на железных дорогах общего значения в России

Годы	Валовая выручка на 1 работника в кредитн. рублях		Перевозки на 1 работника в милл. привед. пудо-верст.		Годовой заработок на 1 работника				Индекс дороговизны
					Номинальный в кред. руб.		Реальный в тов. руб.		
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	1.100	100	4,06	100	329,3	100	436,8	100	75,4
1886	1.042	95	3,90	96	328,1	100	449,0	103	73,1
1887	1.161	106	4,46	110	331 6	101	447,6	103	74,1
1888	1.183	107	4,65	115	321,6	98	426,7	98	75,4
1889	1.132	103	4,58	113	321,8	98	442,0	101	72,8
1890	1.145	104	4,57	113	328,2	100	466,5	107	70,4
1891	1.140	104	4,68	115	329,3	100	383,7	88	85,6
1892	1.062	97	4,47	110	320,5	97	363,3	83	88,2
1893	1.091	99	4,48	110	317,1	96	402,6	92	78,8
1894	1.147	104	4,80	118	326,0	99	491,0	112	66,4
1895	1.139	103	5,00	123	319,4	97	512,8	118	62,3
1896	1.090	99	4,96	122	313,3	95	504,0	115	62,2
1897	1.076	98	5,13	126	317,2	97	439,5	101	72,2
1898	1.064	97	5,19	128	328,6	100	414,8	95	79,2
1899	1.064	97	5,18	128	328,1	100	419,0	96	78,3
1900	1.137	103	5,33	131	328,6	100	432,3	99	76,0
1901	970	88	4,87	120	328,6	100	421,8	97	77,9
1902	986	90	4,83	119	343,0	104	434,0	99	79,0
1903	1.016	92	5,05	124	345,9	105	444,5	102	77,8
1904	956	87	5,31	131	343,6	104	429,0	98	80,1
1905	992	90	4,89	121	360,8	110	426,6	98	84,6
1906	964	88	4,82	119	386,2	117	424,7	97	91,0
1907	992	90	4,95	122	384,5	117	374,6	86	102,7
1908	982	89	4,98	123	380,9	116	368,5	84	103,3
1909	1.132	103	5,68	140	395,5	120	401,0	92	98,6
1910	1.255	114	6,11	150	410,1	125	434,5	99	94,4
1911	1.306	119	6,22	153	408,4	124	431,8	99	94,6
1912	1.358	123	6,26	154	419,2	127	416,2	95	101,5
1913	1.443	131	6,74	166	416,5	126	416,5	95	100,0

Для изучения погодной динамики работы железных дорог, а также соответствующих ей показателей оплаты и производительности труда железнодорожников может служить таблица 10 (на стр. 262).

Как видно из этой таблицы, соотношения между длиной наличной сети, железнодорожным персоналом и выполняемой им работой претерпели довольно заметную эволюцию за последне 30 лет перед войной. Если взять средние нормы по каждому десятилетию, то легко убедиться, что загрузка железных дорог перевозками довольно энергично росла не только в абсолютных цифрах, но и по отношению к растущей длине сети и обслуживающему ее персоналу. В связи с увеличением густоты движения возрастал и персонал из расчета на 1 версту. В 1883 г. мы имели по 9,9 работников на 1 версту, включая сюда и постоянных и поденных рабочих. Через 10 лет это число повысилось до 10,9 чел. на версту, еще через десять лет до 12,6 чел., и в 1913 г. мы имели уже по 12,8 работников на версту. Но перевозки росли быстрее, и производительность труда железнодорожников возросла за 30 лет на довольно значительную величину свыше 70%.

Очень характерно, что оплата труда за те же 30 лет даже в номинальном своем выражении возросла только на 31%, а если внести еще поправку на вздорожание жизни, то это возрастание и вовсе исчезнет.

Пользуясь индексами дороговизны, исчисленными проф. М. Е. Подтягиным, мы можем, к сожалению, только начиная с 1885 г., дать следующее сопоставление (см. табл. 11 на стр. 263).

Наименее пригодна в качестве измерителя производительности труда транспортника валовая выручка железных дорог. Взятая из расчета на 1 работника она соответствует валовой выработке промышленного рабочего, которую у нас очень часто принимают за мерило производительности труда. Но здесь, имея рядом вполне об'ективный натуральный измеритель производительности железнодорожника в пудо-верстах, мы совершенно наглядно убеждаемся в дефектности ценностных измерителей производительности труда. Пудо-верстные ставки железнодорожных тарифов не колеблются подобно рыночным ценам иных услуг и изделий. За целый ряд лет их можно было бы признать совершенно стабильными. Но с увеличением средних пробегов, а за 30 лет средний пробег грузов возрос процентов на 20, средняя выручка с пудо-версты неизбежно должна была упасть и действительно заметно упала. За время промышленной депрессии девятисотых годов железнодорожная выручка упала даже по отношению к численности занятого персонала. И лишь с 1909 г. мы наблюдаем в этом отношении значительное улучшение, которое, однако, надо об'яснять не только повышением общей хозяйственной кон'юнктуры, но и специальной причиной — сокращением числа железнодорожников.

Это сокращение ясно свидетельствует о том, что отмечаемое за последние годы повышение рентабельности железных дорог достигалось не столько за счет улучшения кон'юнктуры, сколько за счет увеличения нагрузки рабочих, т.-е. за счет прямого повышения нормы их эксплоатации. И действительно оплата труда в реальном ее выражении за целых 30 лет не только не обнаруживает никакого прироста, но даже за последнюю пару лет дает некоторое снижение — процентов на пять. А это значит, что весь эффект от повышения интенсивности и общей производительности труда железнодорожников за 30 лет на целых 66% достался целиком акулам отечественного и заграничного капитала.

К этому нужно лишь прибавить, что эти акулы поглощали свои миллиарды ценою не только труда, но и целых потоков крови российского пролетариата. Лучшей иллюстрацией этого последнего положения

Таблица 12

Несчастные случаи на железных дорогах общего значения в 1880—1913 гг. [1]

Годы	Длина сети в верстах — средняя за год	Занятый персонал в тыс.	Всего пострадавших					В том числе рабочих и служащих на железных дорогах					
			Убитых	Раненых	Итого			Убитых	Раненых	Всего			
					Абс.	На 1 милл. поездо-верст.	На 1000 верст пути			Абс.	На 1 милл. поездо-верст.	На 1000 верст пути	На 1000 рабоч. и служащих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1880	21.126	нет свед.	455	979	1.434	15,4	68	256	778	1.034	11,1	48,9	нет свед.
1881	21.231		401	948	1.349	14,4	63	219	689	908	9,7	42,5	
1882	21.321		457	919	1.376	14,2	65	223	630	853	8,8	40,0	
1883	21.901	216,1	457	969	1.426	13,9	65	229	708	937	9,2	42,8	4,33
1884	22.477	214,8	444	869	1.313	12,9	58	196	602	798	7,8	35,5	3,72
1885	23.505	213,0	440	850	1.290	12,5	55	183	609	792	7,7	33,7	3,72
1886	24.625	216,4	420	993	1.413	14,0	57	188	710	898	8,9	36,5	4,15
1887	24.750	218,1	489	1.070	1.559	14,1	63	230	782	1.012	9,2	40,9	4,64
1888	25.574	239,8	548	1.290	1.838	15,3	72	235	890	1.125	9,3	44,0	4,69
1889	26.314	249,9	580	1.140	1.720	14,1	65	216	783	999	8,2	37,9	4,00
1890	26.679	248,3	589	1.347	1.936	15,6	73	223	920	1.143	9,3	42,8	4,60
1891	27.305	259,7	658	1.533	2.191	16,9	80	244	1.048	1.292	10,0	47,3	4,98
1892	27.444	284,1	736	1.821	2.557	19,0	93	293	1.307	1.600	11,9	58,3	5,63
1893	27.867	301,3	729	2.105	2.834	20,0	102	270	1.538	1.808	12,7	64,9	6,00
1894	30.405	320,4	726	3.073	3.799	23,7	125	260	2.470	2.730	17,0	89,8	8,52
1895	31.531	344,0	823	4.168	4.991	28,9	158	301	3.446	3.747	21,7	118,8	10,88
1896	33.190	386,1	945	5.256	6.201	32.6	187	352	4.253	4.605	24,2	138,8	11,93
1897	35.550	407,0	1.051	5.318	6.369	31,5	179	379	4.157	4.536	22,5	127,6	11,15
1898	36.141	432,1	1.253	6.230	7.483	29,1	207	405	4.790	5.195	20,4	143,8	12,01
1899	38.098	453,8	1.300	6.952	8.252	34,4	217	397	5.520	5.917	24,8	155,5	13,03
1900	47.765	554,4	1.498	7.707	9.205	32,9	193	539	5.926	6.465	23,1	135,5	11,66
1901	49.922	615,4	1.515	7.948	9.463	32,5	189	541	6.252	6.793	23,3	136,2	11,04
1902	52.126	631,7	1.561	8.649	10.210	33,3	196	492	7.071	7.563	24,7	145,3	11,98
1903	52.920	669,0	1.802	9.138	10.940	33,3	207	632	7.338	7.970	24,3	150,7	11,91
1904	53.680	711,9	1.878	9.165	11.043	31,9	205	603	7.021	7.624	22,0	142,2	10,72
1905	54.974	751,2	2.161	10.844	13.005	38,1	237	643	7.802	8.445	24,7	153,8	11,25
1906	57.250	825,3	2.802	13.846	16.648	44,8	290	814	10.207	11.021	30,0	192,5	13,34
1907	59.305	836,0	2.933	13.945	16.878	44,5	285	817	10.572	11.389	30,0	192,0	13,62
1908	59.810	844,2	3.019	14.572	17.591	45,9	294	813	11.272	12.085	31,5	202,3	14,22
1909	60.130	797,9	2.727	13.999	16.726	43,7	278	661	11.012	11.673	30,5	194,2	14,63
1910	60.480	771,9	2.685	13.909	16.594	44,4	274	662	11.069	11.731	31,4	194,1	15,20
1911	61.380	806,9	2.835	14.599	17.434	45,1	284	674	11.629	12.303	31,8	200,4	15,25
1912	62.420	836,2	3.201	16.548	19.749	49,1	317	797	13.390	14.187	35,3	227,3	16,96
1913	63.750	815,5	3.531	20.695	24.226	57,7	391	904	16.808	17.712	42,2	278,1	21,74
1884—93	25.654	244,5	563	1.302	1.855	15,4	73	229	919	1.148	8,2	44,2	4,61
1894—03	40.765	481,4	1.247	6.444	7.691	31,2	189	430	5.122	5.552	22,6	134,2	11,41
1904—13	59.317	799,7	2.777	14.212	16.989	44,5	684	738	11.078	11.816	30,9	197,7	14,69

[1] Данные за годы 1880—1899 относятся к Евр. России; за остальные годы к Европ. и Азиат. России.

может служить следующая справка о так называемых „несчастных случаях" на железных дорогах (см. табл. 12 на стр. 265).

Как видно из приведенной таблицы, наши железные дороги не даром именовались в просторечии костоломками. Только за 30 лет армия железнодорожного пролетариата насчитала в своих рядах свыше 185 тысяч убитых и раненых. Эта цифра и сама по себе очень внушительная. Едва ли даже в мировой войне 1914—1918 гг., где применялись наиболее усовершенствованные орудия взаимного истребления, можно насчитать много генеральных сражений с таким количеством жертв. Но показательнее всего тот поистине угрожающий рост этих жертв из года в год, какой мы можем констатировать в приведенной справке. Правда, часть этого прироста можно об'яснить попросту более полным учетом несчастных случаев за последние годы. Но даже за известной поправкой на дефекты учета в первое время мы получаем поражающий рост и по расчету на версту сети, и на миллион пудо-верст, и по отношению к занятому персоналу.

О чем же этот рост свидетельствует?

Очевидно, с возрастанием густоты движения опасность железнодорожного труда с каждым годом возрастала, а каких-либо мер предосторожности для снижения этой опасности владельцы дорог во избежание излишних расходов не принимали. Правда, им приходилось выплачивать за увечья и всякий иной личный ущерб ежегодно весьма изрядные суммы. Но все же при помощи хороших адвокатов и мудрых решений классовой юстиции царского режима эти издержки стоили им дешевле, чем солидные меры по действительной охране труда. И в результате, ценою крови, получались дополнительные сбережения для увеличения директорских тантьем и хозяйских дивидендов.

Таковы принципы капиталистического режима экономии.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Бюллетень № 23 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

под ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Кон'юнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за годы революции.

Б. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.

В. Текущие динамические таблицы

I. Хлебные заготовки

1. Заготовки хлебофуража основными плановыми заготовительными организациями за 1925/26 г.
2. То же по культурам.

II. Промышленность

1. Динамика крупной промышленности за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы.
2. Добыча каменного угля и антрацита за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы.
3. Добыча нефти за 1924/25 и 1925/26 гг.
4. Металлургическое производство за 1924/25 и 1925/26 гг.
5. Текстильное производство за 1924/25 и 1925/26 гг.

III. Труд.

1. Заработная плата промышленных рабочих и работников жел.-дор. транспорта в 1925/26 г. в черв. рублях и копейках.
2. То же в условных московских рублях и копейках.

IV. Транспорт

1. Месячные показатели грузооборота, средне-суточной погрузки и валового дохода железных дорог.

V. Товарооборот

1. Городская торговая сеть СССР по данным о выборке патентов за 1922—1925/26 гг.
2. То же по сельской торговой сети.

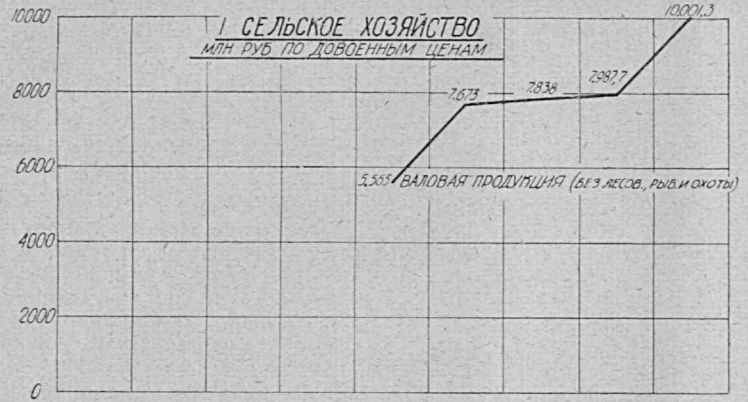
VI—IX. Финансы, кредит, денежное обращение, индексы цен и цены

1. Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за август—сентябрь 1926 г.
2. Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и оптовый индекс Госплана в 1925/26 и 1926/27 гг.
3. Покупательная сила червонца в товарных рублях в 1295/26 и 1926/27 гг.

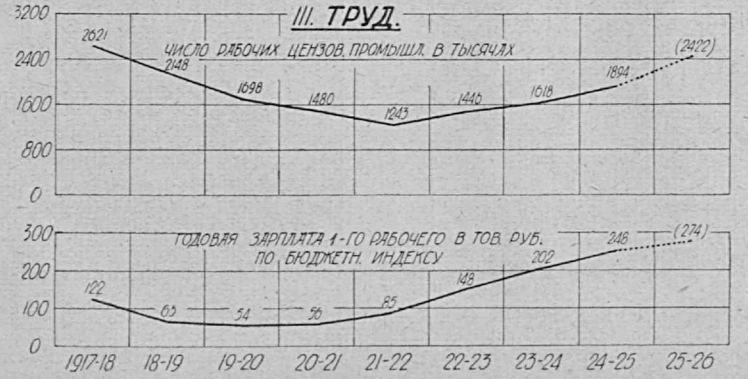
А. Основные показатели народного хозяйства СССР за годы революции

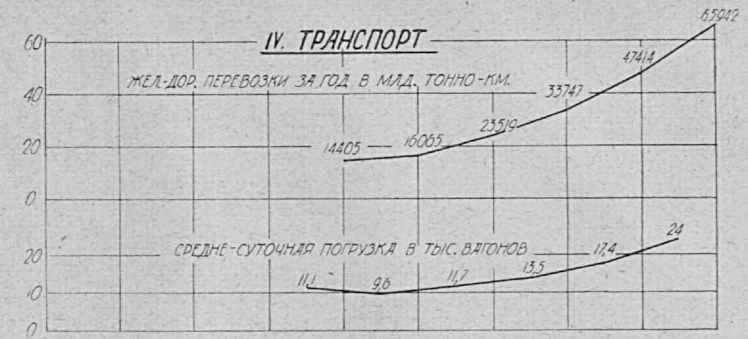
№№ по пор.	Показатели	Единица счета	1917/18	1918/19	1919/20	1920/21	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	I. Сельское хозяйство										
1	Валовая продукция (без лесовод., рыбол. и охоты)...	Милл. руб. по довоенным ценам	—	—	—	—	5.565,0	7.673,4	7.838,0	7.987,7	10.001,3
	II. Промышленность										
2	Валовая продукция цензовой промышл.	Милл. руб. по довоенным ценам	2.476,8	1.565,9	1.105,4	981,2	1.493,2	2.034,6	2.627,0	4.060,3	5.796,7
	III. Труд										
3	Число рабочих цензов. промышленности	Тысячи	2.621	2.148	1.698	1.480	1.243	1.446	1.618	1.894	(2.422)
4	Годовая зарплата 1 рабочего [1]	Тов. руб. по бюджетн. индексу	122	63	54	56	85	148	202	248	(274)
	IV. Транспорт										
5	Жел. дор. перевозки за год.	Милл. тонно-клм.	—	—	—	14.405	16.065	23.519	33.747	47.414	65.942
6	Средне-суточн. погрузка ...	Тысячи вагон.	—	—	—	11,1	9,6	11,7	13,5	17,4	24,0
	V. Торговля										
7	Вывоз из СССР.....	Милл. руб. по довоенным ценам	—	—	1,4	20,2	63,9	1.332	339,7	320,1	—
8	Привоз в СССР		—	—	29,0	210,0	270,9	147,9	200,5	356,1	—
	VI. Финансы										
9	Госбюджет	Милл. тов. руб. по оптов. индексу	—	—	—	—	945,3	1.089,7	1.276,8	1.596,9	2.074,1
10	В том числе налог. и пошлин.		—	—	—	—	479,4	333,0	463,3	744,6	940,8
	VII. Денежн. обращение										
11	Денежная масса к началу года.....	Милл. тов. руб. по опт. индексу	3.014,6	627,0	184,7	89,9	64,2	127,3	169,0	381,7	656,1

[1] Весь легальный заработок (без коммунальных услуг).

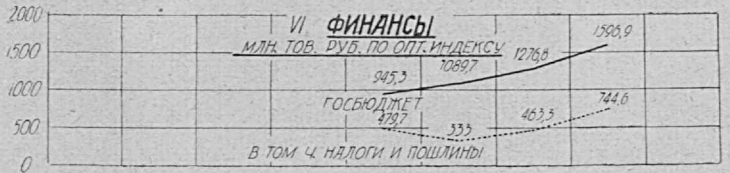

I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
МЛН. РУБ. ПО ДОВОЕННЫМ ЦЕНАМ
10000
8000
6000
4000
2000
0
5,555
7,673
7,838
7,987,7
10001,3
ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ (БЕЗ ЛЕСОВ, РЫБ. И ОХОТЫ)

II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
МЛН. РУБ. ПО ДОВОЕННЫМ ЦЕНАМ
6000
4000
2000
0
ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ЦЕНЗОВОЙ ПРОМЫШЛ.
2476,8
1565,9
1105,4
981,2
1493,2
2034,6
2627
4060,3
5796,7

III. ТРУД.
3200
2400
1600
800
0
ЧИСЛО РАБОЧИХ ЦЕНЗОВ. ПРОМЫШЛ. В ТЫСЯЧАХ
2621
2148
1698
1480
1243
1445
1618
1894
(2422)
300
200
100
0
ГОДОВАЯ ЗАРПЛАТА 1-ГО РАБОЧЕГО В ТОВ. РУБ.
ПО БЮДЖЕТН. ИНДЕКСУ
122
63
54
56
85
148
202
248
(274)
1917-18
18-19
19-20
20-21
21-22
22-23
23-24
24-25
25-26

IV. ТРАНСПОРТ
ЖЕЛ-ДОР. ПЕРЕВОЗКИ ЗА ГОД В МЛД. ТОННО-КМ.
60
40
20
0
14405
16065
23519
33747
47414
65942
СРЕДНЕ-СУТОЧНАЯ ПОГРУЗКА В ТЫС. ВАГОНОВ
20
10
0
11,1
9,6
11,7
13,5
17,4
24

V. ТОРГОВЛЯ
МЛН. РУБ. ПО ДОВОЕННЫМ ЦЕНАМ
400
300
200
100
0
ПРИВОЗ В СССР
29
210
270,9
141,8
63,9
133,2
339,7
320,1
ВЫВОЗ ИЗ СССР
1,4
20,2
200,5
356,1

VI. ФИНАНСЫ
МЛН. ТОВ. РУБ. ПО ОПТ. ИНДЕКСУ
2000
1500
1000
500
0
945,3
1089,7
1276,8
1596,9
ГОСБЮДЖЕТ
479,7
333
463,5
744,6
В ТОМ Ч. НАЛОГИ И ПОШЛИНЫ

VII. ДЕНЕЖН. ОБРАЩЕНИЕ
МЛН. ТОВ. РУБ. ПО ОПТОВ. ИНДЕКСУ
3000
2000
1000
0
ДЕНЕЖН. МАССА К НАЧАЛУ ГОДА.
3014,0
621
184,7
89,9
64,2
127,3
164
381,7
656,1
1917-18
18-19
19-20
20-21
21-22
22-23
23-24
24-25
25-26

Б. Основные показатели народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг.

№№ по пор.	ПОКАЗАТЕЛИ	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 г.	Кварталы 1924/25 г.				1925/26 г.						1926/27
					I	II	III	IV	Кварталы			Месяцы			
									I	II	III	Июль	Авг.	Сент.	Окт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	I. Хлебные заготовки (средн. за месяц)														
1	Заготовка хлеба...	Тысячи тонн	580	560	725	434	204	872	960	885	472	—	—	—	—
2	Заготов. цена ржи.	Товарн. коп.	28	48	37	47	68	54	45	53	—	—	—	—	—
3	То же	Червон. коп.	47	86	63	85	132	95	80	103	—	—	—	—	—
	II. Промышленность (средн. за месяц)														
4	Добыча угля.....	Тысячи тонн	1.315	1.340	1.434	1.432	1.121	1.366	1.975	2.136	1.974	2.006	1.939	2.191	2.496
5	Добыча нефти	„ „	495	580	551	533	607	615	640	621	711	759	784	747	794
6	Выплавка чугуна..	„ „	55,0	107,6	78,8	95,6	118,7	137,3	161,2	177,9	195,2	191,1	197,7	214,7	232,1
7	Прокатка металла .	„ „	57,5	115,9	96,9	110,2	124.3	131,9	161,9	179,7	184,5	173,5	188,3	216,4	224,2
8	Произв. хлоп.-бум. пряжи	„ „	8,5	15,4	13,4	14,9	16,5	16,9	21,1	20,3	19,6	14,0	20,3	23,0	22,9
9	Произв. хлоп.-бум. ткани	Милл. метров	69,6	124,9	112,2	124,5	132,9	130,1	167,8	169,1	166,7	128,9	171,3	208,1	204,0
10	Сумма продукции промышл.	Милл. черв. р.	288,9	410,2	370,1	408.3	420,2	442,3	557,1	597,7	607,8	549,8	629,5	700,1	706,2
11	Сумма продукции промышл.....	По дов. ценам в милл. руб.	133,3	213,3	188,4	213,1	221,1	230.7	282,8	299,2	298,9	270,3	309,5	343,2	346,5
12	Выработка на 1 чел. в день.....	По дов. ценам в рублях	—	7,39	6,44	7,43	7,97	7,73	7,63	—	—	—	—	—	—
	III. Труд (средн. за месяц)														
13	Число рабочей ценовой промышл..	Тысячи	1.618	1.894	1.794	1.800	1.896	2.085	2.294	2.399	2.465	(2.504)	—	—	—
14	Средн. дневн. зарплата промышл. рабоч. (реальн.).	В условн. моск. коп.	91,5	110,0	102.8	103,0	105,7	128,4	126,2	123,7	121,3	—	—	—	—
15	Средн. дневн. зарплата промышл. рабоч. (номин.) .	В черв. коп.	155,3	189,9	172,0	180,7	192,0	215,1	224,3	234,5	239,7	—	—	—	—
	VI. Транспорт (средн. за месяц)														
16	Ж.-д. перевозки...	Милл. тонно-км.	5,62	6,95	6,77	6,31	6,58	8,14	9,75	9,51	(9,27)	(9.5)	(10,2)	—	—
17	Ср.-сут. погрузка .	Тыс. вагонов	13,5	17,4	16,3	16,4	16,6	20,2	24,1	23,6	22,8	23,4	24,9	—	—
18	Валовой доход ж. д.	Милл. черв. р.	56,7	79,5	72,7	72,4	79,0	93,8	105,0	109,1	—	—	—	—	—
	V. Торговля (средн. за месяц)														
19	Обор. 70 пров. бирж	Милл. черв. р	121,9	283,5	239,4	218,9	277,1	398,6	454,8	(356,6)	303,8	324,8	319,9	(469)	—
20	Оборот Московск. товарн. биржи ..	„ „ „	129,6	249,3	209,7	225,1	218,1	344,0	384,1	231,5	264,3	301,9	329,6	529,7	—
21	Реализация по 150 произв. об'един. ВСНХ.....	„ „ „	74,1	122,2	111,7	105,4	111,6	160,2	(140,4)	94,1	—	—	—	—	—
22	Вывоз из СССР ..	„ „ „	—	42,3	39,8	37,2	39,7	52,6	57.6	(45,1)	46,2	45,9	49,2	54,7	—
23	Привоз в СССР ..	„ „ „	—	52,8	33,7	44,0	70,5	62,9	64,8	57,2	52,0	49,6	52,1	50,8	—
	VI. Финансы (средн. за месяц)														
24	Поступл. обык. дох.	Милл. черв. р.	122,6	196,1	203,7	184,6	180,9	215,2	274,2	303,9	290,4	315,0	314,9	—	—
25	В том числе налогов и пошлин.....	„ „ „	53,9	94,9	113,7	89,8	78,0	97,8	37,6	156,0	123,2	142,9	146,4	—	—
	VII. Кредит (на 1 число мес.)														
26	Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акц. банкам	Милл. черв. р.	277	567	415	525	624	693	853.3	850,9	829,3	784,7	822,6	824,9	868,3
27	Остаток задолж... по учетно-ссудн. операциям	„ „ „	586	1.251	941	1.107	1.322	1.632	2.030,5	2.178,5	2.229,7	2.241,5	2.310,1	2.311,7	2.536.4
	VIII. Денежное обращение														
28	Денежная масса на конец месяца...	Милл. черв. р.	406	799	695	731	792	975	1.246,6	1.241,3	1.200,8	1.233,9	1.274,6	1.343,1	—
29	Денежная масса на конец месяца ...	Милл. тов. р.	238	446	415	403	411	555	701,1	649,4	626,0	679.8	708,5	751,2	—
30	Эмиссия за месяц.	Милл. черв. р.	49,9	43,3	38,5	7,7	26,8	98,9	42,1	21,7	1,7	24,5	40,7	68,5	—
31	Эмиссия за месяц.	Милл. тов. р.	29,4	24,5	24,1	3,8	13,8	56 2	22,6	11,3	1,1	13,5	22,5	38,2	—
	IX. Индексы цен (на 1 число мес.)														
32	Оптовые Госплана	1913 г. = 100	170,2	179,2	167,0	180,7	193,5	176,9	178,2	191,7	192,3	183,1	181,5	179,9	178,8
	а) промышл. ...	„	215,7	192,4	196,4	191,6	190,1	191,6	197,0	199,8	203,3	203,9	203,5	203,7	204,1
	б) сел.-хоз.....	„	134.2	166,9	142,0	170,6	193,9	163,5	161.1	183,9	181,7	164,3	161,8	158,9	156,6
33	Всесоюзн. бюджет.	„	195,7	202,0	195,6	201,1	215,9	194,4	202.1	221,9	232.7	226,9	227,5	222.2	220,2
	а) промышл.	„	253,9	228,3	245,0	228,9	221,9	216,7	231,4	234.8	246,5	247,7	246,8	247,9	249,2
	б) сел.-хоз.	„	163,2	187,5	167,5	187,1	212,2	183,0	185,8	214,7	224,9	215,2	216,6	207,7	203,9

Таблица № 1

В. Текущие динамические таблицы

Отдел I. ХЛЕБНЫЕ ЗАГОТОВКИ

Заготовки хлебофуража основными плановыми заготовительными организациями за 1925/26 год
(В тысячах тонн)

I. ПО РАЙОНАМ

Районы / Кварталы	Потребляющий	Производящий						Урал	Северный Кавказ	Сибирь	Казахстан	Крым	Итого по РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Всего по СССР
		Вотско-Вятский	Татреспубл.	Башреспубл.	Поволжье	Центр.-Земледельч.	Итого										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Квартал (VII—IX)	33,7	6,6	91,5	54,6	295,6	106,2	554,5	71,1	931,3	43,4	73,4	98,2	1.805,6	805,6	8,0	1,8	2.621,0
„ (X—XII)	73,0	9,0	43,2	51,1	293,9	351,4	748,6	130,9	650,7	257,3	141,6	38,8	2.040,9	823,5	14,3	2,5	2.881,2
Полугодие (VII—XII)	106,7	15,6	134,7	105,7	589,5	457,6	1.303,1	202,0	1.582,0	300,7	215,0	137,0	3.846,5	1.629,1	22,3	4,3	5.502,2
Квартал (I—III)	54,5	15,1	67,0	74,3	244,1	332,0	732,5	171,4	627,8	197,6	143,6	32 6	1.960,0	681,3	11,9	2,1	2.655,3
апрель	17,2	4,4	13,3	11,1	32,6	29,0	90,4	35,3	190,1	62.3	34,9	10,4	440,6	203,1	2,0	0,1	645,8
май	15,5	2,7	2,2	1,3	11,6	19,7	37,5	7,8	175,8	27,0	11,6	6,0	281,2	164,5	1,5	0,5	447,7
июнь	10,7	1,5	2,7	0,1	9,4	11,9	25,6	14,6	99,2	45,6	35,7	0,7	232,0	83,9	0,7	4,2	321,0
Квартал (IV—VI)	43,4	8,6	18,2	12,5	53,6	60,6	153,5	57,7	465,1	134.9	82,2	17,1	953,8	451,5	4,2	4,8	1.414,5
Полугодие (I—VI)	97,9	23,7	85,2	86,8	297,7	392,6	886,0	229,1	1.092,9	332,5	225,8	49,7	2.913,8	1.132,8	16,1	6 9	4.069,8
С начала кампании всего за 1925/26 г.	204,6	39,3	219,9	192,5	887,2	850,2	2.189,1	431,1	2.674,9	633,2	440,8	186,7	6.760,3	2.761,9	38,4	11,2	9.572,0
С начала кампании всего за 1924/25 г.	257,4	59,2	353,5	295,9	276,3	313,2	1.298,1	645,4	821,5	658.4	214,2	51,6	3.946,6	1.098,5	67,3	17,2	5.129,6

Таблица 2

II. ПО КУЛЬТУРАМ

Кварталы \ Культуры	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Кукуруза	Бобовые	Крупяные	Итого главных хлебов	Масличные	Прочие	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Квартал (VII—IX)	677,4	941.7	87,6	551,1	15,1	18,8	54,4	2.346,1	269,7	5,2	2.621,0
„ (X—XII)	398,7	1.168,9	228.1	175,5	95,3	24,6	227,8	2.318,9	554,0	8,3	2.881,2
Полугодие (VII—XII)	1.076,1	2.110,6	315,7	726,6	110,4	43,4	282,2	4 665,0	823,7	13,5	5.502,2
Квартал (I—III)	493,2	969,1	278,2	187,6	212,1	12,2	258,4	2 410,8	239,5	5,0	2.655,3
апрель	132,5	285,5	37,4	69,9	50,2	0,7	30,5	606,7	37,3	1,8	645,8
май	81,4	202,5	16,5	62,2	43,6	0,2	12,5	418,9	28,1	0,7	447,7
июнь	44,7	183,6	8,7	22,5	25,4	0,2	6,4	291,5	29,2	0,3	321,0
Квартал (IV—VI)	258,6	671,6	62,6	154,6	119,2	1,1	49,4	1.317,1	94,6	2,8	1.414,5
Полугодие (I—VI)	751,8	1.640,7	340,8	342,2	331,3	13,3	307,8	3.727,9	334,1	7,8	4.069,8
С начала кампании всего за 1925/26 г.	1.827,9	3.751,3	656,5	1.068,8	441,7	56,7	590,0	8.392,9	1.157,8	21,3	9.572,0
С начала кампании всего за 1924/25 г.	1.375,3	1.696,5	516,6	181,5	213,2	65,4	491,7	4.540,2	565,6	23,8	5.129,6

Таблица 1

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика крупной госпромышленности СССР за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы

№№ по пор.	СРОК	Ср. мес. число раб. в тыс. чел.		Валовая продукция											
				В миллионах рублей				В %% к начал. пер соотв. г.				В %% к соотв. пер. пред. г.			
				По дов. ценам.		По совр. ценам		По дов. цен.		По совр. цен		По дов. цен.		По совр. цен	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925—26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925 26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	А. За месяц														
1	Октябрь	1.423	1.764	187,7	281,8	372,6	552,3	100	100	100	100	150	150	118	148
2	Ноябрь	1.424	1.823	179,2	271,6	351,6	535,3	94	96	94	97	150	152	125	152
3	Декабрь	1.429	1.866	198,3	294,9	386,0	583,6	106	105	104	106	162	149	138	151
4	Январь	1.444	1.901	206,0	285,1	397,7	567,1	111	101	107	103	159	138	136	143
5	Февраль	1.466	1.925	210,8	297,6	403,4	594,3	112	106	108	108	153	141	130	147
6	Март	1.487	1.946	222,6	314,8	423,8	631,8	119	112	114	114	164	141	146	149
7	Апрель	1.488	1.930	216,3	321,7	412,4	653,1	115	114	111	118	166	149	154	158
8	Май	1.500	1.896	220,4	284,6	418,6	579,4	117	101	112	105	161	129	152	138
9	Июнь	1.550	1.898	226,5	290,4	429,7	591,0	121	104	115	107	170	128	161	138
10	Июль	1.588	1.905	204,9	270,3	389,3	549,8	109	96	104	99,5	157	132	147	141
11	Август	1.626	1.914	223,2	309,5	426,3	629,5	119	110	114	114	161	139	152	148
12	Сентябрь	1.690	1.933	264,0	343,2	511,4	700,1	141	122	127	127	160	130	155	137
	Б. За квартал														
I.	Октябрь—декабрь	1.425	1.818	565,2	848,3	1.110,2	1.671,2	100	100	100	100	154	150	127	151
II.	Январь—март	1.466	1.924	639,4	897,5	1.224,9	1.793,2	113	106	110	107	159	140	137	146
III.	Апрель—июнь	1.513	1 908	663,2	896,7	1.260,7	1.823,5	117	106	114	109	166	135	155	145
IV.	Июль—сентябрь	1.635	1.917	692,1	923,5	1.327,0	1.879,4	122	109	120	112	158	132	150	142
	В. За год	1.510	1.892	2.559,5	3.565,5	4.922,8	7.167,3	—	—	—	—	160	139	142	146

Примечания: 1) Крупная госпромышленность учитывается ЦОС'ом ВСНХ и составляет около 80% цензовой промышленности.
2) Валовая продукция оценена по методу целых отраслей (валовой оборот отрасли за вычетом потреблен. в ней полуфабрикатов ее производства).
3) Валовая продукция по современным ценам получена переводом из довоенной по средне-месячному промышленному индексу Госплана.
4) Цифры изменены по сравнению с предыдущим годом в связи с пересчетом ЦОС'а продукции и числа рабочих по сквозному ряду предприятий.
5) Цифры за сентябрь 1926 г. предварительные.

Таблица 2

Добыча каменного угля и антрацита за 1924/25 и 1925/26 хоз. годы

№№ по порядку	СРОК	В тысяч. тонн		В %% к начальн. периоду соотв. года		В %% к соответ. периоду предыд. года	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь....	1.583,7	1.915,4	100	100	115	121
2	Ноябрь.....	1.324,5	1.917,5	84	100	91	145
3	Декабрь....	1.396,9	2.092,9	88	109	102	180
4	Январь.....	1.382,1	2.026,0	87	106	99	147
5	Февраль ...	1.446,8	2.115,6	91	110	102	146
6	Март.....	1.465,8	2.226,1	93	118	108	155
7	Апрель.....	1.062,6	2.162,1	67	113	94	203
8	Май.....	1.051,8	1.797,8	66	94	90	171
9	Июнь	1.255,1	1.962,2	79	102	106	156
10	Июль	1.275,3	2.006,4	80	105	95	157
11	Август	1.272,3	1.939,4	80	101	104	152
12	Сентябрь...	1.566,2	2.191,4	99	114	114	140
	Б. За квартал						
I	Октябрь-дек.	4.305,1	5.925,3	100	100	102	138
II	Январь-март.	4.294,7	6.407,7	99,8	108	103	149
III	Апрель-июнь	3.369,5	5.922,1	78	99,9	97	176
IV	Июль-сент...	4.114,2	6.137,2	95	104	105	149
	В. За год...	16.083,5	24.392,8	—	—	102	152

Таблица 3

Добыча нефти за 1924/25 и 1925/26 гг.

№№ по порядку	СРОК	В тысяч. тонн		В %% к начальн. периоду соотв. года		В %% к соответ. периоду предыд. года	
		1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
1	2	3	4	5	6	7	8
	А. За месяц						
1	Октябрь....	580,9	646,9	100	100	126	111
2	Ноябрь.....	556,8	628,2	96	97	121	113
3	Декабрь	517,2	645,1	89	100	107	125
4	Январь	518,6	635,4	89	98	105	123
5	Февраль....	506,4	583,2	87	90	111	115
6	Март.....	574,0	643,9	99	84	119	112
7	Апрель.....	585,0	666,3	101	103	129	114
8	Май.....	621,5	728,4	107	112	132	117
9	Июнь	615,2	738,6	106	114	125	120
10	Июль.....	615,6	758,9	106	117	106	123
11	Август.....	613,4	784,2	106	121	108	128
12	Сентябрь ...	656,0	747,5	112	116	120	114
	Б. За квартал						
I	Октябрь-дек.	1.654,9	1.920,2	100	100	118	116
II	Январь-март.	1.599,0	1.862,5	97	97	112	116
III	Апрель-июнь	1.821,7	2.133,3	110	111	129	117
IV	Июль-сент...	1.885,0	2.290,6	114	119	112	121
	В. За год...	6.960,6	8.206,6	—	—	117	118

Таблица 4

Металлургическое производство за 1924/25 и 1925/26 гг.
(В тоннах)

№№ по порядку	СРОК	Выплавка чугуна						Выплавка мартена						Прокатка металла					
		Абсолютн.		В %% к начальн. периоду соотв. г.		В %% к соотв. периоду предш. г.		Абсолютн.		В %% к начальн. периоду соотв. г.		В %% к соотв. периоду предш. г.		Абсолютн.		В %% к начальн. периоду соотв. г.		В %% к соответ. периоду предш. г	
		1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	А. За месяц																		
1	Октябрь	72.955	159.204	100	100	168	218	131.814	226.670	100	100	159	172	98.008	166.808	100	100	158	170
2	Ноябрь	74.223	153.434	102	96	151	207	121.678	208.265	92	92	142	171	91.631	153.559	93	92	163	168
3	Декабрь	89.278	171.110	122	107	181	192	140.436	216.115	107	95	179	154	101.065	165.416	103	99	198	164
4	Январь	91.113	181.241	125	114	182	199	149.121	233.965	113	103	200	157	109.022	167.968	111	101	243	154
5	Февраль	89.025	163.283	122	103	183	183	141.950	226.685	108	100	189	160	109.500	177.014	112	106	212	162
6	Март	106.747	189.194	146	119	183	177	160.302	263.869	122	116	194	165	112.225	194.111	115	116	196	173
7	Апрель	105.079	190.079	144	119	179	181	148.041	249.689	112	110	196	169	113.902	198 374	116	119	195	174
8	Май	122.752	198.766	168	125	217	162	174.290	250.580	132	111	194	144	131.355	172.829	134	104	204	132
9	Июнь	128.305	196.825	176	124	211	153	174 960	246.968	133	110	211	142	127.780	182.215	130	109	208	143
10	Июль	123.957	191.137	170	120	195	154	157.772	236.912	120	105	207	150	113.655	173.516	116	104	229	153
11	Август	141.477	197.722	194	124	241	140	169.771	251.983	129	111	210	148	128.705	188.288	131	113	238	146
12	Сентябрь	146.600	214.714	201	135	231	146	198.207	279.098	150	123	183	141	153.355	216.406	156	130	194	141
	Б. За квартал																		
I	Октябрь—декабрь	236.456	483.748	100	100	167	205	393.928	651.050	100	100	159	165	290.704	485.783	100	100	172	167
II	Январь—март	286.885	533.718	121	110	183	186	451.373	724.519	115	111	194	161	330.747	539.093	114	111	215	163
III	Апрель—июнь	356.136	585.670	151	121	202	164	497.291	747.237	126	115	201	150	373.037	553.418	128	114	203	148
IV	Июль—сентябрь	412.034	603.573	174	125	222	146	525.750	767.993	133	118	198	146	395.715	578.210	136	119	216	146
	В. За год	1.291.511	2 206.709	—	—	196	171	1.868.342	2.890.799	—	—	188	155	1.390.203	2.156.504	—	—	202	155

Текстильное производство за 1924/25 и 1925/26 гг.

(По материалам ЦОС'а ВСНХ)

№№ по порядку	СРОК	Хлоп.-бум. пряжа [1]						Шерстяная пряжа						Льняная пряжа						Хлоп.-бум. готов. ткани					
		В тоннах		В %% к начальн. пер. соотв. года.		В %% к соотв. пер. предш. года.		В тоннах		В %% к начальн. периоду соответ. года.		В %% к соотв. периоду предш. года.		В тоннах		В %% к начальн. периоду соответ. года.		В %% к соотв. периоду предш. года.		В тыс. метр.		В %% к начальн. периоду соответ. года.		В %% к соответ. периоду предш. года.	
		1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
	А. За месяц																								
1	Октябрь...	14.116	22.071	100	100	178	156	2.336	3.038	100	100	141	130	4.296	5.101	100	100	118	119	114.083	175.358	100	100	179	154
2	Ноябрь....	12.284	19.918	87	90	166	162	2.051	2.719	88	89	125	133	3.516	4.593	82	90	107	131	101.532	157.900	89	90	172	156
3	Декабрь...	13.928	21.403	99	97	197	154	2.290	3.009	98	99	144	131	3.824	5.205	89	102	128	136	120.902	170.204	106	97	217	141
4	Январь. ...	14.570	20.159	103	91	183	138	2.308	2.756	99	91	143	119	4.015	5.260	93	103	126	131	122.436	163.160	107	93	206	133
5	Февраль...	14.814	20.809	105	94	174	140	2.317	2.868	99	94	132	124	4.084	5.623	95	110	120	138	126.664	169.413	108	97	187	137
6	Март.....	15.213	19.871	108	90	188	131	2.300	2.872	98	95	149	125	4.170	5.793	97	114	137	139	127.338	174.603	112	99,6	189	137
7	Апрель. ...	15.846	20.945	112	95	195	132	2.252	2.918	96	96	149	130	4.072	6.380	95	125	130	157	130.985	182.498	115	104	195	139
8	Май.	15.900	17.405	113	79	181	109	2.255	2.425	96	80	139	108	3.920	5.095	91	99,9	125	130	128.825	139.356	113	79	166	108
9	Июнь	17.644	20.486	125	93	202	116	2.327	2.588	99	85	157	111	3.912	5.622	91	110	127	144	138.790	178.329	122	102	180	128
10	Июль.....	12.865	14.030	91	64	184	109	1.983	1.876	85	62	172	95	3.090	3.869	72	76	178	125	100.790	128.851	88	73	149	128
11	Август	17.106	20.328	121	92	172	123	2.362	2.560	101	84	140	108	3.867	5.697	90	112	134	147	125.303	171.260	110	98	171	137
12	Сентябрь. .	20.769	22.974	147	104	170	111	2.884	3.304	123	109	139	115	4.770	6.530	111	128	133	137	164.372	208.138	144	119	165	127
	Б. За квартал																								
I	Окт.—дек..	40.328	63.392	100	100	180	157	6.677	8.766	100	100	137	131	11.636	14.899	100	100	117	128	336.517	503.462	100	100	190	150
II	Янв.—март	44.597	60.839	111	96	181	136	6.925	8.496	104	97	141	123	12.269	16.676	105	112	127	136	373.438	507.176	111	100,7	192	136
III	Апр.—июнь	49.390	58.836	122	93	192	119	6.834	7.931	102	90	148	116	11.904	17.097	102	115	127	144	398.600	500.183	118	99,3	180	125
IV	Июль—окт.	50.740	57.332	126	90	174	113	7.229	7.740	108	88	147	107	11.727	16.096	101	108	143	137	390.465	508.249	116	101,0	162	130
	В. За год...	185.055	240.399	—	—	182	130	27.665	32.933	—	—	143	119	47.536	64.768	—	—	128	136	1.499.020	2.019.204	—	—	179	135

[1] Данные отличаются от публикуемых в бюллетенях ЦОС'а ВСНХ, так как для возможности сравнения с предыдущими годами мы даем пряжу прядильную и угарно-вигоньевую, тогда как ЦОС за последние 2 года дает в динамических таблицах лишь прядильную.

Таблица 1

Отдел III. ТРУД

Заработная плата промышленных рабочих и работников жел.-дор. транспорта в 1925/26 г.

В червонных рублях и копейках

Производствен. группы и службы	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
1	2		4	5	6	7	8	9	10
I. Рабочие крупной промышленности									
А. Месячная в руб.									
По металлообрабат.	60,74	57,53	60,37	58,56	59,48	62,43	66,36	61,14	64,09
„ текстильной	46,29	41,79	43,79	41,40	42,93	43,54	48,52	42,45	45,63
„ горной	51,62	48 94	50,59	48,76	47,86	52,25	52,61	49,81	53,07
„ химической	53,22	50,28	52,66	50,31	51,77	53,03	56,71	53,38	54,00
„ кожевенной	68,10	62,67	64,12	65,22	67,40	68,63	74,16	72,10	71,79
„ полиграфической	78,94	75,70	78,66	74,84	73,66	74,92	81,70	75,66	76,50
„ пищевкусовой	63,99	62,67	67,34	60,62	61,33	63,00	66,58	66,89	62,82
„ писчебумажной	50,86	47,78	50,13	47,81	47,04	51,19	51,69	51,43	51,88
„ деревообделочной	57,80	52,92	51,56	48,93	49,25	50,31	54,98	49,85	51.84
„ всей промышл.	53,75	50,29	52,38	50,24	50,90	53,12	56,81	52,19	54,50
Б. Дневная в коп.									
По металлообрабат.	247,1	261,4	261,4	270,3	274,2	281,0	276,4	275,4	278,4
„ текстильной	186,6	192,9	192,1	192,2	197,6	200,0	207,8	208,3	203,0
„ горной	209,7	219,3	214,8	218,9	219,5	226,6	224,1	226,5	230,7
„ химической	214,3	229,4	226,6	234,3	238,7	236,9	238,6	246,4	241,8
„ кожевенной	276,8	289,0	282,3	303,6	311,9	306,3	304,2	321,5	326,4
„ полиграфической	315,4	344,2	336,6	339,0	332,3	328,1	325,6	331,9	335,5
„ пищевкусовой	260,7	289,4	288,3	284,4	282,4	283,4	278,3	289,5	267,8
„ писчебумажной	205,2	208,4	213,1	213,2	213,4	223,3	213,4	230,8	22,64
„ деревообделочной	225,9	235,7	219,7	225,1	231,3	226,6	219,5	228,3	229,8
„ всей промышл.	217,3	228,8	226,9	231,3	234,0	238,1	239,1	240,8	239,1
II. Работники жел.-дор. транспорта									
А. Месячная в руб.									
Управление	81,75	86,42	90,01	87,34	86,80	86,85	88,67	89,83	89,73
Тяга	70,79	69,99	70,44	70,68	70,97	73,00	75,44	74,03	73,90
Путь	43,14	42,26	43,16	43,13	43,77	43,82	45,15	45,32	44,89
Движение	49,79	51,64	51,17	52,27	51.24	52,74	52,40	54,41	54,85
Связь	53,59	54,47	54,66	54,87	54,95	55,89	58,07	60,25	62,20
По всем службам	58,16	58,46	59,10	59,29	59,28	60,52	61,96	62,01	62,00

Примечание: Таблица составлена по данным ЦБСТ и ЦСК НКПС. Данные по заработной плате рабочих охватывают крупную промышленность (предприятия с числом рабочих в 250 чел. и выше).

Таблица 2

Заработная плата промышленных рабочих и работников жел.-дор. транспорта в 1925/26 г.

В условных московских рублях и копейках

Производствен. группы и службы	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Рабочие крупной промышленности									
А. Месячная в руб.									
По металлообрабат.	35,23	32,64	33,70	31,91	31,66	32,35	33,00	30,98	33,12
„ текстильной	25,63	22,81	23,36	21,38	21,75	21,60	23,16	20,31	22,17
„ горной	30,77	28,79	28,37	27,95	27,03	28,61	28,93	28,15	30,46
„ химической	30,74	28,47	29,44	27,21	27,43	27,18	27,98	26,73	27,75
„ кожевенной	39,78	35,58	35,64	35,42	36,03	35,00	35,99	36,18	36,51
„ полиграфической	41,32	38,35	39,72	37,42	35,90	34,92	35.98	34,29	35,22
„ пищевкусовой	34,68	32,81	35,24	31,25	30,84	30,25	30,81	31.34	29,85
„ писчебумажной	31,36	29,70	29,91	27,28	26,68	28,14	27,36	27,48	28,12
„ деревообделочной	33,14	30.25	29,17	26,99	26,22	25,65	27,29	25,07	26,85
„ всей промышл.	30,83	28,31	28,84	27,09	26,88	27,30	28,25	26,41	28,09
Б. Дневная в коп.									
По металлообрабат.	143,3	148,3	145,9	147.2	145,9	145,6	137,4	139,7	144,3
„ текстильной	103.3	105,2	102,5	99,3	100,1	99,3	99,2	99,6	98,8
„ горной	125,6	129,9	121,4	125,7	124,3	124,7	123,5	128,5	132,6
„ химической	123,7	129,9	126,7	126,7	126,4	121,4	117,5	123,8	124,5
„ кожевенной	161,6	164,0	156,9	164,9	166.6	156,2	147,4	160,4	164,9
„ полиграфической	165,2	174,4	170,0	169,4	161,9	153,0	143,4	150,1	154,4
„ пищевкусовой	140,2	151,0	152,1	146,6	142,0	136,1	128,7	135,8	128.9
„ писчебумажной	126,4	129,5	127,1	121,6	121,1	122,7	112,9	123,3	123,1
„ деревообделочной	129,7	134,6	124,4	124,1	123,1	115,3	108,7	114,8	119,5
„ всей промышл.	124,6	128,9	125,0	124,7	123,9	122,5	118,9	121,8	123,3
II. Работники жел.-дор. транспорта									
А. Месячная в руб.									
Управление	48,56	49,62	51,25	48,06	47,03	45,67	43,91	46,74	47,34
Тяга	44,24	42,55	42,28	40.89	40,44	40,80	40,44	40,85	41,63
Путь	27,40	26,16	26,38	25,38	25,43	25,15	24,68	25,56	25,68
Движение	31,10	31,43	30,82	30,29	29,29	29,60	28,19	30,18	30,86
Связь	33,51	33,14	32,91	31,81	31,42	31,44	31,28	33,50	34,99
По всем службам	36,33	35,52	36,48	34,30	33,81	33,90	33,19	34,26	34,85

Примечание: См. таблицу 1.

Таблица 1

Отдел IV. ТРАНСПОРТ

Месячные показатели грузооборота, средне-суточной погрузки и валового дохода железных дорог

Периоды наблюдения	Перевозка всех грузов в коммерч. движении	Общий пробег всех грузов	Средне-суточная погрузка	Перевозка чисто-коммерч. грузов	Пробег чисто-коммерч. грузов	Перевезено отдельных чисто-коммерческих грузов						Валовой доход
						Хлеб	Каменый уголь	Нефть	Дрова	Лесные матер.	Прочие грузы	
	тыс. тонн	милл. тонн.-клм.	тыс. вагон.	тыс. тонн	милл. тонн.-клм	В тысячах тонн						тыс. чер. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1924/25 год												
Октябрь—декабрь	6.769	3.664	16.344	5.385	3.181	849	1.349	324	1.011	544	2.655	72.653
Январь—март	6.311	3.871	16.374	4.700	3.308	903	1.076	372	1.019	648	2.292	72.402
Апрель—июнь	6.576	3.824	16.641	4.955	3.233	793	918	495	508	996	2.889	78.988
Июль—сентябрь	8.139	4.453	20.172	6.124	3.680	987	1.508	477	646	1.059	3.462	93.808
В среднем за 1924/25 г.	6.954	3.953	17.398	5.290	3.334	883	1.213	418	796	812	2.833	79.463
1925/26 год												
Октябрь—декабрь	9.752	5.391	24.053	8.096	4.698	1.342	1.714	449	934	706	4.608	104.973
Январь—март	9.516	5.885	23.640	7.752	5.105	1.383	1.873	498	1.376	795	3.592	109.077
Апрель	10.181	6.277	24.624	8.085	5.321	1.389	1.884	441	1.253	1.290	3.975	111.663
Май	8.588	5.391	20.736	6.568	4.458	900	1.722	427	634	1.222	3.683	105.548
Июнь	(9.054)	(5.451)	22.986	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июль	(9.533)	(5.794)	23.362	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Август	(10.233)	—	24.866	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечания: 1) 1924/25 г. по окончательным данным, согласованным с „Ежегодником за 1924/25 операцион. год".
2) Данные „Ежемес. Бюллет. Трансп. Стат. ЦСК".
3) Данные в скобках предварительные.

Отдел V. ТОВАРООБОРОТ *Таблица 2*

Динамика торговой сети СССР по данным о выборке торговых патентов за 1922 — 1925/26 гг.
(Города и поселения городского типа)

Секторы и периоды торговли	Разряды торговых заведений I	II	III	IV	V	Итого I—V Абс.	%%	В т. ч. беспл. патенты	Число возвр. патентов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Государственный									
1. Июль—дек. 1922 г. .	243	414	2.917	1.810	1.141	6.525	100,0	не было	нет сведен.
2. Янв.—март 1923 г. .	18	249	2.823	2.592	1.493	7.175	109,9		
3. Апр.—сент. 1923 г. .	368	1.032	3.904	3.738	2.819	11.861	181,8		
4. Окт.—март 1923/24 г.	1.668	716	4.523	4.160	3.477	14.544	222,9		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	2.228	1.518	5.861	5.116	4.113	18.836	288,7	698	
В средн. за 1923/24 г.	1.948	1.117	5.192	4.638	3.795	16.690	255,8	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	3.674	3.077	7.586	6.038	4.739	25.114	384,9	1.415	431
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	726	2.526	7.871	7.181	5.470	23.774	364.3	2.255	743
В средн. за 1924/25 г.	2.200	2.801	7.728	6.609	5.104	24.442	374,6	1.835	587
8. Окт.—март 1925/26 г.	323	2.542	8.028	7.805	6.618	25.316	387,0	3.150	нетсв.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	383	3.096	8.302	8.629	7.385	27.795	426,0	3.526	
В средн. за 1925/26 г.	353	2.818	8.165	8.217	7.002	26.555	407,0	3.338	
II. Кооперативный									
1. Июль—дек. 1922 г. .	877	882	9.740	2.029	441	13.969	100,0	не было	нет сведен.
2. Янв.—март 1923 г. .	49	589	7.029	2.447	588	10.702	76,6		
3. Апр.—сент. 1923 г. .	144	674	7.397	3.328	1.237	12.780	91,1		
4. Окт.—март 1923/24 г.	152	1.098	7.383	3.383	1.245	13.261	94,9		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	595	2.561	13.944	4.732	1.832	23.664	169,4	6.166	883
В средн. за 1923/24 г.	373	1.829	10.664	4.058	1.538	18.462	132,2	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	658	4.532	18.759	6.225	2.493	32.667	233,8	8.673	1.302
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	1.397	5.876	19.875	7.317	3.147	37.612	269,2	10.484	2.085
В средн. за 1924/25 г.	1.027	5.203	19.317	6.770	2.820	35.137	251,5	9.578	1.694
8. Окт.—март 1925/26 г.	467	4.961	18.691	7.944	3.956	36.019	257,8	7.724	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	465	4.978	18.616	8.269	4.724	37.052	265,2	8.385	
В средн. за 1925/26 г.	466	4.969	18.654	8.106	4.340	36.535	261,5	8.055	
III. Частный									
1. Июль—дек. 1922 г. .	116.295	227.421	79.354	10.489	1.701	435.260	100,0	не было	нет сведен.
2. Янв.—март 1923 г. .	51.898	162.812	89.327	9.532	1.739	315.308	72,4		
3. Апр.—сент. 1923 г. .	88.044	188.204	104.327	12.980	2.909	396.464	91,1		
4. Окт.—март 1923/24 г.	51.418	150.607	93.688	10.389	1.967	308.069	70,8		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	64.723	160.401	99.919	11.372	2.258	338.673	77,8	12.248	44.851
В средн. за 1923/24 г.	58.070	155.504	96.803	10.880	2.113	323.370	74,3	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	64.537	140.314	79.499	7.521	1.485	293.356	67,4	15.772	27.903
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	77.343	152.604	77.799	8.118	1.863	317.727	73,0	23.476	2.6609
В средн. за 1924/25 г.	70.940	146.459	78.649	7.820	1.674	305.542	70.2	19.624	27.256
8. Окт.—март 1925/26 г.	71.432	169.893	90.051	11.300	3.130	345.806	79,3	29.165	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	94.761	155.140	94.368	12.302	3.344	359.915	82.7	51.566	
В средн. за 1925/26 г.	83.096	162.517	92.209	11.801	3.237	352.861	81,1	40.365	
IV. Вся торговля									
1. Июль—дек. 1922 г. .	117.415	228.717	92.011	14.328	3.283	455,754	100,0	не было	нет сведен.
2. Янв.—март 1923 г. .	51.965	163.650	99.179	14.571	3.820	333.185	73,1		
3. Апр.—сент. 1923 г. .	88.556	189.910	115.628	20.046	6.965	421.105	92,4		
4. Окт.—март 1923/24 г.	53 238	152.421	105.594	17.932	6.689	335.874	73,7		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	67.546	164.480	119.724	21.220	8.203	381.173	83,6	19.112	46.457
В средн. за 1923/24 г.	60.392	158.450	112.659	19.576	7.446	358.523	82,7	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	68.869	147.923	105.844	19.784	8.717	351.137	77,0	25.860	29.636
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	79.466	161.006	105.545	22.616	10.480	379.113	83,2	36.215	29.437
В средн. за 1924/25 г.	74.168	154.464	105.694	21.199	9.649	365.124	80,1	31.037	29.537
8. Окт.—март 1925/26 г.	72.222	177.396	116.770	27.049	13.704	407.141	89,5	40.039	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	95.609	163.214	121.286	29.200	15.453	424.762	93,2	63.477	
В средн. за 1925/26 г.	83.915	170.305	119.028	28.125	14.578	415.951	91,3	51.753	—

Таблица 2

Динамика торговой сети СССР по данным о выборке торговых патентов за 1922 — 1925/26 гг.
(Сельская торговля)

Секторы и периоды торговли	Разряды торговых заведений I	II	III	IV	V	Итого I—V Абс.	%%	В т. ч. беспл. патенты	Число возвр. патентов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Государственный									
1. Июль—дек. 1922 г. . .	60	55	414	109	47	685	100,0	не было	нет свед.
2. Янв.—март 1923 г. . . .	1	106	823	207	68	1.205	175,9		
3. Апрель—сент 1923 г.	—	96	1.196	407	182	1.881	274,6		
4. Окт.—март 1923/24 г.	45	166	2.006	472	195	2.884	421,0		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	37	231	1.837	613	293	3.011	438,1	100	173
В средн. за 1923/24 г.	41	199	1.922	543	244	2.949	430,5	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	35	278	2.039	882	325	3.559	519,6	262	154
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	30	624	2.362	1.513	331	4.860	709,5	663	70
В средн. за 1924/25 г.	33	451	2.201	1.198	328	4.211	614,7	463	112
8. Окт.—март 1925/26 г.	54	480	3.168	4.067	505	8.274	1207,9	835	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	308	718	3.675	15.219	686	20.606	3008,1	1.123	„ „
В средн. за 1925/26 г.	181	599	3.422	9.643	595	14.440	2108,0	979	—
II. Кооперативный									
1. Июль—дек. 1922 г...	1.472	750	7.025	422	38	9.707	100,0	не было	нет свед.
2. Янв.—март 1923 г...	24	962	15.459	504	61	17.010	175,2		
3. Апр.—сент. 1923 г...	77	1.283	19.051	818	136	21.365	220,1		
4. Окт.—март 1923/24 г.	91	1.968	18.620	1.019	137	21.835	224,9		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	408	3.951	35.228	1.835	318	41.740	430,0	24.934	611
В средн. за 1923/24 г.	250	2.960	26.924	1.427	228	31.789	327,5	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	429	5.914	50.220	3 191	616	60.370	621,9	35.925	1.753
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	470	6.179	60.916	4.650	708	72.923	751,2	37.704	697
В средн. за 1924/25 г.	450	6.047	55.568	3.921	662	66.648	686,6	36.815	1.225
8. Окт.—март 1925/26 г.	375	5.194	64.025	8.248	1.220	79.062	814,5	37.086	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	519	4.754	73.584	11.188	1.410	91.455	942,1	46.654	„ „
В средн. за 1925/26 г.	447	4.974	68.805	9.718	1.315	85.259	878,3	41.870	
III. Частный									
1. Июль—дек. 1922 г...	26.246	50.310	14.692	708	85	92.041	100,0	не было	нет свед.
2. Янв.—март 1923 г. . .	19.293	53.770	24.108	1.017	158	98.346	106,8		
3. Апр.—сент. 1923 г...	35.066	68.371	29.638	2.221	628	135.924	147,7		
4. Окт.—март 1923/24 г.	22.322	59.114	25.179	1.450	248	108.313	117,7		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	24.905	59.969	27.863	1.935	240	114.912	124,8	4.248	11.214
В средн. за 1923/24 г.	23.614	59.542	26.521	1.693	244	111.614	121,3		
6. Окт.—март 1924/25 г.	31.040	70.516	24.911	1.983	319	128 769	139,9	5.659	12.612
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	39.710	80.886	31.673	2.823	347	155.439	168,9	6.820	3.666
В средн. за 1924/25 г.	35.375	75.701	28.292	2.403	333	142.104	154,4	6.240	8.139
8. Окт.—март 1925/26 г.	47.044	123.899	49.172	5.425	779	226.319	245,9	8.575	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	63.680	136.811	60.787	6.707	744	268.729	292,0	12.877	„ „
В средн. за 1925/26 г.	55.362	130.355	54.979	6.066	762	247.524	268,9	10.726	
IV. Вся торговля									
1. Июль—дек. 1922 г...	27.778	51.115	22.131	1.239	170	102.433	100,0	не было	нет свед.
2. Янв.—март 1923 г...	19.318	54.838	40.390	1.728	287	116.561	113,8		
3. Апр.—сент. 1923 г. .	35.143	69.750	49.885	3.446	946	159.170	155,4		
4. Окт.—март 1923/24 г.	22.458	61.248	45.805	2.941	580	130.032	129,9		
5. Апр.—сент. 1923/24 г.	25.350	64.151	64.928	4.383	851	159.663	155,9	29.282	11.998
В средн. за 1923/24 г.	23.904	62.700	55.367	3.662	716	146.349	142.9	—	—
6. Окт.—март 1924/25 г.	31.504	76.708	77,170	6.056	1.260	192.698	188,1	41.846	14.519
7. Апр.—сент. 1924/25 г.	40.210	87.689	94.951	8.986	1.386	233.222	227,7	45.187	4.433
В средн. за 1924/25 г.	35.857	82.199	86.061	7.522	1.323	212.962	207,9	43.517	9.476
8 Окт.—март 1925/26 г.	47.473	129.573	116.365	17.740	2.504	313.655	306,2	46.496	нет св.
9. Апр.—сент. 1925/26 г.	64 507	142.283	138.046	33.114	2.840	380.790	371,7	60.654	„ „
В средн. за 1925/26 г.	55.990	135.928	127.206	25.427	2.672	347.223	339,0	53.575	

Таблица 1

Отдел VI—IX. ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ИНДЕКСЫ ЦЕН И ЦЕНЫ

Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за август и сентябрь 1926 г.
(В милл. черв. рублей)

Наименование показателей	Август	Сентябрь	Всего или в среднем за 1925/26 г.	В %% к одноименному сроку 1924/25 г. Август	Сентябрь	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7
I. Финансы						
Обыкновенные доходы	323,5	—	3.685,5	160	—	143
В том числе:						
1) прямые налоги	36,3	—	623,2	198	—	106
2) косвенные налоги	104,2	—	973,5	172	—	162
3) пошлины	12,2	—	149,5	111	—	129
4) неналоговые доходы	170,8	—	1.939,4	151	—	153
В том числе по п. 4:						
НКПС.	108,9	—	1.277,6	136	—	143
НКПиТ	11,3	—	133,9	136	—	144
II. Кредит						
Сумма вкладов и текущих счетов по Госбанку и 4 акц. банкам на конец месяца.	824,9	868,3	842,8	116	101	143
Остаток задолженности по учет.-ссудн. операциям по Госбанку и 4 акц. банкам на конец месяца	2.311,7	2.536,4	2.203,3	142	135	175
III. Денежное обращение						
Денежная масса на конец месяца						
в черв. рубл.	1.274,6	1.343,1	1.237,6	126	117	155
в тов. рубл.	708,5	751,2	666,8	120	114	150
Эмиссия за месяц						
в черв. рубл.	40,7	68,5	200,2	38	54	39
в тов. рубл.	22,5	38,2	111,6	39	52	38

Примечание: Данные предварительные.

Таблица 3

Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и оптовый индекс Госплана в 1925/26 и 1926/27 гг. (1913 = 100)

Даты	Общий индекс		Сел.-хоз. индекс		Промышл. индекс		Отношение к общему индексу				Отношение промышл. индекса к сел.-хоз. („ножницы“)	
							Сел.-хоз.		Промышл.			
	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Оптов.	Бюдж.	Опт.	Бюдж.	Опт.	Бюдж.	Оптов.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. На отдельные числа месяца												
1 октября 1926 г.	220,2	178,8	203,9	156,6	249,2	204,1	93	88	113	114	122	130
11 „	—	178,7	—	156,6	—	203,8	—	88	—	114	—	130
15 „	219,3	—	202,5	—	249,2	—	92	—	114	—	123	—
21 „	—	178,0	—	155,4	—	203,8	—	87	—	114	—	131
1 ноября	—	178,2	—	155,8	—	203,7	—	87	—	114	—	131
Б. В среднем за месяц												
Октябрь 1926 г.	—	178,4	—	156,1	—	203,8	—	88	—	114	—	131
В. В среднем за квартал												
Июль—сентябрь 1926 г.	223,9	180,6	210,6	160,1	247,5	203,6	94	89	111	113	118	127
Г. В среднем за год												
1924/25.	202,0	179,2	187,5	166,9	228,3	192,4	93	93	113	107	122	115
1925/26.	220,2	185,6	209,0	171,3	240,1	200,9	95	92	109	108	115	117

Таблица 3

Покупательная сила червонца в товарных рублях в 1925/26 и 1926/27 гг.

Даты	В рублях			В %% к одноименн. сроку предшеств. года		
	По бюджетному индексу		По оптовому индексу Госплана	По бюджетному индексу		По оптовому индексу Госплана
	Московскому	Всесоюзному		Московскому	Всесоюзному	
1	2	3	4	5	6	7
А. На отдельные числа месяца						
1 октября	4,64	4,54	5,59	87,5	87,3	97,4
11 „	—	—	5,60	—	—	97,9
15 „	4,60	—	—	89,3	—	—
21 „	—	—	5,62	—	—	98.9
1 ноября	4,67	—	5,61	92,3	—	98,4
Б. В среднем за месяц						
Октябрь	4.62	—	5,61	89,5	—	98,2
В. В среднем за квартал						
Июль—сентябрь	4,48	4,47	5,54	87,2	86,6	97,9
Г. В среднем за год						
1924/25	5,09	4,96	5.59	99,4	96,3	94,7
1925/26	4,61	4.54	5,39	90,6	91,5	96,4

Исправление в настоящем номере:

В статье В. Г. Громана „Баланс народного хозяйства", на стр. 79, в числе социальных форм хозяйства ошибочно приводится „мелко-товарная" форма. Следует читать „простая товарная".

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 г.

НА ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ГОСПЛАНА СССР

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Москва 19, Воздвиженка, 5, тел. 1-35-42.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1927 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Журнал ставит своей задачей в обстановке борьбы планового социалистического начала со стихией рынка твердой рукой проводить классовую пролетарскую линию, намечаемую руководящими органами партии, освещая вопросы экономики и экономической политики с точки зрения ленинизма.

Журнал предназначается не только для квалифицированных экономистов, но и для всего партийного и советского актива, борющегося на передовых позициях нашего хозяйственного фронта.

В журнале имеются следующие отделы:

1. **Экономика и экономическая политика.** Руководящие статьи по основным вопросам экономической политики, теории и практики планового хозяйства, экономические исследования и пр.
2. **За советским рубежом.** Статьи и обзоры по мировой экономике.
3. **Экономика и техника.** Энергетика. Наши реконструктивные достижения. Новейшие достижения техники как иностранной, так и союзной и пр.
4. **По районам.** Статьи по вопросам экономического развития районов. Районирование.
5. **Критика и библиография.** Систематические обзоры вновь выходящей экономической литературы.
6. **Статистика.** Статистические исследования. Статистический бюллетень народного хозяйствaа СССР под редакцией С. Г. Струмилина. Статистический бюллетень мирового хозяйства под ред. С. А. Фалькнера.

Журнал выходит ежемесячно книгами в 18—20 печатных листов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ на 1927 г.:

На 12 мес. в пер.—24 руб. С приложениями—59 руб.
„ „ „ б/пер.—20 „ „ „ —55 „
На 6 мес. в пер.—13 руб. С приложениями—48 руб.
„ „ „ б/пер.—11 „ „ „ —46 „

В 1927 году к журналу „Плановое Хозяйство“ будут даны следующие приложения:

1. Народное хозяйство СССР в 1924—26 гг.
Под редакц. Г. М. Кржижановского, В. А. Базарова, С. В. Бериштейн-Когана, Б. Б. Веселовского, В. Г. Громана, Н. А. Ковалевского, С. А. Мендельсона, С. Г. Струмилина и Г. В. Шуба. Разм. 40 п. л. Ц. 7 р.

2. Мировое хозяйство в 1925/26 г.
Обзор под редакц. А. С. Мендельсона, С. А. Фалькнера, и Л. С. Эвентова. Том в 20—25 п. л. Ц. 4 р.

3. Экономико-географические очерки СССР.
Под редакц. проф. С. Г. Григорьева, К. Д. Егорова, В. А. Каменецкого и А. М. Михайлова. 17 книг, об'емом в 120 п. л. Ц. 13 р.

I. Районы Европейской части СССР.
Вып. 1. Северо-Западный район.
Вып. 2. Северо-Восточный район.
Вып. 3. Белорусская ССР и Западный район.
Вып. 4. Центрально-Промышленный район.
Вып. 5. Центр.-Черноземный район.
Вып. 6. Средне-Волжский район.
Вып. 7. Нижне-Волжский район.
Вып. 8. Вятско-Ветлужский район.
Вып. 9. Крым.
Вып. 10. Украина.
Вып. 11. Урал.

II. Кавказ.

III. Северная Азия.
Вып. 1. Обский, Кузнецко-Алтайский и Енисейский районы.
Вып. 2. Дальне-Восточный и Ленско-Байкальский районы.
Вып. 3. Якутская АССР.

IV. Средняя Азия.
Вып. 1. Казакская АССР (Западный, Восточный и Южный районы Казакстана).
Вып. 2. Средне-Азиатские республики (Узбекская ССР и Туркменская ССР).

4. Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 год.
Том в 30 печатных листов. Ц. 5 р.

5. Перспективный пятилетний план народного хозяйства.
Размер 50 п. л. Ц. 6 р.

В розничной продаже цена перечисленных приложений будет выше приблизительно на 40%.

Читатели, подписавшиеся на „Плановое Хозяйство“ со всеми приложениями и оплатившие единовременно полностью подписку, получают скидку в 10% с полной суммы стоимости этой подписки при непосредственном обращении в Издательство или его отделения.

Цена журнала „Плановое Хозяйство“ без переплета со всеми приложениями 55 р., со скидкой в 10%—49 р. 50 к.

Цена журнала „Плановое Хозяйство“ в переплете со всеми приложениями 59 р., со скидкой в 10%—53 р. — к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАНА СССР

Москва 19, Воздвиженка, 5, тел. 1-35-42.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„ОБЗОР СОЮЗНОЙ и ИНОСТРАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ“

Под редакцией А. М. Михайлова и М. И. Спектатора.

Обилие центральной и местной союзной прессы, незнакомство с иностранными языками и, часто, отсутствие на местах иностранной прессы не дают возможности экономисту, занятому хозяйственнику, советскому и партийному работнику, вузовцу, а особенно провинциальному работнику ознакомиться с содержанием всех центральных и местных газет и журналов СССР и заграничной прессы.

„Обзор союзной и иностранной экономической прессы“ дает в короткой и ясной форме обзор всей центральной и местной союзной прессы, а также и иностранной, по важнейшим проблемам.

Обзор включает отделы:

1. Экономика и экономополитика. 2. Экономика и техника. 3. Районное хозяйство (по районам Госплана). 4. Мировая экономика в союзной прессе. 5. Мировая экономика (по иностранной прессе). 6. Экономика отдельных стран.

В номерах, изданных в 1926 году, освещено было до 3000 статей из союзной прессы и 500 статей из иностранной.

В 1927 году будет расширен об'ем освещаемых вопросов по иностранной прессе.

Допускается подписка на те же приложения, что и к журналу „Плановое Хозяйство“.

Подписная цена на „Обзор Союзной и Иностранной Экономической Прессы“:

На 1 год—13 руб., на 6 мес.—7 руб. 50 коп. Со всеми приложениями—48 р.
Со скидкой в 10% (при единовременной полной оплате) на 1 год—43 р. 20 к.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

„ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ГОСПЛАНА СССР“

Под редакцией З. Миндлина.

Основная цель бюллетеня — выявлять практику планирования, выражающуюся как в решениях Президиума Госплана, так и в предварительной проработке отдельных его секций и комиссий.

В статьях и информации о работе Президиума отражаются решения Госплана по основным вопросам текущей экономической политики.

В информации о работе секций освещаются преимущественно методы и подходы к решению как вопроса планирования народного хозяйства в целом, так и отдельных его отраслей.

Допускается подписка на те же приложения, что и к журналу „Плановое Хозяйство“.

Подписная цена на „ИНФОРМБЮЛЛЕТЕНЬ“:

Без приложений на 1 год—5 руб., на 6 мес.—3 руб. Со всеми приложениями—40 руб. Со скидкой 10% (при единовременной оплате) на 1 год—36 р.

Для заграницы подписная цена на все журналы и на приложения повышается на 50%

Подписка принимается: в Изд-ве Госплана СССР „Плановое Хозяйство“ — Москва 19, Воздвиженка, 5, тел. 2-30-85 до 89, доб. 161 и 1-35-42, и в отделениях Издательства:

1. По Северо-Западной Области — Ленинград, Проспект 25 Октября, 19, телеф. 4-90-69.
2. По Украине — Харьков, Пушкинская, 41, тел. 85.
3. По Северо-Кавказскому Краю и Закавказью — Ростов-Дон, Пр. Семашко, 35, т. 32-89.
4. По Сибири и Дальнему Востоку—1) Иркутск, 6 Красноармейская, 1, и 2) Хабаровск.
5. По Уральской Области — Свердловск, ул. Малышева, 56.
6. По Крыму — Симферополь, ул. Троцкого, 2.
7. По БССР — г. Минск, Советская, 61.
8. По Средней Азии — Ташкент. Изд-во Ср.-Аз. Коммунистического Университета, и у уполномоченных, снабженных специальными удостоверениями.

За исполнение заказов на наши периодические издания, принятые агентами других издательств, а также посредническими конторами, Изд-во ответственности не несет.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

Москва 19, Воздвиженка, 5. Телеф. 1-35-42.

Новые издания

И. Г. Александров. „Днепрострой“, М. 1927 г.

И. Либин. Рентабельность строительства. Предисл. Л. Бернацкого. М. 1927 г. Ц. 55 к.

И. Смилга. Восстановительный процесс (пять лет новой экономической политики). М. 1927 г. Ц. 3 р.

Официальные издания

Временные технические условия и нормы проектирования и возведения железобетонных сооружений. II изд. Ц. 1 р. 20 к.

Временные нормы расхода строительных материалов по Урочному Положению для плотничных, каменных и штукатурных работ с соответствующими изменениями и дополнениями Урочного Положения. II изд. Ц. 20 к.

Временные на 1926 г. поправочные коэффициенты к нормам затраты рабочей силы по Урочному Положению для строительных работ и изменения и дополнения Урочного Положения. II изд. Ц. 15 к.

Примерные нормы для расчета и проектирования конструкций, применяемых в жилищном строительстве.